АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

«БАЛЛАДА О ДРАКОНЕ»

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

«ЦВЕТА ПЕРЕМИРИЯ»

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

«ОДНОГЛАЗЫЙ ОРФЕЙ»

МАРИЯ ГАЛИНА

«ЛЮТНЯ И ВСЕ ТАКОЕ»

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

«МЫ ВСЕГДА В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО...»

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

«ВЕСЕЛЫЙ, ПРОСТОДУШНЫЙ, БЕССЕРДЕЧНЫЙ»

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

«ОККУПАНТЫ»

СЕРГЕЙ ЛЕГЕЗА

«ИГРЫ ВСЕРЬЕЗ»

ВЕДЬМАЧЬИ ЛЕГЕНДЫ

АНТОЛОГИЯ-ТРИБЬЮТ АНДЖЕЮ САПКОВСКОМУ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 26

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

В 26 **Ведьмачьи** легенды : сборник фантастических рассказов / Андрей Белянин, Михаил Успенский, Мария Галина и др. — М. : Эксмо, 2014. — 480 с. — (Книга-фантазия).

ISBN 978-5-699-68657-5

Придуманный Анджеем Сапковским мир ведьмака Геральта давно уже стал родным для сотен тысяч читателей из разных стран. Да и сам Сапковский — живая легенда для многих поколений.

И вот весной 2012 года родилась уникальная идея международного сборника. С ведома самого Сапковского польский издатель пригласил ведущих российских и украинских фантастов принять участие в создании рассказов о мире ведьмака! Книга была опубликована через год и стала сенсацией в Польше. Теперь «Ведьмачьи легенды» выходят на русском!

Прямые продолжения уже известных историй — и неожиданные вариации на ведьмачью тему. Киберпанк, юмористическая фантастика, военная мистика, морские приключения... Высокая трагедия, бешеная динамика, убийственная ирония. Восемь историй, которые придутся по вкусу как фанатам, так и тем, кто никогда не слышал о ведьмаке Геральте.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Л. Кудрявцев, 2013
© В. Васильев, 2013
© М. Успенский, 2013
© М. Галина, 2013
© А. Белянин, 2013
© В. Аренев, 2013
© А. Золотько, 2013
© С. Легеза, 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-68657-5

Дорогой читатель!

Мы рады представить тебе книгу необычную, во многом уникальную.

У этого сборника непростая история. Его задумали в 2012 году польский издатель Войтек Седенько и любитель русской фантастики Павел Лауданьский. Именно они предложили четырем российским и четырем украинским авторам сочинить истории, действие которых происходило бы в той вселенной Анджея Сапковского, где живёт ведьмак Геральт. И не напрасно, ведь эта вселенная знакома миллионам читателей во всем мире!

Сделано это было с ведома и одобрения самого пана Анджея – хотя прежде Сапковский не давал разрешения на подобные книги. Сборник вышел в свет в 2013 году и имел огромный успех у польских читателей. Теперь он наконец-то выходит на русском языке.

Задача перед авторами сборника стояла одновременно простая и сложная. Простая, потому что книга посвящена миру ведьмака, столь блестяще придуманному Сапковским. Сложная, потому что произведения, вошедшие в нее, не являются прямыми продолжениями знаменитого цикла. Это не «ещё одна порция приключений Геральта», а скорее – дань уважения мэтру польской фантастики. Разумеется, есть в сборнике рассказы, где действуют и Геральт, и Лютик, и Йеннифер, но наряду с ними в книгу вошли истории, события которых разворачиваются через несколько сотен лет после окончания саги, а некоторые и вовсе связаны с нашей реальностью.

Надеемся, эта книга удивит и порадует тебя не меньше, чем польского читателя.

От редакции

Леонид Кудрявцев

БАЛЛАДА О ДРАКОНЕ

1

Слуга, вышвырнувший Лютика из кареты, был здоровым, как медведь. А золота на его ливрее поблёскивало столько, что поэт мог бы прожить на него целый год. Очень неплохо, в тепле и сытости.

Шлёпнувшись в дорожную пыль, Лютик спросил:

— За что?

Рядом с ним упала лютня. Струны её тихо звякнули.

— Думать надо, господин поэт, прежде чем распускать язык, общаясь с благородными дамами, — мрачно сказал слуга. — И руки.

Бард не удостоил его взглядом. Смотрел на карету. Занавески на её окне даже не шелохнулись.

— Инесса! — позвал Лютик.

— Дурак ты, братец, — сообщил слуга. — Поклоны бей прекраснейшей, что так обошлось. Будь моя воля, я бы ремнями спустил тебе кожу с задницы.

— Не сомневаюсь, — по-прежнему не отрывая глаз от окна кареты, пробормотал поэт. — Это ты умеешь.

Лакей пожал плечами и залез на запятки. Кучер щёлкнул бичом, и карета тронулась.

— Эх, женщины... — вздохнул поэт.

Он встал и стряхнул с одежды пыль. Подобрал лютню, внимательно её оглядел. Струны уцелели, корпус не треснул. Пошарив по карманам, Лютик извлёк тощий кошелёк. Пересчитав в нём монеты, пробормотал:

— Женщины... будут и другие.

— Уверен? — послышался у него за спиной хриплый голос.

Поэт обернулся.

Так и есть. Два типа в кожаных потёртых куртках, с мечами в руках. Гнусно улыбающиеся.

— Последний раз подобный подарок от судьбы я получил в детстве, — сообщил тот, что стоял справа. — Моя сестрёнка-стерва опрокинула на себя котёл кипятка.

— Имейте в виду, — сказал Лютик. — У меня богатые покровители, и меня будут искать. Стоит мне только сказать...

— Значит, придётся позаботиться, — прорычал стоявший слева, — чтобы они ничего не узнали. Смекаешь, как это можно сделать? Ну-ка, давай сюда денежки, да поживее.

— Одёжка у него хорошая, — сказал стоявший справа. — И сапоги... мне они.

— Там посмотрим, — ощерился его товарищ. — Сдаётся, мне они тоже на ноги налезут.

— Ах вот как?

Злобно ухмыляясь, бандиты глянули друг другу в глаза.

Сообразив, что настал удачный момент задать стрекача, Лютик резво отпрыгнул в сторону и словно заяц кинулся наутёк. Он вломился в придорожные кусты и протаранил их, не обращая внимания на терзавшие одежду ветки. Дальше был овраг, и поэт, не сбавляя хода, кинулся в него. Лютню он крепко прижимал к груди, стараясь уберечь. Одежда — дело наживное, а вот хороший инструмент найти непросто.

Каким-то чудом умудрившись не упасть, Лютик оказался на дне оврага. Неподалёку бухали сапоги преследователей. Понимая, что, попытавшись взобраться на крутой склон, можно попасть им в руки, поэт побежал по дну.

Под ногами пружинили прошлогодние листья, хлюпала вода, трещали гнилые сучья. Бандиты не отставали, ломились по краю оврага, стараясь не выпустить его из виду. Вот один из них крикнул:

— Бегай не бегай, а от нас не уйдёшь! И не таких ловили!

— Уйду, — пробормотал Лютик.

Лог впереди раздваивался. Опыт подсказывал, что избавиться от погони удастся лишь там. Преследователи бегут по левой стороне, прикинул поэт, и на развилке, конечно, кинутся вниз. Там нужно прибавить скорости и свернуть направо. Главное, не влететь в тупик. Это — смерть.

Судьба была на его стороне. Свернув в нужную сторону, Лютик обнаружил, что лог через несколько метров опять раздваивается. Слыша за спиной громкие проклятья сбегающих вниз бандитов, поэт достиг развилки и свернул влево. Вскоре лог опять разделился. На этот раз следовало свернуть вправо. Чем заканчивается это ответвление, рассмотреть не представлялось возможным. Склоны его густо поросли плакучими ивами, и ветки их, опустившиеся чуть ли не до земли, закрывали обзор.

Ещё одна удача!

Под прикрытием веток бард бросился вверх по склону. Он знал, что от этого рывка зависит всё, и работал ногами из последних сил. Преодолев подъём, он остановился и почти без чувств привалился к стволу ближайшего дерева. Вот теперь следовало отдышаться и оглядеться.

Минуты через три стало понятно, что преследователи его след потеряли. Судя по доносившимся из оврага звукам, они всё ещё бегали по его дну, искали беглеца в одном из ответвлений. Самое время уйти.

Лютик осторожно сделал шаг назад и прислушался. Отошёл ещё немного и вновь замер.

Похоже, его маневры остались незамеченными.

Приободрившись, поэт развернулся и, стараясь ступать как можно тише, двинулся прочь.

Из оврага доносилось:

— А ведь добыча ускользнула! И всё из-за тебя, мохнорылый осёл!

— Да чтоб тебя!.. Сам такой, петух гамбургский!

Лютик улыбнулся.

Сочно ругаются. Если задержаться, наверняка можно услышать и не такое. Только стоит ли рисковать? Отдохнуть бы, привести одежду в порядок да заморить червячка.

На дорогу он выйти не решился. Побрёл лесом, стараясь не потерять её из вида, не заблудиться. К вечеру ему встретился Райдо.

2

Место для отдыха выбрали в сухой ложбине между холмами. Благодаря этому костёр с дороги был совершенно не виден.

Они сидели у огня рядом. Райдо жарил на вертеле тушку зайца. Вполголоса чертыхаясь, Лютик пытался зашить дыру в камзоле. Получалось вкривь и вкось.

— Неважно шьёшь, — взглянув на его работу, улыбнулся Райдо. — Опыта явно маловато.

Черты лица у него были грубые, невыразительные, но даже мимолётная улыбка изменила их, словно бы высветила. Стало видно, что новый знакомец поэта на самом деле не стар. Вот лицо его вновь посуровело. В углах рта пролегли резкие морщины, добавили лет пятнадцать.

— Это у меня маловато? — проворчал Лютик. — Да я на своём веку зашил прорех не меньше иной портнихи. Света от костра не хватает. Будь он больше, уж я...

— Плохому танцору знаешь, что мешает?

— Плохому? — хмыкнул поэт. — Да ты видел, как я танцую? Никто так не умеет.

— У каждого своя работа, — напомнил Райдо. — Ты поёшь и танцуешь, а я помогаю мастерить оружие.

Он кивнул на большой арбалет, лежавший в пределах досягаемости руки.

— Здесь, в лесу? — фыркнул Лютик.

— Нет, конечно. Иду в вольный город Джакс. Для искусного подмастерья кое-какая работёнка там обязательно найдётся. Уверен.

Выглядел подмастерье и в самом деле справно. Широкоплечий и явно очень сильный. Он и двигался, как положено рабочему или военному человеку, ловко, уверенно. Меча, кстати, при нём не было. На поясе висел лишь обычный нож, без которого любому в дороге просто беда. Значит, и в самом деле — подмастерье.

— А почему не постоянная работа? — спросил поэт. — Я думаю, тебя любой мастер к себе возьмёт.

— Да только я не пойду, — ответил Райдо. — Не могу сидеть на одном месте. Вот и имя у меня... матушка как чувствовала. Знаешь такую руну?

— Конечно. Значит, так всю жизнь и рассчитываешь бродить от города к городу?

— А ты?

Вопрос застал Лютика врасплох. Он хмыкнул, почесал в затылке. Искоса взглянул на подмастерье и, наконец, выдавил:

— Ну... думаю, я просто до неё не доживу.

— Надеешься на удачу, стало быть? — уточнил Райдо.

— Чем не вариант?

Сказано это было с беспечным видом.

— Понятно, — промолвил подмастерье. — Тогда давай ужинать и ложиться спать. А одежду зашьёшь завтра, прежде чем тронемся в путь. Думаю, в Джаксе будем к обеду, не позже.

Он снял с огня вертел, освободил от него тушку кролика и ловко разделил её на две половины.

— Благодарю, ты очень любезен, — учтиво сказал Лютик.

Следующие минут пятнадцать возле костра не было произнесено ни слова. Зато раздавалось причмокивание, слышался хруст разгрызаемых костей и прочие звуки, сопутствующие трапезе мужчин, прилично оголодавших и не стеснённых присутствием женщин.

После того как с едой было покончено, Лютик прилёг прямо у костра. Удивительно, но ему вдруг стало совершенно плевать на то, что его модный кафтан запачкается. Хотелось только лежать на траве, смотреть в ночное, усеянное бесчисленными звёздами небо, ковырять в зубах заострённой палочкой и ни о чём не думать.

Немного погодя его из этого приятного состояния вывел вопрос подмастерья:

— А что тебе нужно в вольном городе Джаксе? И каким боком это связано с живущим возле него драконом?

— Баллада, — ответил поэт.

Райдо удивился:

— Какое отношение к дракону может иметь треньканье на лютне и рифмованные слова?

— Хочу написать балладу о драконе. Их почти не осталось, между прочим.

— Баллад?

— Драконов, конечно. А такой, как в вольном городе, уживающийся с людьми, вообще один на свете. И есть люди, сумевшие подружиться с драконом. Разве это не удивительно?

— Удивительно, — подтвердил подмастерье.

— Тут должна быть история для баллады. Я в этом уверен.

— И жители Джакса запросто откроют тебе свой секрет?

— Почему бы и нет? — пожал плечами поэт. — Ведь я — известный всему миру бард. Моя баллада сделает им рекламу. А кто откажется от рекламы? Как я понял, благодаря дракону город процветает.

— Вполне вероятно.

— Реклама ещё больше увеличит их доходы.

— Думаешь, они мечтают о том, чтобы ты растрезвонил на весь мир условия сделки с драконом?

— А нет?

— Это им может не понравиться. Зачем плодить конкурентов?

Лютик поморщился.

— Да нет мне до этого дела. Хочу лишь написать балладу и желаю узнать, каким образом люди заключили союз с драконом. Готов поспорить, тут не обошлось без доли романтики. Большая любовь, предательство, кипение страстей. Вот материал для талантливого произведения.

— А если его не найдётся? — спросил Райдо.

Поэт вздохнул, поудобнее подсунул под голову шапочку с пером цапли.

— Ну, тогда его и в самом деле придётся придумать.

— Не проще ли это сделать уже сейчас?

— Что ты понимаешь? Для появления шедевра должна быть соблюдена проверенная временем процедура.

— Точно так, как если бы кто-то попытался выковать подкову?

— Все действия, строго по порядку.

— Кто бы мог подумать? — удивился подмастерье. — Неужели и в поэтическом ремесле всё серьёзно, как в любом ином?

— Ещё серьёзнее, — заявил трубадур.

— Спи-ка ты, братец. Необходимо восстановить силы. Они тебе в вольном городе Джаксе понадобятся. А баллада.... основания для неё найдутся. Возможно, не такие, как тебе мнится, но найдутся.

3

Пьянчужка с необъятным пузом и красной, словно натёртой свёклой физиономией, вывалился из двери трактира, добрёл до середины улицы и, споткнувшись, плашмя рухнул в огромную лужу. Прямо на спавшую в ней бурую свинью. Удивительное дело, но хавронья от этого даже не проснулась. Пару раз довольно хрюкнула и тут же затихла с блаженным выражением на морде. Громко выругавшись, пьяница поёрзал, устраиваясь поудобнее, и, наконец, уснул. Голова его покоилась на свиной ляжке. Во сне он блаженно улыбался.

— Трогательный союз, — пробормотал Лютик. — В вольном городе Джаксе.

Он оглянулся и увидел, как на втором этаже дома, мимо которого только что прошел, открылось окно, и из него высунулась изящная ручка с ночным горшком. Уверенное, отработанное движение, и лужа, в центре которой находился символ единения человеческой и животной природы, пополнилась.

— Ручка, — плотоядно улыбнувшись, пробормотал поэт. — Красивая. Кто бы подумал?

Он даже замедлил шаг, пытаясь измыслить способ познакомиться поближе с красоткой. Почти придумал и тут же забыл об этом, углядев впереди вывеску корчмы «Хвост дракона». Душа его устремилась к ней, а Лютик велениям души привык следовать.

Возле самой корчмы он нос к носу столкнулся с лакеем в расшитой сверх меры золотом ливрее.

— Выжил? — удивился тот, загородив ему дорогу. — Странно. Там, где я тебя высадил, было ещё два путника. Они смахивали на людей, способных ухватить удачу за хвост. И тем не менее её упустили... Ну и прыток ты, господин рифмоплёт, ну и прыток!

— А ты меня считал рохлей? — ухмыльнулся Лютик.

— Разве не так?

— А уж кем я считаю тебя...

— И кем?

Лютик ухмыльнулся и сказал. Как и каждому человеку, работающему со словом, вдохновения по части ругани ему было не занимать.

— Это как такое может получиться? — удивился лакей. — Вроде бы — против природы.

— Будь у тебя в голове мозги, — честно ответил поэт, — мог бы и сам сообразить. Вернувшись в отчий дом, задай пару наводящих вопросов матушке.

Дальше следовало изящно обойти здоровенного обалдуя и с достоинством удалиться. В теории.

Увы, удалось это лишь частично. Как только Лютик повернулся к лакею спиной, тот тотчас дал ему со всей силы пинка. А силушки у него оказалось немало. Поэт преодолел некоторое расстояние по воздуху и приземлился на кучке лошадиного навоза. Поскользнувшись, он сделал ещё несколько шагов и, не удержав равновесия, рухнул на дорогу. По счастью, не в лужу.

Поднимаясь и отряхивая одежду, Лютик слышал довольный гогот лакея. Не обращая на него внимания, бард поднял с дороги лютню и внимательно её осмотрел. Инструмент остался цел. Теперь можно было дать волю эмоциям.

— Мерзавец! — повернувшись к обидчику, крикнул поэт. — Ты за это заплатишь!

— Ещё хочешь? — нагло ухмыляясь, спросил лакей. — Топай восвояси, рифмоплёт. Отомстит он, вы слышали? Не в этой жизни.

— Я... я... — пробормотал Лютик.

— Сочинишь обо мне песенку и станешь её гнусить на каждом углу? Валяй, старайся. Мне нет до этого дела. Однако если посмеешь упомянуть в ней мою госпожу — не пощажу. Найду где угодно и удавлю, как паршивого щенка. Осознал? Хоть слово, хотя бы намёк на неё...

Чувствовалось, сказано это от чистого сердца.

Лютик взглянул на лакея с интересом. Участливо спросил:

— Значит, ты даже не для себя стараешься?

— О престиже хозяйки забочусь. Тебе, бродяге и пройдохе, этого не понять.

— Где уж мне... — хмыкнул поэт. — Не приспособлен я так о чужом заботиться.

— Издеваешься? — вскипел лакей. — Да я тебя...

Не дожидаясь продолжения, Лютик пошел прочь. Голову он старался держать высоко, а спину — прямо. Показывал, что врага совсем не боится. А тот, и поэт это слышал, сделал было вдогонку пару шагов, но вдруг остановился. Передумал. Скорее всего потому, что неподалёку показались стражники.

— Советую, — послышался голос лакея, — уходи из города! Прямо сейчас и уходи. Мы будем здесь ещё долго. Я не хочу, чтобы моя госпожа где-нибудь узрела твою слащавую физиономию. Не желаю. А не уйдёшь, быть тебе битым каждый раз, как встретимся. Быть!

Лютик только покачал головой

— Слащавую? — пробормотал он. — Это-то с чего? Ну, лживой и подлой мою физиономию уже называли, но слащавой? Не понимаю.

— Не связывайся ты с ним больше, милок, — сказала ему сердобольная бабка, торговавшая возле корчмы вялеными рыбой. — Здоровый больно. А заднюю часть полечи. Вон как саданул, ирод. Знахарка живёт недалеко от ворот. Серой горючей лечит, очень знатно.

Лютик только хмыкнул.

А то он раньше пинков не получал? Да десятками. Из-за каждого бегать к знахаркам — никаких денег не напасешься.

В корчму заходить на глазах у лакея не следовало, и Лютик её миновал. Настроения его это не улучшило. Хотелось пива и развлечений.

Он даже успел отойти от «Хвоста дракона» с полсотни шагов, когда к нему привязался мальчишка.

— Добрый дяденька, дай монетку!

Лютик не удостоил его даже словом, не замедлил шаг.

— Дяденька, я вижу, ты добрый. Дай сироте медную монетку. Одну. Бога ради.

Поэт взглянул на мальчишку.

Удивительное дело, но грязным тот не выглядел. Одежда на нём, конечно, оказалась не новой, заплата на заплате, но наложены они были аккуратно, мастерски. Это обнадёживало. Профессиональные попрошайки врут не задумываясь, а такой мог и правду сказать.

— Заработай, — предложил Лютик.

— Как?

Поэт вытащил из кошелька медную монету.

— Ответь на вопросы.

— И только?

— Да, расскажи мне о драконе, для начала. В подробностях. Я желаю знать о нём как можно больше. Видишь ли, мальчик, я знаменитый поэт и провожу предварительный сбор информации для нового произведения. Вникаешь?

Сказав это, Лютик величественно вскинул голову.

— Думаю, лучше всего информация собирается за столом, — мальчишка хитро прищурился.— Не так ли?

— Возможно.

— А где можно знатно посидеть, как не в корчме? Вот она, рукой подать. Ну, а попав внутрь, грех не угоститься. Не так ли, милсдарь известный поэт?

Лютик оглянулся.

Корчма никуда не делась. А вот лакей уже ушёл. Значит — путь свободен, да и повод подвернулся.

— К чему ты клонишь, шельмец?

Мальчишка пожал плечами.

— Не прибавишь ли к обещанной монете какую-нибудь еду? На сытый желудок я всю подноготную выложу как есть. До донышка.

Вздохнув, поэт заявил:

— Парень, а ты ведь большой плут.

— Выживаю всего лишь, — ответил мальчишка. — Мамка умерла, папку убили. Кусок хлеба дать некому. Приходится крутиться.

Глаза у него были такие же голубые, как и у Лютика. И очень честные. В них прямо-таки читалось, что если ребёнка не накормить, тот к вечеру умрёт от голода.

4

— ...и тогда в поле пред городскими стенами вышли все живущие в городе. Во главе... них... выступал мэр города и старшины. В самой лучшей одежде, между прочим, с цеховыми дудками, барабанами, знамёнами. Ну, то есть не мэр их нёс. Для того есть специальные люди. А дракон, между прочим, прилетевший заключить перемирие, их уже ждал, лежал в дальнем конце луга, огнём попыхивал. И вот старейшины, а также мэр...

Лютик зевнул.

— Неинтересно? — спросил мальчик.

Как оказалось, его звали Хватом.

— Не очень, — ответил поэт. — Слышал я эту историю раз шесть. Есть отличия в мелких деталях, а по сути она всё та же. Лучше расскажи мне о городе.

— Ты заплатил, — напомнил мальчишка. — Хочешь знать, почему эта корчма называется «Хвост дракона»? А известно тебе, что на другом конце города есть ещё одна, с вывеской «Голова дракона»? Угадай, как окрестили заведение к центре города?

— «Туловище дракона»? — предположил Лютик.

— Оно тоже есть. Там их несколько, и каждое названо какой-то частью тела дракона. В этом городе всё с ним связно. Ты разве не заметил?

— Понятно. А сам-то ты дракона видел?

— Зачем мне это? — удивился мальчишка. — Да и не хочу я в золу превращаться.

— У города с драконом заключён мирный договор, — напомнил Лютик, — целых две сотни лет.

— Первым он никогда не нападает, — сообщил Хват, — но на глупцов, вздумавших его беспокоить, соглашение не действует. Они отправляются прямиком к его пещёре и там поединничают с ним. Для всех прочих дорога закрыта.

— Часто появляются желающие сразиться?

— Конечно.

— Дорогу кто-то охраняет?

— Ну да, — подтвердил мальчишка. — Стража города, и есть ещё рыцари дракона. Они берегут его покой. Чужой обмануть их не сумеет. Другое дело — местные, которым известны все тропинки. Только они к пещёре не ходят. Вдруг это дракону не понравится? Кормилец он наш.

— И твой?

— А как же? — озорно улыбнулся Хват. — Кто бы меня угостил, дал обещанный грошик, не будь его?

Лютик хмыкнул.

— Дам, но сначала ответь...

— Пошто мальца мучаешь? — спросил Райдо, подсаживаясь за стол.

В руке у него была кружка пива.

— Мальца? — буркнул Лютик. — Жрёт он, между прочим, как слон. Есть за морем такой зверь, размером с гору.

— Дай ему, что просит, и пусть топает отсюда. Всё, что он может поведать, запросто могу рассказать и я. А ему домой пора, сдаётся мне.

— Он бездомный, — сказал Лютик.

— Ну да? — удивился подмастерье. — А я вот, когда шёл сюда, видел искавшую пострелёнка женщину. По её описанию твой собеседник очень на него походит. Эй, малец, что скажешь?

— Пусть монетку отдаст сначала. — Хват насупился. — Обещал.

— Отдай, — приказал Райдо. — Я не без пользы в вольном городе полдня ошивался. Что искал, пока не нашёл, но зато узнал много любопытного.

Лютик удивлённо глянул на него.

— А вот это что-то интересное. Тебе вроде бы до дракона нет никакого дела? И работа... Ты работу искал.

— Монету... дай монету... — канючил мальчишка.

Поморщившись, Лютик полез в кошелёк. Получив плату, мальчишка крепко стиснул её в кулачке и кинулся к выходу из корчмы быстрее спасающейся от волкодава кошки. Проводив его взглядом, поэт отхлебнул из своей кружки и потребовал:

— Рассказывай.

— Охотно, — слегка улыбнувшись, сказал Райдо. — Я, как ты уже успел заметить, тоже заинтересовался историей дракона и провёл собственное расследование. Подозреваю, источники информации у меня более сведущи. Тебе рассказали о шахтах?

— О шахтах?

— Ну да. Там добывали рубины. А драконы их любят, как ты знаешь. Говорят, что ящер появился здесь именно из-за них.

— Вот как? — Лютик придвинулся к собеседнику поближе. — Давай, выкладывай.

— Без проблем...

Как раз в этот момент на плечо поэта опустилась сильная рука, и хриплый голос сказал:

— Ты, что ли, рифмоплёт Лютик?

— Ну, я, — даже не пытаясь оглянуться, ответил поэт.

Он знал, кто имеет обыкновение именно так начинать разговор.

— Мэр хочет тебя видеть. Велено доставить добром. А если надумаешь артачиться...

5

— ...и поскольку я его величеству угодил, — закончил Лютик, — услышав о моей судьбе, он может посчитать, что в вашем городе не любят искусство и просвещёние. Большой грех, наказывающийся безжалостно. Повторяю — безжалостно. Зачем вам подобные проблемы из-за какого-то виршеплёта и его совершенно невинных расспросов?

Погладив висевшую на груди золотую цепь, знак занимаемой должности, мэр пророкотал:

— Да плевать мне. У нас вольный город. Понимаешь, что это означает? Нам никто не указ. А надумают воевать, так милости просим. Огненного дыхания дракона не кушали? Быстро лечит оно от мыслей о насильственном просвещёнии. Проверено. Были инциденты лет сто назад. После них никто нам неудовольствия выражать не пытается. Даже далеко за пределами города.

— Вот как? — спросил Лютик.

Он понимал, что мэр не обманывает. Статус вольного города и умная налоговая политика приносили очень большой доход. Ну а большие деньги дарują безнаказанность и открывают для мести неограниченные возможности. При желании.

— Не осознаёшь? — спросил мэр.

Он был толст, имел даже не двойной, а тройной подбородок, но, судя по глазам, умом отличался недюжинным.

— Осознаю, — признал Лютик.

— Ну, это неплохо.

— Мне вот интересно, как вы проведали о моём прибытии в город? — спросил поэт. — Всё-таки я не настолько популярен, чтобы меня узнавали на улицах.

Мэр пожал плечами.

— Можно и сообщить, ибо человеку, предупредившему о твоём появлении в городе, ты ни малейшего вреда причинить не сумеешь. Руки коротки, даже для любимца августейших особ.

Он криво ухмыльнулся.

— Здоровенный такой, весь в золоте? — спросил Лютик.

Мэр едва заметно кивнул.

Вид у него в этот момент был, как у жабы, поймавшей жирную муху. Очень довольной жабы.

— Вот отольются кошке мышкины слезки, — в сердцах сказал поэт.

— Ближе к делу, — напомнил мэр. — Я желаю, чтобы твоя баллада получилась... гм... достаточно лояльной по отношению к моему городу. Понимаешь, о чём я?

— Цензура?

— Она самая. Предупреждаю, шаг вправо, шаг влево... дальше — ты знаешь.

Как бы в подтверждение его слов в коридоре лязгнули железом о железо, послышались тяжёлые шаги одного из находившихся там стражников.

— Договорились, — сказал Лютик. — Но за это...

— Закончив балладу, уйдёшь из города целым, невредимым. Я сильно в этом сомневаюсь, но если произведение окажется написанным с должной степенью таланта, твой кошелёк пополнится. Реклама нам не помешает.

— А материалы, источники... — встрепенулся поэт.

Мэр поморщился.

— Да, конечно. Тебе откроют доступ в архив. Можешь там копаться сколько угодно. Всё?

Лютик почесал в затылке.

— Да вроде...

— Тогда у меня есть ещё несколько важных вопросов. Некто, сообщивший о твоём появлении, утверждает, будто ты являешься старинным другом ведьмака Геральта, известного истребителя чудовищ. Так ли это?

— Так.

— Верно ли, что ты явился сюда с намереньем шпионить для ведьмака? Якобы он подрядился убить нашего дракона. А ты должен обнаружить его слабое место?

— Геральт никогда не охотился на драконов! — воскликнул Лютик. — Это против его правил. И кстати, почему вас это беспокоит? Я слышал, что любой странствующий рыцарь, любой охотник за удачей имеет право сразиться с драконом. А он настолько силён и ловок, что до сих пор его никому победить не удалось. Ему ли ведьмака бояться?

— Он никого не боится. А мы заботимся о его здравии. Так называемые герои имеют полное право на поединок. Даже дракон должен время от времени развлекаться. Ну и конечно экономия средств, отпускаемых на его прокорм, только приветствуется. А вот профи к пещёре прохода нет. Многие из них убивают чудовищ с помощью хитрости, подлости, колдовства. Что, если Геральт таким образом уничтожит основу нашей свободы?

Мэр молчал. Поэт ждал.

В коридоре опять звякнуло, снова прогрохотали тяжёлые шаги. Лютик попытался прикинуть, зачем стража навешивает на себя так много железа. Вроде бы на дворе — не война? Зачем они потеют в своей нелепой сбруе? Он хотел даже поинтересоваться об этом у мэра, но чудовищным усилием воли сдержался.

— Значит, у твоего дружка нет планов посетить Джакс? — наконец спросил мэр.

Чувствовалось, решение он уже принял и задаёт вопрос лишь для порядка.

— Ещё раз повторяю, с драконами ведьмак не воюет, — ответил поэт.

— А сам ты приехал, лишь желая написать балладу? А?

— Именно так.

— И мы договорились? Как только вдохновение тебя посетит, уедешь, не забыв ознакомить меня с его плодами?

— Обязательно.

Ещё немного помолчав, мэр изрек:

— У меня было искушение провести этот разговор в более живописной обстановке. Ну, знаешь, цепи на стенах, пылающий горн и дяденька в красном колпаке, с набором блестящих инструментов. Там бы ты рассказал многое. Там все поют как соловьи, а баллады сочиняют махом. К счастью, меня твои тайны совершенно не интересуют. Пока. Учти, один необдуманный поступок может перемешить всё.

— Я понимаю.

— Замечательно. А теперь топай отсюда.

Чувствуя невыразимое облегчение, Лютик встал со стула и двинулся к двери. Он даже успел сделать два шага, но тут природное любопытство одержало верх, и, обернувшись, поэт спросил:

— А как же война?

— О чём ты? — поинтересовался мэр.

— Ну, война. Если дракону может навредить один профи, как его можно использовать на поле боя?

Мэр пожал плечами.

— На войне дракон сжигает огнём с неба, наносит массовый удар. Главное, его присутствие вселяет в солдат уверенность в непобедимости. Уверенность на поле боя — дорогого стоит. А насчёт профессиональных истребителей чудовищ... Ни один из них на поле боя не сможет даже близко к ящеру подойти. За этим следят строго. Понял?

— Да.

— Умный мальчик. Кстати, некоему слишком ретивому лакею мои люди намекнут, что мешать творчеству известного рифмоплёта не рекомендуется. Если надумает

ещё раз пустить в ход какую-нибудь конечность, очень быстро её и лишится. А теперь — уходи, не мешай занятому человеку.

6

Пыли в архиве оказалось более чем достаточно. Нашёлся там и хранитель, до невозможности пропахший луком старичок. Провожая Лютика к выходу, он бормотал:

— Похвально, когда молодёжь интересуется историей. Очень похвально.

— Редко подобных мне видишь? — нахально улыбаясь, поинтересовался поэт.

— Очень. Ты достойный молодой человек. Глядишь, настолько заинтересуешься, что и сам станешь архивариусом. Платят хоть и мало, но зато — почёт и уважение. Со мной даже стражники здороваются, случается. Я — служивый человек, у города на содержании, как и они. Смекаешь?

— Заманчиво, конечно, — ответил Лютик.

— После моей смерти место это освободится. Подожди лет десять, и будешь жить — как сыр в масле кататься.

— Подожду.

Лютик толкнул толстую, обитую железными полосами дверь, и она со скрипом распахнулась. Архивариус ещё что-то бубнил в спину, но поэт его уже не слушал. Он вышел из башни архива, и его от свежего воздуха аж замутило. Привалившись к стене, он прикрыл глаза, поскольку их слепило солнце. И всё не проходило ощущение, будто к пальцам его пристала покрывавшая хрупкие, ломкие страницы смесь из плесени, грязи и свечного сала. Хотелось немедленно вымыть руки.

Немного погодя полегчало. Поэт протёр глаза, огляделся и двинулся прочь. Шагая кривым, поросшим крапивой переулочком, он думал о сведеньях, которые обнаружил более чем за половину дня кропотливой работы. Пригодятся ли они ему? Вот в чём вопрос.

Впереди, уже совсем недалеко, шумела толпа, кричали торговки, кто-то свистел, хохотал, распевал песни. Там была базарная площадь. А здесь, в переулке, царила тишина и покой. Здесь всё, казалось, замерло, словно архивная башня обладала свойством притормаживать время на прилегающем к ней пространстве.

Мысль показалась ему настолько безумной, что он невольно улыбнулся. Подумал даже, что есть ещё у него порох в пороховницах. А значит, и баллада никуда не денется, получится достойной.

Переулок петлял. В очередной раз свернув за угол, Лютик резко остановился. Он даже подался назад, намереваясь пуститься наутёк, да не успел. Три дюжих наёмника подскочили к нему и, прижав к забору, взяли в полукруг.

— Что, стихоплёт, жизни радуешься? — ухмыляясь, спросил один из них.

Отсутствие передних зубов делало его ухмылку отвратительной. Другой наёмник, заросший до глаз длинной клочковатой бородой, сорвал с плеча поэта висевшую на ремешке лютню и небрежно отшвырнул прочь. Третий, с блёклым, совершенно неприметным лицом, оглянулся на стоявшего неподалёку человека в обильно украшенной золотом ливрее, спросил:

— Начинать?

— Сначала скажу ему пару слов. Ласковых.

Лакей подходил неспешно, глядел со скукой. К чему эмоции? Птичка уже попалась.

— Это для меня лишь работа, не более, — сообщил он, остановившись в паре шагов от Лютика. — Случалось делать и более грязную.

— Представляю, — с презрением сказал поэт.

— Не представляешь, — возразил лакей. — И в этом твоё счастье.

— Мэру твоя работа не понравится. А он мэр вольного города...

— Меня предупредили, — сообщил лакей. — И я внял. Приучен. Поэтому сейчас я тебя и пальцем не трону. Всё сделают некие незнакомцы. А поскольку их трое, то я всего лишь не стал тебя спасать. Побоялся. Какие у меня шансы против таких молодцов? Не правда ли, ребята?

— Так и есть, — буркнул бородач.

— Начинать? — вновь спросил неприметный.

— Да подожди, — сказал лакей. — Мы не договорили. Ну, ещё разок чирикнешь? Не бойся, калечить тебя не будут. Так, бока намнут, чтобы ума добавить.

— Ума? — спросил Лютик. — Это о чём ты?

— Да о том, что пора бы тебе образумиться, — лицо лакея скривилось, словно он лимон попробовал. — Перестать шалопайничать, прекратить досаждать серьёзным людям.

— И тогда серьёзные люди более не будут нанимать мразь для того, чтобы она меня избила, поскольку боятся сделать это своими руками?

— Мразь — нехорошее слово, — сообщил бородатый. — За него придётся расплачиваться и извиняться. Будет больно.

— Доплачивать клиент не будет, — продолжал хорохориться Лютик. — А такие, как ты...

— Ошибаешься, мы можем и бесплатно. Для собственного удовольствия.

— Начнём? — неприметный замахнулся, целясь жертве в челюсть.

— Стоп, — приказал лакей. — Рано ещё. А ты, графоман убогий, рифмоплёт вшивый, слушай, что тебе говорят.

Поэт вздрогнул. Зло спросил:

— Решил поиграть в доброго папочку, стало быть?

— И не собирался. Только вот сейчас надумал сообщить всё, давно просившееся на язык. И выскажу, ибо такие, как ты, не могут не вызывать отвращения. Трутень ты, живёшь за счёт других. Тунеядствуешь, когда другим

приходится зарабатывать на жизнь в поте лица. Но учти, если не одумаешься, сдохнешь под забором, и никто не подаст тебе корочки хлеба. Старый, жалкий, ничтожный, никому не нужный.

— А ты, значит, собираешься встретить старость в тепле и довольствии? Рассчитываешь на благодарность тех, кому служишь? Ну и кретин! Выкинут они тебя в грязь и холод, как только у тебя кончатся силы им прислуживать. Сомневаешься?

— О! Так у вас самый настоящий идеологический спор!

В голосе бородатого слышалось неподдельное уважение.

— Не твоё дело! — крикнул ему поэт.

— Заткни фонтан! — рявкнул лакей.

— В случае если клиент передумает, аванс не возвращается, — предупредил беззубый.

— Не волнуйся, — сказал ему Лютик. — У таких, как он, если деньги заплачены, отрабатывать придётся. Он за лишнюю монету удавится.

— Ах ты!.. — взвыл лакей.

Поэт подумал, что вот сейчас-то его точно начнут бить. Ему захотелось закрыть глаза, но он не успел. Увидел, как со стороны базара из-за поворота вышел Райдо.

Для того чтобы оценить ситуацию, подмастерью хватило одного взгляда.

— Развлекаетесь? — спросил он, приближаясь. — Не в том месте, позвольте заметить.

— Это почему? — спросил бородатый.

Он шагнул навстречу Райдо. Мгновением позже рядом с ним оказался неприметный. Теперь Лютика держал лишь беззубый.

— Чем оно плохо, это место? — снова спросил бородатый.

Проходя мимо лакея, подмастерье на него даже не взглянул. Его интересовали лишь наёмники. Остановившись напротив них, он ответил:

— Тем, что вы оказались на моем пути.

— А нам на это плевать, — заявил бородатый. — Хочешь сыграть в благородного защитника?

— Почему бы и нет? — послышалось в ответ. — Тем более что вы имели глупость выбрать объектом забавы моего знакомого.

— Ах вот как? — бородатый зловещё ухмыльнулся.

Он извлек из-под полы короткую узловатую дубинку, быстро двинулся к Райдо. Его напарник был полностью уверен, что защитник поэта бросится наутёк. Он даже промедлил, кинулся в атаку не сразу. Это всё и решило.

Бородатый успел только замахнуться. Райдо саданул ему кулаком в челюсть и тут же, крутанувшись на месте, с силой впечатал противнику в живот локоть, сбил дыхалку. Да настолько удачно, что бородач выпустил из рук дубинку. Подмастерье успел поймать её в воздухе. И тут же врезал по колену как раз подоспевшему неприметному.

Дубинка, видимо, была утяжелена свинцом. Наёмник упал как подкошенный, взвыл белугой. А Райдо вновь повернулся к бородатому, почти без замаха ударил его по руке. Громко хрустнула кость, и наёмник, прижав целой рукой к животу покалеченную, кинулся прочь.

— Я вас сейчас! — крикнул Рейдо, оглядывая поле боя в поисках противников.

Не с кем уже было драться. Беззубый с бородатым бежали. Неприметный ковылял прочь, постанывая и хватаясь за забор.

И всё-таки по части драки мой спаситель не профессионал, отстранённо подумал Лютик. Не ощущалось в его движениях отработанности, достигаемой бесчисленными тренировками. Драться ему приходилось не раз, но схватка не является смыслом его жизни. Напор и скорость реакции, вот что позволило ему сейчас победить. Ну, ещё и везение. Наёмники недооценили противника, а когда поняли, какую совершили ошибку, было поздно.

Поэт вдруг осознал, что всё ещё стоит, прижавшись спиной к забору. Отодвинувшись от него, он вспомнил ещё об одном участнике схватки. Её вдохновителе. Не было его. Словно бы испарился, и даже непонятно, в какой момент.

— Ну и чутьё... — пробормотал поэт.

— А не приходило ли тебе в голову взять и уехать из города? — спросил подмастерье, внимательно разглядывая дубину. — Учти, от тебя так просто не отстанут.

Скептически хмыкнув, он перекинул оружие через забор и скрестил руки на груди.

Не могу, — сказал Лютик. — Я должен дописать балладу. Должен, понимаешь?

Даже если тебе при этом проломят голову?

Не проломят.

Поэт поднял с земли лютню и внимательно осмотрел. Она оказалась целой.

Зачем тебе баллада? — поинтересовался Райдо.

Это моя работа. Думаю, я для неё родился.

И каждый должен делать свою работу?

Именно. Не будет удачи тому, кто пойдёт против натуры.

Подмастерье улыбнулся.

Правильная мысль. Однако я оказался здесь, поскольку шёл по делу. А времени остаётся всё меньше. Вечером будь в корчме, там договорим.

Поэт смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом.

7

Графоман, — пробормотал Лютик. — Точно — графоман.

Он в сердцах скомкал исписанный полностью с обеих сторон лист бумаги, швырнул его в угол. Горка там набралась уже приличная.

— Бумага денег стоит, — сказал кто-то за соседним столиком. — Купил бы лучше на них пива.

— Мается, бедолага, — послышалось от другого. — Каким только образом люди с ума не сходят?

Тяжело вздохнув, поэт взял очередной лист из пачки, лежавшей перед ним на столе. Обмакнув перо в чернильницу, он взглянул на проходившую мимо молоденькую служанку. Вид у той был весьма аппетитный.

— Красавица, — сказал ей Лютик. — А не желаешь ли стать ещё и музой?

— Сколько угодно, — сообщила та, останавливаясь, — за деньги.

Лютик вздохнул.

— Музы работают даром.

— Даром только птички поют, — фыркнула служанка и пошла прочь.

Поэт проводил её задумчивым взглядом и вновь взялся за перо. Немного погодя под усевшимся напротив Райдо скрипнула лавка.

— Понравится тебе, если зарифмовать «дракон» и «балкон»? — спросил у него Лютик.

— Давай лучше поговорим о другом. — Подмастерье махнул рукой служанке. Кружка с пивом появилась перед ним мгновенно. Верный знак кредитоспособности. У служанок на это чутьё безошибочное.

— Кутить будешь? — предположил Лютик.

— Потом. А сейчас у нас есть дела. Меня заинтересовал местный дракон.

— Настолько, что ты полез за сведениями о нем в архив?

— Настолько. И полез. А тебя, как я понял, он интересует ради баллады. И ты тоже там покопался.

— Толку-то? У меня всё ещё нет истории, — пожаловался поэт. — Ни любви, ни ревности, ни страданий. Чем мне вызвать у слушателей сопереживание? Описанием дракона? Я его даже не увижу.

— А история его появления? — подсказал Райдо.

— История? Не спорю, она таинственная, сказочная, можно сказать. Был город, живший за счёт рубиновых шахт. Потом драгоценные камни в шахтах иссякли, и настали трудные времена. Тут вовремя появился мастер зверей и привёл дракона. Город заключил с драконом соглашение. Потом была краткая эпоха войн, после которой соседи, хлебнув драконьего огня, решили, что орешек им не по зубам. Далее настала пора полного благоденствия, длящаяся до сих пор. Скука смертная. За такую историю и медной монеты не дадут.

— Мастер зверей? Что-то я о таких людях не слышал. Где о нём поминается?

— В архиве, в дальнем шкафу, — сообщил поэт. — Под налоговыми книгами столетней давности. Учти, никто в городе эту историю так не рассказывает. Пришёл дракон сам, говорят. С другой стороны, никто о мастерах зверей не слышал вот уже сто лет. Прошла в них нужда.

— А кто это был? Чем они занимались?

— Люди, способные договориться со зверями, знающие их язык. Раньше, если жителям какого-нибудь селения досаждали дикие звери, приходил мастер и заключал с ними договор. Или уводил зверей прочь, так, что они больше не возвращались.

— Убивал?

— Да нет, договаривался. Причём заключал взаимовыгодное соглашение. Ну а потом людей становилось всё больше, они забрали силу... и...

— И нужда договариваться отпала, — подсказал Райдо.

— Вот именно.

— Чем не тема баллады? Напиши о том, как люди, утратив возможность договариваться с животными, поплатились за это... что они потеряли? Будущее? Или о том, что родство с животными в них всё же осталось. Рано или поздно оно возьмёт своё. А если не сумеет, то отомстит. Избе-

жать мести можно, лишь вновь научившись договариваться.

Лютик покачал головой.

— Такую, слишком умную, балладу по кабакам не попоёшь. Не дадут за неё денег. Народ любит про любовь, кровь, страсть. Ну, сам понимаешь...

— Ты только ради денег пишешь?

— Нет. Однако сейчас мне надо пополнить кошелёк. Опустел он у меня. И значит, нужна баллада для кабака. Уверяю, написать такую очень непросто. Вон, посмотри.

Лютик показал пальцем на кучу скомканных черновиков.

— Как знаешь, — подмастерье пожал плечами.

— А тебя эта история почему интересует? — спросил поэт.

— Есть у меня в ней интерес, — ответил Райдо. — О нём поговорим потом. А пока, в самом деле, не выпить ли нам, не отпраздновать ли победу в переулке?

Соблазн был велик.

Лютик бросил взгляд на чистый лист, вновь посмотрел на кучу измятой бумаги, скрипнул зубами.

— Ну что, надумал? — спросил подмастерье.

— Нет, — сказал поэт. — В любое другое время, но только не сейчас. Баллада...

8

За горой ревел дракон. Очень убедительно он это делал, громко. Слышалась в рёве его сила, ярость, жажда добычи.

— Не пустим, — сказал усатый стражник. — Если ты не собираешься с драконом драться, то не пройдёшь. Нечего всякой шушере делать возле его пещёры.

— Чем мы можем ему навредить? — спросил Лютик, к этому моменту осознавший тщетность своих усилий и

лишь из чистого упрямства пытавшийся договориться о том, чтобы их пропустили.

— Кто вас знает?

Стражник глянул на него исподлобья, взялся поухватистее за алебарду. Его товарищ, худой и очень высокий, добавил:

— Даже если и проскочите через нас, то на другом конце ущелья стоят рыцари дракона. Они шутить не любят. У них с хитрецами разговор короткий.

— Пойдём, — сказал Райдо, крепко взял поэта за руку и потащил прочь.

Тот попытался было упираться, но подмастерье на ругань и попытки остановиться внимания не обращал, а шёл себе и шёл. Свободу поэт получил, лишь когда они оказались от стражников шагах в ста. Отпустив его, Райдо спросил:

— Ну, успокоился?

— Баллада, — со страстью сказал Лютик. — Не отпускает она меня, но и не пишется. Муки творчества это называется, понимаешь? И чудится мне, что всё закончится тогда, когда я увижу живого дракона.

— А раньше ты их не видел?

— Это не считается. Мне нужен местный.

— Учти, если попадёшь в руки рыцарей дракона, они не пожалеют. Им плевать на то, что ты известный менестрель. И ты рассказывал, тебя ещё мэр предупреждал...

— Мне плевать.

— Эко тебя, братец, прихватило. Стало быть, надо искать какой-то выход.

— Выход...

Лютик посмотрел на вход в ущелье, от которого его увел подмастерье. Он был настолько узкий, что, поставив стоймя по его краям два камня и врезав в них петли, удалось подвесить массивные ворота. Проход за ними шёл через гору и наверняка заканчивался у пещёры дра-

кона. Если бы только ворота не были закрыты и не охранялись.

— Надо идти в обход, — подсказал Райдо, — по горам. Тяжело, и курточку модную можно изорвать, но зато — напишешь балладу. Сам понимаешь, искусство требует жертв.

Окинув взглядом вершины, которые им предстояло преодолеть, Лютик помрачнел.

— А тебе зачем это нужно? — поинтересовался он.

— Дело есть у меня. Я уже сказал.

— Какое? Не тяни кота за хвост. Я не настолько глуп, чтобы отправиться в опасный путь с человеком, о намереньях которого не имею ни малейшего понятия.

Поправив висевший за спиной арбалет, подмастерье неохотно объяснил:

— Не удалось мне пристроиться на работу. Нет свободных мест. А заработать надо позарез.

— При чем тут желание увидеть дракона?

— Мне нужен рудник. Раньше город кормился с рубинового рудника, а тот иссяк. Дракон в нём и поселился. Понравилось ему там. Я раскопал в архиве кое-какие сведенья. Получается, рубины действительно кончились, но там было ещё кое-что ценное. Если мне удастся взять из рудника пробы и мои догадки окажутся верны, то эти сведенья можно неплохо продать. Уж я сумею договориться.

— А что там может быть?

Прежде чем ответить, Райдо вновь огляделся. А потом сообщил:

— Мифрил.

— Дорого стоит, — с видом знатока сказал Лютик.

— Очень дорого. Ради такого можно рискнуть. И лучше отправиться в это предприятие вдвоём. Как, пойдёшь?

Лютик ещё раз взглянул на горы, прикинул, сколько надо пройти, и ответил:

— Придётся. Баллада должна быть написана. Должна.

9

Ну вот, — сказал Райдо, — осталось немного. Думаю, после этого спуска мы окажемся на месте. Ну а там следует двигаться очень осторожно. В случае если рыцари нас заметят, под ногами не мешайся. Я буду действовать.

— Договоришься? — поинтересовался Лютик.

Переход превратил его одежду чуть ли не в лохмотья.

— Попытаюсь, — сказал подмастерье. — Нет человека, полностью довольного тем, что он имеет. Для того чтобы он оказался на твоей стороне, надо лишь предложить достойную цену.

— Тогда зачем ты дрался с бандитами в переулке? Не смог угадать, что им нужно?

— Угадал сразу, — ухмыльнулся подмастерье. — Жаль было денег их перекупать.

— Ах вот как? — насмешливо фыркнул поэт. — С мешком денег в руке можно договориться с кем угодно. Факт.

— Любая мудрость, — сообщил Райдо, — очень проста. Кстати, а чего это мы остановились? Спускаемся.

Они двинулись вниз по склону. Тот постепенно становился всё более пологим. Попадавшиеся поначалу деревья постепенно превратились в рощу. Они прошли её, то и дело останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться. Дальше дорогу им перегородил огромный обломок скалы. Правым краем он смыкался с очень крутым склоном, и обойти его можно было лишь слева.

— Здесь надо быть особенно осторожным, — вполголоса сказал Райдо.

— Я слышу эти слова каждые полчаса, — пробормотал Лютик, — почти три дня, в течение которых мы ползаем по горам.

— А сейчас надо быть ещё осторожнее, чем обычно. Судя по всему, шахты уже близко.

Стараясь ступать как можно тише, они миновали поворот и остановились, увидев скрывавшееся за ним.

— Что это? — шёпотом спросил поэт.

— Рог, сдаётся мне, — подмастерье пожал плечами. — Очень большой.

Рог был не менее двадцати шагов в длину, но поражала не только величина. Его чуть желтоватое тело оплетала целая паутина толстых и тонких медных трубок, пружинок, клапанов. К сужающемуся концу оказались приделаны огромные кузнечные меха.

— Ну и штука, — сказал Лютик, подходя к сооружению ближе.

Следовавший за ним Райдо вздохнул и сообщил:

— Это на самом деле дракон.

— Что?

Лютик подошёл к рогу вплотную и осторожно положил руку на его поверхность. Она оказалась великолепно отполирована. Он передвинул ладонь дальше и ощутил холод медного пояска, в который был вделан ряд клапанов. Как на духовой трубе.

— С помощью этой конструкции рыком и пугают, — сказал Райдо, остановившись рядом. — Ну, теперь понимаешь? Вместо дракона есть лишь его рёв.

— Кто приводит в действие машину?

— Люди. Кто же ещё?

Пролетевшая на расстоянии ладони от головы подмастерья стрела выщербила кусочек камня из ближайшей скалы. Райдо сдернул с плеча арбалет, но, оглянувшись, стрелять передумал. Смысла не было. Противников оказалось десятка два, и находились они очень близко.

— Это рыцари дракона? — спросил Лютик.

— Кто ещё? Они самые.

Одеты были рыцари справно, в крепкие, усеянные металлическими пластинами кожаные крутки. На нескольких так вообще поблёскивали кольчуги. Дорогая штучка для здешних мест. Вооружены они были тоже неплохо.

У каждого имелся не только арбалет, но ещё и меч. Лица у всех были сытые, румяные, как у людей, регулярно и хорошо питающихся. А вот глаза — холодные, тусклые. Глаза бандитов и убийц.

Неторопливо приближаясь, рыцари брали непрошеных гостей в полукруг.

— Может, удастся договориться? — спросил поэт.

— Попытаюсь, — пробормотал Райдо.

Шагах в пятнадцати рыцари дракона остановились. Лишь один, явно предводитель, подошёл чуть ли не вплотную. Здоровенный детина, с длинными, смахивающими на два шнурка усами, в дорогом панцире. Он постоял, разглядывая пленников, потом спросил:

— Кто такие?

— Поэт Лютик и подмастерье, — сообщил Райдо. — Я — подмастерье. Мне бы шахты поглядеть. До дракона нашего дела нет.

— Зачем подмастерью нужны шахты?

— Когда-то в них добывали рубины, потом они кончились. А я предполагаю, что там есть мифрил. Если моя догадка подтвердится, контролирующие их станут богатеями. Насколько я понимаю, шахты сейчас принадлежат вам.

— Что тут нужно поэту?

— Я хочу написать балладу о... — ответил Лютик. — гм... о шахтах, о том, как трудно в них добывать руду.

— Понятно, — сказал предводитель.

Он махнул рукой, и один из его людей, худой, с бельмом на глазу, чуть ли не бегом преодолев разделявшее их расстояние, вырвал из рук у Райдо арбалет, отшвырнул его далеко в сторону. Потом он сдёрнул с плеча у Лютика лютню и вопросительно посмотрел на вожака. Тот пожал плечами. Прежде чем вернуться к дружкам, худой садануул музыкальный инструмент о ближайший большой камень. Тренькнули струны, обломки грифа усеяли траву.

— Меня зовут Экк, — сообщил предводитель. — Рассчитываю на ответную искренность. Ещё раз предлагаю рассказать, кто вы такие. Опять соврёте, для начала прикажу всадить каждому по стреле в ногу. Про мифрил можно не упоминать. Никогда он не соседствовал в одной шахте с рубинами. Это — факт. Поэт скорее всего притопал посмотреть дракона, и напрасно, конечно.

— Даже если я на самом деле явился посмотреть на вашего несуществующего дракона, — с обидой сказал Лютик. — Лютню-то зачем разбили?

— Мёртвые на лютнях не играют, — объяснил Экк. — Не будь ты певцом, мог и уцелеть. А так, зачем оставлять в живых человека, который разнесёт нашу тайну по всем окрестным трактирам? Вредно скажется на доходах.

— Содержание от города, возможность безнаказанно обделывать преступные делишки, имущество драконоборцев, рискнувших пройти к пещёре, — перечислил Райдо. — Я ничего не забыл?

— Процент со всех торговых дел в черте города, — добавил предводитель рыцарей. — Заметь, я очень искренен. Услышу ли в ответ правду? Кто ты и что тебе надо?

— Хорошо, — ответил Райдо. — Вот чистая правда. Я — мастер зверей. Я умею заключать соглашения с любыми зверями. Я догадался о том, что дракона здесь нет, едва услышав рёв трубы.

— Если ты всё знал заранее, то зачем полз через горы, да ещё и этого олуха царя небесного с собой тащил?

Лютик вскинул было голову, собираясь ответить на выпад достойно, но не сказал ни слова. Чувствовалось, сейчас не до амбиций.

— Договориться, — ответил Райдо. — У меня есть дракон, и его нужно пристроить. У вас дракона нет, но есть условия для его существования, есть город, в нём нуждающийся. Не пора ли заканчивать маскарад? Слухи неизбежно поползут. Ну а дальше вашей вольготной жизни придёт конец. Не успевшие унести ноги самозваные рыцари от-

правятся на виселицу. Кто похитрее — займётся грабежами на трактах и отложит свидание с ней на полгода, год, не более. Новый король обещал побеспокоиться о том, чтобы купцов никто более не обижал, а он слово держит. Итого, будущее вам светит безрадостное. А вот настоящий дракон всё меняет, придаёт существованию вашего ордена смысл. Он списывает прежние грешки. Если измените манеры и стиль жизни, можете стать самыми настоящими рыцарями.

— А если — нет? — спросил кто-то из шеренги.

— Надеюсь, вы слышали, что драконы разумны? Ещё они не жалуют людей с хищническим отношением к окружающему миру и возле себя не терпят. Однако если вы изменитесь, то мой дракон вас признает. А это — забвение грехов, свой дом, стабильная, обеспеченная жизнь, в будущем — семья, дети, покойная старость. Достаточно лишь заключить соглашение, и они у вас будут.

— Всё? — спросил Экк.

— А мало? — улыбнулся Райдо.

— Что скажете, ребята? — Предводитель рыцарей дракона повернулся к своему воинству. — Нам сделали щедрое предложение. Нравится?

— Сейчас их застрелим или ещё поспрашиваем? — спросил ближе всех стоявший к нему рыцарь. — Вдруг что-нибудь скажут такое же забавное?

Лицо у него было одутловатое, как у сильно пьющего человека.

— Вот видишь, — Экк вновь повернулся к воинам спиной. — Не верят тебе, совсем не верят.

— А ты сам?

— Верю, как ни странно это звучит. Ибо человек ты, на мой взгляд, умный, а обмануть нас подобной историей мог попытаться лишь идиот. Вот только, даже если ты и вправду мастер зверей, что с того? При желании я мог бы даже рискнуть, разрешить тебе привести сюда дракона, выкупить им жизнь. Убив такую зверюгу, можно полу-

чить больше, чем с десятка приехавших с ним сразиться. Да только воинство у меня неподходящее. Расстрелять из арбалетов рыцаря могут запросто, а против такой зверюги не выдюжат.

— Кишка тонка? — вклинился Лютик.

Экк поморщился.

— Не советую так говорить перед лицом вооружённых людей. Впрочем, какая разница? Твою судьбу, господин поэт, уже не изменишь.

— За меня отомстят, — напомнил Лютик.

— Наслышан. Если ты действительно Лютик, то за тебя может вступиться белоголовый ведьмак. Пусть приходит. Вот тут мои люди себя покажут. В уничтожении всяких там героев у них опыт большой. Кстати, может, это и правильно? Слишком много их развелось. Палку кинешь и сразу попадешь в героя или безумца, забившего себе в голову, будто на свете есть какие-то принципы, болтающих о том, что надо жить ради будущего. И ведь не только мелют языком, но ещё и размахивают разными там железяками. Спору нет, иногда очень даже умело, но десяток арбалетных стрел способен успокоить любого. Навсегда успокоить.

— Я так понимаю, это означает отказ от предложенной сделки? — поинтересовался Райдо.

— Торг продолжается, — пожал плечами Экк, — на наших условиях. И дракон никак не подходит. Вот если приведёшь пяток единорогов — ударим по рукам. Можешь ты найти в ближайших лесах пяток единорогов? Убивать их легче, а стоят они очень хорошо. За рога знающие люди платят большие деньги. За небольшую надбавку отпустим и певца. Язык ему придётся урезать, но зато жить будет. Подумай, я не обману. Да и есть ли у тебя выбор?

— Есть, конечно. В последний раз предлагаю одуматься. Ваше будущее...

— Да начхать нам на будущее! — рявкнул предводитель фальшивых рыцарей. — Наш путь для тех, у кого его нет. Любой из стоящих у меня за спиной знал, на что идет.

И хватит чесать языком. Если ты не согласен выкупить наши жизни, то на этом я намерен переговоры закончить. Ну?

Райдо широко развел руки.

Вы сами этого хотели, — сказал он.

Глуп ты, братец. — Экк повернулся к своим стрелкам. — Ну что, ребята, потренируемся? Первому, всадившему одному из них стрелу в правый глаз, достанется полновесная золотая монета. Стрелять по очереди, по моей команде.

Мастер зверей резко хлопнул в ладоши.

– Это ещё что за фокусы?

Ничего более сказать предводитель рыцарей не успел. Прямо над головой его возникло нечто вроде туманного пятна размером с дом. Из него мгновенно высунулась зубастая, увенчанная гребнем голова и изрыгнула столб огня.

10

— Если я тебя и обманул, — сказал Райдо, — то совсем немного. Ну не подмастерье я, а мастер. Меняет это суть дела?

Они сидели возле входа в шахту. Он был расположен на достаточном удалении от места встречи с рыцарями дракона, и запах палёного мяса сюда не долетал. Это радовало.

Отхлебнув из здоровенной, оплетённой соломой бутыли, мастер зверей передал её товарищу. Устроившись поудобнее, тот сделал большой глоток, потом вернул сосуд.

В глубине шахты возился дракон. Явственно слышался шорох чешуи и скрежет когтей о камень.

— Дело не в терминах, — сказал Лютик, — а в сути. Дракон, что он там делает?

— Зарывает кости предшественника. Хоронит. Судя по всему, тот умер от яда. Хотел бы я знать, кто его убил, но прошло слишком много времени.

— Профи поработал?

— Возможно. — Рейдо сделал следующий глоток. — А неплохое вино у разбойничков. Даже зависть берёт. Шастая по лесам, такое пьёшь не часто.

— Кто тебя заставляет?

— Я создан для этого. А идти против собственной натуры не стоит. Каждый должен делать то, ради чего рождён. Не это ли ты мне сказал?

— Было, — признал поэт. — И всё-таки откуда взялся дракон? Ты его из кармана вынул?

— Нет, конечно. Неизвестно где есть мир, в котором живут в своё удовольствие сказочные звери. Драконы, единороги, грифы и многие другие. Думаю, живётся им там неплохо, но чего-то не хватает. Иначе зачем бы они стремились сюда? Я умею отправлять их туда, могу вернуть в наш мир. При желании.

— Где находится этот мир?

Райдо ухмыльнулся.

— Я же сказал — неизвестно где.

— Не знаешь?

— У меня есть догадки, но нет доказательств. Спроси лучше о чём-нибудь другом.

— Да запросто. К примеру, что будет дальше? Самозваных рыцарей ты уничтожил. Поселишь здесь дракона и отправишься дальше, искать место для следующей волшебной зверушки? Вскоре придёт ещё один отряд бандитов. Они отравят твоего зверя и опять объявят себя «рыцарями дракона». Все начнётся по новой. Стражники и не вякнут, поскольку явно были в доле и не прочь её получать вновь.

— Не всё так плохо, — ответил мастер зверей. — Я осмотрелся в городе. Он ещё не прогнил, да и мэр, хоть и мирится с присутствием фальшивых рыцарей, большого удовольствия от этого не испытывает. Выхода у него нет. А я — предложу. И есть ещё певец, способный сочинить песенку о несуществующем драконе, если мы не догово-

римся. Песенка эта мгновенно разлетится по свету. Как, достаточно?

Поэтому ты меня за собой таскал? — спросил Лютик.

Как раз в этот момент дракон высунул голову из пещёры. Лютик подумал, что он красив просто необыкновенно. И тотчас ему в голову пришёл образ, способный передать цвет чешуи на морде дракона. Там виднелось пятно просто замечательного оттенка.

— Скажем так, — ответил Райдо. — Это было удачное стечение обстоятельств, не более. И так ли я тебя обманул? Ты увидел дракона. Сейчас на него смотришь.

— Возможно, — пробормотал Лютик. — Но суть...

Он не мог оторвать от головы дракона взгляда, просто пожирал её глазами.

Немного погодя ящер вновь спрятался в пещёру, продолжил возню, кажется, даже стал порыкивать.

— Так что там с сутью? — спросил мастер зверей. — Чем ты недоволен?

— Многим, — ответил поэт. — Но сначала объясни мне, каким ты видишь далёкое будущее? Понимаешь, люди придерживаются заключённых договоров лишь до тех пор, пока они им выгодны. А вскоре они станут гораздо сильнее драконов. Будет изобретено оружие, способное их убивать легко. Чем после этого займётся мастер зверей?

Райдо засмеялся.

— Будет день, будет пища.

— А если серьёзно?

— Останутся люди. После того как с животными в этом мире покончат, останутся лишь они. Учти, единороги и драконы, другие волшебные животные есть и среди людей. После того как мир перестанет нуждаться в настоящих волшебных животных, настанет черёд странных людей. Тех, кто, к примеру, сочиняет никому не нужные песни, пишет странные картины, придумывает невероятные истории. Все эти люди тоже не очень приспособлены к

обычному миру и нуждаются в опеке. В ком-то, кто бы за них заключал договора, приглядывал за ними. Понимаешь, о чём я?

— И я одно из этих странных животных?

— Вполне возможно, вполне возможно.

— А ты меня подставил, — напомнил поэт. — Страху я при этом натерпелся...

— Тут не поспоришь, — признал мастер. — В полный рост подставил. Правда, до самого страшного я бы не допустил. Почти наверняка. И потом, я готов компенсировать ущерб. Как только заключу договор с мэром, мои возможности в этом отношении станут просто огромны. Деньги — понятно. Увесистый кошель, в уплату за балладу. Ты её напишешь?

— Дракона я увидел. Теперь напишу.

— Что хочешь помимо денег?

— Лютню, — сказал Лютик.

— Как без неё? Получишь. Что ещё?

— Мне отдастся самая красивая девушка в городе.

— Не могу обещать. Да и ты не захочешь. Любовь по обязательству — не любовь. И если уж невмоготу, то не лучше ли пожелать обычную шлюху?

— Самую красивую в городе? Хорошо.

— Ещё что-нибудь?

— Есть... — глаза Лютика блеснули, как у кошки, увидевшей мышь. — Есть один лакей, обозвавший меня графоманом. Все остальное — привычное дело, а вот это простить нельзя. И значит...

2012 г.

Владимир Васильев

ЦВЕТА ПЕРЕМИРИЯ

(цикл «Ведьмак из Большого Киева»)

Ветер тоскливо завывал где-то вверху, под ржавыми балками старого-старого моста. Геральт открыл глаза.

Снизу мост напоминал увенчанную фермами кровлю цеха на каком-нибудь большом заводе, но у этого цеха не хватало двух противостоящих стен, а кроме того, внизу, по центру, вместо вереницы установленных станков или ещё какой заводской машинерии проходило широкое асфальтовое шоссе, в целом сохранившееся неплохо, но уже дотянувшее до такого состояния, при котором его не хотелось называть автострадой. Шоссе было тоже древнее, как мост, а возможно, и древнее.

Геральт по-стариковски закряхтел и сел. Спина совсем затекла, как он с вечера и предполагал. Постелью ведьмаку служила охапка грязноватого тряпья, в которой уже невозможно было узнать изначальные вещи. Подушкой — рюкзачок, повёрнутый лямками вверх.

Мурис сидел невдалеке на подобной же куче тряпья и хитровато щурился.

— Доброе утро, — проворчал Геральт, не удержался и добавил: — Холера ему в бок...

— И вам не кашлять! — жизнерадостно отозвался Мурис.

Геральт встал на ноги, попутно брезгливо отпихнув грязные тряпки, и направился к пологой, вымощенной плиткой насыпи, на которую опиралась первая опора мо-

ста. Там, почти у самых ржавых несущих балок, пряталась дверь в техническое помещёние, где имелись унитаз, рукомойник и худо-бедно действующие водопровод с канализацией. Теоретически в этой клетушке можно было даже заночевать, однако там ощутимо повонивало, да и вообще всё было старое, ржавое, истлевшее и затхлое, поэтому Геральт предпочёл ночевать снаружи, на воздухе, тем более что мост служил прекрасной крышей на случай дождика, а тряпьё Муриса было хоть и грязное, но хотя бы без вшей.

Не впервой, чего там...

Когда Геральт вернулся, Мурис уже хлопотал у костра — лил воду из шестилитровой бутылки в мятый закопчённый котелок.

— Надеюсь, на завтрак не похлёбка из крыс? — мрачно осведомился Геральт.

— Каша, — флегматично сообщил Мурис. Подумал и добавил: — Гречневая.

Геральт подошёл ближе и принялся скептически наблюдать за Мурисом. Тот уже наполнил котелок примерно на две трети и теперь сыпал туда же крупу из рыжего бумажного пакета с грубо намалёванными пшеничными колосками. Какое отношение колоски имели к гречке — было совершенно непонятно.

— Соль у меня есть, — сообщил Мурис, не оборачиваясь. — А вот специй нет. Никаких. У тебя нет?

— Кажется, есть. — Геральт потянулся к рюкзачку и нашарил в боковом кармане несколько порционных пакетиков с перцем. — Но тут совсем мало.

Мурис глянул, поскрёб небритый подбородок и задумчиво предположил:

— Наверное, это лучше уже в миску сыпать.

— Резонно, — согласился Геральт и переложил два пакетика из кармана рюкзачка в карман джинсов.

Мурис тем временем убрал полупустой пакет с крупой в видавшую виды тёмно-зелёную сумку, которую Геральт с первого же взгляда про себя окрестил «торбой».

– Знаешь, что главное при готовке гречки, а? — спросил Мурис почти весело.

– Что?

– Насыпал, накрыл — и не трожь. Никогда гречку не мешай, запомни! А то клейстер получится.

Мурис аккуратно водрузил поверх котелка ржавый металлический лист размером примерно с конверт от грампластинки. Геральт решил малость пошарить в сети, благо в ближайшие минут сорок делать было решительно нечего. Батареи в ноутбуке сажать не хотелось, поэтому Геральт вернулся в клетушку с сортиром и рукомойником, воткнулся удлинителем в источник техники при входе, рядом с еле живым выключателем, и вышел наружу. Удлинителя как раз хватило, чтобы устроиться за углом, на пологом склоне, где не так воняло. Но сигнал сети был совсем слабенький, мешал мост, а выйти из-под него не хватало длины провода. В общем, Геральт промучился минут двадцать, ничего загрузить не сумел, плюнул и отключился.

Когда он вернулся к костру, обнаружились гости.

Было их двое — здоровые лбы в чёрной кожаной одежде с заклёпками и цепями. Один сжимал в руках помповое ружьё, второй держал за горло Муриса.

«Байкеры, что ли?» — удивлённо подумал Геральт, не зная, что предпринять.

Он действительно растерялся. Оба пришельца, конечно, не выглядели как банкиры с Крещатика, но кожаная их одежда была сравнительно новой и, несомненно, далеко не дешёвой. Как и гномьи ботинки — Геральт носил такие же, поэтому прекрасно знал им цену.

А Мурис был тем, кем и выглядел — бомжом, который обитает под мостом автомобильной развязки. Живому в дорогой кожаной одежде и гномьих ботинках в голову не придёт хватать за горло бомжа — хотя бы из очевидной брезгливости. У Муриса на лбу не написано, что он стирает всё своё рваньё как минимум раз в две недели в ближай-

шей автоматической прачечной — кстати, скорее всего именно от частых стирок его одежонка так и поистрепалась.

— А вот и наш хвалёный ведьмак, — удовлетворённо произнёс громила с ружьём.

Второй ничего не сказал, только беспрерывно скалился, недобро и хищно.

— Да, я ведьмак, — произнёс Геральт спокойно. — Вы меня искали?

— Искали, искали, — подтвердил обладатель ружья. — Собирайся, пойдёшь с нами.

— Ага, прям уже вскочил и побежал! — проворчал Геральт. — Каша ещё не сготовилась.

Оба громилы непроизвольно покосились на котелок над костром.

— Какая, на хрен, каша? — зло проорал тот, что держал Муриса.

— Гречневая, — невозмутимо уточнил Геральт. — И прекратите орать, в ушах уже звенит.

Он, стараясь всё же не делать излишне резких движений, уселся перед костром, так, чтобы котелок находился между ним и неприветливыми гостями. И сбросил с плеча рюкзачок.

— Э, э! — заволновался громила с ружьём. — Руки! Чтоб я их видел.

— Да пожалуйста! — ведьмак демонстративно показал обе руки из-за котелка. В левой ничего не было, а в правой он держал жестянку с тушёнкой.

Мурис вдруг сдавленно захрипел — похоже, за горло его держали довольно крепко. Громилы на мгновение отвлеклись. Геральт подумал, что удобнее момента выхватить пистолет не придумаешь, но тут сверху, с моста, кто-то призывно заорал:

— Эй, придурки! Вы где?

— Сам ты придурок, Гастон! — немедленно отозвался тот, что держал Муриса, и, кажется, ослабил хватку, по-

тому что Мурис часто и с лёгким присвистом задышал. Второй здоровяк нервно мял в руках помповуху, словно не мог решить, в кого прицелиться — в Геральта, в Мориса или в того, кто собирается спуститься с моста.

Через пару минут показался третий «байкер». Одет он был, по крайней мере, в ту же кожу с железяками и гномьи ботинки, но габаритами первым двум значительно уступал. А вот мозгами, несомненно, превосходил их вместе взятых — это Геральт понял, едва увидел его живые и умные глаза.

— Тьфу ты! — ругнулся он, когда приблизился. — Отпусти его, Трамп, зачем тебе этот бродяга?

Тот, кого назвали Трампом, шмыгнул носом и не очень уверенно сказал:

— Да мало ли... Вдруг стрельнёт!

— Из чего? — иронически спросил Гастон. — Откуда у бродяги ствол?

Мурис выглядел и впрямь не слишком воинственно. Особенно после того, как его несколько минут кряду крепко держали за горло.

Трамп поколебался и отпустил Мориса. Тот проворно шмыгнул в сторону и укрылся у Геральта за спиной.

Гастон повернулся к Геральту, изобразил на лице лёгкое сожаление и виновато развел руки — наверное, извинялся за неотёсанность своих спутников. Геральт подумал, что с ним, пожалуй, есть все шансы договориться без стрельбы и поножовщины, что бы ни привело эту байкероподобную троицу под мост, где обитал Мурис.

— Вы знаменитый ведьмак Геральт? — осведомился Гастон достаточно спокойно и достаточно дружелюбно, чтобы насторожиться.

— Прям так уж и знаменитый, — проворчал Геральт. — Кому в этом мире интересны ведьмаки, кроме тех, кого норовит переехать какой-нибудь приблудный бульдозер или дикий грузовик?

— Не скромничайте, — ответил Гастон. — Насколько мне известно, без работы в последнее время не сидели ни вы, ни ваши коллеги.

Геральт не стал отвечать — Гастон говорил правду, а лишний раз подтверждать очевидное нет особого смысла. Хотя, если быть совсем уж точным, последний месяц Геральт как раз сидел и без работы, и без денег. Но если смотреть глобально — работы ведьмакам в Большом Киеве хватало с избытком.

— Мне поручено нанять вас, — сказал Гастон и качнул головой в сторону спутников. — И ещё, наверное, будет разумно извиниться за поведение этих дуболомов.

— Сам ты дуболом, Гастон! — тут же взвился Трамп, но вожак неожиданно резко и жёстко осадил его:

— Заткнись, Трамп, я говорю не с тобой!

Как ни странно, Трамп немедленно заткнулся, хотя позволил себе насупиться и громко засопеть. Но против этого Гастон вроде бы не возражал.

— Лицо, которому понадобились услуги ведьмака, выбрало именно вас, Геральт, после консультаций с небезызвестным вам машиноловом Вольво. Вольво рекомендовал вас, и мой босс согласился с вашей кандидатурой. Процедура найма нам известна, как и тот факт, что ведьмаки работают только по предоплате. Извольте пройти с нами, мы доставим вас к боссу для переговоров и заключения контракта. Кстати, Вольво уже подписал контракт, он и его команда подтвердили участие в мероприятии.

«Ишь ты, как запел! — оценил Геральт. — Извольте, мол, пройти! Действительно, это не дуболом Трамп и не его дружок с помповухой, это другой уровень».

— Я пройду с вами, — сказал Геральт решительно, — как только мы с приятелем позавтракаем.

— Не беспокойтесь, вас накормят хорошим ресторанным завтраком.

– Да когда это ещё будет, — вздохнул Геральт. — А жрать прямо сейчас охота. И потом, я сто лет не едал гречки с дымком и тушёнкой. Божественно, если не знаете!

В обычное время Геральт сказал бы «ел», а не «едал», но после манерного «извольте» Гастона следовало немного повыделываться, ведьмак чувствовал это всеми печёнками-селезёнками, а чутьё его подводило крайне редко.

Геральт обернулся к напуганному Мурису:

– Ну чего, скоро там? Я про кашу.

– Да всё уже, думаю, — прохрипел тот и с опаской приблизился к костру. Придержал импровизированную крышку полой своего потрёпанного пиджачишки, заглянул в котелок и подтвердил:

– Готово! Ещё бы, конечно, завернуть во что да выдержать... Но и так сойдёт.

Геральт, не кроясь, вынул нож, который всё это время тоже держал под рукой, взрезал банку с тушёнкой и передал Мурису. Тот немедленно вывалил содержимое в котелок и принялся помешивать выуженной из внутреннего кармана мельхиоровой ложкой.

Гастон и его дуболомы терпеливо ждали.

Геральт тоже вынул ложку — в отличие от Муриса, складную. Когда-то она была половинкой туристского столового прибора, но многие ведьмаки справедливо полагали, что в пути вилка — излишество. Хватит и ложки. Тем более что штопор располагался на одной половинке с ложкой.

Каша и впрямь получилась вкусной, рассыпчатой, да ещё тушёнка у Геральта водилась не какая попало, а действительно хорошая, без дурацкого слоя комбижира, который все нормальные живые всё равно выбрасывают. Геральт вытряхнул в варево перец из пакетиков, и стало совсем хорошо. Зачерпывали прямо из котелка и ели, обжигаясь и причмокивая.

Через четверть часа Геральт вполне насытился, но он знал: Мурис точно не успокоится, пока не опорожнит ко-

тодок да пока не выскоблит так, что крысам или птичкам потом ловить однозначно нечего. Поэтому он не вставал, сидел у котелка, изредка лениво подъедая по полложечки.

«Байкеры» ждали.

В целом это было странновато — обычно подобные типы быстро звереют, и дело сводится к стрельбе или потасовке. Минут ещё через пять-семь Трамп всё же не выдержал:

— Ну долго ещё, чёрт ты лысый?

Геральт хмыкнул: Трамп был не волосатее его самого — обрит до состояния коленки. Но имел густые косматые брови, а ещё усы и короткую бородку, обрамляющие рот.

«Хрен с ними, — подумал Геральт. — Пойду. Интересно, чего предложат».

Работа ему сейчас действительно не помешала бы, иначе с чего ночевать под мостом, а не в гостинице? Да и пополнить запас боеприпасов было бы не лишним, потому что сколько Геральт ни рыскал по диким складам — ничего не нашёл, осталось только банально купить.

Геральт встал, вытер ложку, сложил её и сунул в кармашек рюкзачка. Нож он ещё раньше убрал под куртку, на пояс.

— Бывай, Мурис, — попрощался он с бомжом. — Может, ещё вернусь, но скорее всего нет.

Мурис замычал, не переставая жевать. Одновременно он опасливо косился на «байкеров».

— Не бойся, не тронут. — Геральт легонько хлопнул его по плечу, для чего пришлось чуть пригнуться, и приблизился к Гастону со спутниками.

— Поехали.

Трамп с приятелем немедленно развернулись и направились к автостраде, ныряющей под мост. Гастон чуть задержался и пошёл рядом с Геральтом. Самое странное — молча. Геральт от нечего делать принялся разглядывать

эмблемы на спинах у Трампа и второго «байкера», совершенно одинаковые — раскинувшая крылья летучая мышь на бордовом поле и затейливая надпись нечитаемыми готическими буквами. У Трампа в левой части эмблемы, прямо поверх крыла летучей мыши, виднелась приметная царапина в форме буквы Z. Насколько Геральт успел заметить, куртку Гастона украшала аналогичная эмблема.

Они пересекли дорогу и поднялись к дальнему краю моста. Наверху дорога была шире и лучше, чем под мостом, ночью по ней даже кто-то проезжал, Геральт это отметил сквозь сон. «Байкеры» шагали прямо по ней, прочь от моста. Вскоре ответвился загиб вниз и ещё один влево, а ещё через несколько минут Геральт понял, что явившуюся за ним троицу можно именовать байкерами безо всяких кавычек: у обочины стояли два «Гетьмана» с переделанными на байкерский манер рулями и здоровенный, сверкающий хромом и сталью трицикл.

— Залазь! — буркнул Трамп, усевшись за руль трицикла.

За спиной водителя было оборудовано сиденье, подобное заднему автомобильному, причём размерами оно автомобильному нисколько не уступало.

Моторы взревели, и в лицо толкнулся свежий утренний ветерок — Геральт прекрасно знал, что он называется вымпельным.

* * *

Ресторан оказался даже лучше, чем Геральт ожидал — похоже, это заведение вообще не работало на случайного клиента, только на заказ. Вывески, во всяком случае, не имелось вовсе.

Они сидели в беседочке, покрытой хитроумной резьбой по дереву, за массивным столом, и вокруг метров на пятьдесят не было вообще ничего, только стриженая зелёная

лужайка да небольшое озерцо с журчащим по альпинарию водопадиком. В озерце бултыхался одинокий селезень, которого хозяин называл Яша.

Хозяин был человеком, но скорее всего с легкой примесью орочьей крови. По человеческим меркам выглядел он лет на сорок пять—пятьдесят.

— Мне нужен ведьмак, — сказал он спокойно. — Вообще для этого мероприятия много чего нужно. Две скорых, пожарные, до хрена торговых точек с пивом и шашлыками, сцена с аппаратом, музыканты, девки у сцены сиськами трясти... Говновоз, в конце концов. Но теперь в управе потребовали, чтобы присутствовал ещё и ведьмак. С контрактом и всеми прибамбасами.

Хозяин потянулся к запотевшей рюмке и, ни с кем не чокаясь, выпил. Потом неторопливо закусил ломтиком ветчины и крепеньким грибочком.

— Что с меня: койка в корпусе, трёхразовое питание на служебной точке и халявное пиво все три дня. За это ты получишь двенадцать тысяч, по четыре за каждый день. Что с тебя: ты все это время находишься на территории и в любой момент обязан ответить на звонок администрации, если таковой поступит. Мобильник тебе дадут, после всего вернёшь. Ну и если чего случится по твоей части — разрулишь, хотя за последние хрен знает сколько фестивалей ничего такого не случалось. Это всё.

Геральт для приличия помолчал.

— Вообще работа, мягко говоря, не для меня, — тихо сказал он. — И работают ведьмаки только после стопроцентной предоплаты.

— Я в курсе, — кивнул хозяин. — Деньги будут перечислены сразу по подписании контракта.

Он тоже немного помолчал и тоже, скорее всего, для приличия.

— Соглашайся, ведьмак, работёнка — не бей лежачего. Три дня потусишь, пивка надуешься и всё такое. Даже, считай, четыре: начало в полдень, до вечера, двое полных

суток и последний день опять же до полудня. Денег не жизнь весть сколько, ну так и делать ничего не надо, только отдыхать.

После довольно длинной полосы безденежья и ночёвок под мостом последний аргумент казался особенно привлекательным. Геральт честно признался себе: он устал и совершенно не прочь попить пивка под шашлычок, хард-рок и разноголосый гомон байкерского фестиваля. Тем более что за это ещё и заплатят. Поэтому для себя он не только уже согласился, но и решил, что Арзамас-16 поставит в известность лишь постфактум. Дабы не обломать вероятный отпуск.

В конце концов, это выгодный для всей ведьмачьей братии вариант: Арзамас вместо того, чтобы тратиться на отпускные Геральту, ещё и получит обычные пятьдесят процентов его гонорара.

— Хорошо, — объявил Геральт хозяину ресторанчика. — Но контракт я всё равно сначала прочту.

— Разумеется.

И громче:

— Контракт сюда!

* * *

Трицикл подкатил в шлагбауму, который отделял фестиваль от остального мира. На небольшой асфальтовой площадке скопилось десятка два мотоциклов с мотоциклистами, а за шлагбаумом их были уже сотни — и показушно байкерские, и модерновые спортивные, и видавшие виды местные старички, и смешные, но привлекательно выглядящие обтекаемые мопедики из Большого Токио, и несуразного вида самоделки, и ещё жизнь знает какие двухколёсные диковины. Попадались и трёх- , и даже четырёхколесные монстры, да и просто автомобилей тоже хватало. Всё это как попало разместилось под деревьями, и прямо тут же, посреди палаток, кустов и торго-

вых точек у дороги, бродили, бухали и братались байкеры, тоже видом от максимально свирепого до вполне обыкновенного киевского уличного. Гомон стоял — хоть уши затыкай.

Геральт поморщился. Редко ему приходилось бывать среди такого количества живых и в таком шуме-гаме-тараграме.

Трамп тем временем разогнал очередь перед шлагбаумом, протиснул трицикл к самой полосатой перекладине, которая тут же поднялась. Они прибыли.

— Слезай, умник, приехали! — пробурчал Трамп.

Неизвестно почему, но он определённо испытывал к ведьмаку сильную антипатию и не считал нужным этого скрывать.

Геральт подхватил рюкзачок и сошел на дорогу. Гастон, оставивший свой мотоцикл на попечение третьего спутника по имени Шершавый, тотчас поймал Геральта за рукав:

— Пойдём, поселишься.

Перед штабным домиком толпа была ещё плотнее, чем перед въездом, но Гастон умело лавировал в толпе, словно лосось на перекатах.

— Здорово, Муня. Посели по служебному, — велел он измотанному и явно невыспавшемуся толстяку в джинсе.

Толстяк поднял взгляд от бумажек, глянул на Гастона, потом — долго и внимательно — на Геральта.

— Это кто? Рыбинспектор? — пробурчал Муня.

— Нет, ведьмак.

— Ведьма-ак? — Муня понимающе хмыкнул. — И куда его?

— Да к машиноловам, наверное, — предложил Гастон.

— И то верно! — кивнул толстяк и запустил лапу в коробку с картонными карточками. — Во! В двести сороковой, там как раз одна койка свободна.

Он что-то написал на карточке и вернул её в коробку.

«Каменный век, — подумал Геральт, глядя на всё это. — Не могли приручить простенькую базу и ноутбук? И не сидеть с картонками?»

– Держи. — Муня выложил на стол примитивный мобильник, умевший только звонить да сообщения пересылать. — Не выключать, не терять, на звонки отвечать моментально. Батарея заряжена, на три дня стопудово хватит. Ключ от номера у соседа, сам его отловишь.

— Как его хоть зовут-то, соседа? — вздохнул Геральт, готовый к любым невзгодам мероприятия на тысячи душ.

— Сход Развалыч, кобольд, — буркнул Муня. — Гастон, покажи ещё, где кормят, и пусть гуляет.

— Сход Развалыч? — удивлённо и обрадованно переспросил Геральт.

— А чего? Кореш, что ли? — поинтересовался толстяк.

— Вроде того, — Геральт решил не вдаваться в подробности. — Знакомый.

— Вот видишь, как тебя удачно поселили! — Муня осклабился, а секундой позже переключил внимание на очередного гостя, на этот раз — простого байкера, приехавшего пофестивалиться.

— Идём, — Гастон вновь потянул ведьмака за рукав. — Покажу, где оргкомитет кормят.

Оргкомитет кормился за пошарпанным одноэтажным корпусом, около циклопической полевой кухни. Отчётливо пахло гречневой кашей и тушёнкой. Геральт против воли улыбнулся во все лицо. А тут ещё за дальним столом обнаружилась почти вся команда Вольво — эльфы Иланд и Вахмистр; карпатские гномы Бюскермолен с Роелофсеном; орковирг Михай; полувирг Зеппелин; хольфинги Мина с Беленьким; чёрный орк Вася со странной кличкой Секс, которой, правда, уже лет сорок мало кто пользовался; по мнению Геральта, лучший водила Большого Киева орк Тип-Топыч; половинчик Трыня и трое людей, из которых Геральт узнал только одного — шофёра Рудика.

Сход Развалыч тоже был тут, сидел, сверкая довольной красной физиономией, между гномами и Васей. Вася как раз наливал ему очередной стакан какого-то местного горлодёра, до которого вся команда Вольво исстари была очень охоча.

— Шахнуш тодд! — воскликнул здоровяк Зеппелин. — Вы только поглядите, кто пожаловал!

Михай молча добыл откуда-то неизменный гранёный стакан (команда Вольво не признавала одноразовую посуду) и передал в ту часть стола, где было посвободнее. Хольфинги и люди как раз потеснились, освобождая место Геральту.

— Геральт! — оживился и Сход Развалыч, самый тут ветеранистый живой (после эльфов, разумеется).

— Здорово, лопцы! — Геральт слегка поклонился, прежде чем сесть, потому что пожать всем руки заняло бы несколько минут, не меньше. — Сход Развалыч, между прочим, меня с вами поселили!

— Ну и здорово, — отозвался тот. — Садись давай, налито!

Геральт сел. Чокнулся, выпил. Закусил чем-то копчёным.

— Захожу я ему, значит, под левый борт, — продолжал дежурную байку Бюскермолен, — а там, не поверите, бойница и ствол торчит калибра эдак двенадцатого!

— У-у-у! — дружно оценили слушатели.

Геральт снова усмехнулся — в этой команде мало что менялось со временем. Чаще всего менялись короткоживущие — люди. Остальное, от живых до манер и традиций, казалось незыблемым и неизменным. И появление Геральта никого особо не всколыхнуло, хотя ему, безусловно, тут были рады. Просто расставания и встречи, даже если они разделялись годами или десятилетиями, тут воспринимали как должное. Бюскермолен или Роелофсен, часто отъезжающие в командировки, бывает, что и длительные, могли по возвращении в резиденцию Вольво про-

должить разговор с Иландом, к примеру, или Вахмистром с того самого места, на котором расстались год назад. Или два года. Или десять. Разлуки и расстояния тут почитали за неотъемлемые части жизни, и это было самое, пожалуй, наглядное отличие от манер короткоживущих людей.

Сидящий рядом Рудик то и дело позёвывал.

Раз уже в седьмой рассказывает, — доверительно сообщил он, перехватив взгляд Геральта. — И слушают, стервецы, даже не перебивают!

- Это что же, всю вашу толпу тоже наняли? Три дня лопать шашлыки и дуть горлодёр? — спросил Геральт, несколько удивившись.

Правила правилами, но селить-кормить такую ораву да ещё платить ей гонорар — дело очень затратное. Тем более что хозяин фестиваля упоминал и пожарных, и врачей, и музыкантов, и даже говновоз — тоже, несомненно, с персоналом. Но, с другой стороны, и мотоциклистов приехало тысяч пять, не меньше. И каждый платит оргвзнос...

Геральт попытался в уме прикинуть приходы-расходы, но быстро заскучал и справедливо решил, что не его это дело — деньги считать в чужих карманах.

— Нас-то понятно зачем наняли, — сообщил с другой стороны хольфинг-сапёр Мина. — Опять дикие мотоциклы ловить будем. Посвящение в байкеры, запечатление с двухколёсным братом и прочая их бодяга байкерская. Каждый год так. А вот ведьмака на слёте я впервые вижу, уж извини, Геральт.

— Хозяин сказал, управа с этого года требует. Вместе с пожарными и говновозом, мол, теперь и ведьмак нужен. Надеюсь, говновоз окажется нужнее.

— Ну, вообще это напрашивалось, — задумчиво сообщил второй сапёр, тоже хольфинг по прозвищу Беленький. — Прошлый год живых пять на охоте полегло. Сдуру, конечно. Но и грузовик встрял тогда тогда... необычный.

Слушайте, а ведь верно! — оживился Рудик. — Из-за того случая небось и придумали ведьмака прикомандировать! Будь в прошлый раз ведьмак поблизости, может, и не погиб бы никто.

«Та-ак, — подумал Геральт с лёгкой тоской. — Кажется, отдохну я здесь! Попью пивко, пожую шашлыки...»

«Впрочем, — ещё через минуту признался себе ведьмак, — так всегда и бывает. Наобещают короб ништяков, а в результате нарвёшься на ворох проблем...»

— Сход Разводыч, дайте-ка ключ. Брошу вещи.

Кобольд метнул через стол допотопный двухбородчатый ключ на ржавом колечке, и Геральт ненадолго отлучился в домик: оставил в комнате рюкзачок с вещами и принял кое-какие меры предосторожности против непрошеных посетителей. В местах, где слишком много незнакомых живых, это никогда нелишне.

Сидели в тот вечер долго, и под горлодёр, и под пиво с шашлыками. Правда, пиво и шашлыки — за свой счёт. Вернее, за счёт команды Вольво, потому что в кармане Геральта посвистывал ветер, а снять деньги с карточки в этой глуши было банально негде. Но никто не серчал, потому что, бывало, и Геральт поил-кормил всю разношёрстную команду, а бывало, и Вольво выручал Арзамас-16 в трудные времена. А от оргкомитета можно было вкусить только гречки с тушёнкой в обед да риса с тушёнкой на ужин. Первое из этих блюд Геральт ел сегодня утром, второе — вчера вечером, так что предпочёл он шашлыки.

Фестиваль тем временем отдыхал как мог, пиво лилось рекой, о крепком тоже не забывали, музыканты на запорошенной песком сцене наяривали что-то металлическое, народ хаотично перемещался от ларька к ларьку, от наливайки к наливайке, причём и пешком, и на мотоциклах, с могучим «дыр-дыр-дыр», спасибо, что медленно, и тому, у кого «дыр-дыр-дыр» был особо громок и басист, отчаянно аплодировали все вокруг. Геральта пару раз принимались

задирать, но как-то без огонька и азарта, тем более что более трезвые приятели задир обычно быстро окорачивали, а ведьмак в любом виде был склонен скорее уклоняться от конфликтов, чем разжигать их, поэтому до неприятностей не дошло. Да и вообще, невзирая на общую внешнюю брутальность участников, обстановка была до такой степени корректной и доброжелательной, что Геральт дважды высказывал удивление. Сход Развалыч и остальные только хмыкали в ответ. Во второй раз Бюскермолен как бы невзначай заметил, что тут у половины в карманах по стволу, поэтому на злое слово легко можно в ответ схлопотать заряд дроби в живот. Поневоле будешь осмотрительным. Геральт подумал и удивляться перестал, но пистолет свой теперь старался всё время держать под рукой, особенно когда отправился побродить по лагерю.

Бродил он минут сорок. Среди множества байкеров Геральт быстро наловчился различать цвета местного клана — их эмблемой была летучая мышь. Изредка попадались и другие эмблемы, как правило одиночные. То ли у мотоциклистов не имелось привычки ездить на чужие фестивали большими компаниями, то ли это были специально приглашённые представители — хрен их разберёт. Но вскоре Геральт заметил сразу нескольких байкеров из чужого клана — они стояли прямо около палатки одной из наливаек, под фонарём на самом краю площадки перед сценой.

Байкеров было трое, и спины их украшала эмблема, которой раньше Геральт на фестивале не встречал. Основным элементом эмблемы было стилизованное изображение ворона на серебристом поле. При желании можно было бы разобрать и надпись, выполненную, как водится, готическими буквами, но в тот момент желания ломать глаза у Геральта не случилось. Тем более что внезапно возникло предчувствие — тревожное и не особенно хорошее.

— А вот и ведьмак, крутой, как экскаватор на его башке.

Странно, но голос прозвучал вовсе не оттуда, где стояли эти трое. Голос прозвучал из-за стола, прячущегося под ближним навесом. Освещёния там не было, поэтому из-за контраста с ярким пятачком у фонаря казалось, что под навесом просто темно и никого нет, даже стола толком не было видно.

Из-под навеса вразвалочку вышли Трамп и второй байкер со странным прозвищем Шершавый, подручные Гастона. Те самые, которые Геральта на фестиваль привезли.

— Мечтаю я, ведьмак, крутизну твою увидеть, — с насмешкой произнёс Трамп.

— Мечтай, — пожал плечами Геральт. — Не возбраняется.

Трамп набычился.

— Чё-то я не понял...

— А это потому, что ты тупой, — перебил Геральт. — Хотя вряд ли это для тебя новость.

Под навесом обидно заржали.

Трамп сжал кулаки и шагнул вперёд.

— А сейчас, — спокойно сообщил Геральт, — ты пойдёшь дальше пить пиво, или чем вы там травитесь, потому что мы на фестивале, а я ещё и при исполнении.

— Трамп! — прохрипел Шершавый и тихонько указал пальцем в сторону — туда, где стояла троица байкеров из чужого клана, только теперь они смотрели не на сцену с рокерами, а на ведьмака и Трампа, и смотрели очень внимательно.

Трамп сквозь зубы выругался и быстро вернулся за стол. За ним в полумрак юркнул и его приятель.

Трое чужаков некоторое время безмолвно созерцали Геральта, а потом дружно переключились на музыкантов. Предчувствие отпустило; ведьмак облегчённо выдохнул и решил, что больше бродить не стоит.

Он вернулся к гостеприимному столу машиноловов и сидел там ещё довольно долго.

Закончился вечер тем, что Геральт не без труда отбился от излишне габаритной подвыпившей молодки и ускользнул спать. Сход Развалыч к тому времени давно уже похрапывал, поэтому ведьмак, не раздеваясь, рухнул на койку и отключился.

Ночью кто-то дважды открывал дверь в их со Сход Развалычем комнатушку, но порога так и не переступил. Геральт это фиксировал, не просыпаясь. Вот если переступил бы — тогда ведьмак точно проснулся бы. А так всего лишь запомнил.

И всё же худшие ожидания Геральта сбылись. Правда, не на следующий день на охоте, как он ожидал, и даже не вечером после охоты, когда машиноловы и колонна сопровождения с гиканьем вернулись в лагерь, имея в передвижном загоне десяток отловленных дикарей. Охота, кстати, прошла достаточно гладко, всего-то и ущерба, что два разбитых пикапа, разрушенный ларек около автозаправки, пяток ушибов и одно падение с мотоцикла в кювет, но даже без переломов. Спасибо снаряжению...

Всё началось незадолго до обеда на третий, фактически последний день фестиваля, поскольку назавтра с утра планировался только разъезд, никаких мероприятий. Геральт в одиночестве попивал пиво за столом, где обычно заседали машиноловы Вольво, и прикидывал, что ещё примерно сутки — и он свободен. С каждой минутой он всё больше надеялся, что фестиваль обойдётся без происшествий, а значит, и без его помощи и вмешательства.

Геральт уже практически поверил в это и расслабился и вдруг, в очередной раз отправившись прогуляться по лагерю, увидел несколько полицейских машин посреди центральной аллеи. А потом и полосатую красно-белую ленточку оцепления вокруг одной из палаток.

В кармане впервые за всё время тренькнул выданный по приезде телефон. Тренькнул — и умолк.

Геральт замер.

— Ведьмак! — тихо раздалось за спиной. — Это я звонил.

Геральт обернулся. К нему обращался Гастон.

— Пойдём! Там тебя требуют.

Около злополучной палатки дежурили четверо долдонов в форме, но никого поважнее не нашлось.

Геральт молча двинулся за Гастоном в сторону штабного домика. Там заседали чины посерьёзнее: трое следователей, прокурор с помощником, ну и хозяин фестиваля со своими подручными, понятно.

Когда хозяин жестом отослал Гастона и ведьмак остался один перед всей этой братией, прокурор мрачно осведомился:

— Вы уверены, что нам следует посвятить его во всё?

— Более чем уверен, — произнёс один из следователей, с виду — самый младший по должности.

— Вообще-то нам запрещёно допускать к следствию гражданских лиц, — проворчал прокурор, потом глянул на своего помощника и вопросительно бросил ему:

— Что?

— Господин прокурор, в качестве консультантов могут выступать и гражданские лица, и их допуск как раз в вашей компетенции. Кроме того, ведьмак официально нанят на фестиваль в качестве, гм, ведьмака, следовательно, если убийство совершила машина, то это его непосредственная компетенция.

«Убийство... — мрачно подумал Геральт. — Ну, здорово!»

— Про машину ещё нужно доказать, — досадливо процедил прокурор.

— Я в этом совершенно убеждён, — ввернул младший следователь.

— Что ж, — заключил прокурор брюзгливо. — Считайте, что вы меня убедили. Зафиксируй, что допуск ведьмака произведён по требованию следствия.

Последняя фраза явно адресовалась помощнику прокурора.

Тем временем младший следователь обратился к ведьмаку:

– Здравствуйте, Геральт! Меня зовут Шектер Орно, я техник следственного отдела полиции Пиковца.

«Техник! — отметил Геральт. — Вот оно что. Не тупая пацейка, парень явно с мозгами».

— Вы меня вряд ли помните, но я пару раз имел удовольствие наблюдать за вашей работой. Уверен, что и сейчас вы нам реально поможете.

— Довольно преамбул, — сухо предложил ведьмак. — Переходите к делу.

Следователь, который выглядел старшим среди троих, взглянул на ведьмака с невольным уважением.

— Около полутора часов назад обнаружен убитым один из гостей фестиваля. Прямо у себя в палатке. Кто-то или что-то ночью пропороло стену палатки, забралось внутрь и перерезало ему горло. Палатка одноместная, в форме четырёхгранного купола, высотой около метра и размерами метр восемьдесят на полтора. Я считаю, что убивство совершила машина, а не кто-либо из живых. Объяснять почему?

— Конечно.

— Вокруг палатки стояли четыре видеорегистратора, два напротив входа, два вдоль боковых стен. Они не зафиксировали ничьих визитов ни в палатку к убитому, ни вообще ничьих приближений к палатке. У соседних палаток оживление было, но к интересующей нас никто не приближался. Вспорота задняя стенка палатки, как раз там, где видеозапись не велась. Теоретически лишь механизм небольшого размера мог скрытно подобраться к палатке так, чтобы это не отметили камеры. Даже ползущий половинчик или хольфинг в кадр неминуемо попал бы. Механизм же вполне мог обмануть камеры, если знал о них.

Геральт хмуро переспросил:

Видеорегистраторы? Около палатки на фестивале байкеров? Убитый был важной персоной или просто страдал манией преследования?

— Вы быстро схватываете суть, Геральт. Убит Техник Умани. Ни для кого не было особым секретом, что он любил гонять на мотоцикле и был достаточно близок с уманскими байкерами, особенно с кланом Хорна. Но не думаю, что любой встречный знал его в лицо как Техника. Как одного из байкеров — наверняка знал, а вот как Техника...

Ведьмак искоса взглянул на хозяина фестиваля. Это и был Хорн, глава байкерского клана, а по совместительству ещё и крупный бизнесмен. Лагерь, в котором проходил фестиваль, к примеру, принадлежал ему до последней штакетины в заборе. И окрестный лесок от Пиковца аж до трассы Киев–Одесса — тоже.

— Убитого уже увезли? — поинтересовался Геральт.

— Да. А что вы хотели?

— Взглянуть на раны.

— Вот снимки. Если нужно — есть и видеозапись. Будете смотреть?

— Буду, — кивнул Геральт. — А потом, с вашего разрешения, я бы осмотрел палатку и подходы к ней.

— Прошу сюда, — техник Шектер указал на один из столов и поставил на него ноутбук. — Сначала снимки или видео?

— Сначала снимки, — решил Геральт, подсаживаясь к столу. — И, кстати, какие конкретно там стояли видеорегистраторы?

* * *

С фото- и видеоматериалами Геральт возился около получаса, и первые подозрения возникли у него уже после первого беглого просмотра. Попутно он слышал, как брюзжит за неплотно прикрытой дверью старший следователь:

«Да что он может в этом понимать? Может, ещё поучит меня следствие вести?», и почтительно-умоляющие взгляды следователя младшего: «Поверьте, пан майор, он действительно разбирается в машинах!»

Когда Геральт решил, что из снимков и записей выжал все возможное, он поднялся и вышел из кабинета, где его оставили в одиночестве. В смежном зальчике вся следственно-прокурорская братия выпивала и закусывала.

— Я могу осмотреть палатку? — негромко спросил Геральт.

— Проведи! — буркнул пан майор технику Шектеру.

Тот вскочил, одновременно утираясь рушником (не бакальной бумажной салфеткой!), и выбрался из-за стола.

— Пойдёмте! — сказал он.

Никто к ним не присоединился, и ведьмака это почему-то совершенно не удивило.

О происшествии, конечно же, знал уже весь фестиваль. Однако о том, кем был убитый вне байкерского образа, большинство вряд ли догадывалось. Хорн не собирался сворачивать ещё не завершённый фестиваль, поэтому довольно жёстко придерживал и правдивую информацию, и распространение нелепых слухов. Но тот факт, что к месту убийства вместе со следователем направился ведьмак, любого мог навести на соответствующие мысли. Самые догадливые принялись паковать вещи, хотя палатки сворачивать пока не спешили.

Осмотр места происшествия лишь укрепил подозрения Геральта.

Палатка стояла в центре небольшой полянки, под одиноким раскидистым дубом. То есть, если не считать этого дуба, другие деревья располагались к ней не ближе семи-восьми метров. Геральт заглянул внутрь, но там он и не рассчитывал найти что-либо интересное, только на разрез взглянул.

— Разрезали снаружи, — сообщил неотступно следующий за ведьмаком Шектер.

— Похоже, — кивнул Геральт и принялся обходить палатку по окружности, при этом пристально вглядываясь в землю, слегка прикрытую жухлой листвой. Листву эту Геральт то и дело сгребал ботинком в сторону.

— Ага, — наконец произнёс он.

Насторожились и Шектер, и дежурные полицейские, и неизбежные зеваки, наблюдающие за процессом от ближайших палаток.

— Что? — с интересом переспросил техник.

— Вот, — объяснил Геральт, вынимая нож.

Он присел и ковырнул ножом землю. Раз, другой, третий, а потом принялся вынимать из ямки что-то продолговатое, с длинными, уходящими под почву усами.

— Не думаю, что это трюфель... — пробормотал Геральт с иронией.

Шектер присел рядом, разглядывая находку с живейшим интересом.

— Странно, что мы не нашли это при осмотре! — сказал он с некоторой растерянностью.

— Не нашли, потому что не искали, — буркнул Геральт.

— Да мы с металлоискателями всю полянку проверили! И примыкающую территорию тоже, метров на сорок по окружности!

Геральт указал остриём ножа на «трюфель» у себя на ладони:

— В этом нет ни грамма металла. Только керамика и пластик. И в проводах, кстати, тоже: это, собственно, не провода, а оптоволокно. Можете копать дальше — вокруг палатки найдётся ещё три, а возможно, и пять таких же, и все соединены волноводом в круглую замкнутую гирлянду.

Шектер обернулся и сделал знак двоим из четырёх полицейских.

— Только аккуратно! — рявкнул он им. — Порвёте — пан майор с вас головы снимет!

Пара долдонов принялась с опаской освобождать волноводы из-под слоя чернозёма.

— Что это такое, Геральт? Я впервые вижу подобные устройства, честное слово!

Шектер излучал жгучее любопытство, присущее всем ещё не потерявшим вкус к работе неофитам.

— Это подавитель управляющих сигналов «Антигюрм». Ни один механизм не пройдёт над прикопанными волноводами — заглохнет, сожжёт обмотки электродвигателей, погубит сервоприводы и так далее.

Геральт нарочно говорил тихо, чтобы слышал его только техник.

— Убитый реально заботился, чтобы к нему никто не подобрался. Вы не находили вокруг палатки никаких повреждённых механизмов? Примерно по периметру проложенных волноводов?

— Нет, — замотал головой Шектер. — Точно нет!

— Даже маленьких? Меньше этого, — Геральт потряс штуковиной на ладони, — трюфеля?

— Даже маленьких. Однако кто-нибудь мог найти их до нашего приезда. Найти и подобрать. Надо опросить...

— Не всё так просто, техник, — перебил его Геральт. — При выходе из строя над волноводами любой металлический механизм получает поверхностный заряд. Если его тронуть — так шарахнет, мама не горюй! Потеря сознания гарантирована.

— Шахнуш тодд! — озабоченно протянул техник. — Нужно выяснить, не терял ли кто-нибудь сознания где-нибудь поблизости! Немедленно!

Он уже было повернулся к оставшимся без работы полицейским, но Геральт его снова осадил:

— Не спеши, техник. Если механизм-убийца тоже керамический, трогать его можно сколько влезет. Проблема в другом: его засекли бы камеры. А камеры не засекли ничего. Ни живых, не механизмов. И твоя теория с приближением точно за стволом дерева, мягко говоря, несостоя-

тельно: даже пройди он вплотную со стволом, ближняя камера его минула бы, настройка филигранная. По земле к палатке действительно ничего не приближалось, это факт.

По земле? — непонимающе протянул техник. — В каком смысле?

В прямом, — спокойно сказал Геральт и, задрав голову, поглядел на пышную крону дуба.

Техник невольно последовал его примеру.

— То есть... Вы хотите сказать?

— Бензопила у оргкомитета, может, и найдётся, — заметил ведьмак рассудительно, — но дерево спилить нам всё равно не позволят. Они тут все на особом счету.

— Да-да, — торопливо закивал техник. — Все лесопарковые зоны под защитой городских властей.

— Полезли, — выдохнул Геральт, подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку и исполнил классический подъём переворотом. Со стороны это выглядело бы очень красиво, если бы не было проделано с не присущей живым быстротой. Казалось, ведьмак просто подпрыгнул и исчез.

Техник Шектер коротко выругался и неуклюже полез следом — совершенно без грации, пыхтя и неумело шаркая подошвами по коре. Однако когда он встал ногами на толстую нижнюю ветвь, дело пошло лучше — выше веток и сучьев было довольно много, и можно было лезть, словно по лестнице. Шектер быстро оказался на высоте добрых пяти метров. Палатка смутно синела внизу, наполовину заслонённая зеленью листвы.

— Вот он, — тихо сказал Геральт откуда-то сверху.

Шектер немедленно задрал голову. Ведьмак, прильнув к стволу, рассматривал что-то в листве ветки, которая тянулась точно над головой техника. Шектер тоже присмотрелся и вдруг ясно различил нечто подвешенное под этой веткой — почему-то в первый момент это напомнило Шектеру бычьи яйца, хотя откуда всплыла подобная аналогия — он не сумел бы объяснить.

- Улавливаешь, техник? — всё так же тихо заговорил ведьмак. — Оно выстреливает тонюсенькую нить и подтягивается на ней. По кронам оно добралось до этого дуба, закрепилось на подходящей ветке, на той же нити спустилось к палатке, уже внутрь кольца «Антигюрзы», поэтому оно осталось целёхоньким и работоспособным, «Антигюрза» действует примерно на два метра, в том числе и по вертикали. Вспороло палатку, убило живого, подтянулось назад на ветку и принялось ждать дальнейших команд от базы. А потом у него села батарея, потому что убитого обнаружили, поднялся кипиш, и хозяева предпочли не отдавать команду на возвращение.

— Но почему? Это же их выдаёт с головой!

— Думаю, боялись, что сигнал перехватят и засекут расположение базы. Да и шевеление в ветвях мог кто-нибудь заметить. Вы там в полиции отнюдь не такие идиоты, как принято считать. А так — ну висит в кроне тихая и незаметная груша, кто на неё внимание обратит, если не знает, в чём тут дело?

— Шахнуш тодд. — Техник опустил голову, задумчиво поглядел на палатку и вновь глянул вверх, на ведьмака.

— И что же теперь делать?

— Известно что, — хмыкнул тот. — Если батарею модуля подзарядить, он через некоторое время сам начнёт искать базу. А там уж следуйте за ним!

— Но ведь модуль подзаряжается как раз на базе? — с сомнением протянул Шектер. — Или есть иной способ подзарядить батарею?

— Разумеется, есть!

— И вы его знаете? — почти не сомневаясь в ответе, уточнил техник.

— Разумеется, знаю. Сейчас я эту хрень срежу, а ты лови. И лучше бы её не ронять.

Ведьмак протянул руку с ножом и принялся кромсать древесину в месте крепления подвеса. Нетрудно было по-

нять, что перерезать обычным ведьмачьим ножом тончайшую керамическую нить нечего и пытаться.

Ветка поддалась минут через десять, с хрустом отломилась и полетела вниз, задевая за соседние. Техник Шектер не подкачал — поймал её свободной рукой. Касаться модуля ему почему-то категорически не хотелось, даже зная, что у того разряжена батарея. Шектер слишком хорошо помнил снимки растерзанного горла Техника Умани.

Геральт ловко, словно белка, соскользнул со ствола вниз, миновал Шектера и спрыгнул на землю.

— Бросай, я поймаю, — велел он, и Шектер с чистым сердцем разжал пальцы. Модуль, увлекая за собой срезанную ветвь, полетел на палатку.

Ведьмак, в отличие от техника, не побоялся схватить машину-убийцу голыми руками.

* * *

Модуль подзаряжался минут двадцать, потом мигнул еле-еле заметным глазком-светодиодом и перешёл в режим ожидания.

— Ожил? — начальственным тоном осведомился пан майор.

— Скажем так: из мёртвого состояния перешёл в спящее, — как мог объяснил ведьмак.

— И долго он ещё будет спать?

— Не знаю. Зависит от выполняемой программы. Но обычно минимум раз в сутки каждый модуль должен связаться с базой и получить новые инструкции. Или не получить, но сеанс даже в этом случае обязателен. Теоретически конкретно этот модуль должен в первую очередь получить и исполнить команду на возврат и подзарядку, поскольку он был разряжен в ноль. Так что советую следить за ним в оба, пан майор.

Старший следователь обернулся к технику Шектеру:

— Твои умники уже прибыли?

— Вот-вот подъедут, пан майор! — бодро отрапортовал тот.

— А что с этим делать — пусть дальше заряжается или кинтит?

Шектер вопросительно уставился на Геральта.

— Я бы сказал — пусть заряжается. А то, неровен час, опять на полпути сдохнет.

— Понятно. Прибор подзарядки я конфискую, когда в нем отпадет нужда, его вам вернут, — произнёс майор тоном, не предполагающим возражений.

— Надеюсь, — вздохнул Геральт терпеливо.

— Ступайте, если будете нужны, вас вызовут.

Геральт вышел, испытывая некоторое облегчение. Как ни странно, ему совершенно не хотелось окончательно погрязнуть в этом деле. Он с удовольствием досидел бы до завтрашнего полудня и с чистым сердцем уехал. Но вряд ли судьба преподнесёт такой подарок — в этом смысле Геральт был закоренелым скептиком.

У выхода его перехватил Хорн.

— Ведьмак! Постой.

Геральт тотчас остановился и повернулся.

Хозяин подошёл вплотную — широкоплечий, грузный, с ручищами, перевитыми могучими мышцами. Естественно, в коже и тяжёлых ботинках.

На спине, Геральт это знал, хотя сейчас и не видел, цвета клана — раскинувшая крылья летучая мышь в обрамлении готических надписей. Байкер байкером, и не скажешь в первый момент, что значимая фигура. Как и покойный Техник Умани, кстати.

— По-твоему, кто это сделал? — тихо спросил Хорн.

— Боевой оперативный модуль «Гайдамака-семь», — сухо ответил ведьмак. — Насколько я могу судить, модификация с необрезанными функциями, самая опасная.

Хорн досадливо поморщился:

— Я не о том. Кто пользуется этим модулем?

— Да откуда ж мне знать? — Геральт пожал плечами. — Ищите тех, кому выгодна смерть Техника Умани. Ну, или кому выгодна смерть высокопоставленной персоны именно на вашем фестивале.

По тому, как перекатились желваки на скулах Хорна, Геральт понял, что второе предположение, скорее всего, существенно ближе к истине, чем первое. Ему показалось, что Хорн станет спрашивать дальше, но тот только мрачно процедил:

— Не болтай ни о чём. Вообще. Ты на работе. Понял?

— Само собой, — Геральт опять пожал плечами. — Контракт я читал, а не проглядывал по диагонали. Конфиденциальность там оговорена.

Хорн кивнул и направился в штаб. Геральт — через футбольное поле, половину которого занимала пустая пока ещё сцена, а на второй толклись и циркулировали байкеры разной степени опьянения. За столиками у наливаек народу тоже хватало, хотя, по ощущениям Геральта, в первый день и вчера было больше.

Его попытались перехватить у первого же стола.

— Эй, мужик? Чё там за движняк, а? Расскажи!

— Извините, — скучным голосом отозвался ведьмак. — Работаю!

— Да ладно тебе, садись, выпьем, поговорим. Ряба, налей!

— На работе не пью, — отрезал Геральт и пошёл дальше.

— К-козёл, — донеслось вослед.

Геральт не обернулся и не ускорил шаг — он просто шёл туда, куда направился.

За корпусом пыхтела кухня — персонал соображал очередной ужин. Что-нибудь с тушёнкой, несомненно. Судя по запаху — на этот раз перловка. За дальним столом, резиденцией команды Вольво, сидело всего трое: гномы Бюскермолен и Роелофсен да загонщик-полувирг Зеппелин.

— Здорово, Геральт, — поздоровались они практически хором.

Ведьмак по очереди поручкался со всеми.

Ваши опять при вольере? — спросил он.

— Ну да! Где ж ещё? — отозвался Зеппелин. — Это им, загонщикам, там делать нечего, а у остальных работа.

— Ага, особенно у сапёров, — хмыкнул Геральт.

— Представь себе! Они, между прочим, вместе с Васей за целостность вольера отвечают! А мы четверо только на охоте нужны.

— Четвертый Михай? — уточнил Геральт, выразительно оглядываясь.

— Ага, — кивнул Зеппелин. — Он прямо с заезда бабу какую-то охмуряет. Мож, сегодня охмурит.

— Понятно, — сказал Геральт и присел за стол.

— Чего там за кипиш-то? — поинтересовался Бюскермолен как бы невзначай.

Геральт сокрушённо вздохнул:

— Извини, Бюс, хозяин велел держать язык за зубами.

— Понимаю, — кивнул тот. — Не извиняйся.

«Ну, хоть с этими ребятами никаких проблем, — подумал Геральт с облегчением. — Отчего-то в этом мире меньше всего проблем с теми, кто хоть немного разбирается в машинах. Интересно, отчего?»

— Ты лучше вот что скажи, — начал Геральт, внутренне злясь на себя, что всё-таки не удержался и спрашивает. — У клана Хорна ведь есть враги, так?

— Конечно! — Бюскермолен хмыкнул. — У любого байкерского клана есть и друзья, и враги. «Кажаны» Хорна в последние годы на ножах с «Круками» из-под Чернигова. А так вроде больше ни с кем особо не враждуют.

— «Круки» — это те три молодца с вороном на эмблеме?

— Ну да! Я ж тебе вчера на охоте их показывал, долго у нас перед капотом тёрлись, тормозили! Я уж подумал, всю охоту нам испортят.

— Да ваш паровоз так ревёт, что я ни бельмеса не слышал всю дорогу. Догадывался только, что ты рот разеваешь, значит, чего-то говоришь. Да и то, честно говоря, в бородище твоей и раскрытый рот углядеть проблема.

Бюскермолен ухмыльнулся и огладил рыжую окладистую бороду.

— А зачем Хорн их вообще на фестиваль пускает? — поинтересовался Геральт. — Развернул бы, и дело с концом.

— Не по понятиям! — объяснил гном. — Дорога на любой фестиваль открыта всем, хоть ты «Крук», хоть ты «Кажан», хоть ты чёрт в телогрейке. Это закон. И другой есть закон — никаких на фестивале разборок со стрельбой и ножичками. Все счёты остаются за шлагбаумом. Обниматься-лобызаться с врагами никто не принуждает, можешь десятой дорогой их обходить, но чтобы никаких разборок прямо на фестивале — это железно. Потому, кстати, народ и на взводе: все болтают, будто «Круки» ночью кого-то прихлопнули, но никто ничего доподлинно не знает. Однако полицаи тут с утра трутся, «Скорые» приезжали и вроде одного мужика увезли, а вокруг его палатки оцепление и караул выставлен. Сам понимаешь, народ беспокоится.

— Значит, — задумчиво произнёс Геральт, — «Крукам» выгодно, если бы у «Кажанов» на фестивале стряслась какая-нибудь большая жопа? С криминалом?

— Ещё как выгодно! Но только в том случае, если сами «Круки» останутся чистыми. Если станет известно, что они причастны — минус им, а не фестивалю «Кажанов». И очень, скажу тебе, увесистый минус. К врагам на фестивали многие кланы заезжают, потому что просто байкеров, без кланов, намного больше. В сущности, противостояния кланов — это всего лишь борьба за симпатии армии

нейтралов. Но обычно все прекрасно осознают, что попытка навредить фестивалю скорее всего обойдётся не просто дорого, а офигенно дорого. И блюдут законы неукоснительно. Такие дела, ведьмак... Роел, налей-ка, а то у меня от этих лекций уже в глотке пересохло.

— И правда, — буркнул второй гном. — Задвинул ты речугу, у меня аж челюсть отвисла. С начала охоты больше трёх слов подряд не произносил, а тут — прям соловьём заливается...

— Сам-то, — беззлобно проворчал Бюскермолен и ткнул коллегу кулаком под рёбра.

Около получаса ничего толком не происходило — болтали, выпивали. Потом пришёл насупленный Михай, хватил целый стакан горлодёра за раз, уселся с краю и налил себе второй.

— И сегодня не охмурил... — тихо сказал Зеппелин и сокрушённо вздохнул.

Бюс с Роелом старательно прятали в бороды беззлобный смех.

Потом гномы заказали шашлыка, Геральту тоже, поскольку обед он благополучно пропустил.

Ведьмак практически уже расправился со своей порцией, когда неподалёку обозначился полицейский в форме. Он вроде бы ничем особым не занимался — прохаживался по дорожке, поглядывая на палатки и корпуса, на снующих туда-сюда фестивальчан. Но если задуматься, он блокировал всё пространство к западу от стола.

Поглядев в противоположную сторону, Геральт заметил второго полицая — этот контролировал дорожку, ведущую к центру лагеря.

«Кажется, началось», — понял Геральт и торопливо сжевал последний кусочек мяса.

Он не ошибся: зазвонил служебный мобильник.

— Слушаю, — ответил ведьмак.

Звонил хозяин.

— Геральт, вы?

— Я, — ответил ведьмак, очень удивившись тому, что Хорн вдруг обратился к нему на «вы».

— Зайдите в штаб, — велел хозяин.

— Иду, — Геральт отключился и встал.

Скорее всего, решил он, модуль начал поиски базы. Иначе зачем бы следствию опять понадобился ведьмак?

— Ты куда? — поинтересовался простодушный Зеппелин.

— Вызывают, — вздохнул Геральт. — Холера их побери! Думал, отдохну, ага...

В кабинете хозяина сидели двое следователей, техник Шектер (почему-то непривычно бледный), прокурор с помощником, сам Хорн и, как выяснилось, когда закрылась дверь, два оставшихся полицейских из оцепления — рослые, здоровые парни. Оба тут же встали у двери, словно часовые.

Геральт через плечо покосился на них и вопросительно уставился на хозяина.

— Ведьмак Геральт! — заговорил, вопреки ожиданиям, старший следователь, а не Хорн. — Как вы полагаете, почему вас вызвали?

— Полагаю, — спокойно отозвался Геральт, — модуль начал поиски базы.

— Правильно полагаете, — кивнул следователь. — Более того, он базу уже нашёл. Знаете где?

— Нет.

Следователь хмуро буравил Геральта взглядом. Остальные, в общем-то, тоже, только Шектер выглядел не хмурым, а скорее растерянным.

Второй следователь неожиданно вынул из-под стола потёртый рюкзачок Геральта и положил на стол.

— Вам знаком этот предмет? — осведомился старший следователь.

— Да, пан майор, — без колебаний ответил Геральт. — Знаком.

Служивые явно ожидали продолжения, но ведьмак решил отвечать только на конкретные вопросы.

— И что же это такое? — слегка раздражённо уточнил следователь после довольно длинной паузы.

— Мой походный шмотник. Ой, простите — рюкзачок.

Геральт оставался спокойным, и у него имелись на то веские причины.

— Хорошо, — так и не дождавшись от ведьмака ни подробностей, ни расспросов, заявил майор. — Я вижу, слова из вас клещами вытягивать нужно. Повторюсь. Модуль действительно отправился на поиски базы и нашёл её. Угадайте — где?

— Наверное, в двести сороковой комнате, где живём мы со Сход Развалычем, — предположил Геральт. — И скорее всего — в моём рюкзачке. Иначе к чему весь этот цирк?

— Угадали! — майор впечатлённо покачал головой. — Но ваше спокойствие просто поражает. Вы непохожи на идиота, Геральт. Подсказать следствию верный путь и так тупо срезаться с базой — нет, не верю. Давайте-ка, рассказывайте всё, что вам известно. И учтите, вне зависимости от моих предчувствий в данный момент вы по-любому главный подозреваемый. Так что советую выкладывать всё и сразу.

Геральт и сейчас остался спокоен.

— Пан майор, к сожалению, мне известно не больше вашего, — заговорил он. — А вернее, что и меньше. Я понятия не имею, как оказалась база в моём рюкзачке. Но есть очень простой способ выяснить, как она туда попала.

— И что это за способ? — спросил следователь с неподдельным интересом.

— Для этого нужно попасть в комнату двести сорок. Кто меня сопроводит?

Сопровождать вызвались все, даже прокурор.

Геральт нахмурился.

— Пан майор, скажите, мой шмотник из домика вынимали с такой же помпой? В смысле — большой делегацией, при мундирах и у всех на виду?

— Вы считаете нас дилетантами? — фыркнул следователь. — Всё это время вы просидели неподалёку от своего домика, во всяком случае — домик был у вас в прямой видимости. Много вы заметили?

— По правде говоря, — честно признался Геральт, — вообще ничего не заметил. Но я и не присматривался особо. Хорошо. Пусть вот он, — ведьмак указал на техника Шектера, — сходит ко мне, снимет видеорегистратор и принесёт сюда. Думаю, там найдутся интересные кадры!

— Вы установили в своей комнате видеорегистратор? — удивлённо вскинул брови майор.

— Представьте себе, — усмехнулся ведьмак.

— Считаете себя важной персоной или у вас мания преследования? — с ехидцей поинтересовался майор и тут же добавил: — Шучу, шучу. На самом деле вы в очередной раз меня удивляете, Геральт. На этот раз — приятно.

И помощнику:

— Орно!

— Слушаю, господин майор! — вскочил техник.

— Возьми кого-нибудь из своих и ещё Завадского. Не шуметь, не светиться. Ясно?

— Так точно, господин майор!

— Объясните технику, где конкретно установлена камера, — велел следователь Геральту и устало откинулся на спинку кресла.

Ведьмак объяснил. Шектер тотчас метнулся прочь из кабинета.

— Пока они там занимаются делом, — сказал майор, пристально глядя на Геральта, но уже без прежней хмурости, — не объяснишь ли, за каким лядом ты поставил у себя регистратор, а, ведьмак?

— А я всегда его ставлю, если ночую в оживлённых местах, — просто ответил Геральт и со вздохом добавил: — Слишком уж велик соблазн свалить все тёмные делишки на поганого ведьмака, которого в лучшем случае сильно недолюбливают, а чаще банально ненавидят. Регистратор в этом смысле здорово выручает, проверено.

Майор покачал головой и протяжно вздохнул:

— Мда-а-а... Если ты и преувеличиваешь, ведьмак, то самую малость...

Геральт помолчал и на всякий случай спросил:

— Судя по тому, что ко мне снова обращаются на «ты», я больше не главный подозреваемый?

— Не беги впереди паровоза, ведьмак, — буркнул майор и вынул портативную рацию:

— Десна, я Сокол, приём!

— Тут Десна, — отозвалась рация.

— Как там карасики?

— Сидят. Пьют.

— А окуньки?

— Окуньки играют в футбол сраками! — бодро доложила Десна.

Помощник прокурора прыснул в кулак, а прокурор так просто заржал в голос. Секундой позже до Геральта дошло, что на самом деле это были два слова — «с раками», и он тоже рассмеялся.

— Идиоты! В футбол играют ногами! — буркнул майор в рацию и отложил её в сторону. — Какой осёл подбирал позывные, а, Хвыля?

Второй следователь виновато пожал плечами:

— Я подбирал! А чего? Карасики, окуньки, раки...

— Сраки... — добавил майор, не скрывая сарказма. — Ладно, хер с вами.

— Мощная у вас конспирация, — покачал головой Геральт.

— Да уж какая есть, — пробурчал майор. — Слушай, а как ты догадался, что эта хрень не приползла в палатку, а спустилась с дерева? Предположение нетривиальное, чтоб не сказать сильнее.

— Вы книги читаете? — вопросом на вопрос ответил Геральт.

— В смысле? — насторожился следователь.

— В прямом. Есть целый цикл рассказов об одном сыщике из Большого Лондона. Так вот, он часто руководствовался простым принципом: отбрось всё невероятное, и останется только то, что на самом деле произошло. Не дословно, но как-то так. Очень полезный принцип, уверяю.

— М-да... — с сомнением произнёс майор.

— Это не «Круки», — неожиданно заговорил хозяин.

Все невольно обернулись к нему. Хорн сидел, слегка навалившись на столешницу. Глаза его были опущены, словно прямо перед его локтями на столе происходило нечто интересное.

— Они подходили ко мне, — продолжил Хорн. — Я им верю.

— Верим, не верим, а всяко проверим, — с ходу скаламбурил майор. — Ведьмак, ты садись, чего маячишь. Во-он за тот стол, там и ноутбук. Подключим, как Орно вернётся.

Геральт послушно прошёл к угловому столу и сел рядом с ним.

Минут десять прошло в томительном ожидании, потом некая Роза доложила по рации, что Пирожок возвращается. Ещё через несколько минут в кабинет ввалился деловитый донельзя Шектер и гордо выложил пред очи пана майора ведьмачий видеорегистратор — судя по виду, снятый штатно, а не выдранный с корнями, как втайне опасался Геральт.

Пока развернули ноутбук и подключили к нему регистратор, пока отматывали запись в поисках нужного ме-

сти, прошло ещё минут пятнадцать. Но наконец нужные кадры были всё-таки найдены. Вокруг стола с ноутбуком сгрудились все присутствующие, кроме полицейских у двери да сидящего сбоку Геральта. Картинки с регистратора он не видел, заслонял помощник прокурора.

— Восемь шестнадцать, — объявил вдруг техник Шектер. — Восемь шестнадцать, пан майор!

— Вижу, не слепой, — буркнул тот.

— Ну, сука! — процедил Хорн таким тоном, что пробрало даже Геральта. Тому, кого вожак «Кажанов» имел в виду, имело смысл сильно не позавидовать.

— Так! — майор звонко хлопнул в ладоши. — Господин Хорн, действуем следующим образом: пошлите кого-нибудь потихоньку выяснить, где он находится. А дальше уж мы.

— Проще вызвать, — мрачно сказал Хорн.

— Не стоит, есть риск спугнуть.

— Ладно. Как скажете.

— И ещё... — начал было следователь, но тут вспомнил о Геральте и осёкся.

— Ведьмак! — позвал он Геральта. — Пока можешь быть свободен. С территории лагеря без нашего ведома — ни шагу, считай это подпиской.

— Я, между прочим, на работе, — напомнил Геральт. — Вдруг пошлют куда?

— Не умничай, по работе отпустим. Главное, чтобы мы всегда знали, где ты есть.

— Хорошо. Без вашего ведома — никуда.

— Регистратор мы изымаем, вещмешок пока задерживаем, — сообщил майор. — Как составят опись — тогда вернут. Всё, ступай.

Геральт встал и направился к выходу; долдоны у двери предупредительно подались в стороны, пропуская его.

— Геральт! — неожиданно окликнул его техник Шектер.

Ведьмак обернулся.

Техник пытливо глядел на него.

— Вам что, совсем неинтересно — кто пытался вас подставить?

Геральт немного подумал и хотел уже было ответить в том смысле, что должна же быть в жизни какая-нибудь тайна, но ответил скучнее и прозаичнее:

— Нет. Неинтересно.

— Даже затем, чтобы знать, кому нельзя доверять и от кого стоит ждать подвоха?

На этот раз ведьмак хотел сказать, что и так никому не доверяет, а подвоха ждёт от каждого, кто встречается ему на пути, но вместо этого просто развернулся и молча вышел.

У полевой кухни как раз колотили кочергой в подвешенный кусок рельса — сзывали на ужин.

* * *

Рюкзачок Геральту вернули только наутро, когда лагерь опустел на добрых две трети и продолжал быстро пустеть. У шлагбаума народ торопливо закупал последние сувениры, обнимался и разъезжался. Впервые не вился дымок над полевой кухней. На дальней половине футбольного поля рабочие с ленцой разбирали припорошенную песком сцену. В воздухе висело отчётливое послевкусие минувшего праздника, хоть для некоторых он получился с горчинкой, а для бывшего Техника Умани — так и вообще стал последней чертой. Но раз подобное ощущение возникло, значит оргкомитет постарался на славу и сумел оградить большинство участников от невесёлой рутины расследования.

Геральт покопался в рюкзачке — всё было на месте, даже беспроводной зарядник, не хватало только видеорегистратора, но насчёт этого следователь-майор накануне предупреждал. Вещдок, ничего не попишешь. Геральт

мысленно распрощался со своим приборчиком, застегнул рюкзачок и посмотрел на часы. Было начало двенадцатого.

За столом машиноловов было непривычно пусто — команда Вольво уехала рано утром, едва рассвело. Геральт взял пива в ближайшей наливайке и вернулся к привычному столу. Последние байкеры сворачивали палатки, напяливали на верных двухколёсных монстров и неторопливо тянули к выезду из лагеря.

Ровно в полдень тренькнул служебный телефон.

— Геральт?

— Я.

Звонил хозяин.

— Подходи к штабному за расчётом.

— Так вы же всё заплатили, — озадачился Геральт. — Разве только мобилку осталось сдать.

— Вот и подходи, сдашь, — сказал Хорн и отключился.

У крылечка штабного домика толпилось человек двадцать «Кажанов» и стояло несколько мотоциклов. Два орка со стремянкой снимали растянутый над крылечком плакат с приветствиями. Хорн, толстый Муня и ещё трое живых из оргкомитета стояли тут же, что-то бурно обсуждая. Чуть в стороне, в тенёчке, виднелись прокурорский «Верес», полицейский «Штур» и окрашенный в серо-стальной цвет фургончик, крошечные окошки которого были забраны внушительными решётками.

Геральт приблизился, на ходу вынимая служебную мобилку.

Когда он подошёл, разговоры разом смолкли. Геральт сначала решил, что из-за него, но нет: отворилась дверь штабного домика, и на асфальтовый пятачок перед ним вышли двое конвоиров с ружьями, затем Шершавый, Трамп и Гастон в наручниках, а дальше — опять конвоиры и в самом конце — следователи и прокурор с неизменным помощником.

Но до воронка арестованных довели не сразу, Хорн басом прорычал: «Секундочку!», подошёл к прокурору и что-то тихо сказал ему. Прокурор секунду подумал и поманил майора. Они пошептались ещё немного, после чего майор громко скомандовал:

— Конвой! Подследственных в кольцо! Хащенко, по очереди снять наручники!

Тюремщики остановились, окружив троицу проштрафившихся байкеров, и наставили на них ружья. Геральт подумал, что в таком кольце любой почувствовал бы себя неуютно.

— Снимайте цвета! — процедил Хорн.

С троицы по очереди содрали куртки с эмблемой «Кажанов» и вновь на всех троих нацепили наручники.

— В машину! — махнул рукой майор, и подследственных принялись одного за другим запихивать в серый фургончик.

Прокурор с Хорном ещё с минуту пошептались, после чего прокурор забрался в свой «Верес» и отбыл. Следом тронулась и полицейская машина, куда сели следователи, потом фургончик, а уж ему в хвост пристроились ещё две полицейских «Хортицы».

Шлагбаум в этот день даже не опускали, так и стоял, целясь торцом в летнее небо.

Поскольку Хорн вроде бы освободился, Геральт подошёл к нему.

— Кому сдавать мобильник? — спросил ведьмак.

— Муня, прими, — велел Хорн, и толстяк забрал у Геральта трубку, которая и правда трое суток честно отпахала без подзарядки.

— Вроде всё? — на всякий случай уточнил Геральт. — Двенадцать ноль девять.

— Не совсем, — буркнул Хорн и провёл ладонью по коротко остриженным волосам на макушке. — Мы тут с ребятами посовещались... Да я и сам хотел выписать тебе премию...

— Спасибо, конечно, — мягко остановил его Геральт, — но ведьмаки плату берут только один раз: при найме.

— Я не о деньгах, — сказал Хорн спокойно. — Как насчёт него?

И он кивнул на один из мотоциклов, стоящих у крыльца.

Геральт поглядел.

— Хороший аппарат, — признал он. — Давно приручен?

— Лет пять. Бак полон.

Хорн уронил в ладонь Геральта ключ с металлическим брелком в виде волчьей головы.

— И ещё... — добавил Хорн. — Хоть это и не принято, но ребята одобрили.

Он протянул руку назад, ему подали одну из курток.

— Носи с честью, — сказал Хорн, обеими руками протягивая куртку Геральту, эмблемой вперед. На левом крыле летучей мыши явственно проступала царапина в виде буквы Z.

— Если кто поинтересуется, по какому праву носишь, скажи — Хорн на «Пяти дорогах» благословил.

Геральт молча натянул байкерскую куртку прямо поверх джинсы — если гнать на мотоцикле, самое то.

— А это от меня лично, — Хорн вручил Геральту ещё и очки — правильные, байкерские, отлично защищающие от встречного ветра, который называется вымпельным.

— Ну и... спасибо, ведьмак. Если ещё позову — приедешь?

— Обещать не буду, — честно ответил Геральт. — Но и препятствий не вижу.

Он крепко пожал протянутую руку, надел рюкзачок по всем правилам, на оба плеча, оседлал подаренного «Гетьмана» и с хрустом вонзил ключ в замок зажигания.

Через секунду мотоцикл взревел. Бибикнув на прощание, ведьмак дал газу, вырулил на аллею и свернул к

выезду из лагеря. «Кажаны» что-то проорали ему вслед, но Геральт не услышал, что именно.

«Ну, вот, — подумал он со смешанными чувствами. — Ещё и в байкеры посвятили. Как-то я умудрялся все эти годы держаться в стороне, но таки встрял. Зато с транспортом вопрос решился сам собой...»

Геральт прекрасно сознавал: подаренный «Гетьман» вряд ли задержится у него надолго — специфика профессии, что поделаешь. Но в Арзамасе-16 он пригодится, тех же ведьмачат натаскивать. А до поры до времени можно и покататься.

Вскоре он вырулил на трассу Киев—Одесса и свернул направо, к Центру. После нескольких дней жизни под мостом душа жаждала номера в хорошей гостинице, ванны, сна на чистых простынях и хотя бы двух заходов в приличный ресторан, где «Пльзеньское» действительно сварено в Пльзени, а не в Крыжополе.

Перед Жашковом его обогнали трое «Круков», причём задний делал недвусмысленные знаки — остановись, мол.

«Та-а-ак... — подумал Геральт с досадой. — Кажется, догнала меня жизнь байкерская...»

Он притормозил у обочины и на всякий случай нашарил под курткой пистолет.

«Круки» остановились чуть впереди, дружно слезли с мотоциклов и вразвалочку направились к Геральту. Это были те самые трое, которые посещали фестиваль «Кажанов».

— Здорово, ведьмак, — пробасил один из них. Остальные просто кивнули. — Я вижу, тебя посвятили.

— Цвета «Кажанов» не делают меня байкером, — отозвался Геральт холодно. — Я был ведьмаком, им и остаюсь. Чего нужно?

— Да не щетинься, мы с миром. На самом деле мы хотели тебя поблагодарить. Если б не ты — убийство, скорее всего, повесили бы на нас. «Кажаны» нам не друзья, врать не буду. Но ты всё классно разрулил, а с «Кажанами» мы

ещё и перемирие заключили. Так что мы в долгу перед тобой, ведьмак. И мы как раз подумали... Раз ты понёс цвета «Кажанов», у наших могут когда-нибудь возникнуть к тебе вопросы, а это будет неправильно. Ну мы и решили разрулить это раз и навсегда. «Кажаны», кстати, в курсе и не возражают. Держи, ведьмак. Носи с честью.

Байкер вручил Геральту кожаную кепку с козырьком из цельной металлической пластины. Над козырьком красовалась эмблема с вороном на серебряном поле.

Геральт примерил — кепка пришлась как раз впору.

— Только не гоняй в ней, сдует, — на всякий случай предупредил байкер. — А если спросят, по какому праву носишь, скажи — Митяй после «Пяти дорог» благословил.

— А у народа крыши не поотрывает, как увидят меня? — поинтересовался Геральт. — На куртке одни цвета, на башке другие...

— Может и поотрывать, — хохотнул байкер, по всей видимости, Митяй. — Да только у вас, у ведьмаков, вечно всё не так, как у живых.

— Что верно, то верно, — вздохнул Геральт. — Ну, я поехал. Бывайте.

Кепку с цветами «Круков» он сунул в здоровенный внутренний карман куртки с цветами «Кажанов».

Перемирие же...

(с) август—сентябрь 2012 г.,
Николаев—Коблево

Михаил Успенский

ОДНОГЛАЗЫЙ ОРФЕЙ

1

...Ижица напала внезапно, словно из ниоткуда. Она была длинная, чёрная и блестящая. Круглая голова её, с острыми жвалами и омерзительными сяжками, существовала отдельно от туловища. Казалось, у монстра нет шеи, башка держится ни на чём — но как раз об эту мнимую пустоту сломался не один клинок не одного героя.

Поэтому Геральт рубанул не по отсутствующей шее, а чуть в сторону. При этом ведьмаку ещё пришлось уклониться от удара лапой чудовища, а была та лапа снабжена острейшей пилой, словно у кузнечика — только не для мирного летнего стрекотанья.

Гнусно пахнущая бурая жижа хлынула на траву. Грозные конечности как будто переломило. Они дёрнулись пару раз — и замерли.

Ижица сдохла, но лишь частично — башка всё ещё клацала жвалами и каталась по траве, словно шар в кегельбане.

— Непонятно, почему наши старики советовали не связываться с этими тварюгами, — сказал Геральт. — Плевались при одном упоминании ижицы. Ругались, как гномы с похмелья. А оказалось — ничего сложного... Пустячное дело...

— Монет полста — как с куста, — поддакнул Лютик. Бард уже стоял рядом, будто бы и не прятался во время схватки за лещиной. Вроде как орешки собирал.

Геральт сорвал лист лопуха и тщательно вытер клинок.

— Селяне могли бы и сами справиться, — сказал он. — Тем более что коса тут не в пример сподручнее меча. Видно, у них деньги лишние завелись... Даже неловко как-то награду принимать...

— Ладно, бери трофей да поспешим в кассу, — сказал поэт. — Орешками сыт не будешь...

Не тут-то было.

Голова чудовища подкатилась к поверженному туловищу и принялась жадно его пожирать.

— Э, как бы она не восстановилась, — встревожился бард. — Неровён час, ещё возродится — воюй с ней тогда до вечера...

— Не возродится, — сказал ведьмак. — На такое способны разве что песчаный пустяк да чмо болотное. И то если не прижечь русальим огнём...

Тем временем и поедаемое туловище начало подавать признаки жизни. Пилообразные лапы замелькали в воздухе, кромсая башку в мелкие брызги.

— Что-то дурное я предчувствую, — сказал Лютик. — Быть беде...

Беда и случилась.

Ничего, ни малого кусочка не осталось от твари, пугавшей до смерти деревенских мальцов, — только вонючая жижа на траве.

Ведьмак и бард с недоумением воззрились друг на друга.

— А как же трофей? — только и сказал Лютик.

Геральт же разразился проклятиями. Как гном с похмелья.

— Так вот почему психовали ведьмаки-ветераны! — воскликнул он. — Вот в чём дело! Вот что имел в виду Протон Многофейский в своём «Монструальном компендиуме», именуя ижицу «к виду самоедских сущностей причисленной»! Истребитель ничего не может представить заказчику!

— Ubey sibja apstenu! — по-эльфийски выругался бард.

По крайней мере, эпитафия мерзкому чудовищу прозвучала на Высокой Речи...

2

Сельский солтыс был мужичок тёртый. Недаром же прожил несколько лет в большом городе. Точнее — в городской тюрьме, но кого интересуют подробности!

— Никак не можно, милсдарь ведьмак, — развёл он короткими ручками. — Что-то вы, вашмилсть, накосячили. Положено принесть мёртвый труп свежеубиенного зверя либо жизненно важную часть оного. А этак нехорошо получается. Этак любой проходимец...

— Ты говори, да не заговаривайся! — воскликнул бард. Поэтическое чутьё безошибочно подсказывало ему, что пятьдесят монет возвращаются обратно на куст. — Мой друг отвёл угрозу от ваших сорванцов, вы вскоре сами в этом убедитесь. Морковкин Лес отныне безопасен! А гонорар — заслужен!

Геральт помалкивал — по дороге было решено, что финансовый вопрос будет решать красноречивый Лютик.

— Оно бы конешно, — сказал солтыс. — Да как знать? Вот ежели вашмилсти проживут у нас хуч бы до зимы, тады и убедимся — жива ли ижица, али сгубил ты её. Как гутарят у нас в простом народе, обоснуй, что ты ведьмак!

— Horribile diktu! — воскликнул бард. — До зимы! Без гроша!

— Так в долг будете жить в моей корчме, — сказал солтыс. — И брать-то стану умеренно, как вы есть возможные избавители... Бражка по праздникам безвозмездная... Одна кружка в одни руки...

— Afftar, vypej jadu! — грозно сказал бард.

Но ни латынь, ни Высокая Речь на мужичка не подействовали. Недаром судья в Первограде хотел его повесить, да вот не вышло: выкрутился, мерзавец!

3

Ничего тебе не остаётся, — подвёл итог Лютик, — как принять моё предложение.

Исключено, — сказал Геральт. — Нам даже нечем заплатить страже у городских ворот. Не говоря о прочем. Это наши кони могут пока на травке протянуть, а у меня живот подвело...

Возьми орешков, — сказал поэт и протянул другу полную пригоршню. — Я тебе предлагаю не жалкие полсотни оренов, а три тысячи полновесных золотых.

— Это в том случае, если победишь в состязании трубадуров, — сказал ведьмак. — А я насчёт тебя что-то сомневаюсь. Сам же говорил, что там лучшие из лучших соберутся...

— Ага, а меня на помойке нашли, — горько молвил поэт. — Вот я, например, никогда не сомневался в твоих качествах истребителя нечисти, а ты... Сомневается он! Не по-товарищески получается!

— Это разные вещи, — сказал Геральт. — Нельзя сравнивать убийство и творчество. Нечисть я уничтожаю объективно: вот она была — и нету. А в искусстве не так. Там сколько людей, столько и мнений. Не во всяком трактире мог ты напеть на жбан пива — кое-откуда и на пинках тебя выносили...

— Потому что у них слуха не было, как и у тебя. Сто процентов — награда моя, — сказал Лютик. — Ибо кто судить-то будет? Городская коллегия. Адвокатишки да купчишки, ведь своих-то трубадуров и певцов в Первограде нет. На их невзыскательный вкус я как-нибудь уж потрафлю. Спою что-нибудь до отвращения местно-патриотическое. Вроде «Я вижу славный Первоград в мечтательном бреду. Там всякий знатен и богат, и я туда приду»... Или «Слушай, Первоград, я тебе спою задушевную песню свою»... Клюнут, олухи!

— Для начала, — сказал Геральт, — нужно войти в город. Представляю,какой у них входной сбор...

— Не проблема. Там будет полно моих собратьев-трубадуров, у кого-нибудь перехвачу в долг до награды...

Ведьмак вскинул руку и изобразил знак Фигто.

— А то я вашего брата не знаю, — сказал он. — Никакой солидарности, в ложке воды готовы друг дружку утопить...

— А Эсси Давен? — сказал Лютик. — Она давно на меня западает...

— Если Эсси на кого и западает, — сказал Геральт, — так уж точно не на тебя. И вообще мне в городе нечего делать. Всё равно в песне я тебе не помощник.

— Но должен же у меня в зале быть хоть один поклонник, — сказал бард. — Знаешь, как поэту нужен верный слушатель — как тебе ведьмачий медальон! Кроме того, прославленному певцу ведь и телохранитель потребен! Мало ли на что способны завистливые соперники! Подольют в пиво кислоты, например, чтобы я золотое своё горлышко спалил... Или килу подсадят болючую...

— Ну да, а я пробовать буду из всех твоих кружек и тарелок, — сказал Геральт. — Как королевский кухарь.

— Ты же всякую отраву без пробы чуешь, — сказал поэт. — А вознаграждение пополам.

— О вознаграждении вообще речи не идёт, — сказал ведьмак. — Дадут награду своему, как положено... А тебе хорошо если грамоту участника вручат!

— Я же сказал — нету там своих певцов и стихотворцев, — воскликнул бард. — Судьи тамошние — народ неискушённый. А я пущу в ход своё знаменитое обаяние...

— Значит, соперников у тебя практически нет? — ехидно спросил Геральт.

Лютик тяжко вздохнул.

— Есть один, — признался он. — В нём-то всё и дело.

— Вальдо Марис из Цидариса? — сказал ведьмак.

— Забудь об этой бездарности, — сказал Лютик. — Тоже мне соперник! «Ещё вчера мои печали казались страшно далеки» — вот уж поистине вчерашний день трубадурства! Нет, есть кое-кто похуже...

— Кто же этот негодяй? — поинтересовался Геральт. — Или, паче чаяния, негодяйка?

— Некто Помпей Смык из Моветона по прозвищу Одноглазый Орфей. Ты о нём, скорее всего, и не слышал. Никакого Моветона нет ни на какой карте. Молодец сей недавно объявился. Сам я на выступлениях указанного Смыка не бывал, но добрые люди мне напели. Тугоухий графоман! Ему и глаз-то, поди, выбили за то, что немилосердно фальшивил! Ни смысла, ни мелодии, а вот поди ж ты — чарует, как говорят у нас, аудиторию! Плачут люди, рубахи рвут! И на себе, и на нём — сувениры, говорят! Колоссальный успех!

— Ну, тогда тебе с ним не тягаться, — сказал Геральт. — Признай, что появился талант покрупнее тебя, имей мужество... Аудиторию-то он чарует, сам сказал...

— В том-то и дело, — сказал Лютик. — Потому-то ты мне и нужен.

— Не вижу связи, — сказал Геральт. — Уж не хочешь ли ты, чтобы я этого парня вульгарно зарубил ни за что ни про что?

— Типун тебе на язык! — сказал бард. — Зарубишь, а потом скажут, что это я тебя подначил из чёрной зависти... Нет! Поэт Лютик никогда не был завистником! Только сдаётся мне, что нечисто с этим самозваным Орфеем...

— В каком смысле?

— В таком, что он людей не иносказательно, а буквально чарует. Наводит на них что-то такое. А твой медальон... У него же от заклинаний натуральная эрекция начинается! Вот ты этого типа и разоблачишь за применение недостойных и сверхъестественных приёмов!

— В Первограде, должно быть, свой колдун для таких дел имеется, — сказал Геральт. — Он быстрей моего разоблачит, да и веры ему больше...

— Нет, — вздохнул поэт. — В том-то и беда, что нету в Первограде своего колдуна. Раньше был, но они его за долги в тюрьме сгноили. Проценты на проценты на проценты. Против банкирского крючкотворства никакие заклинания не помогли. Уж такой там народ!

— Ну, строго говоря, я и тебя самого могу разоблачить, — сказал ведьмак. — Лютня-то небось эльфийской работы! Нечеловеческие звуки издавать способна...

— А разве на ней есть клеймо «Made in Elfland»? — парировал поэт.

— Тогда поехали, — сказал Геральт. — Всё же лучше, чем ничего. Дай-ка ещё орешков...

4

Смеркалось. Плотва и Пегас плелись еле-еле, но подгонять бедных лошадок совесть не позволяла.

— Если бы ты не спорил, — сказал Лютик, — мы бы успели проехать в город...

— Даже обсуждать не хочу, — махнул рукой ведьмак. — У нас ни гроша, ты понимаешь? Унижаться перед стражниками? Ограбить кого-нибудь? Лучше уж заночевать прямо тут, на опушке. Не впервой...

Между тем вечерок-то выдался прохладный. Бард зябко поёжился:

— Нет уж, хватит с меня походной жизни. Помнится, была тут корчма — нарочно поставили для тех, кто к воротам опоздал. Правда, и драли там...

— Попросимся переночевать в конюшне, — сказал Геральт. — Кстати, можешь предложить хозяину свои певческие услуги — вдруг да клюнет? В конце концов, это твоя работа...

– Там видно будет, — сказал Лютик.

Корчма, точно, была на месте: большая, старинная, слегка покосившаяся. Небольшой магический шар у входа освещал ветхую и выцветшую вывеску: «Засахаренная кры...» — последние буквы, как видно, не пережили стихии.

— Это у первоградцев национальный деликатес, — пояснил бард.

— Однако клиентами здесь не обижены, — сказал Геральт. — Смотри: во дворе сплошь телеги, фуры да возы. Привезли товар в город, а к урочному часу не поспели. Пожалуй, не обломится нам место в конюшне...

— Не каркай, Белый Волк, — досадливо сказал поэт.

Ворота были закрыты, так что ведьмаку пришлось приложить к запорному брусу малую толику телекинеза.

Всадники въехали во двор. Дюжий детина с оглоблей в руках сидел на охапке сена и охранял возы и конюшню. Вернее сказать, детине снилось, что он охраняет...

Они спешились.

— Что-то тихо в доме, — заметил ведьмак. — А ведь возчики — народ шумный и весёлый!

— Напились уже — вот и тихо, — сказал Лютик. — Стучи. Авось в лоб не дадут.

Но стучать не пришлось — дверь была приоткрыта.

— Точно, нажрались, — сказал поэт. — Даже не заперлись. Значит, и хозяин с ними за компанию...

Но в корчме, увы, никто не спал.

Более того, за столами молчаливо сидела такая публика, что...

— Резня будет, — тихо сказал Лютик, не шевеля губами.

— Не каркай, Стреляный Соловей...

Мрачные, небритые, покрытые шрамами рожи. Нечёсанные космы. Люди, краснолюды, гномы и один полуэльф. Видавшее виды платье. Ножи, воткнутые в столешницы. Обглоданные кости на полу. И тишина...

За стойкой возвышался хозяин — его физиономия по криминальным признакам не уступала гостям. Длинные, с локоть, усы были завязаны снизу декоративным узлом.

— Что же вы порог обиваете, люди добрые, — сказал корчмарь. — Проходите да садитесь — ребята потеснятся... Мальчонка лошадок ваших обиходит...

— Что-то тут не так, — прошептал Лютик. — Чего-то не хватает...

И вдруг страшная догадка осенила поэта.

— Трезвые они... — не веря себе, сказал Лютик. — Ни в одном глазу...

Ведьмак содрогнулся от ужасного предчувствия, но сразу же взял себя в руки. Глядишь, и обойдётся...

На оборванцев друзья уж никак не походили, а что без денег они, так это может и потом обнаружиться... А уж то, что один из пришельцев — ведьмак при страшном мече, ни для кого не секрет...

— Благодарствуй, хозяин, — сказал Геральт. — Привет честной компании. Мы люди мирные, но иногда воюем. Я с чудовищами, а мой приятель — со скукой и тоской. Может и вас развеселить!

Гости загудели одобрительно — но как-то сдержанно.

— Только не очень громко, — сказал хозяин. — Нам лишний шум ни к чему. Здесь люди солидные и деловые...

— Да уж видим, — сказал бард. — У меня для них песни солидные найдутся. И деловые.

— Милости просим, — сказал хозяин. — Послушаем твои песни, но сперва накормим от пуза, как полагается.

— Спасибо, — сказал Геральт. — Только мы раньше лошадей проведаем. Как полагается...

Друзья вышли на двор. Плотвы и Пегаса на прежнем месте не было, только из конюшни донеслось дружное ржание.

— Больно ласково встретили, — сказал поэт. — Значит, либо отравят, либо стилет в спину...

— Нет, — сказал Геральт. — Угрозы от них не чую, хоть это и странно...

— А я ведь кое-кого тут знаю, — сказал Лютик. — Фрэнко Луковка, Кандид Огрызок — первые воры и грабители по эту сторону Яруги. Гномы Фили и Кили — вообще мародёры, ты их по войне должен помнить...

— А чьи же тогда телеги да фуры? Неужели они торговый караван ограбили, а владельцев под нож пустили? Как бы нам с ними заодно не влипнуть в скверную историю... Эх, лучше было бы в лесу заночевать!

— Ну уж нет, — сказал бард. — Жрать охота. Да и надо бы мне размяться перед выступлением в городе...

— Будь по-твоему, — сказал ведьмак. — Но очень уж не хочется мне устраивать тут бойню... Хотя коли придётся...

Они вернулись в корчму. К этому времени для друзей освободили столик в углу и даже принесли еду и жбан пива.

— Лопай, не сомневайся, — сказал Геральт. — Не чую я в этой похлёбке ни яду, ни дурману. Даже толчёного стекла не насыпали...

Но у Лютика уже так трещало за ушами, что бедняга ничего не услышал.

...Потом расслабленный и благодушный поэт настроил лютню и затянул:

На большую вышел я дорогу,
Впереди тернистый путь лежит.
Не зови, прохожий, на подмогу:
Ни один дурак не прибежит...

Хозяин громко закашлял, и Лютик прервал пение.

— Не в обиду вам, сударь певец, будь сказано, — пробасил корчмарь, — а только песни такие нашему обществу слушать невместно. Я же сказал, что люди тут солидные, не отребье какое-нибудь. Им желательны напевы нежные: про природу родную, любовь девичью и дружбу мущин-

скую. Или про то, как у берёзки заветной мать сыночка ждёт. Но чтобы сыночек тот не в тюремном затворе маялся, а ратовал в бою за отчую землю... Иначе что же о нас люди добрые подумают!

— О, такого-то дерьма у меня навалом! — весело сказал бард и снова возложил умелые персты на вещие струны.

5

— Ну вот, а ты боялся!

Их не отравили за столом, не зарезали на ночлеге. Более того, в мошне у поэта даже кое-что зазвенело! И лошадей в конюшне почествовали и овсом, и ячменём!

— Никого я не боялся, — сказал ведьмак. — Просто не люблю убивать людей. Даже таких.

— Сходка у них тут, — сказал Лютик, седлая Пегаса. — Светиться не хотят, шуму не желают. И под меч твой никому неохота подставляться. Я же говорил, что всё обойдётся!

— И всё же странно, — сказал Геральт. — Зачем им порожние фуры. Не за солью же они ехать собрались! А вранью корчмаря веры нет. И ведь даже пива не пили...

— Да какое наше дело! — воскликнул поэт. — Получилось всё миром, ладом — чего тебе ещё! Теперь пусть хоть перережут друг дружку — я плакать не стану! Знаешь ведь, чем их сходки кончаются...

...Стражи у ворот получили положенную мзду (от её размера ведьмак и бард хором крякнули), пожелали удачи и даже назвали гостиницу, в которой собирались участники певческого состязания.

А гостиниц в Первограде было много. Уж никак не меньше, чем банков, ломбардов и ссудных касс. И здания были всё больше высокие — три этажа, а то и все пять.

Но не украшали эти однообразные строения ни искусная лепнина по карнизам и окнам, ни весёлые краски, ни

яркие вывески. Даже дверные молотки сделаны были без всякой выдумки.

Площади-близнецы, подозрительно нешумные торговые ряды, унылые склады, амбары, бараки... Виселицы, эшафоты...

— Не пойму, зачем здешним жителям этот фестиваль трубадуров, — сказал Геральт, когда друзья миновали очередное серое архитектурное убожество. — Как шёлковая заплата на сермяге...

— Затем и нужен, чтобы выпендриться перед другими городами, — сказал Лютик. — Обидно им слышать про себя: торгаши да ростовщики, крапивное семя... На прекрасненькое потянуло! Учредили беспримерный призовой фонд! А нам, жрецам искусства, только того и надо! Тут уж не зевай! Вы хочете песен — их есть у меня! Жаль, что я малевать не умею — невеждам любая мазня за картину сойдёт!

— А для меня и вообще работы не найдётся, — вздохнул Геральт. — Нет такой поганой твари, чтобы деньги жрала...

— Вообще-то таких тварей много, — сказал бард. — Но все они не по твоей части...

Гостиница называлась «Первоградский Парнас» и была едва ли не самой большой в городе. Пришельцев зарегистрировали, выдали номерные бирки на лошадей и на оружие — его полагалось сдавать.

Геральт ещё усомнился насчёт своего меча — всё-таки уникальный клинок, можно ли такой чужим людям доверить...

— Помилуйте, сударь! — возмущённо воскликнул управляющий. — Да меня вздёрнут за пропавшую у постояльца пуговицу — не то что за меч! Здесь вам не Эсгарот и не Петлюрия! У привратной стражи отменная память на лица, ни один карманный воришка не проскользнёт в город, не говоря уже о рыбах покрупнее... Это Первоград, любезный! У нас строго!

Строго так строго.

Комната на двоих (Лютика поселили вообще бесплатно, как участника) не поражала роскошью, зато в ней можно было помыться в каменной лохани, и даже горячей вода была в одном из кранов!

— Первоград — это цивилизация, — сказал поэт. — А наше состязание — это культура. Различие наглядно...

Приведя себя в порядок, друзья спустились в холл. Там было пестро от толпящихся трубадуров. Звенели струны и бокалы, звучали смех и дружеские приветствия...

— Лицемеры, — с презрением сказал Лютик. — Глотки ведь готовы друг другу перегрызть, а туда же — коллега, дружище, ты безумно талантлив... И все они, заметь, мне завидуют! Ни одной чистой, искренней души!

Но завидовали здесь, как оказалось, совсем даже не Лютику.

— Вальдо, дружище! — воскликнул поэт, обнимая мрачного бородача в чёрной вязаной фуфайке. — Я всегда говорил, что ты безумно талантлив, коллега! Ты достоин первенства, искренне тебя уверяю, от всей души!

— Не достоин, — вздохнул бородач. — Есть на белом свете и получше меня мастер. Тебя, кстати, тоже, пусть ты и гений. Хрен ли там гений! Я пробрался на репетицию этого Помпея Смыка из Моветона. Он снимает целый особняк неподалёку. Может себе позволить, пёс паршивый! Так вот, то, что он делает, уродец кривой — непередаваемо! Сие выше человеческого понимания! Ты весь в его власти, во власти божественного дара этого сучонка... Простые и даже где-то корявые вирши мерзавца приобретают иное, высшее значение, мелодия гнусного проходимца может сперва показаться примитивной, но за ней чувствуется такая глубина, что...

Было видно, что слова похвалы Вальдо Марис из Цидариса произносит как бы через силу, с великим трудом.

— И при том ещё подлец пел вполсилы! Напевал, можно сказать. Что же будет на конкурсном выступлении этой

особы одноглазой! — закончил грустный бородач свой странный панегирик.

Ars longa, vita brevis, — печально поддакнул Лютик.

Тут на Геральте повисла худенькая блондинка.

Эсси! — восклинул ведьмак. — Вот уж кого я рад видеть!

Я тоже, — сказала Эсси Давен. — О, и Лютик здесь! Бедный Лютик! Я-то привыкла к дискриминации со стороны тупого мужичья, но и тебе тут ничего не светит, пусть даже ты и безумно талантлив! Одноглазый красавчик из Мовстона делает всех нас одной левой. Я готова... Я готова ради него решительно на всё! На любое безумство, дорогие коллеги!

– Ja krevedko! — в сердцах выругался Лютик. Но многие его поняли, завистника жалкого.

6

— Не пойдёшь ты в этот особняк, — сказал Геральт. — Нечего тебе делать на его репетиции. Он нарочно позволяет конкурентам подсмотреть его да подслушать. Чтобы у них руки заранее опустились и голоса подсели...

— Может, ты и прав, — вздохнул поэт. — Нечего заранее настраиваться на поражение. Залезу-ка я лучше в каменное корыто и помечтаю о грядущей победе...

— Заодно и помоешься. Вкушай плоды цивилизации большой ложкой, — сказал ведьмак. — А уж я схожу на разведку...

— Без меча? — с сомнением сказал Лютик.

Вместо ответа Геральт показал на пальцах знак Ша.

...Мнилось Лютику, что получил он, как и полагается, первую премию, а Одноглазый Орфей был взыскательной публикой жестоко освистан и бежал. Победителю вручили огромный, расшитый бисером кошель. Но не дремали кол-

леги-конкуренты, подступили к триумфатору, требуя разделить награду по-товарищески. Подступили с пустыми бутылками, с каминными щипцами да с табуретками, поскольку настоящее-то оружие сдали.

И друга-ведьмака рядом не оказалось: видно, увлекла его к себе в комнату коварная Эсси Давен...

И вот бежит Лютик по Первограду, прижимает к трепетной груди тяжеленный кошель, а за ним несётся толпа коварных завистников с криком «Взять всё и поделить!». Лютик мечется по переулкам, стучится в мощные двери банков, надеясь на спасение. Но не отпирают дверей трусливые первоградские толстосумы...

Наконец перед певцом откуда-то возникает канал. В грязной воде отражается луна. Лютик, не задумываясь, бросается вниз...

«Как же так? Почему я тону? Я ведь превосходный пловец!» — думает несчастный бард...

Сильная рука хватает Лютика за волосы...

— Захлебнёшься, идиот! Тебя даже на минуту нельзя одного оставить! — сказал ведьмак. — А коллеги потом обязательно скажут, что утопился перед самым состязанием, наконец-то осознав свою бездарность!

От жестоких этих слов Лютик мигом очухался, вылез из достижения цивилизации и закутался в простыню.

— Ну как? — спросил он. — Почуял чары? Готов к разоблачению подлеца Смыка?

Геральт задумался.

— Вот так чтобы прямо почуять — нет. Да только амулет мой время от времени дёргался, словно что-то такое проскакивало, вроде как искра. Какая-то нехорошая магия. Но ведь сказал же твой дружок Вальдо, что репетирует Одноглазый Орфей не в полную силу. Не желает все козыри выложить. Значит, поймать его за руку можно только во время состязания. Поэтому ложись-ка ты спать, а я искупаюсь...

— Кстати, грязную воду можно выпустить и налить свежей, — сказал поэт. — Там есть такая специальная пробка...

— Да уж знаю, — сказал ведьмак. — Хоть какой-то прок от этих банкиров...

7

— Я-то думал, они для фестиваля целый дворец построят, — сказал поэт. — На века! Светлый, просторный, и с таким хитрым куполом, чтобы даже шёпот со сцены последних рядов достигал... Так нет же! Сэкономили!

Первоградские банкиры и в самом деле придумали простой и остроумный выход: установили на площади Взаимного Кредита огромный балаган из парусины. Надпись над входом гласила:

Помпей, ты наш Орфей!

Внутри балагана поставили самые простые деревянные лавки, и даже не свежесколоченные — попросту притащили их из соседних торговых рядов. Коммерцию и встояка можно вести!

— Многие надеялись, что фестиваль станет ежегодным, — сказала Эсси Давен, уцепившаяся за локоть Геральта. — А он, оказывается, одноразовый. Назавтра этот бродячий цирк разберут, потому что парусина уже продана нифльгаардскому военному флоту...

— По уму живут люди, — согласился Лютик. — Но зря.

— Мне бы надо в первые ряды, — сказал Геральт. — Чтобы сразу на помост выскочить, Орфея-самозванца за шиворот схватить да и обличить публично...

Но не вышло у ведьмака с первыми рядами: возле помоста стояли в несколько рядов разномастные кресла, предназначенные для публики первого сорта. В креслах

уже расположилась эта самая публика — банкиры, куп цы, адвокаты, судебные чины, члены жюри, державшие в руках деревянные счёты.

От компании, засевшей в «Засахаренной кры...», их от личали разве что чистая, аккуратно заплатанная одежда, бритые физиономии да жёны с детьми и прочие родствен ники...

— Утешься, Лютик, — сказал Геральт. — Не получит Помпей Смык у этих ребят своей награды. Такие даже медный грош не выпустят из городских стен. Повесят на победителя, к примеру, арендную плату за помещение плюс накладные расходы... Однако надо бы мне всё-таки местечко для себя опростать!

Ведьмак изобразил на пальцах знак Брысь, но, к его удивлению, никто из местного начальства на эту магию не среагировал...

Пришлось Белому Волку сесть на лавку среди трубадуров-соискателей, между Лютиком и Эсси Давен. В воздухе висел гул медных и серебряных струн — мастера культуры настраивали инструменты.

Состязание началось с ударом гонга.

И первым вышел на сцену Вальдо Марис, вечный соперник Лютика.

— Не повезло бедняге, — лицемерно посочувствовал бард. — Открывать поэтический турнир — это всё равно что вообще не участвовать. Публика забудет о тебе почти сразу. Мне повезло: мой номер двадцать восьмой. А последним будет выступать этот упырь из Моветона. И не придерёшься — сами жребий тянули!

— Есть уловки и для жеребьёвки, — сказал ведьмак. — Например, подержать нужную бирку на льду или, наоборот, нагреть... Помпей, должно быть, первым руку в мешок запускал?

— Ну да, — сказал Лютик. — Сволочам счастье.

— А ведь раньше счастье было привилегией честных дураков, — заметил Геральт.

— O tempora, o mores! — согласился Лютик.

Выступавшего почти никто не слушал — все соседи точно так же переговаривались, мешая безумно талантливому коллеге на помосте.

Вальдо Марис из Цидариса в бешенстве расколотил об пол лютню, швырнул обломки в банкиров и гордо удалился. Лютик издевательски захлопал в ладоши.

Геральт задремал примерно на пятом соискателе. Даже аплодисменты, изредка всё же звучавшие, не могли вывести его из оцепенения. Очнулся он лишь на мгновение, чтобы пропустить Эсси в нарядном синем шёлковом сарафанчике, прижимавшую к груди небольшую цинтрийскую кифару.

Ведьмак даже со вниманием прослушал её коронную балладу «Мой белый конь в малиновом пальто», после чего снова отключился от культуры.

Вторично ведьмак оживился, когда на помост поднялось нифльгаардское трио «Жаба из нержавеющей стали» в чёрных шапочках-масках и чёрных же перчатках. По полу поползли клубы вонючего сизого дыма — надо же чем-то привлечь зрителей! Тем более что репертуар у северян был заезженный — вот разве что пели они a capella такими жуткими басами и с таким угрожающим видом, словно собрались всех на свете поубивать...

— Так это ж натуральные упыри! Все трое! — ахнул он. — Лютик, разве такое у вас допускается?

— Не шуми, — сказал поэт. — Не отвлекайся. Береги силы для главного дела. Вот возьми лучше платок да утри бедной девушке слёзы...

Наконец настал черёд и самого Лютика. Он хорошенько растолкал ведьмака и наказал ему:

— Аплодируй как следует! На тебя вся надежда! Я — primus inter pares!

Геральт всегда был верным другом. Он даже немножечко поколдовал, чтобы вызвать в зале овацию, вывернув пальцы знаком Вау.

Магии тут понадобилась самая чуточка, потому что Лютик был в ударе, а эльфийская лютня — это вам не однострунный колдыр горных гномов!

...Но всё же, так сказать,
Поэту приказать
Не может ни один, ни один король! —

закончил он свою вольнодумную «Балладу об условно-досрочной свободе». И овация случилась.

Геральту даже показалось, что у поэта есть реальные шансы на победу в этом странном турнире трубадуров и он взаправду примус.

Но Помпей Смык самим своим появлением развеял всяческие иллюзии. Публика взорвалась восторженным рёвом, едва появился на помосте пришелец из неведомого Моветона.

Новый Орфей действительно был одноглазым. А ещё он совершенно не походил на романтического певца любви — бритая башка, бурая щетина на щеках, тяжёлый подбородок вышибалы... Кожаный камзол в обтяжку, высоченные сапоги с отворотами...

Все предыдущие трубадуры пели стоя, а для Одноглазого принесли табуретку, и не только её.

Помпей Смык тяжело опустился на сиденье. У ног его служители поставили большой барабан и тарелки. Барабанная колотушка приводилась в движение особой педалью, другая педаль предназначалась для тарелок.

На коленях Смыка лежали небольшие гуселькн. К гуселькам крепилась сложная конструкция, а на ней, на уровне рта певца, были расположены труба, рожок, флейта Пана и пастушья дудочка.

Словом, все виды инструментов — струнные, духовые и ударные.

— Ну-ну, — сказал Лютик. — Поглядим, как он с этим оркестром управится...

— Песенка, — объявил Помпей Смык сиплым пропитым тенорком. — Песенка про дальнюю дорогу.

Прошёлся по струнам, ударил в барабан, звякнул тарелками и затянул:

Люди, нечего дома просиживать штаны —
Нужно на мир поглядеть!
Собирайтесь, мужики, бабы да ребятишки —
И за мною в дальнюю дорогу!

Зал застыл в недоумении, а истинный поэт Лютик выкрикнул:

— Нескладушки-неладушки, моргенштерном по макушке!

Некоторые даже захихикали. Эсси Давен презрительно хмыкнула: тоже остряк нашёлся!

Певец не удостоил дерзкого взглядом, изобразил восходящую гамму на флейте и немножко подудел в трубу. Вышло очень противно.

Ещё вчера Геральт при полном отсутствии слуха понял, что этот человек ни петь, ни играть на чём-либо не умеет. А уж со слухом у него ещё хуже, чем у самого ведьмака.

Наконец Одноглазый Орфей добрался до пастушьей дудочки...

И произошло чудо.

Печальный напев коснулся каждого уха, заставил трепетать барабанные перепонки...

И сразу всем стало ясно, что оставаться в этом дурацком зале нет никакого смысла, что погода на улице чудесная, а родной дом, контора или мастерская — это та же тюрьма, и семья — тяжкие цепи, и в ногах играет молодая, весёлая и неуёмная сила, и надо, надо, надо идти вслед за этим удивительным посланцем иных, лучших миров туда, в неведомые и прекрасные дали, и...

— Да, да! — твердил Лютик. Глаза у него сделались стеклянными. — Как же я раньше не замечал этого? Нет, не бродягой я был, а унылым домоседом по сравнению с

этим величайшим певцом всех времён и народов! В путь, Геральт! В путь, Эсси! Перед нами бесконечность!

Поэт много чего не замечал. Например, того, что тяжёлый медальон с волчьей головой на груди ведьмака поднялся и натянул цепь параллельно земле, а потом и вовсе устремился ввысь!

Это означало, что магия зашкаливает.

Даже Геральт приподнялся с лавки, чтобы вместе со всеми устремиться к выходу. И опомнился только на площади, кишащей народом.

Одноглазый Орфей бросил весь свой инструментарий и с одной только дудочкой возглавил шествие.

Изо всех домов вольного города Первограда выбегали люди — счетоводы, конторщики, ремесленники, женщины с выводками детей. Стражники бросали свои посты, выстраивались в колонны по трое и, печатая строевой шаг по булыжной мостовой, присоединялись к процессии.

Замыкали шествие бездомные собаки и домашние гуси.

Геральт уже потерял Лютика в толпе, только Эсси, отшвырнув свою кифару, всё ещё цеплялась за рукав ведьмака и повторяла:

— Правда ведь, он прелесть? Правда ведь, он прелесть?

Людской поток выплеснулся за ворота, прихватив стражников-лихоимцев, и потянулся по дороге.

Время от времени Одноглазый Орфей оглядывался, снова подносил к губам дудку — и дивная мелодия вливала в людей новые силы...

Потом Помпей Смык свернул с тракта и повёл народ лугом.

— Люди, куда вы? — кричал Геральт. — Остановитесь! Там же болото! Чёрная трясина! Кикиморы!

Но никто его не слышал.

Он кое-как выбрался из толпы (были уже спотнувшиеся и затоптанные) и побежал сбоку, приговаривая:

— Так вот где вынырнула дудка Крысолова! Вот чего ждали грабители в корчме, отчего осторожничали! Вот за-

чем телеги и фуры! Вот почему этот мерзавец напялил высокие сапоги!

Ведьмак прибавил ходу и вскорости нагнал Помпея Смыка из Моветона по прозвищу Одноглазый Орфей.

8

— ...Вот же чернильные души! — возмущался Лютик на следующий день. — Мы их город спасли, не дали умыкнуть сокровища банковских подвалов, домашнее добро сохранили, помогли переловить лиходеев, которые уже грузили скарб на повозки! Да что там деньги и прочие бебехи! Мы самих людей сберегли, ведь все перетонули бы в трясине! Там же и дети были! И вот благодарность!

— Да ты и сам пребывал среди спятивших горожан, — сказал ведьмак. — Тоже мне, поэт-вольнолюбец. Попёрся незнамо куда за первым встречным... Ваше счастье, что хоть я сохранил ясную голову. Кое-как отобрал у вашего кумира его дудочку... Хотя ты прав. Ждать благодарности от денежных мешков не приходится.

Геральт растерянно крутил в руках кусок пергамента. Сей документ давал его обладателю пожизненное право на беспроцентный кредит в любом банке, ломбарде либо ссудной кассе вольного Первограда. Не более того.

— Слушай, — сказал Лютик. — А что, если взять да исправить слово «беспроцентный» на «безвозвратный»? Знаешь, как я рекомендательные письма умею подделывать!

Ведьмак расхохотался.

— Кто же такой грамоте поверит? Безвозвратный! Да у них очи от ужаса повылазят! Скажи спасибо, что я хоть фонд фестиваля у этих выродков отспорил...

— Ага, — сказал поэт. — Отспорил и поделил между всеми участниками. А ведь первая премия, по совести, только моя!

— Конечно, дружище, — сказал Геральт. — Ведь ты у нас безумно талантлив, коллега! А что касается меня, то я

хочу как можно скорее убраться из этой унылой помойки. Поэтому подниму тебя до света. Не желаю видеть плоды здешнего правосудия...

...Но друзьям не повезло. Когда на рассвете они выезжали из городских ворот, первоградское правосудие уже свершилось. И на плоды его поневоле пришлось полюбоваться.

Судьи поделили всех арестованных бандитов на везучих и невезучих. Везучих повесили, невезучих посадили на колья. Казнили всех — людей, краснолюдов, гномов-мародёров и одного полуэльфа.

Голову Помпея Смыка прибили над воротами. В здоровый глаз ему вколотили обломок волшебной дудочки.

— Жаль, — сказал ведьмак. — Так и не узнал я, где Одноглазый Орфей добыл этот легендарный артефакт. Тайна следствия, понимаешь... Вот всю жизнь так: справедливость восторжествовала, а всё равно блевать хочется...

— Pereat mundus et fiat justitia, — вздохнул поэт. — Кстати, как ты сам-то уберёгся от колдовских флюидов?

— Во-первых, у меня нет слуха, и ты это знаешь, — сказал Геральт. — Во вторых, я предохранялся.

— Как?

—А вот так, — сказал ведьмак и сложил пальцы знаком Факъю.

2012 г.,
Красноярск

Мария Галина

ЛЮТНЯ И ВСЁ ТАКОЕ

— Лютик, — Эсси подбросила на ладони камешек и кинула его в воду — плашмя, так что он завертелся вокруг своей оси и несколько раз скакнул по воде, оставляя серию мелких расходящихся кругов, — хоть мне-то не ври. Ну какой ты виконт?

— Виконт, куколка.

Лютик тоже пошарил по шершавым стыкам мола в поисках подходящего камешка. В щелях между крупными камнями стояла вода: шторм прошёл совсем недавно, и волны щедро обрушивались на истёртые ветрами зеленоватые глыбы. В лужицах — тёплых, не то что море в этот сезон — плавала и ползала всякая мелкая живность. Рачок-бокоплав ущипнул его за палец, и Лютик сердито отдёрнул руку.

— Мой папа граф, а я его старший сын. Значит, и я виконт.

— Это тебе мама сказала?

— Ну да... хм...

— Тогда ты в лучшем случае незаконный сын графа.

— Что значит — незаконный? Он бы меня признал. Если бы, хм... знал. Кстати, по маминой линии я тоже виконт, куколка, — Лютик наконец-то подобрал подходящий камешек, плоский и гладкий, — потому что мама была старшей дочкой старшего сына старого графа. Моя бабушка — камеристка её сиятельства.

— Лютик, ты байстрюк. Совершенно чистокровный байстрюк, впрочем.

— Вот тут ты ошибаешься, куколка, — благодушно возразил Лютик, — они тайно обвенчались. Бабушка Лоиса и старший сын старого графа. У мамы до сих пор хранится брачная грамота из храма Мелиталэ... Такая уже... потрёпанная... Но старая графиня, вот кто была настоящее чудовище... она берёт мою юную бабушку... как бы прогуляться на крепостную стену. И там как бы случайно...

— Сталкивает её вниз? — предположила Эсси. Она сидела на молу и болтала в воздухе изящными башмачками с пряжками в виде цветов.

— Да! — воскликнул Лютик, гордясь таким фактом семейной биографии. — Да! Она ненавидела её за молодость и красоту. И потом, они уже подыскали своему сыночку такой молоденький, пухленький денежный мешок... А мою бедную маму, эту беззащитную крошку... Они подбросили в храм Мелителэ... в расшитых серебром пелёнках! Но молодой графский сын, совершенно деморализованный алчными и бездушными родителями, успел засунуть в эти пелёнки тайный...

— Лютик, — вздохнула Эсси, сдув заодно с левой брови знаменитую прядку, отчего Лютику стал виден её синий глаз, чуть прищуренный (как, впрочем, и другой) от острого морского света, — пелёнки не расшивают серебром. Это жёстко. И негигроскопично. Будут потёртости. Потница.

— Ну значит... они сначала её завернули во что полагается, а уж потом...

Лютик тоже прищурился, аккуратно размахнулся, и его камешек запрыгал в вялых волнах, оставляя более глубокие и более редкие следы, чем жалкие подскоки камешка Эсси. Выглядело это так, словно по воде пробежался невидимый, но большой, из тех созданий воздуха, о которых тут, в Мариборе, рассказывают столько баек...

— Просто твоя родня по женской линии была хм... слаба на передок. — Эсси пожала плечами. — И отличалась совершенно неприличной, Лютик, совершенно неприлич-

ной страстью к представителям высшего общества. Снобизмом, проще говоря. И вот ради этого снобизма...

— Ты мою бабушку не трогай, — на всякий случай сказал Лютик, — и маму тоже...

— В Вызиме, — продолжала Эсси, раздражённо отбрасывая непослушную прядку, — я знала одного доктора... Дамы к нему валом валили. Такие, знаешь, со странными всякими недомоганиями... Которые никто, ну абсолютно никто не может вылечить. Угадай, что с ними делал? Укладывал на кушетку и...

— Дальше знаю? — предположил Лютик.

— Он с ними разговаривал, Лютик.

— Просто разговаривал? И всё?

— И всё. Объяснял, что все их невыносимые, просто невыносимые головные боли и всякое такое... от детских глубинных психологических травм... Мол, кормилица их слишком рано отняла от груди. Или слишком поздно. Или там мама не дала мороженого, а наоборот, дала по заднице, или... И вот они, лёжа, рассказывали о своём детстве, когда их в первый раз высекли, по какому месту... всякое такое.

— И что, — заинтересовался Лютик, — они выздоравливали?

— Да! Представь себе! Грёб деньги лопатой. Буквально — лопатой. У него ночной горшок был инкрустирован золотом и слоновой костью, представляешь? А ведь он даже не был чародеем, Лютик!

Лютик задумчиво кивнул.

— Женщины любят, когда с ними разговаривают. Особенно про детство. Особенно дамы в летах... Ну, как бы это... после пика цветения... Спорим, вся его клиентура — дамы в летах. А откуда ты знаешь про ночной горшок?

— Ну, — Эсси слегка смутилась и дёрнула носком башмачка, — так получилось... случайно. Так вот, глубинные травмы... Видишь ли, я всё думаю, почему ты такая безответственная, глубоко порочная, эгоистичная персона?

А это всё семейная история... тяжкая семейная история. От которой ты ушёл в мир музыки и, честно говоря, бездарных, давай смотреть правде в глаза, глубоко вторичных виршей... А это твое совершенно бессовестное, Лютик, совершенно бессовестное отношение к женщинам. Потребительское, я бы сказала, отношение...

— Вовсе нет, — Лютик пошарил в лужице в поисках ещё одного камешка, но не нашёл, — я вас боготворю. Просто, Куколка, я боготворю как бы эту... вечную женственность. Незнакомку. Величавую жену. В каждой из вас, заметь. В прачке с распаренными руками... в посудомойке. В шлюхе. В маркизе. Разве это плохо?

— Обыкновенная неразборчивость, — холодно отозвалась Эсси. — Кстати, эта твоя песня, из последних, про неизвестную девушку в кабаке, которая проходит между пьяными и всегда садится на одно и то же место, это же совершенная, абсолютная пошлость, — Эсси сморщила безукоризненный нос, — неужели сам не чувствуешь? Ну, признавайся, Лютик! Дыша духами и туманами! Тьфу!

— Настоящий шедевр, куколка, — серьёзно сказал Лютик, — должен быть слегка пошловат. Хочешь знать, почему ты так и осталась... хм... артистом второго ряда? Тебя подводит безукоризненный вкус. В смысле, его наличие. То есть...

— Это комплимент или гадость? — кисло спросила Эсси, поудобнее пристроив на коленях лютню.

— Это горькая правда, куколка. Хотя для женщины ты справляешься неплохо. Вот эта твоя баллада о том, как он поднимается по лестнице, а она ждёт и от волнения надевает перчатку не на ту руку... что-то в этом есть, знаешь... ты ещё можешь добиться успеха. А что касается дворянского происхождения... то меня эти скороспелые титулы мало волнуют. Мои эльфийские предки...

— Ах да, как же я забыла. Эльфийские предки.

— Дорогая Эсси... Разве при одном только взгляде на меня...

— При одном только взгляде на тебя, Лютик, видно, что ты бабник и тщеславный щёголь.

Лютик не стал спорить. Он и до этого спорил, только чтобы доставить удовольствие Эсси. Как будто в старые добрые времена... И всё впереди. И они молоды, голодны и галантливы. И все друзья живы. И даже враги живы. К тому же он, Лютик, и правда бабник и тщеславный щёголь.

С моря шли тяжёлые, плотные, как размокший войлок, тучи; свет, разлившийся по воде, сделался серым, рыбым, и Лютик рассеянно подумал, что такой свет можно вставить в балладу. Что-то вроде «а над водой разливалась заря цвета старого серебра...». А рифма? Ребра? Бедра? Ведра? Ветра? Ветра вроде по смыслу может сработать, но ведь банально... Это всё равно что «корабли» и «вдали»...

Банальность — это, конечно, хорошо, но ведь не до такой же степени.

Вдали и правда, точно паук на ниточке, болтался корабль, мачты уже какое-то время назад вылезли из-за мутного горизонта, а теперь показался весь корпус: Лютик обозревал корабль с рассеянным интересом.

— Гляди, куколка, — сказал он наконец, — это не тот, что твой...

— Этот холк? — Эсси приставила к глазу сомкнутые на манер подзорной трубы пальцы.

— Этот когг, — поправил Лютик, — пора бы уже различать, раз уж... Холк, он одномачтовый, вообще-то. А хорошее торговое судно должно быть надёжным. Вот, три мачты, та, что наклонена к носу, — фок-мачта, прямоугольный парус, вон та — грот-мачта, тоже прямоугольный парус, вон та — бизань — косой парус. Водоизмещение — где-то 500 тонн, осадка примерно три метра, ширина... ну, стандартная для таких размеров ширина. Я так думаю, Куколка, он совсем недавно сменил специализацию —

прежде служил в конвое. Видишь лафеты для бомбард? Конечно, не видишь.

— Брось, Лютик, ты тоже их не видишь — с такого-то расстояния.

— Эльфийская дальнозоркость, куколка. Сама знаешь, эльфы способны с пятисот шагов попадать белке в глаз. Унаследовал от далёких предков. Наряду с абсолютным музыкальным слухом и чистым голосом, чистым, несмотря на все те испытания, которым я его подвергал...

— Лютик, ты трепло.

Эсси встала и ловко оправила ярко-синюю, точно перья лазоревки, юбку. К подолу прилипла веточка водоросли, похожая на кружево.

— Ну, трепло, — легко согласился Лютик. Он тоже встал, перо на роскошном бархатном берете отсырело и развилось, надо будет вообще заняться гардеробом, подумал он мимоходом, вдова предыдущего бургомистра неравнодушна к музыке и вообще поощряет искусства, а для таких вот дам-покровительниц у него, у Лютика, есть парочка рифмованных заготовок, только имя подставить...

— Надо идти. — Эсси не смотрела на Лютика, смотрела в сырой песок. Там, где волна подползала к кромке прилива и уходила прочь, оставляя серые, дрожащие на ветру клочки пены, песок был бурым и плотным, чайки и вороны рылись в грудах остро пахнущих водорослей в надежде отыскать что-нибудь вкусненькое. — Ему будет приятно, если я...

— Эсси, — Лютик тоже не смотрел на неё и тоже разглядывал пену. Со врёмен князя Агловаля и сырых, уходящих в глубину ступеней Лютик не очень-то любил море. Он море и раньше не очень-то любил, если честно, хотя в портовых кабаках и в приличных домах с воодушевлением пел хвалу свободной стихии. Куда это годится, когда так много воды? — Эсси, а ты уверена, что...

— Я всё гадала, когда же ты скажешь это! — Эсси вновь с досадой сдула с лица прядку, открыв ярко-синий глаз,

не хуже того, что был уже на виду. — Да, уверена! Да! Я слишком долго жила для себя! Я слишком долго была эгоисткой, а сейчас могу сделать счастливым хорошего человека... Я не думаю о себе! Я думаю о нём! И это совершенно, совершенно новое ощущение! И это прекрасное ощущение, Лютик!

Лютик, который до сих пор шёл, разглядывая носки щёгольских башмаков с пряжками, поднял голову и внимательно посмотрел на неё.

— Ну да, — тихо сказала Эсси, хотя Лютик не промолвил не слова, — ну да, ты прав. Мы с тобой слишком хорошо друг друга знаем, нет нужды притворяться, верно? Я не хочу до конца жизни скитаться по дорогам. Не хочу петь на чужих свадьбах, зная, что своей у меня никогда не будет. И потом, Лютик, ещё год-другой, и они перестанут меня приглашать. Кому нужна старая поэтесса, терзающая лютню сморщенными руками? А голос, Лютик, голос? Разве он не покинет меня никогда — невзирая на холод, на ветер и все эти бесчисленные ночёвки в чужих домах...

— Ну, до этого ещё...

— Погоди, Лютик! Сам знаешь, я права. Ну, не год-другой, лет пять–десять, но ведь всё равно... Я хочу жить в тепле и умереть в тепле. Я хочу семью, Лютик. Мне страшно, Лютик. Холодно, пусто и страшно. Я вижу, как другие... как женщины греются у родных очагов, неужели я обречена скитаться по чужим домам только потому, что... обладаю этим проклятым даром ловко щипать струны и сердца?

А что остается мне? Захватанные чужими руками умывальные кувшины, тазы со скользким дном, все эти... эти сырые простыни, если они есть вообще... комковатые матрасы... клопы. А панталоны? Панталоны, которые ещё не успели просохнуть, а ты всё равно надеваешь их, потому что петь в чужом доме надо в чистом, как перед смертью или перед врачом... а когда низ живота ноет, потому что

пришли твои дни, а ты трясёшься в дилижансе и даже не можешь крикнуть вознице, чтобы он остановился, что у тебя живот крутит, что тебе надо, а в такие дни живот почти всегда крутит, Лютик, а ты терпишь, потому что в экипаже сидят чужие мужчины, и возница чужой мужчина, и тебе стыдно. Хватит с меня. А он меня любит. Любит и жалеет.

— И понимает?

— Поймёт. Мы привыкнем друг к другу. Притрёмся.

— А ты его любишь?

Эсси прикусила губу так, что та стала белой, и расширенными глазами уставилась в пространство. Потом тихо сказала:

— Не говори мне больше о любви, Лютик.

Она была бы плохая поэтесса, если бы не обладала романтичной натурой, думал Лютик, вдавливая в песок каблуками крохотные розовые, продолговатые и заострённые, точно женские пальчики, ракушки, но ведь нельзя же так, в самом деле. Он тихонько вздохнул, и до самого порта они шли в молчании.

Порт ещё не оправился — не столько от долгих зимних штормов, сколько от военной блокады: склады чернели вдалеке, мрачные и облупленные («Сундуки мертвецов», — подумал Лютик), причалы густо обросли зеленью и горстями морских блюдечек, зелёные бороды водорослей, не потревоженные тяжёлыми боками швартующихся судов, полоскались в воде у свай.

Скоро сюда хлынут нильфгаардские товары, думал Лютик, и нильгаардские флаги заполощутся в сером воздухе. То, что надолго остановило бурную и пряную жизнь порта, скоро вдохнёт сюда живую энергию. Войны, продолжал размышлять Лютик, какие бы побуждения ни приписывали историки тем, кто их затевает, на деле вызревают и разряжаются независимо от людской воли, они нечто вроде грозы или землетрясения, или лесного пожара, страшно-

го, разрушительного... но после пожара природа цветёт с особенно яростным буйством.

На причале стояла группка людей, тёмная на фоне серого клубящегося неба. Ветер, дующий с залива, заставлял их придерживать шляпы, отчего казалось, что стоявшие поднимают руки в торжественном приветствии.

— Который из них твой?

Эсси, прищурившись, указала подбородком на невысокого человека, который, придерживая, как и остальные, ожившую шляпу, отдавал распоряжения другому — пошире и покрепче. Оба были в плащах-крылатках, по новой нильфгаардской моде — в побеждённой стране завоеватели всегда в моде, потому что они сильнее, а значит, лучше. А суровые нильфгаардцы, презиравшие нас за изнеженность, наверняка уже копируют наши кружева и завитушки... так и происходит культурный обмен, цинично размышлял Лютик, глядя, как вытягивают шеи в ожидании корабля начальник порта, глава самого солидного в городе страхового дома и несколько солидных торговцев: всех он знал лично, поскольку мэтру не пристало разбирать, где петь свои баллады — в дешёвой таверне или в королевской зале. Или на вечеринке цеха суконщиков, например... Но это же надо ухитриться — подцепить жениха, играя на свадьбе жениховой дочери!

— Ну давай, — сказал Лютик, — давай! Беги к своему милому!

Эсси на миг заколебалась, потом взяла его под руку, другой рукой грациозно подбирая юбку. При этом она незаметно, но энергично несколько раз встряхнула её, чтобы с подола осыпался налипший песок.

— За кого ты меня принимаешь, Лютик? Я никогда не стыдилась своих друзей.

Частица «не» в данном случае ничего не меняет, подумал Лютик, это просто такая частица. Человек не говорит о том, о чём не думает. Когда женщина говорит «я не плачу» — она смаргивает слёзы. Когда женщина говорит «я

ей не завидую» — она завидует. Когда мужчина говорит «я не хочу славы и власти» — значит, он изо всех сил рвётся к власти и славе. Когда человек говорит «я не боюсь» — он боится.

Я не раз использовал это в своих балладах.

Когда человек говорит: «я не люблю»... он... ну, на самом деле не любит.

— Мэтр Лютик! — немолодой человек в добротном тёмном суконном плаще вежливо поклонился. Пытающуюся улететь шляпу он, впрочем, придерживал на голове одной рукой — здешние цеховые мастера снимали шляпу только перед королями, когда тут ещё были короли. — Я польщён знакомством. Эсси так много о вас рассказывала.

— Аналогично, сударь, — соврал Лютик.

— Надеюсь, вы украсите своим искусством нашу свадьбу.

Лютику понравилось, как он это сказал — никакого пренебрежения, никакого «спеть гостям». Один цеховой мастер всегда уважает другого, даже если мастерство у них разное.

— С радостью, сударь. Я даже не возьму... возьму с вас гораздо меньше обычного.

Мастер Хольм чуть заметно улыбнулся краешком узких губ.

— Этот вопрос мы обсудим после. Где вы остановились, мэтр?

— В «Синем петухе».

Эсси оставила наконец локоть Лютика и переместилась к жениху, однако под руку того не взяла, просто встала рядом. Ветер, рвавшийся с моря, развевал юбку.

— Там сравнительно, хм... чисто. И кормят неплохо. Но мы с госпожой Давен будем рады принять вас у себя.

— Благодарю вас, мастер Хольм. Но я, знаете ли... предпочитаю не быть никому обязанным. Даже коллегам по цеху и их родственникам.

— Понимаю.

Собеседники переговаривались настороженно-сдержанно, напоминая двух не слишком драчливых, но независимых псов, которые пытаются убедить себя, что драться за первенство в этом переулке вовсе нет никакой нужды.

Когг тем временем, сопровождаемый юркой лодчонкой лоцмана, вдвинулся в гавань, оставив позади чёрную неровную полосу мола, убирая хлопавшие на ветру паруса, словно... хм, покладистая женщина — юбки, подумал Лютик. Сколь радостно усталому бродяге... завидев, как вдали трепещут флаги... завидевши вдали на башнях флаги... когда он наконец хлебнёт из фляги... трясясь на ох, разбитой колымаге... скрипучей колымаге? Мэтру не к лицу подбирать первую попавшуюся рифму. Пускай себе валяется. Мэтр должен искать редкости. То, до чего не дотянется никто другой.

Пришвартовался когг, честно говоря, так себе. Не самая чистая швартовка. Ударился бортом о пеньковые кранцы, отпрыгнул, канаты натянулись, кнехт скрипнул. Якорь плюхнулся в воду, подняв тучу брызг; чайки, покачивающиеся на волне, точно грязные поплавки, с недовольными воплями поднялись в воздух — впрочем, возможно, потому, что перепуганная рыба, в свою очередь, метнулась со дна к поверхности.

- Прошу прощения, мэтр, дорогая... — мастер Хольм опять коротко поклонился, — сами знаете... если не проследишь за выгрузкой самолично... Эй, ребята, — крикнул он грузчикам, лениво пускавшим поодаль колечки дыма из коротеньких трубок, — как трап спустят, за работу! Того и гляди дождь хлынет, подмочит тюки, с кого тогда спрашивать? Что?

Рулевой, застопорив наконец штурвал, что-то крикнул, приложив руки ко рту наподобие трубы.

Мастер Хольм подошёл к трапу, с ним — комендант порта, таможенный инспектор и ещё несколько человек, которых Лютик не знал, скорее всего, тоже торговой гильдии мастера, а может, ещё и представитель страхового

дома... Первый корабль за столько времени — рыбацкая мелочь не в счёт, первый серьёзный... Его бы с оркестром, нанять пару трубачей и одного с медными тарелками, та кими, чтобы делали «дзыннь!». Ну, впрочем, корабль-то нильфгаардский, много чести.

Хольм, в свою очередь сложив ладонь наподобие тру бы, но приставив её к уху, кивнул в знак того, что понял относимые ветром слова рулевого, потом обернулся к ко менданту порта. Тот тоже кивнул и тоже отвернулся к со седу, словно бы рулевой когга и встречающие ни с того ни с сего решили сыграть в игру «тугоухий вестовой». Лютик смотрел, как комендант, показывая рукой в сторону при плясывающего на канатах когга, что-то говорит на ухо об ладателю такого весёлого и румяного лица, какое только и может быть у портового врача, привыкшего философски смотреть на всяческие неожиданные трюки, которые то и дело норовит подкинуть ему жизнь. Но портовый врач не стал ничего передавать дальше, а напротив, с неожидан ной ловкостью, размахивая врачебным саквояжем, точно канатоходец противовесом, взбежал на борт судна по тра пу, который так и ходил из стороны в сторону.

— Кто-то занемог, — с рассеянным интересом произнёс Лютик, — не иначе как капитан.

— Почему?

— Куколка, есть такой неписаный закон. Или писа ный, не знаю. Швартуется всегда капитан. А привёл-то судно помощник.

— Откуда ты знаешь?

— Да ты только посмотри на него. И хорошо, если пер вый помощник, хотя, по-моему, даже и не второй. По моему, третий. Потому как хреново он швартовался, сама видишь. Похоже, съели они что-то не то, за капитанским то столом...

За врачом тем временем поднялись на палубу подгоняе мые мастером Хольмом грузчики, и самые шустрые из

них уже начали спускаться, держа тюки на загривках. Трап под их башмаками скрипел и подёргивался.

— Он хороший человек, — ни с того ни сего сказала Эсси, глядя под ноги. — Хороший, добрый...

— Кто ж спорит, — согласился Лютик.

— И меня любит. Правда любит.

— Конечно. Это сразу видно.

— И не отговаривай меня!

— Куколка, да ты что! Кто ж тебя отговаривает?

— Не называй меня куколкой, — Эсси сверкнула на него синим глазом.

— Хорошо, Эсси, — покорно сказал Лютик, — не буду.

— Да я отдам всё свое искусство за...

— Эсси, — сказал Лютик тихо, поворачиваясь так, чтобы его слова принёс к ней ветер, — Эсси, тебе нет нужды оправдываться передо мной.

Корабельный канат натягивался и вновь провисал, и Лютик не сразу заметил ползущий по нему серый комок.

Крыса припадала к грубой пеньке, пальцы на лапках растопыренные и розовые, буроватая слипшаяся шерсть — торчком.

Своих, можно подумать, у нас мало, подумал Лютик. И ещё — хорошо, что Эсси смотрит в другую сторону. Женщины боятся крыс, на первый взгляд — неадекватно, глупо боятся, но на деле этот страх имеет под собой серьёзные основания — оставленный без присмотра в люльке младенец перед крысами беззащитен. Это кошки сделали крыс нестрашными, подумал он, но всегда ли у нас были кошки? Но какая же наглая, однако, тварь! Крыса... корабль у мыса... с ветром борется у мыса... нет, постой, при чём тут крыса? Корабль у мыса... кипариса... да, так определённо лучше.

Крыса тем временем, добравшись до надёжных досок причального настила, не убежала, как можно было ожидать, а осталась стоять, сгорбившись и подведя хвост под себя. Затем она неожиданно подпрыгнула, всё так же сгор-

бившись, затем опустилась на все четыре выпрямленные лапы.

— Ты гляди, — произнёс оборванец, который, завидев мачты, пришёл сюда в надежде подработать. Сейчас он стоял, засунув руки в карманы холщовых штанов и прислонившись к груде сваленных у причала рассохшихся досок, — никогда не видел, чтобы крыса вытворяла такое!

Крыса тем временем вновь подпрыгнула, выгнулась уже совершенной дугой, упала на выпрямленные лапы, вновь упала, теперь уже на бок, и так и осталась лежать грязной кучкой.

— Фу, какая гадость! — Эсси, привлечённая возгласом оборванца, сморщила изящный носик. — Пойдём отсюда, Лютик!

— Разве ты не хочешь побыть...

— Нет, — Эсси поглядела на захлопотанного мастера Хольма, озабоченно щупавшего уголок ткани, выглядывающий из вспоротого тюка, — я думаю, когда мужчина занят, не следует... Дорогой!

— Да, горлинка? — Мастер Хольм на миг отвернулся от тюка, сохраняя на лице озабоченное выражение.

— Я поеду, присмотрю обои для спальни и гостиной, ладно? И ткань на обивку.

— Конечно, горлинка.

— Я видела такую... серебристо-зелёную и с узором из ивовых листьев и лилий..

— Выбирай всё, что тебе понравится. — Мастер Хольм рассеянно улыбнулся и вновь вернулся к тюкам. Похоже, подумал Лютик, товар-то подмочен...

— Горлинка? — переспросил он, пока они шли по брусчатой дороге, ведущей к припортовой площади.

— Ну... а чем, собственно...

— Да ничем, куколка. Абсолютно ничем.

За их спинами когг приплясывал на волне, тёмные его борта, колеблясь, отражались в серой воде, опрокинутые медные буквы распадались на отдельные жёлтые пятна, и

даже если постараться, нельзя было угадать название судна, которое, впрочем, легко можно было прочесть, лишь немного подняв взгляд. Название судна было «Катриона».

* * *

В «Синем петухе» Лютик спросил подогретого вина с корицей и ломтиком яблока, сыру и гренок и велел нести всё в комнату под чердаком, которую занимал единолично. Комната была маленькая и душноватая, но благодаря своему расположению тёплая и сухая даже в эту дождливую и ветреную погоду, свойственную местной ранней весне.

Придвинув к себе вместительную фарфоровую чашку, из которой валил ароматный пар, Лютик, вооружившись изящным ножичком с перламутровой рукояткой, занялся распечаткой накопившейся за день почты. Одно письмо, в плотном узком конверте с гербовой печатью, надписанное Юлиану де Леттенхофу, он повертел в руках и, не распечатывая, спрятал в карман камзола. Остальные, с пометкой «мэтру Лютику», он вскрыл и по мере прочтения разложил на две кучки: одну для ответов «Благодарю за приглашение, всенепременно буду», другую — для «Благодарю за приглашение, однако, увы, на этот вечер я уже ангажирован». Та, которая «всенепременно буду», была потоньше, однако, полагал Лютик, обещала гораздо больше в плане пополнения кошелька и повышения престижа, впрочем, истинный мастер заботится не о кошельке и не о престиже, а... О чём положено заботиться истинному мастеру, Лютик намеревался как раз сегодня вечером изложить на страницах труда «Полвека поэзии», у него уже созрела пара-другая интересных и небанальных мыслей на этот счёт.

С интересными и небанальными мыслями такая фигня, что пока они вертятся в голове, они даже и не просто интересны и небанальны, но практически гениальны. Од-

нако, как только начинаешь излагать их на бумаге... Бу мага, думал Лютик, раздражённо морща лоб, самое что ни на есть беспощадное зеркало. А казалось бы, в принципе не обладает отражательной способностью.

Тем не менее он, помогая себе то гневным, то возвы шенным выражением лица, старательно царапал бумагу, радуясь тому, что подаренное когда-то Геральтом перо ку ролиска не нуждается в постоянной правке. Впрочем, не будь этих бестий, подумал он мимолётно, наверняка бы уже начали штамповать стальные перья. Гораздо ведь удобней. Надо будет подать идею этому куколкиному де ловому человеку. И пускай возьмет в долю. Патент, кон трольный пакет акций и отчисления порядка... ну, ска жем... Тьфу ты!

«А коли менестрель, возжелавший стать Мэтром, спро сит меня — а как быть, коли число рифм ограничено сами ми свойствами, языку, сиречь речи нашей присущими, и рифма, каковую ты подобрал для своей строки, наверняка использовалась уже иными бардами числом во множестве, отвечу я, что тут всё зависит именно что от мастерства, иными словами, умение найти рифму, не использованную доселе, и есть признак Мэтра. Добавлю ещё, что такая рифма, будучи подобранной на слух, избавляет барда ещё от одной беды — банальности, поелику ежели рифма ред кая, то, чтобы увенчать ею строку, требуется неожидан ный поворот стихотворения, таковой, который данной рифме бы приличествовал и соответствовал. Добавлю од нако, что ежели...»

И кто это выдумал, чтобы солидные труды писались вот таким вот унылым слогом, вздохнул Лютик и отёр кончик пера бархоткой, — сплошные «ежели» да «коли», словно ежевики или колючих ежей понапихали в трактат. А напишешь сие языком простым, человеческим, даже и читать не станут, сморщат свои учёные носы и вынесут вердикт: мол, простолюдин писал, каковой со слогом вы соким совладать не в силах, а уж с мыслию высокой — тем

паче... А что «каковой» это самое уж очень смахивает на «выкакай», упомянутые высокие умы и не заметят.

«...Если бард и вправду обладает даром, он просто сделает так, что никто, включая его самого, и не обратит внимания, банальна или нет та или иная рифма, — заключил он решительно, — поскольку и он сам, и слушатели его будут уловлены в плен не рифмами, не формой, а тем, что за рифмами и формой, то есть самой сутью текста. Однако вся штука в том, что именно этому дару увлекать сердца, увы, нельзя научить. Он либо есть, либо его нет, дорогие мои тщеславные маленькие друзья».

Лютик, хмыкнув, перечитал написанное, какой-то миг размышлял, не порвать ли ещё сыроватый от чернил листок, но махнул рукой и отложил его в стопку к остальным.

Я — натура загадочная и противоречивая, сказал он сам себе, а толкователи и интерпретаторы пускай себе мучаются.

Он опять занёс над бумагой заострённое перо — так воин настораживает своё копьё в предчувствии стычки, но остриё копья, то есть, тьфу, пера так и не соприкоснулось с бумагой. Из общей залы донеслись звуки лютни.

Лютик полагал, что может с закрытыми глазами, просто по манере касаться струн, угадать любого из ныне живущих бардов, а тут ещё и голос, высокий и чистый, как бы предоставляющий возможность любоваться собой, однако незнакомый голос. Славно было сыграно, и неплохо спето, и, если прислушаться, можно было различить слова, старинная баллада о Ларе Доррен и известном чародее, ну, хм... обработка нетрадиционная, новаторская, можно сказать, обработка. Кто же это у нас такой талантливый?

Эсси могла бы спеть что-то в этом роде, но Эсси наверняка, став приличной городской дамой, будет услаждать слух исключительно своего супруга, ну разве ещё избранных гостей. Ежели в каком месте убудет, говаривал Мику-

ла Вызимский, философ-самоучка, то в другом месте при будет. Оно самое.

Лютик с явным сожалением (и скрытым облегчением) отложил перо, прижал бумагу ножичком с перламутровой ручкой, спрятал нераспечатанное письмо во внутренний карман жилетки и спустился вниз. Тем более, подумал он, гренок и сыра при такой интенсивной умственной работе явно недостаточно.

Женщина с лютней сидела близко к очагу — Лютик подумал, что она и поёт только для того, чтобы иметь возможность погреться и просушить одежду: от старого овечьего кожушка валил пар, и не только пар. Запах тоже валил, и не самый приятный.

Низко склонённая над лютней голова замотана платком, виднеется только бледная впалая щека и чёрная прядка волос. Тонкие пальцы в цыпках перебирают струны.

«Холод, ветер, все эти бесчисленные ночёвки в чужих домах... умывальные кувшины, тазы со скользким дном, все эти... эти сырые простыни, если они есть вообще... комковатые матрасы... клопы». Лютик до сегодняшнего дня не очень задумывался, что это такое — быть женщиной-менестрелем. Тем более он подозревал, что даже если и задумается, всё равно не поймёт.

«Синий петух» был вполне приличной гостиницей, Лютик, собственно, потому его и выбрал: тут останавливались солидные торговцы и цеховые мастера, и в общую залу они выходили, чтобы обсудить цены не на пиво, а на сукно и нежнейшие южные кружева. Да и кухня тут была отменная. А потому почтенные постояльцы и постоянные посетители восприняли появление лютнистки скорее как помеху еде и неторопливым беседам. Будь это заведение победнее, девушку приняли бы лучше, из чего Лютик сделал заключение, что в качестве бродячего менестреля она зарабатывает на хлеб совсем с недавних пор и, как говорится, рыбку не ловит. И верно, кто-то из беседующих солидных господ, сидевший повернувшись к Лютику обтя-

бутой сукном широкой спиной, подозвал жестом официанта и что-то тихо сказал ему на ухо.

Гнать будут, подумал Лютик.

Усевшись за отведённый лично ему столик в глубине зала (наблюдать за посетителями тут было удобней, чем посетителям наблюдать за ним, а Лютик уважал приватность, в особенности в отношении своей персоны), он дождался появления деловитого владельца и прежде, чем тот направился к девушке, тоже подозвал его жестом. Тот, с минуту поколебавшись, решил, что неизменная щедрость Лютика заслуживает расторопности.

Эта... э... девушка, — лениво сказал Лютик, — я бы хотел пообедать без музыки...

Сейчас попрошу её отсюда, мэтр, — виновато сказал хозяин, — господа за тем столиком тоже недовольны...

Я бы предпочёл заткнуть ей рот едой, — честно признался Лютик, — баллада, которую она исполняет... меня заинтересовала.

Но господа... она же грязная, мэтр. Вы только посмотрите!

Тогда занесите еду в мои апартаменты. Всё, что я заказывал... в двойном размере. И скажите Матильде, пусть согреет воду.

Поскольку слова свои Лютик подкрепил более надёжным аргументом, хозяин спорить не стал. У мэтра, в конце концов, могут быть свои причуды...

Девушка, однако, была слишком усталой, чтобы понять, чего от неё хотят, или, напротив, слишком хорошо поняла, чего от неё могут хотеть. Одной грязной рукой она прижала лютню, другой — вцепилась в массивный табурет, с которого так и не пожелала встать. Хозяин, пытавшийся уговорить девушку подняться наверх как можно более незаметно, именно благодаря этому своему намерению оказался, как это всегда бывает, в центре внимания и оттого покраснел, надулся и стал действовать с большим напором, чем следовало. Тем более девица, как

выяснилось, оказалась с огоньком — гневно раздутые тон кие ноздри и яростно сверкающие из-под платка глаза обе щали незапланированное развлечение всем собравшимся Понятно было, что побродяжку выставят, и тем забавней было наблюдать, как именно это произойдёт.

Лютик со вздохом встал, отодвинул тяжёлый стул и в свою очередь двинулся к очагу.

Певица встала, отшвырнув табурет ногой. Лютню она бесцеремонно затолкала в заплечный мешок, а руку оста вила держать заведённой за плечо, словно бы готовясь к броску. Что у неё там? Нож? Наверное, нож...

— Эй, — почтенный хозяин «Синего петуха» отсту пил, — полегче, ты...

Девушка оскалилась. Зубы у неё были мелкие и ровные. Слишком мелкие и слишком ровные. И очень белые.

— Только тронь меня пальцем, ты, грязный Dh'oine!

— Пойдём, — сказал Лютик мягко, — пойдём, Тору вьель.

* * *

— Почему ты за меня вступился? — эльфка ловко и энергично разделывала огромный кусок истекающего со ком мяса при помощи собственного ножа (это и вправду оказался нож, притом острющий). — Приятно видеть по верженного врага, да?

Здесь, в тепле и почти безопасности, она стащила пла ток, которым туго замотала голову, и стали видны её уши — маленькие и острые.

Лютик на миг задумался.

— Если бы я сказал, что не враждую с женщинами... или что среди женщин у меня нет врагов... я бы соврал, То рувьель. Но бывают враги и... враги. Считай, что во мне го ворит... ну, скажем, расовая солидарность. Эльфийская кровь, знаешь ли, даёт себя знать даже в восьмом колене.

— Да ладно! Нет в тебе никакой эльфийской крови, маленький Dh'oine. — Торувьель впилась в мясо острыми зубами. У людей не бывает таких зубов.

— Как?! — обиделся Лютик. — А красота? А сравнительно хорошая сохранность в сравнительно солидном возрасте? Разве я выгляжу на свои? Вот скажи?

— А какие твои? — равнодушно поинтересовалась Торувьель.

— Не скажу. — Лютик на миг замялся, потом, вновь воспрянув духом, дёрнул себя за старательно подвитую прядку. — А кудри, в конце концов?

— Кудри как кудри. Как ты их завиваешь? Спишь небось в папильотках? А насчёт эльфийской крови ты самочкам Dh'oine заливай. — Торувьель пожала точёными плечами, не переставая при этом резать мясо. — Будто сам не знаешь, плодовитого потомства от людей и эльфов практически не бывает. Раз-два и обчёлся...

— Слишком разная генетика, — согласился Лютик безлобно, — но бывает ведь любовь. А любовь, Торувьель, это такое чудо...

— Сам-то ты веришь в то, что несёшь?

— Нет, — признался Лютик, — но ведь это ничего не значит. Это не значит, что нет любви... Понимаешь, Торувьель... я ведь поэт. Бард. И если бы я не был циником, я был бы плохим бардом. Но если бы я втайне, Торувьель, в самом глубоком уголке своей циничной души не верил, что чудо возможно... я тоже был бы плохим бардом. Понимаешь?

— Понимаю. — Торувьель задумчиво кивнула и куском хлеба подобрала с тарелки остатки соуса. — А вон то — это что?

— Пирог. Называется мариборский пудинг... обед пастуха... как-то так.

— С чем?

— С почками. Почками, луком... морковью.

— А, ну хорошо. Готовить вы, Dh'oine, умеете... иногда. То есть не так плохо, как можно было ожидать.

— Научились. За столько-то лет.

— Это за сколько-сколько? Какие-то жалкие...

— Ну значит, мы тем более... одарённые... раз быстро научились. Знаешь, Торувьель, там есть горячая вода. В лохани. Я могу выйти. Если хочешь. Посидеть в зале.

— Я знаю вашу пословицу про бесплатный сыр и мышеловку.

— Ты красивая, — сказал Лютик честно, — но мне, с моей-то красотой и талантом, никогда не приходилось покупать любовь. Даже за горячую воду. То есть почти никогда. Молодость, она, понимаешь... толкает на приключения.

— В бордели?

— Ну да, но исключительно в приличные бордели, если так можно выразиться. Просто. Ну, ты менестрель. И женщина. У меня есть одна... один друг. И она, знаешь, буквально сегодня сказала мне, что я никогда не пойму, что такое быть... женщиной и одновременно бродячим менестрелем. Я и подумал, какой же я поэт, если не могу представить себе... И попробовал представить.

— И?

— В общем, проси чего хочешь. В пределах разумного, конечно.

— Какой из меня менестрель? — Торувьель придвинула к себе пирог и начала расправляться с ним так быстро, что Лютик, который не успел как следует поужинать, с тоской провожал глазами каждый кусок. — Так... подмастерье.

— Ну, — честно сказал Лютик, — голос у тебя хороший. Не поставленный, но ничего, сильный голос. Чистый. Играешь ты неплохо, хотя и... школа другая, это сразу видно. Специалисту, я хочу сказать. Музыкальная обработка оригинальная. А поёшь старьё. То, что ты исполняешь, Торувьель, вышло из моды сто лет назад.

– Значит, — Торувьель отодвинула пустую тарелку и деликатно рыгнула, — вот-вот опять войдёт в моду.

– Не уверен. Нам, людям, чтобы зацепить нас, нужна провокация. Вызов. Нечто, чего до этого не было. Запретное. Полузапретное. Двусмысленное. За это они готовы платить. Чтобы им бросили правду в лицо, но так, чтобы это была как бы не совсем правда. Чтобы они могли увидеть в этом зеркале, какие они гадкие, грязные и страшные, но в то же время могли собой гордиться. Понятно?

– Нет.

– Ещё бы, — проворчал Лютик, с отвращением косясь на прижатые изящным ножичком листы «Полувека поэзии». — Ещё бы. Ты ж не человек какой-нибудь. Почему ты не уехала?

– Что?

– Ну ведь... прошёл такой слух, что... наконец удалось. Что вот-вот откроются ворота, или даже уже отворены, и...

– Ard Gaeth... да... Откуда ты знаешь?

– Я ведь странствующий бард. Профессиональный собиратель сплетен. За это платят не меньше, чем за исполнение душещипательных баллад, кукол... тьфу, в общем, тоже платят. Так всё-таки, почему ты не уехала?

Торувьель провела пальцем по столешнице, где остался влажный след от кружки с подогретым вином.

– Я уезжаю. Мы все уезжаем. Все, кто ещё остался. И просто задержалась. Немного. Жду корабля. Последнего корабля.

– Что-то ты не торопишься. Ты же... так ненавидишь людей, что... я видел, у тебя даже пальцы тряслись, когда...

– Потому что... — она отвернулась, продолжая размазывать пальцем по столу пролитую каплю вина, потом подняла голову и поглядела ему в глаза. Её глаза были тёмные и блестящие. Её племени для того, чтобы добиться

такого эффекта, не нужна никакая белладонна, подумал он. Обидно. — Потому что... когда мы шли...

— Бежали?

— Бежали. Я подвернула ногу. Не могла ступить. И... ехать тоже не могла. Щиколотку разнесло вдвое. И жар. Горячка. И они... они очень спешили, и...

— Тебя бросили свои же? — медленно спросил Лютик.

— Они были в опасности, — Торувьель вздернула подбородок, — их преследовали. Эта... это чудовище... эта ваша... Черная Райла со своим отрядом головорезов. Она же безумна, эта баба. Полный псих.

— Почти как ты, а, красотка?

— Ты меня с этой бешенкой не равняй. Это был наш мир, пока не пришли вы и не выгрызли его своими мерзкими уродливыми зубами.

— Да-да, — успокаивающе проговорил Лютик, — конечно. Так значит, они тебя бросили?

— Они меня оставили. Потому что лучше пожертвовать одним, чем...

— Понятно-понятно. И ты?

— На каком-то сеновале. И меня... нашли. Это были... Dh'oine, люди. У них сын погиб в ополчении, а дочь... в общем, когда пришла Райла, они...

— Спрятали тебя и дали напиться. И поесть. И перевязали ногу. И... И направили погоню в другую сторону. И держали у себя, пока ты не смогла идти дальше.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я человек.

— Ага, сознался всё-таки! А врал-то, врал! Кровь Aen Seidhe, кровь Aen Seidhe... Но почему, Лютик? Почему?

— Потому что... ты что, меня совсем не слушаешь? Про зеркало и правду в лицо? Видишь ли, Торувьель... бард на то и бард, чтобы расцвечивать банальности, но мы, люди, мы и правда способны на всё. Или, по крайней мере, на многое. В этом, пожалуй, и есть наше отличие от вашего брата. От вас... всегда знаешь, чего ожидать. Мы же... мы

быстро сгораем, Торувьель. У нас нет времени на то, чтобы вырастить в себе холодный разум. Чтобы выжить, нам надо действовать быстро. Непредсказуемо. Нелогично. Страдать и наслаждаться. Любить и ненавидеть. Иногда — одного и того же человека. Иногда — в одно и то же время. Понимаешь?

- Не очень.

- В том-то и дело, — пробормотал Лютик, — в том-то и дело.

- Погоди... Если бы эти, которые... жрут там, внизу, в селе, если бы они узнали, что я... эльфка, они бы... Что? Могли бы убить? Только правду?

- Могли бы.

- А могли бы... хлопнуть по плечу, сказать «здорово мы вам врезали!» и поставить пиво?

- Могли бы, — устало сказал Лютик, — послушай... вон там — вода. Тёплая. Целая лохань тёплой воды. Поесть, помыться и выспаться в тепле — что может быть лучше для нас, одиноких путников?

Торувьель, медленно шевеля разморёнными в тепле руками, расстегнула мужской сюртучок, скинула его, потом грязную, серовато-чёрную на обшлагах манжет, но когда-то тончайшей выделки шёлковую блузку с белой размахрившейся вышивкой (ирисы и лилии, сплошь ирисы и лилии, как отметил Лютик), стащила и её, корсета она не носила, груди оказались маленькими, с торчащими в стороны острыми тёмными сосками, ореол вокруг сосков тоже был неожиданно тёмным... ключицы выпирают, рёбра выпирают, не женщина, а стиральная доска. На Лютика она при том обращала внимания не больше, чем если бы на неё смотрела сидящая у стола собака.

Затем подняла ногу и попробовала кончиками пальцев воду в лохани. Пальцы ног у неё были точно лепестки, а ногти розовые и блестящие. И даже чистые.

От ноги Лютик не смог отвести глаз, замечательная у неё оказалась нога, тонкая в щиколотке, с выгнутым сво-

дом стопы, а вся стопа могла бы уместиться в его ладони. Всё ж таки есть в ней некий шик, в этой породе.

Она почувствовала его взгляд, повернулась — соски угрожающе нацелились на него.

— И я, конечно, должна буду с тобой расплатиться натурой, маленький Dh'oine?

Лютик пожал плечами:

— Спал я как-то с эльфкой. Ничего особенного.

— Ты! — она фыркнула. — Ты, наглый самец коротко живущего вида... ничего особенного? Да как ты...

Лютик, не давая себе труда ответить, поднялся и стал рыться в дорожном сундуке. Извлёк оттуда чистую рубаху, не шёлковую, правда, но тонкого, гладкого полотна, пару аккуратно сложенных батистовых носовых платочков, панталоны и чулки.

— Есть ещё штаны для верховой езды, запасная пара, — сказал он, — хорошие штаны. Но, боюсь, не налезут. Задница у тебя пошире моей...

— То есть как это? — она вновь фыркнула, уже сидя по пояс в воде и яростно поливая себя из кувшина — оттого поднялся фонтан брызг, словно бы она изображала из себя легендарного морского коня. — Как это пошире? Ты, разожравшийся поэтишка, ты...

Каждый всплеск Лютик приветствовал довольным кивком.

— Наглый, толстощёкий... розовый... мерзкий...

— Огонь девка, — бормотал Лютик себе под нос.

— Погоди, — она медленно осознавала, — ты что... шутишь, да?

— Ну наконец-то! — Лютик вздохнул, уселся на стул и вытянул ноги. — Поздравляю! С чувством юмора у вашей расы всегда было не очень-то...

— Придурок, — с чувством сказала Торувьель.— Bloede arse.

— Не без этого, — согласился Лютик, рассеянно любуясь гладкими и мокрыми черными прядями, облепивши-

ми высокую бледную шею и острые плечи, — но знаешь, Торувьель... мне и правда жаль, что вы уходите. Без вас будет... пресно.

— Зато нам без вас, наконец-то...

— Это ты сейчас так думаешь. Нет, погоди, Торувьель. Va'esse deirdeadh aep eigean. Верно. Что-то всегда кончается. Это... нормально. То, что уходит магия... уходит волшебство... наверное, это правильно. Магия не для людей, знаешь ли. Вам, народу гор, с ней управиться проще. Я даже думаю, она не уйдет совсем. Окончательно. Что-то останется, какое-то эхо. Напоминание о несбыточном. Тоска.

— Так вам и надо, — мстительно сказала Торувьель, выпростав из лохани длинную белую ногу и шаря ею в воздухе в поисках опоры.

— Все эти... расфуфыренные чародейки. Важные чародеи. Будут надувать щёки... делать вид, что им всё ещё доступно то, что недоступно другим. Будут опускаться до дешёвых фокусов. В конце концов станут всего лишь комичными фигурами. Клоунами. Это грустно.

— Почему?

Нога нащупала опору, Торувьель выпростала вторую — что не удивительно, такую же белую и длинную; Лютик наблюдал за ней искоса, как за диким зверьком — чуть другие пропорции, чуть-чуть длиннее там, где у наших женщин коротко, чуть-чуть тоньше, где у наших женщин широко... Когда они уйдут, наши женщины начнут подражать им, истощать себя диетами в погоне за недостижимым идеалом. Тянуться кверху. Наращивать каблуки. Утолщать подошвы.

— Ваши чародеи... они слишком много на себя берут. Думают, они умнее всех. Думают, мир принадлежит им, а остальные — сырьё, пыль под ногами. Так им и надо!

Торувьель обернула полотенце вокруг бёдер и энергично встряхнулась.

— Вынужден признать, ты права, Sor'ca. Наши чародеи... слегка зарвались, скажем так, и это... я думаю, им

ещё отольется, и очень скоро. Но дело не в этом. Дело в том, что... там, где была возможность, её не будет. Где было обещание — оно исчезнет. Где была надежда, будет только тщета. Зов останется без ответа. И сколько бы мы ни задирали головы, как бы ни вглядывались в пустоту, она останется пустотой. Тонкие сферы... будут молчать. Боги... уйдут? Кто останется? Не будет ли нам... одиноко?

— Может, оно и к лучшему. — Теперь она, белая и тонкая, точно свеча, стояла у лохани, узкие ступни — в натёкшей луже воды. — Вы, Dh'oine, никого не терпите рядом с собой. Рано или поздно вы вытесните всех. Всех, кто остался. Краснолюдов. Низушков. Сирен. Последних дриад. Все вынуждены будут уйти, или, если они любят ваш мир, а есть и такие, маленький розовый Dh'oine, прятаться по углам, дичать, превращаться в нечисть, в буку из детских сказок, в тень за спиной. Страшную тень, Ard taedh, учти это. Потому что любая тень за спиной в конце концов становится страшной!

— А разве вы, народ гор, терпите кого-то рядом с собой?

— Всех, кроме вас. — Она яростно отбросила полотенце и теперь стояла в дрожащем свете масляной лампы совсем голая, беловато-смуглая, казалось даже, полупрозрачная. — Всех, кроме вас. Мы так надеялись... что вы сами себя истребите в этой проклятой войне, а мы вам... немножко поможем, вот и всё.

— Совсем немножко, — пробурчал он, отводя глаза.

Потом поднялся, по-прежнему глядя в сторону.

— Постель в твоём распоряжении. А я пойду в залу, посижу у очага. Ночь — славное время для менестреля. Может, удастся дописать главу трактата. Хороший, между прочим, получается трактат.

Эльфка тоже молчала, мокрая прядь волос лежала у неё на плече, точно чёрная змейка.

— Завтра допишешь.

— Я... не ошибся в твоих намерениях?

— Полагаю, нет. — Оставляя мокрые следы, она подошла к скрипучей постели, знавшей тысячи объятий, и улеглась поверх одеяла, закинув руки за голову. — Сaemm и ne, маленький Dh'oine.

— Хм... а ты не удавишь меня в постели, а?

— Не ручаюсь...

— Надеюсь, это случится в порыве страсти, — сказал Лютик.

Она и сама была холодная и мокрая, точно водяная змея. И такая же опасная.

— Скажи, — а вот ладони у неё были горячие, и дыхание, которое трогало его щёку, тоже было горячим, — а ты правду сказал... насчёт эльфок?

— Нет, — соврал Лютик, — нет. У меня никогда не было эльфок.

— Я тоже первый раз с таким, как ты, — она приподнялась на локтях, заглядывая ему в глаза. В зрачках у неё сошёлся в ослепительную точку свет лампы, которую он не успел задуть.

А вот она, подумал он, уж точно не врёт.

* * *

— Прекрасный корабль. — Торувьель брезгливо переступила через грязноватую лужу на брусчатке. — Это будет прекрасный корабль.

— Наверняка, — вежливо согласился Лютик. Ещё бы, любой корабль, который готов увезти её от вонючих Dh'oine — прекрасен. Надо же, а на какой-то момент этой ночью ему показалось...

— Белый и легкий, как... чайка, как... белая раковина... такая, полупрозрачная, светящаяся изнутри. Корабли вообще прекрасны, верно? Чистые... От них пахнет дёгтем. И деревом. И солью.

— Деготь — стерилизирующе средство, — согласился Лютик, — коновалы готовят на его основе чудодействен-

ную мазь. Очень помогает при воспалительных процессах Вытягивает гной и...

— Тьфу. Почему ты должен обязательно всё опошлить? И почему тут так воняет?

— Потому что город. Большой город. Пятнадцать тысяч человек, не кот наплакал. А люди, Elaine, едят, пьют, а потом испражняются. Эльфы — нет? Или, извиняюсь, испражняются исключительно нектаром?

— Эльфы не живут в городах, начнём с этого. Как можно жить в такой грязи и скученности?

— Но ведь Шаэрраведд?

— Это не город, — раздражённо сказала эльфка, огибая очередную лужу, — в вашем пошлом смысле слова это никакой не город. Это дворец. Место паломничества. Место для любования. Место для встреч. Место для красоты. Для любви. Он вставал посреди леса, как цветок. Он и сам был цветком. Прекрасным цветущими садом. Он...

— Понял-понял.

И разумеется, там была прекрасная канализация, добавил он про себя.

Сам он вдыхал городские запахи не то чтобы с удовольствием, но с некоторой ностальгией. Пахло не только застоявшейся сточной канавой. Из пекарни тянуло свежевыпеченным хлебом: прекрасный тёплый домашний запах! С рыбного рынка, расположенного близ порта, лёгкий ветер доносил запах свежей рыбы (несвежей, впрочем, тоже). В ближайшем таверне уже с утра готовили суп дня: моллюски, решил Лютик, потянув носом, и морские раки, и дорада... Надо будет зайти на обратном пути, знаю я эту таверну, рыбные блюда у них замечательные просто.

И война закончилась. Как хорошо, что можно думать о рыбном супе, а не о голоде и смерти, и впереди ещё много времени, и все страхи позади. Пусть даже такой ценой, но закончилась, и можно жить дальше. Я трусливый пораженец. Я сам себя вздёрнул бы на ближайшем суку, если бы подумал что-то в этом роде перед, скажем, Бренной... Нет,

будем честными. Не вздёрнул бы. Ну да, есть ситуации, когда поступаешь... как поступаешь. Потому что иначе нельзя. Потому что друзья твои — тут, а враги твои — там. И если ты не поднимешь свою задницу и не встанешь рядом с друзьями... плечом к плечу... ну ладно, хотя бы если не прикроешь им спину... перестанешь себя уважать.

А как можно сочинять баллады, если перестаёшь себя уважать?

Но потом, однажды, всё кончается. И надо жить дальше.

И рыбный суп — хорошая штука. Особенно с моллюсками. И укропом. Моллюски и укроп — это очень важно. А ещё в нем плавают розовые раковые шейки. Вот так зачерпнёшь ложкой, а там, на дне ложки, розовое, словно лепесток цветка. И прекрасные бледные разваренные куски остро пахнущей рыбы. И зелень.

Некоторые кладут ещё и корень сельдерея, но на этот счёт есть разные мнения. Я принадлежу к старой школе, которая считает, что корню сельдерея в рыбном супе с моллюсками делать нечего. Вот лук-порей — это пожалуйста!

На перекрёстке Торувьель остановилась.

— Ладно. — Она стояла, чуть ссутулившись и засунув руки в карманы Лютиковых запасных кожаных штанов для верховой езды. Штаны ей были явно великоваты, хотя штанины подворачивать не пришлось, хорошо она всё-таки сложена, зараза! — Я пошла.

Лютик неловко переступил с ноги на ногу. Прощаться он терпеть не мог. Особенно навсегда.

— Пока, Sor'ca, сестрёнка. Не скучайте там без нас, — он пожал плечами, — ну и если сможешь... черкни пару строчек.

— С первым же почтовым фениксом, — Торувьель чуть улыбнулась узкими бледными губами и, повернувшись, по-прежнему держа руки в карманах (волосы и изящные острые ушки она убрала под Лютиков же шёлковый шей-

ный платок), пошла по горбатой улочке, в булыжниках которой отражалось мокрое серое небо. Похоже, она тоже не любила прощаться.

Лютик смотрел ей вслед. Сначала улочка, по которой шла Торувьель, поднималась, потом опускалась, и Торувьель, уходящая в серую утреннюю дымку, сама была как изящный корабль, скрывающийся за горизонтом. Потом он решительным жестом нахлобучил берет на глаза и отвернулся.

— Кружит пурга над Бренной... — бормотал Лютик на ходу, — кружится над Яругой... мы станем непременно... постепенно... чужими друг для друга... не тронет лик твой время... не сломит стан упругий... шумит весна над Бренной... шумит и над Яругой... где я бреду согбенный... и что-то там про руки... над чёрной пастью Бренны... над пенною Яругой. Вам врали менестрели... ведь нет на самом деле любви в земном пределе... не помнят о постели... о времени и месте два одиноких тела, что прежде были вместе...

Не так плохо получается, люди это любят. Безнадёжная любовь, приправленная горькой щепоткой цинизма. Решено — сначала супчик, горячий, острый, и пускай навалят побольше раковых шеек и морских блюдечек, а потом можно заказать копчёных угрей и к ним этого их тёмного пива... Нет, Торувьель в чём-то права, ну где это видано, чтобы по улицам вот так бегали крысы? Да ещё вот так лениво, нагло — травили их тут, что ли? Еле шевелится же, тварь.

Ещё бы надо подпустить что-то про вётлы, которые, как женщины, обмахиваются серебристыми веерами над зелёной водой... Ну вот как бы, примерно, распахивает верба свой серебристый веер... как будто вправду верит... что ступишь ты на берег... своей ногою белой... чтоб старому поэту... к последнему приюту... в ладонях горстку света... тебя я ненавижу... люблю тебя за это...

Надо, кстати, сказать мастеру Гольдкранцу, пусть озаботится наладить выпуск таких маленьких сшитых тетра-

дочек, с ладонь величиной, чтобы удобно их было прятать в походных сумках или карманах. И к ним на верёвочке — карандашик, чтобы не терялся. У нашего брата менестреля они нарасхват будут, как горячие пирожки. Такие, с луком и бараниной, чтобы, как надкусишь, из них тёк горячий острый сок... единственная польза от клятых нильфгаардцев, это их национальная кухня. Зараза, как есть хочется! И ведь завтракал же!

Обычно мастер Гольдкранц, издатель, которого Лютик удостоил чести отпечатать аж двадцать экземпляров первых двадцати глав «Века поэзии», открывал свою печатню с раннего утра, потому что полагал себя несущим светоч прогресса в тёмные массы обывателей, но сейчас дверь была заперта.

Лютик слегка огорчился: он рассчитывал всучить мастеру свеженаписанный фрагмент и получить к завтрашнему утру свеженькие, приятно пахнущие типографской краской и клеем, переплетённые в мягкую кожу копии. На копии Лютик очень рассчитывал. Конечно, сильные мира сего могут финансово поддержать менестреля просто так, из любви к искусству, но если с поклоном вручить такому меценату ещё и экземпляр своего труда с витиеватой и пышной дарственной надписью... Лютик придумал это совсем недавно, но результат уже успел его приятно удивить.

Потому он крепче постучал в массивную, окованную железом дверь.

И едва успел отпрыгнуть: румяная тётка в ночном чепце опорожнила с балкона в канаву ночной горшок.

— Мастера, никак, ищете? — тётка положила грудь на перила, как бы гордясь её бело-розовым изобилием. Вырез у неё был ого-го, Лютику даже снизу было видно.

— Прелестница! — Лютик батистовым платочком стряхнул каплю буроватой жидкости с кружевного манжета (да ладно, платочек всё равно пора в стирку, ежели

честно, да и манжеты тоже) — Вы столь же проницатель ны, сколь прекрасны. Именно что мастера.

— Слёг он, — грудь соблазнительно колыхнулась, - живот что-то крутит, говорит. Одна беда от этих устриц. Говорила я ему, а не ешьте, сударь, устриц не в сезон. Так разве он слушает? Дюжину вчера умял за обедом, вот и скрутило. А вы мэтр Лютик, верно ведь? Довелось мне слушать, как вы поёте. И уж такую жалостную историю спели, что я исплакалась вся...

— Польщён, красавица моя, — Лютик, сморщив нос, разглядывал манжет: вернуться в гостиницу, что ли? Но слово «устрицы» подействовало на него неотразимо: «Под камбалой» устрицы всегда были свежие, уж это он точно знал; в конце концов, можно и не брать устриц, а заказать гребешков или морских блюдечек и к ним лимонный соус с тёртым чесноком... или с чесноком всё-таки не надо? Мало ли какие ещё сегодня визиты предстоят.

Потому Лютик приподнял бархатный берет и поклонился.

— Мастеру мои пожелания выздоровления. — Он вновь нахлобучил берет и, обходя лужи и высоко поднимая ноги, чтобы не запачкать щёгольские башмаки с пряжками, направился к угловому дому, украшенному чуть покачивающейся на ржавых цепях вывеской с сомнительным изображением камбалы. Глаза у камбалы были буквально-таки на лбу и почему-то ярко-голубые... Наверное, маляр влюбился в какую-то голубоглазую... камбалу?.. — решил Лютик.

С моря потянуло ветерком, к густому запаху рыбного супа, валившему из распахнутых дверей, вдруг ни с того ни с сего примешался чуть заметный оттенок гари. Лютик потянул носом: нет, «Камбала» не виновата, это, похоже, из порта. Что у них там горит?

Он оказался единственным посетителем: утренняя толпа работяг, торопящихся перекусить до того, как впрячься в привычную лямку, уже схлынула; до вечерней тол-

кучки было ещё далеко, а праздные гуляки, собирающиеся здесь днем, видимо, оказались ещё более праздными, чем Лютик.

Потому дородная тетка в чепце (копия той, что опорожняла ночную вазу с балкона, только моложе и ещё румяней и полнее — этот тип тут в чести) охотно и весело выслушала Лютиков путаный заказ (он долго колебался, что выбрать — разварную уху или суп с моллюсками) и вскоре вернулась, поставив перед Лютиком белую, с синими цветочками, фаянсовую супницу (цветочки тут же покрылись нежной испариной), глубокую тарелку, из которой гордо торчала серебряная — подумать только! — ложка; холодный жбан с пивом, который тоже сразу запотел, но не потому, что из него валил пар, а совсем наоборот; гору пунцовых раков в лимонном соусе, присыпанных укропом (будь Лютик художником, он бы, пожалуй, не стал их есть, а сразу принялся бы рисовать), пышный свежевыпеченный багет, чесночное масло и на отдельном блюде грудку до хруста зажаренной мелкой рыбёшки, которую тут неизвестно почему называли «бабулькой».

Лютик подвернул манжеты и не торопясь принялся за раков. Почему никто не пишет стихи про еду? Как красны эти раки, как прекрасна вон та жёлтая морская щука с голубым пером? Про любовь пишут, а про еду — нет. А ведь еда достойней любви, ибо мало кто тешит себя любовью чаще, чем едой... к тому же еда поддерживает силы, а любовь — истощает. Но вот же...

— Пустовато сегодня у вас, хозяйка. — Лютик с хрустом отломил кирпично-красную, приятно шершавую клешню, из которой торчало розовое и нежное — точь-в-точь лепесток цветка — мясо.

Подавальщица пожала пухлыми плечами.

— Сама удивляюсь. Однако, думаю, к вечеру завалятся, — она стала за стойку, облокотившись о мокрое потемневшее дерево пухлыми руками с ямочками, — к вечеру тут продыху не будет.

— Да я бы за такой супчик... и за такую рыбочку... любую работу послал бы подальше, — искренне сказал Лютик.

Мир — это не только альтернатива войне, отмена всеобщей мобилизации, заказы на строительство, почти безопасные тракты, переговоры и перекроенная политическая карта. Мир — это ещё и раки, подумал он. И рыбочка. Он уже хотел спросить подавальщицу, которую, чтобы подольститься, называл хозяйкой (впрочем, какое-то отношение к хозяину таверны она без всякого сомнения имела, ещё бы, с такими-то формами!), почему, собственно, рыбку называют бабулькой, но вздрогнул, и рука с прекрасной раковой шейкой, истекающей солёным соком, замерла на полпути ко рту.

— Невкусно? — встревожилась подавальщица.

Лютик мотнул головой, как бы показывая на табуретку у стойки. Под табуреткой что-то шевелилось.

— Ой, — сказала, впрочем довольно хладнокровно, подавальщица, но тут же показательно сконфузилась: — Тьфу, какая пакость!

Она выскочила из-за стойки со шваброй наперевес (грудь её при том привлекательно колыхалась) и деловито стала тыкать под табурет. Под табуретом что-то пискнуло, Лютик непроизвольно глотнул и аккуратно положил раковую шейку обратно на блюдо.

— Кот помер вчера, — оправдываясь, пояснила женщина, — заболел и помер, ни с того ни с сего. Хороший был кот, мышеловный. Вот пока был в силе, тут ни крыс, ни мышей, ни-ни... Нового надо брать, а пока вот они и шастают, паскудники. Тут же кухня, яду не насыплешь...

— Это утешает, — мрачно согласился Лютик. Он подумал, что уже, кажется, сыт. Надо же, а ведь только что вроде буквально помирал от голода. Выполоскав руки в миске, где плавали лимонные корки, он уже было собрался вытереть их носовым платком, но вовремя вспомнил про балкон и бурое пятнышко на манжете.

— Голубушка, — сказал он нежно, — фея! Полотенце можно?

— Как? — женщина всплеснула полными руками. — А щуку? Как же щука?

— В следующий раз. — Лютик кинул на стол монетки, и они, раскатившись, звонко шлёпнулись на отполированную сотнями рук столешницу, где, полускрытая пустым раковым панцирем, темнела полустёртая надпись: «Марта — шлюха!». И где она сейчас, та Марта? Потом он перевёл взгляд на белые руки подавальщицы, красивые пухлые руки с ямочками...

— Хозяюшка, — спросил он тихо, — что это у вас?

— Это? — женщина отвернула рукав, причём ещё заметнее обнажились розовые вздутия, обильно идущие от подмышек и бледнеющие к запястью. — С утра что-то высыпало. Да они не болят вроде. Только чешутся. Обычно, когда горечавка цветёт, так аж печёт, а тут даже почти и не...

Лютик уже не слышал.

Оттолкнув табурет, он выбежал на улицу и едва успел забежать за угол, чтобы, согнувшись пополам, выблевать все яства, которые он только что с таким аппетитом поглощал.

* * *

«Катриона» стояла посреди акватории и горела. Густой чёрный дым валил из кубрика, паруса чернели и расползались, словно на облитой кислотой картине с изображением морского пейзажа, мачты тряслись в нагретом дрожащем воздухе — а может, под действием жара. Под «Катрионой» в тёмной воде, переливаясь и колеблясь, горело её отражение.

Несколько зевак, столпившись на пирсе, глядели на горящий когг.

За их спиной горели склады, оттуда тоже валил чёрный дым, жирный и душный. Сажа хлопьями оседала на лицах зевак, на камнях мола, на Лютиковом голубом камзоле.

Невесть откуда вдруг возникшие серые люди в серых мундирах деловито стали расталкивать зевак, оттесняя их от пирса и покрикивая «разойдись». Зеваки расходиться не хотели.

Капитан людей в сером стоял поодаль, на кожаном рукаве куртки плясали отблески пожара.

— И вам здесь нечего делать, сударь, — он только сейчас заметил Лютика.

— Здесь никому нечего делать, — сказал Лютик устало, — а что команда когга?

Капитан указал бритым подбородком на горящий рядом со складом сарай, дым оттуда валил особенно чёрный и густой.

— Ясно, — Лютик кивнул, — только... это уже не поможет. Она, эта зараза, сама как пожар. Она уже в городе.

— У меня приказ, — угрюмо сказал капитан, — оцепить порт и никого не пускать. А ну, ррразойдись!

Аккуратная цепь в сером оттеснила зевак к мощёному спуску и двум беленьким боковым лестницам, ведущим в верхний город.

— И, разумеется, карантин?

— Это само собой. Но это пускай портовые службы чешутся.

— Они наверняка уже чешутся, — печально согласился Лютик.

* * *

Ее он отыскал там, где в море выдавалась мощная груда камней. Порт оттуда был как на ладони, но серое море и пустой горизонт плохо просматривались из-за сизого дыма, сгустившегося над акваторией.

Тем не менее она сидела, охватив руками колени, и смотрела на море. На пустое море.

— Они не придут, — сказал Лютик.

Торувьель вздрогнула и обернулась.

— Что?

— Карантин, — пояснил Лютик, — видишь этот дым? Знаешь, что он значит?

Она покачала головой.

— С «Катрионой» пришла какая-то зараза. Страшная зараза. Она... я никогда не слышал о таком, Торувьель. Она... даже наши волшебники, чтоб им пусто было, на такое были не способны. Это сама смерть. Ещё день-два, и в городе не останется никого, кто бы...

Торувьель молча пожала плечами.

— Я думаю, — сказал Лютик (он сел на камень рядом с Торувьель, но она выбрала самый высокий, и оттого Лютику приходилось задирать голову, чтобы взглянуть ей в глаза), — они попытаются оцепить город. Чтобы не пустить заразу дальше. Но у них не получится. Войска ушли. Понимаешь? Оккупационные войска ушли. Мы сами их провожали... насмешками и... стояли по обочинам улиц и рукоплескали. Что они уходят. Ещё бы. Но карантин им по силам. Потому... никто не придёт, Торувьель. Ни один корабль. А придёт смерть и страх. Опять. Как всегда. Смерть и страх.

У него вдруг отчаянно зачесалась подмышка, и он, выпростав руку из манжета, какое-то время внимательно разглядывал запястье и выше — до локтевого сгиба. Нет, чистая рука.

— Потому, Торувьель, ты лучше... беги отсюда, Sor'ca. Они не успеют поставить заслоны, у них и людей не хватит, но нильфгаардские войска ведь могут и вернуться. И вот они-то оцепят всё так, что мышь не проскочит. Понимаешь?

Торувьель молчала.

Камень, на котором сидел Лютик, стали осторожно подгладывать волны прилива. Набегут и откатят. Набегут и откатят. И каждая последующая заходила чуть-чуть выше и дальше предшественницы.

— Они придут, — сказала она, по-прежнему глядя на горизонт.

— Комендант порта дал приказ палить по любому судну, которое будет пытаться войти в порт.

— Они спустят шлюпку. Высадятся на берег ночью. Тайно. Контрабандисты сроду так делали, чем наши моряки хуже?

— Тем, что они не знают здешних отмелей. И карты приливов. И ещё тем, что никто, даже эльфы, не захочет тащить к себе в заповедный край чумных блох. Никто. И тут они, пожалуй, впервые будут действовать заодно с людьми. И из тех же побуждений. Ведь и комендант боится не тех, кто придёт сюда. Он боится, что кто-нибудь прорвётся отсюда. Или что-нибудь. Никто не даст тебе уйти, никто. Ни твои. Ни наши. Беги, пока можно. Потом найдёшь своих. Когда-нибудь... у вашего народа в запасе прорва времени.

Волны зализали тёмную полоску водорослей, опоясывающую камень, на котором сидел Лютик.

— Мы не болеем болезнями Dh'oine, — Торувьель не повернула головы, — я не заболею. Тем, кто придёт за мной, ваша зараза не страшна. Я подожду. Это ничего. А вот почему ты не убегаешь, сладкоголосый Taedh? Почему ты здесь? Почему не бежишь, пока можно?

— Я-то? Убегаю, а ты как думала? Пока ещё не... ах ты, Bloede arse!

Он вскочил и в какой-то момент понял, что стоит в воде — вода почти окружила камень, на котором он сидел, а камень, на который вскарабкалась Торувьель, и вовсе оказался отрезан от берега — она застыла на нём, сама напоминая каменное изваяние, наподобие того, что в графстве Агловаля поставили в честь сирены Шееназ. Сама

Шееназ, впрочем, эту скульптуру терпеть не могла — уверяла, что она даже и при хвосте смотрелась гораздо изящней.

Лютика, однако, это не слишком занимало; он уже бежал, хлюпая мокрыми башмаками, обратно в порт и дальше, по белой лестнице.

* * *

— Вот, гляди! Красота, правда ведь?

Платье и правда было роскошным, серо-голубой атласный лиф вышит страстоцветами, в разрезах синих бархатных рукавов тончайший белый атлас...

— Смотри, какие застёжки на корсете. Тоже как будто страстоцветы. Слоновая кость и перламутр. И крохотные гранаты. А корсет на китовом усе и турнюр — тоже. Это последний писк, буквально. Он выписал его из Нильфгарда. А вуаль аж из Зеррикана. Видишь, вот эти тонкие серебристые полосы на синем... ещё есть зелёно-золотая, но тогда надо другое платье. А мне зелёный не очень, или как ты думаешь? Впрочем, всё равно нужно платье для визитов, и ткань есть... рытый бархат и другой, тёмно-зелёный, и если расшить его по краю...

— Эсси, — сказал Лютик.

Она посмотрела на него ярко-синим глазом. Откинула прядь, посмотрела другим ярко-синим глазом.

— Ему до завтра станет лучше. Это лёгкое недомогание. Вообще всё готово уже, ему нет нужды... Кухарка вот только запаздывает. Я послала мальчика, но он ещё не...

— Эсси...

— И ещё туфли, — озабоченно продолжала она, — есть атласные, с вышивкой, но, по-моему, они не подходят по цвету. Вот погляди...

— Эсси, — в третий раз повторил Лютик, — в городе чума. Её притащила эта самая «Катриона». И уж не знаю, что это за курва такая, эта чума, я про такую даже не слы-

шал. Люди падают на улицах, Эсси, я не вру, только пока я шёл сюда, я видел два трупа. И у Хольма твоего не просто недомогание. Он ведь один из первых встречал «Катриону». И кухарка не пришла, потому что валяется сейчас в бреду, если ещё жива. И мальчишка не вернулся, потому что сбежал, зараза такая. Впрочем, я его понимаю. Я и сам...

Ему хотелось выдернуть у неё из рук эту чёртову тряпку и разорвать её надвое. Еле удержался, но скрипнул зубами.

— Эсси, я уж думал, тебя тоже прихватило. Эта тварь никого не щадит. Ты бы видела, что делается в городе. Пока они ещё не спохватились, бежим, Эсси. Мы... то есть, я ж не идиот, мы пересидим в лесу... месяц-другой. Чтобы убедиться, что чистые. Наберем провизии побольше, чтобы траву не жрать. Пока они все растеряны... им не до того, да и людей не хватит, но как только дойдёт до Нильфгаарда, Нильфгаард пришлет кордоны. Тогда... Мышь не проскочит.

Кому я это совсем недавно говорил? Буквально только что. Про мышь... А, Торувьель. Курва, всё в голове путается. Наверное, поздно. Всё-таки заразился.

— Бежать? — оба синих глаза Эсси были широко распахнуты. — Ты не преувеличиваешь, Лютик? Это просто... поэтическое воображение, да?

— Ты в город сегодня выходила?

— Нет, понимаешь, столько дел... И Хольм что-то занемог. Я послала за доктором, но он... Тоже что-то задерживается.

— Либо умер, либо сбежал, — мрачно подытожил Лютик.

Он чувствовал зуд по всему телу. Особенно горячо и неприятно было под мышками. Снова украдкой поглядел на свою руку. Нет. Ничего.

— Если ты ещё не заболела, может, и пронесёт. Не может же быть, чтобы заражались все поголовно. Если поторопиться...

— Но Хольм?

— Куколка, он обречён. Ему осталось жить от силы несколько часов. Скоро он будет бредить и не... даже и не будет знать, тут ты или нет. Ему будет всё равно.

— Я думаю, — Эсси глядела перед собой, руки её разглаживали серебряный шёлк и голубой бархат, перебирали страстоцветы на застёжках, — слуги тоже разбегутся. Разбегутся, да? Всем хочется умереть дома. Пускай это жалкая лачуга, или курная изба, или... но — дома. У меня никогда не было дома, в котором хотелось бы умирать. Странно, да? И вот как только мне показалось...

— Эсси!

— Среди родных, — Эсси вздохнула и встала, платье соскользнуло на пол и осталось лежать у её ног, точно маленькое озеро. Эсси не глядя наступила на него, отшвырнула кончиком башмачка в сторону. — Ладно, Лютик. Извини. Мне надо к Хольму, он, наверное, звал меня, а отсюда разве услышишь? Слишком большой дом..

— Эсси, — Лютик схватил её за руку, рука была холодная, пальцы в его ладони чуть подрагивали, такие маленькие пальцы. — Эсси, этот самый Хольм... Он ведь на самом деле не любит тебя. Никогда не любил. Он взял тебя из-за тщеславия. Ему просто было лестно... как любому буржуа! Ещё бы, жена-певица, знаменитая. Чтобы ты пела его гостям. Деловым людям. Чтобы... смягчить обстановку перед сделкой. Умаслить их. А он бы хвастался перед ними. Выставлялся бы. Никакой любви, Эсси. Голый расчёт — кто-то должен вести дом. Принимать гостей. Уметь управляться со слугами. Чтобы чисто и чтобы обед подавали вовремя. Да и ты его не любишь. Ты просто хотела тихой спокойной жизни. А потом, в горячке ссоры, а ссоры всегда бывают между супругами, да ещё такими разными, тут уж никуда не деться, он бы упрекал тебя, что взял бродячую певичку — с сомнительной репутацией, да ещё нищую, как храмовая мышь. И что ты должна ценить... Да,

мыши... так вот... Это тоже была такая сделка, понимаешь?

— Понимаю, — Эсси часто-часто кивала, — я... ну да... он — хороший человек, но я не... ну, ты же знаешь! Как я могла полюбить его, как? Это всё равно что... человеку, один-единственный раз видевшему солнце, раз за разом показывать, как горит свеча, и уверять, что это и есть... лучший в мире огонь.

— Вот видишь! Сама признаёшься. Пошли, Эсси, пошли...

Под мышками зудело всё сильнее. Неужто всё? Как быстро, как быстро!

Он выпустил её пальцы и начал чесаться, стараясь делать это как можно незаметнее.

— Но это и есть лучший в мире огонь, Лютик, — она выпрямилась и расправила плечи, — потому что свечу зажигаем мы сами. Понимаешь? Это в нашей власти. Солнце — нет. Оно само по себе... Я остаюсь, Лютик.

Лютик представил себе, как поворачивается и сбегает вниз по лестнице солидного особняка, пробегает меж двумя бесполезными, чисто символическими кариатидами у входа и бежит дальше, по пустым улицам, один-одинёшенек, и звук его шагов отдается эхом в пустых переулках. А, курва, он всё равно уже обречён!

Он глубоко вздохнул.

— Я... подожду, Эсси.

Она подняла на него глаза. Он вдруг осознал, до чего же она маленькая, её макушка где-то на уровне его груди.

— Правда?

— Правда, куколка.

Она тоже вздохнула, прерывисто, со всхлипом, как ребёнок.

— Мне так страшно, — тихо сказала она, и глаза её наполнились слезами. Серый свет из окон, отражённый в них, казался ярче, чем на самом деле.

— Ничего, девочка, — он обнял её за плечи, — я с тобой. Я тебя не оставлю. Мы, богемная шваль, должны держаться вместе.

Под мышками чесалось.

* * *

Мастер Хольм бредил.

Мелкая красная сыпь на руках слилась сначала в крупные пятна, потом — во вздувшиеся синие полосы. Под неплотно сомкнутыми веками виднелась полоска белков.

— Эсси, — он приподнялся на подушке, но глаза так и не открыл, хотя Лютик видел, как заходили под веками глазные яблоки, словно бы он пытался оглядеть комнату.

— Да, дорогой.

Эсси отжала тряпку в тазу, где плавал серый подтаявший лед, и вновь положила ему на лоб.

— Я здесь.

— Я тебя зову-зову, — капризно сказал Хольм.

— Я тут, дорогой.

— А почему тебя не видно?

— Потому что... — она на момент запнулась, прикусила губу, — потому что темно.

— А... ну ладно. — Он успокоенно пошевелился, вытянулся на постели. — Тебе... тебе понравилось платье? Ты его примерь, ладно?

— Хорошо, дорогой.

— И покажись мне. Дай на тебя поглядеть. Ты такая... такая красивая.

Эсси, которая держала его за руку, всхлипнула и другой рукой утёрла нос.

— Зерриканский шёлк. Его делают... так, чтобы... капли воды скатывались, словно... Он самый гладкий в мире, знаешь?

— Я мало знаю о зерриканском шёлке, — сказала Эсси и опять тихонько всхлипнула.

— В Нильфгаарде тоже делают шёлк. Но он хуже. Они не умеют вытягивать длинную шёлковую нить, понимаешь? Хорошая шёлковая нить... она длиной в две тысячи локтей, вот что такое хорошая шёлковая нить. И знаешь что? Нильгаардцы прожаривают коконы в печи, а потом варят. Чтобы выварить клейкую слизь, ну ведь кокон, он липкий, знаешь, я видел коконы. Кокон в кипятке разрушается, распадается на нити, и они берут эти нити. А зерриканцы, те нет... они хитрые, зерриканцы. Берут нить из самой сердцевины сырого кокона, вытягивают, пока там внутри сидит червячок, а это...

Курва, подумал мрачный Лютик, украдкой бросая взгляд на свои всё ещё белые и чистые запястья, никогда не задумывался, из какой пакости делается этот шёлк.

— Я хотел тебе... самое красивое. Я понимаю, горлинка моя, я же понимаю... Я торгаш. Только и умею, что... о шёлке. И о сукне. Сукно идет лучше шёлка, честно говоря. Так вот, как раз у нас на севере делали прекрасное сукно. Не хуже нильфгаардского. Пока Нильфгаард не спалил все сукновальни. Теперь мы завозим их сукно. Вот и все причины того, что две страны вцепились друг другу в глотки. Кто кому будет продавать сукно. На самом деле, горлинка, на самом деле... политика — это сукно. А война — продолжение политики. Всё просто. И никакого... этого вашего... патриотизма. Ты здесь?

— Да, мой хороший, — сказала Эсси и вытерла локтем нос, потому что держала Хольма за руку теперь уже обеими руками.

— А, ну хорошо. А то мне показалось. Темно, и ты ушла. Я же понимаю, ты... не любишь меня, верно ведь? Это всё потому, что ты... устала бродить по дорогам. Я же понимаю, как это тяжело, особенно для девушки. Для молодой женщины. Особенно осенним вечером... когда все, все идут домой, а тебе некуда идти... хочется, чтобы был дом. И очаг. И чтобы спать на чистом. Я думал, раз моя голубка захотела свить гнездо... какой же я счастливец,

что она решила поселиться у меня... я боялся, что ты... знаешь, моряки врут, что на дальних островах живут такие птички... без лапок. Они никогда не опускаются на землю... даже на деревья. Выводят птенцов в небе. Любятся в небе. Кормятся в небе. Умирают в небе. Я назвал тебя горлинкой, но голуби, моя ненаглядная... они всегда возвращаются домой. Ты прекрасная райская птичка, ты, наверное, так бы и кружила в холодном небе, кружила... А я так хотел, чтобы тебе было хорошо. Это платье, оно как оперенье райской птицы, и... почему так темно? Эсси... Это твоя рука? Эсси...

Он вздохнул, вздрогнул и вытянулся.

Эсси плакала беззвучно, просто слёзы текли и текли у неё по щекам.

— Никого нельзя обмануть, верно? — Лютик обнял её за плечи. — Особенно судьбу. Пойдём... покружим в небе.

— Но как же?

— Мелитэлле позаботится о нем. Она милосердна. Она проведёт его сквозь небесные врата. И ей плевать, что его оставили без погребения. К тому же сюда, скорее всего, вот-вот заявится похоронная команда.

— Правда? — доверчиво спросила Эсси.

— Конечно, — Лютик чуть подтолкнул её к двери. Похоронная команда приходит с крюками и факелами, но этого он ей не стал говорить.

— Лютня! — Эсси всплеснула руками. — Моя лютня.

Да и хрен с ней, чуть не сказал Лютик, но сдержался.

— Только быстрее. Бери лютню и пойдём.

Под кариатидами лежало что-то... кучка тряпья. Дальше — ещё одна. Эсси вздрогнула и схватила его за руку.

— Не смотри. — Лютик обошел мёртвую крысу, раскинувшую лапки на брусчатке. — Сейчас выйдем отсюда, станет легче.

— Чем это пахнет? — Эсси зажмурилась и вцепилась ему в руку, точно перепуганный ребёнок.

— Наверное, где-то пожар. — Лютик не мог закрыть глаза и отчаянно сожалел об этом.

— Это не запах дерева.

— Мало ли что там горит.

Густой чёрный дым стелился над кварталом кожевенников, и ещё дальше — над рыбацкой слободкой. Небо висело над городом тяжёлое, серое и скользкое, точно рыбья чешуя.

Эсси держалась за его руку, глаза у неё были по прежнему прикрыты, так, чтобы чуть-чуть видеть сквозь ресницы: обычно пушистые, они сейчас были мокрые и торчали точно иголочки.

Они шли мимо домов, двери которых были нараспашку, и мимо домов, чьи окна были наглухо закрыты. Мимо домов, где раздавался женский плач, и мимо домов, где, точно гнилая вода, стояло глухое молчание.

— Город всё-таки паршивое место. — Эсси держала его за руку, и он никак не мог почесаться, а зудело уже совсем нестерпимо, и вроде уже не просто зудело, а жгло. — Не выношу... вот этот запах, эти сточные канавы, эти... эти кучи отбросов. Наверное... ты прав, Лютик, город — не для таких, как мы. Как бы я хотела оказаться сейчас в лесу. Знаешь, в таком, в настоящем лесу, сосновом, светлом. И чтобы мох и такие жёлтенькие цветочки... как они называются? Нарциссы... Или это не нарциссы? Зелёное и жёлтое. И солнечный свет чтобы падал сквозь ветки. Лучи стоят меж стволов сосен точно золотые колонны. И пахнет... соснами, и разогретой травой, и мхом, и...

— Нарциссами? — сквозь зубы пробормотал Лютик.

— Да! И обязательно чтобы вода. Такой родничок, совсем маленький, чтобы он пробивался меж камней, во мху, такой, знаешь...

Эсси говорила как в полусне, и Лютик, который окончательно уверился, что проклятье «Катрионы» коснулось

его холодными своими костяными пальцами, никак не мог понять, то ли она бредит от горя, то ли у неё жар.

— Чистая, холодная вода... в ней играет свет, а когда её зачерпнешь в горсти, она как прозрачный холодный камень, словно бы гибкое стекло, и от неё ломит зубы, и она сладкая, да, Лютик, сладкая точно сахар. Говорят, вода безвкусная! Глупости. Это здесь, в городе, она не имеет вкуса, но в лесу...

Лютик не слишком вслушивался в её лепет. Пускай себе, если ей так легче.

Они шли вверх от порта, и шум моря, эхом отдававшийся в стенах горбатых улочек, становился всё тише и глуше.

Солидные крепкие дома, где селились солидные торговцы и не менее солидные цеховые мастера, сменились белыми особняками, лукаво выглядывающими из цветников и куп подстриженных деревьев. Улицы словно распахнулись, открывая площади с изящными фонтанами, по мостовой, не задевая пешеходов, могли свободно проехать экипажи, запряжённые четвёркой. Сейчас улицы были пусты.

— Открой глаза, Эсси, — Лютику надоело играть роль мальчика-поводыря при слепом певце, — тут уже можно.

Эсси доверчиво открыла глаза. Здесь и пахло по-другому: цветами, зеленью и мылом, которым мыли мраморные крылечки.

— Сударь! Госпожа!

Девочка выбежала на крыльцо. Её аккуратные башмачки попирали мозаичный хвост морской девы, завившийся в фамильный вензель.

Эсси дернулась, будто хотела убежать, но остановилась и силой задержала Лютика, который и вовсе не хотел оборачиваться, хотя и не прибавил шагу.

— Да, детка, — устало сказал Лютик.

Девочка была воспитанная и даже сейчас не забыла сделать торопливый книксен.

— Маме плохо. Она сказала, что у неё болит голова, закрыла глаза, легла и не встаёт. Я хотела послать служанку за доктором, но служанка куда-то ушла.

Теперь уже Лютику хотелось закрыть глаза.

Вот была же война, подумал он, и сколько я видел мёртвых тел. И женщин видел, и детей, и сначала было жалко и хотелось плакать, а потом душа вроде как немеет, и ты уже отворачиваешься от маленьких трупов, как если бы это были сломанные куклы или что-то в этом роде. Хотя кукол, пожалуй, даже жальче, потому что куклы попадаются реже. А теперь опять больно, невозможно больно, да что же это такое, в самом деле. Кто же они, которые так испытывают нас на прочность? И зачем?

— А ты знаешь, где живет доктор, детка?

Девочка неопределённо показала вдоль улицы.

Лютик задумчиво покусал губу.

— Знаешь что, — сказал он наконец, — мы можем тебя проводить. К доктору. Сейчас на улицах, ну... немножко опасно. Много плохих людей.

— Да, — согласилась девочка, — мама говорила, чтобы я сама не ходила на улицу. Ни-в-коем-случае. Потому что бывают нехорошие люди. Они грязные, и от них пахнет. И они могут обидеть. И они говорят плохие, грубые слова. А вы не можете сами сбегать за доктором, сударь?

Видимо, подумал Лютик, она решила, что мы для этого достаточно грязные.

— Нет, детка. Мы торопимся по своим делам.

— Лютик, — тихо сказала Эсси, — можно тебя на минутку?

— Я знаю, что ты мне скажешь, куколка, — так же шёпотом ответил Лютик.

— Я тоже знаю, что ты мне скажешь. Ты скажешь — сколько детей сейчас умирает в этих тихих домах, за этими тихими закрытыми окнами. Какой смысл возиться с одной-единственной...

Я же предложил проводить её к доктору. Не могу же я тащить её силой.

— Но если доктор... мало ли что с доктором. Бедная девчушка.

— Вполне богатая.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Ты хочешь позволить ей умирать здесь в горячке, без помощи, без поддержки? Или стать жертвой мародёров? А мародёры будут, Лютик. К вечеру, когда станет понятно, что власти бессильны, что... Геральт бы этого не допустил...

Эсси нахмурилась, огромные синие глаза уставились в одну точку. Лютик знал этот взгляд.

— Он бы сделал всё, что мог. Он бы...

— Нечего мне тыкать в глаза Геральтом, — вспылил Лютик, — почему ты сразу готова считать меня подонком?

— Прости, я не хотела.

Девочка с интересом рассматривала их, словно ожидая, когда они начнут говорить плохие, грубые слова. Потом на всякий случай опять сделала книксен.

— Тогда, может, вы проводите меня к доктору, сударь? Я, пожалуй, лучше пойду с вами, — с достоинством сказала она, — вы всё-таки не очень грязные. Я думаю, бывают ещё хуже.

— Валяй, — Лютик безнадёжно махнул рукой, — так куда идти? Вон туда?

— Совершенно верно. Там будет большой дом с колоннами, больше нашего. И сад. Потом ещё сад а потом дом, где живёт доктор. У него хороший выезд, знаете? Почти как наш. Только наши вороные, а у него серые в яблоках.

— Ясно. Серые в яблоках.

Что мы будем делать, если доктор тоже превратился в пациента? Таскать за собой эту писюшку?

— Я думаю, мама умирает, — рассуждала девочка, топоча по гладким блестящим спинкам булыжников, — и я останусь сиротой. Тетя Агата сказала, что я буду когда-нибудь богатой наследницей.

— А папа? — осторожно осведомился Лютик.

— Папа уже умер, — пояснила девочка. Лютик так и не понял, умер папа только вот сейчас или отошел в иной мир давно, но выяснять не стал.

— Бедняжка, — сказала Эсси и шмыгнула носом.

— Сирот все жалеют, — девочка доверчиво вложила ручку в ладонь Лютика, — дают конфеты и всё такое.

— Будем надеяться, — неопределённо сказал Лютик, — будем надеяться.

— И гувернантки к ним не ходят, — мечтательно сказала девочка.

— Детка, — сказал Лютик, — помолчи, а?

Где-то совсем близко звякнуло, осыпаясь, стекло. Мародёры явно не желали дожидаться вечера.

И правда, ведь можно и не дождаться. А у меня только лютня и две бабы, причём одна совсем малышка. Правда, на таких тоже найдутся любители.

— Пошли быстрее, — Лютик стиснул нежную ручку чужой девочки и прибавил шагу.

— Лютик, что там? — забеспокоилась Эсси.

— Я думаю, нехорошие люди, — рассудительно сказала девочка.

— Верно, — согласился Лютик, ища глазами подходящее укрытие, — нехорошие люди.

— А разве вы их не убьёте?

— Чем? — сухо спросил Лютик. — Вот этой лютней?

— А кинжала у вас разве нет? Мне гувернантка читала про приключения благородного разбойника Орландо. Этот Орландо, когда на него напали целых десять неблагородных разбойников...

— Помолчи, пожалуйста, — сквозь зубы сказал Лютик. В тени массивной, сложенной из камней ограды он застыл, другой, свободной рукой сделав знак Эсси, чтобы она тоже остановилась, и прислушался.

Звон стекла раздался снова, но уже чуть дальше. Ещё дальше. Потом — дальний женский крик.

— Ну чего ты от меня хочешь, чего? — уныло пробормотал Лютик, поймав взгляд Эсси.

— Ничего, — та чуть пожала плечами.

Я не ведьмак, думал Лютик, пытаясь смирить колотящееся сердце. Я не борюсь с чудовищами. Не вступаюсь за слабых и угнетённых. Я трусоват, если честно, но поэту можно быть трусоватым. Специфика профессии. Слишком развитое воображение. А война никогда не кончается. И всё чаще и чаще чудовищами оказываются люди...

— Они же тоже обречены, — печально сказала Эсси, — неужели они этого не понимают?

— В том-то и дело, что понимают. Пошли. Только тихонько. И держись ограды, Эсси. Видишь, какой густой плющ...

— Уже скоро, — сказала девочка, — а мы прячемся, да? Благородный разбойник Орландо тоже прятался. Когда его преследовали слуги барона Чернолесского... Он вырыл себе такую маленькую пещёрку... своим кинжалом... А доктор тоже красивый. Почти как благородный разбойник Орландо. Только старый. Вроде вас.

— Вот спасибо, — рассеянно отозвался Лютик, прислушиваясь к дальним шумам. Чёрный дым, валящий из ремесленных кварталов, уже стоял плотной стеной, и хотя ещё не добрался сюда, вверх, благодаря вечернему бризу в воздухе ощутимо пахло гарью.

Доктор оказался молодым и красивым — каким и положено быть доктору богатого квартала, у него были роскошные, однако аккуратно подстриженные кудри и роскошный жилет. Выезд у него был тоже роскошный, прекрасная пара, подумал Лютик, прекрасная. И он как раз садился в коляску. Коляска была тоже неплохая, хотя и без особых излишеств.

— Драпаете? — Лютик заступил дорогу и взялся за удила. — Делаете ноги? Рвёте когти?

— А что прикажете делать? — доктор моментально оценил ситуацию и выбрал доверительный тон. Голос у

него тоже был красивый, — Это чума. Причём свирепая. О такой я и не читал даже. Стопроцентная смертность. Им уже не поможешь.

— Но облегчить страдания...

— Вы вообще-то кто? — хмуро спросил доктор.

— Поэт. Какая разница?

— Ну так вы должны болеть всей болью мира. А тоже драпаете.

— Я не клялся врачебной клятвой...

— В задницу клятву, — доктор покосился на лежащий на сиденье кнут, — говорю же, им не поможешь. Никому не поможешь.

— Сударь! — девочка отпустила руку Лютика и выбежала вперед. — Господин доктор! Вы помните меня? А я вас хорошо помню. Вы приходили к моей маме! Я Мисси Гольдбах!

— Как же, деточка, помню, — доктор явно про себя желал, чтобы у Мисси Гольдбах была не такая хорошая память.

— Мама больна, — тараторила девочка, явно обрадовавшаяся при виде знакомого лица, — а служанка куда-то делась. Я думаю, умерла. Или убежала. Я хотела послать за вами, а тут эти добрые люди любезно предложили проводить меня, хотя было так страшно, так страшно...

— Всё это очень интересно, — доктор осторожно потянул вожжи, поскольку Лютик всё ещё не отпускал удила, — но я тороплюсь, детка...

— Вы совсем сволочь? — тихо спросил Лютик.

— А вы? — так же тихо спросил врач, глядя ему в глаза.

Потом, помедлив, сказал:

— Ладно. Знаешь что, детка... Закатай рукавчик. Поверни ручку вот так...

— Зачем?

— Это... в медицинских целях. Вроде чисто. Нет, определенно чисто. Ладно, полезай сюда.

Вы... — девочка задохнулась от восторга и машинально сделала книксен, — возьмёте меня с собой? В коляске? Правда?

– Она богатая наследница, — задумчиво проговорил доктор, обращаясь к Лютику, — и скоро войдёт в возраст.

– Тетя Агата, — подтвердил Лютик, — тоже так говорила.

— Там деньги в нильфгаардских банках. И немалые. Если удастся подтвердить права на наследство... Мой брат — стряпчий.

— Вы правда на мне женитесь? — девочка тем временем деловито вскарабкалась на подножку и уселась, расправив складки накрахмаленной нижней юбки.

— Со временем, — рассеянно сказал врач.

Лютик отпустил удила и отступил в сторону. Врач вздохнул и подобрал вожжи.

— Я не совсем безнадёжный негодяй, — сказал он тихо, — но они обречены. Мой помощник сегодня не пришёл. Аптекарь... в общем, ясно.

— Ага, — брезгливо согласился Лютик, — ясно.

— Тогда прошу прощения, мэтр. — Врач тронул коляску. — И вы, сударыня. Остаюсь вашим поклонником.

Они смотрели, как экипаж всё быстрее несётся по мостовой. Доктор отлично управлял парой, копыта слаженно высекали искры, и девочка, обернувшись, махала им ладошкой, пока не скрылась за углом.

— Она что, совсем не жалеет? — удивилась Эсси. — Что оставила умирающую мать?

— Потом, лет через десять. Когда отрастит совесть. Если отрастит вообще. Ну, и если выживет, конечно.

— Это... какое-то маленькое чудовище!

— Просто ребёнок. Ты идеалистка, куколка. Всегда была идеалистка. Это и по песням твоим видно. Я всегда говорил тебе, цинизм, это как перчик... без него пресно. А ты...

— Ох, да помолчи.

Запах гари теперь чувствовался отчётливо, потому что пылало уже неподалёку, над одним из особняков поднимался столб трепещущего от жара мутного воздуха.

— Тем более доктор, — продолжал рассуждать вслух Лютик, — они все циники. А этот ещё и подонок, конечно. Видно, мечтал сколотить капиталец, пользуя от мигрени скучающих дам. Вроде этого твоего, с кушеткой... Они-то выберутся из города, можешь мне поверить. А вот с нами проблематично.

— Почему?

— Оглянись.

— Их всего-то человек восемь, — пренебрежительно сказала Эсси, — благородный разбойник Орландо справился бы с ними одной левой.

— Пижон этот ваш Орландо... Давай, куколка. Раздва... руку, руку давай! Побежали!

Они перепрыгнули через изящный парапет, оказались на чужом заднем дворе, потом за воротами, потом в чистеньком проулке, куда выходили глухие задворки других приличных домов... Укрыться тут положительно было негде.

— Эй, — кричали у них за спиной, — эй, господинчик! Ай, дамочка! Стой, красотка! Крошка, я тебя люблю! Утютю... Улю-лю...

— Живые трупы, — злобно выдохнул сквозь зубы Лютик. В боку кололо. Догонят ведь, безнадёжно думал он. И что я тогда? Скажу — беги, а я их задержу? Я не готов к подвигу...

Проулок окончился, открыв небольшую мощёную площадь с изящным фонтаном, от которой звездообразно расходились ещё улочки. Площадь оказалась неожиданно людной. Было такое впечатление, что вся золотая молодёжь квартала решила ни с того ни сего устроить пирушку на открытом воздухе, расставив вокруг фонтана дубовые столы и вытащив из дома скамьи, стулья с бархатными сиденьями и кожаные кресла с тяжёлыми львиными лапами

красного дерева. Тончайший фарфор, белейший лён скатертей и прекрасной работы серебро были в розовых бликах от потрескивавших факелов, и Лютик вдруг осознал, что как-то быстро и бесшумно наступили сумерки.

Пахло жареным мясом. Не сладковатой гарью, а просто хорошей едой. И раздавались звуки лютни. Не то чтобы кто-то играл всерьёз, так, тренькал.

Несколько девиц, нестройно выплясывавших под звук струн, разорвали цепочку и бросились к ним.

— Новенькие! Новенькие! — радостно щебетали они, включив Лютика и Эсси в хоровод. Девицы были молоденькие, свеженькие и пьяноватые.

Вытянувшись на цыпочках, Лютик выглянул поверх русых и тёмных головок — преследователи, видимо, убоявшись многолюдья, растворились в плотной тени, уже заполнившей проулок.

Девушки меж тем, сбившись в плотное кольцо, подталкивали Лютика и Эсси к столам. Лютик, в ответ на молчаливый вопрос, явственно читавшийся в синем взгляде Эсси, так же молча пожал плечами.

Всё так же приплясывая и подталкивая, их подвели к почётному месту, где на высоком стуле восседал высокий молодой человек, видимо, возглавлявший всё это сборище.

— Гости! — звучно проговорил председатель. — Доброго здоровья, гости!

— И тебе того же, хозяин, — сухо ответил Лютик, которому компания не слишком понравилась. Посуда на столах, как он отметил, была дорогая, но разнокалиберная — видно, натащили из дома что попалось под руку.

— Я не спрашиваю, куда вы следуете, — председатель опять повёл рукой, отчего на скатерть выплеснулось и расцвело розами густое вино, — однако ж прошу уважить нас и разделить наш пир. Нам любезны приятные собеседники.

— Мы следуем не куда, а откуда, — сказал Лютик, мы бежим из города, честно говоря.

— Разумеется-разумеется. Все бегут из города. Однако близится ночь, и пройти городскими кварталами вам будет непросто. Не лучше ли посидеть с нами? Мы, право, менее опасны.

Лютик поглядел на председателя, к плечу которого клонилась головка сидящей рядом белокурой дамы, и задумался. Они не выглядели опасными. Они выглядели просто сумасшедшими. К тому же он и вправду был голоден, да и в горле пересохло.

— У нас здесь не задают вопросов касательно титулов и имён, — председатель сделал небрежный жест, причём рука с кубком описала широкую дугу, — однако вижу, что вы люди воспитанные и благородные.

— Безусловно, — Лютик наконец перевёл дух, и колотьё в боку отпустило. Зато опять зачесалось и заныло под мышками, а прилюдно засучить манжеты и разглядывать свои руки он остерегался, — я, например, виконт.

— Какая удача! А ваша дама?

— Это Эсси Давен, известная поэтесса.

— Польщён, — председатель привстал и поклонился, отчего белокурая голова сидевшей рядом дамы, лишённая опоры, склонилась на стол, — я знаком с вашим творчеством. Я сам, знаете, балуюсь порой. Садитесь же, сделайте одолжение.

Наверняка что-нибудь прочтёт, подумал Лютик и придвинул себе блюдо с окороком.

— В честь чего веселье? — спросил он, нарезая розовые ломти. Отсюда можно было видеть стоящее над крышами нижнего города дрожащее багровое зарево.

— В честь чумы, разумеется, — председатель пожал плечами.

Лютик покосился на Эсси, которая, постепенно приходя в себя, начала подозрительно шмыгать носом.

Ты хоть поешь немножко, — сказал он шёпотом и уже громче добавил: — Не вижу, что тут праздновать.

Чувства, — председатель вновь наполнил свой кубок, — имеют свойство грубеть. Изнашиваться. Мы искренне оплакиваем близких, однако несколько часов спустя уже думаем, что бы такое съесть на ужин. Душа не способна к вечной скорби. От скорби она ищет защиты в обществе... ну хотя бы таких же потерянных душ. Это честнее, чем на виду предаваться горю, но тем временем думать об ужине, согласитесь?

– Вы и вправду поэт, — сказал Лютик и потянулся за вторым ломтем ветчины, — поскольку обычный человек горюет и думает об ужине, не испытывая никакого раздвоения личности. Это только поэт поверяет всё на прочность, убеждается, что всё суета сует и тщета, и оттого можно позволить себе всякие пакости.

Бедные сукины дети, подумал он, мало кто из них доживёт до утра. Все они умрут. Мы все умрём.

— Признайтесь, сударь, разве в глубине души вас не посещают те же самые мысли? Разве вы в горе не думаете о... хотя бы об этой вот ветчине?

— Понимаю. Но не согласен. Вы поворачиваете дело так, как будто думать о ветчине постыдно. И что когда вы в горе утоляете чувство голода, вы наслаждаетесь запретным удовольствием. А если мы уже грешим, поедая ветчину, то, коль скоро мы столь низко пали, почему бы не пуститься во все тяжкие? Полагаю... до того, как сия напасть пала на несчастный город, вы были идеалистом? Чистым и суровым блюстителем нравов? Хранителем семейных ценностей?

Председатель молчал. Тени на его лице плясали в багряном свете факелов.

Потом встряхнулся и встал, опершись руками на запятнанную винными розами скатерть.

— Друзья, — сказал он звучно, — само небо к нам благосклонно. Нас удостоили своим посещением знаменитые

барды — мэтр Лютик и его нежная спутница, поэтесса Эсси Давен. Поприветствуем же их!

Ото всех столов раздались нестройные хлопки. Лютик поднял голову и увидел, что тени совсем сгустились и слились в одну сплошную ночь, подсвеченную отблесками горящих нижних кварталов.

— За приют и ласку, за хлеб и вино они подарят нам песню! Просим! Просим!

— Просим! — захлопали в ладоши пирующие.

— Я... — Эсси не плакала, но в глазах стояли слёзы, в которых вспыхивали огни факелов, — я не могу...

— Согласитесь, — в голосе председателя была чуть заметная насмешка, — это неблагодарно с вашей стороны! Вы сидите у нас в гостях, пьёте наше вино... вы же, в конце концов, всего лишь наёмные артисты, дорогая моя. Лицедеи.

Эсси молчала, размазывая пальцем по скатерти винную лужицу.

— Коли не хотите петь, мы любезно попросим вас вон отсюда, — председатель значительно поглядел на Лютика, — нас пока что обходят стороной, а там сейчас неспокойно, знаете ли...

Курва, подумал Лютик, только бы дотянуть до утра. А может, хрен с ним, в темноте мы ничего не видим, но и нас не видят. Хотя какая тут темнота, вон как разгорается... Ночь — время демонов. Днём люди ещё хоть как-то блюдут себя, впрочем, и то не все. А он совсем псих, этот председатель, это уж точно.

— Эта дама, — начал Лютик осторожно, — только что потеряла...

Эсси вытерла нос тыльной стороной руки и выпрямилась.

— Я спою, — сказала она спокойно и, обернувшись к Лютику, расчехлила лютню, — давай, Лютик, покажем им.

Лютик тоже встал, отодвинув стул и поставив на него ногу.

– Давай, куколка. Чтобы небу стало жарко. Хотя ему и так жарко.

Эсси положила пальцы на струны.

Покуда я тебя ждала,
Немало слёз я пролила...

— запела она низким грудным голосом.

Ах, в этом нет моей вины,
Мужчинам слёзы не нужны,

— отозвался Лютик.

Всегда с тобою и везде,
В болезни, в радости, в нужде,

— выводила Эсси.

Ах, нет страшнее брачных уз
Для тех, кто крутит чёрный ус,

— соловьём разливался Лютик.

Ещё наставишь мне рога,
А мне свобода дорога.

А написать бы эдакую драму в стихах, думал он тем временем, чтобы ночь и факелы, и эта страшная весёлая компания, и этот председатель, и пускай он сочинит что-то такое... что будут помнить всегда, не графоманию какую-нибудь, а прекрасный, величественный гимн в честь чумы, и пусть его поразит раскаянье, и чтобы бледные, воздетые к чёрному небу руки, и отчаянье, и презрение к смерти... великая же будет вещь!

Скала и трепетный прибой —
Так неразлучны мы с тобой!

— теперь они пели вдвоём!

Любовь, любовь, такая вещь,
С неё недорого возьмёшь!

Она прилипчива, как клещ,
И неотвязна, точно вошь!

Всегда друг друга мы поймём,
Трава и ветер, дождь и гром,
Ах, как нам сладко быть вдвоём!

Эсси заставила струны выдать особенно замысловатый пассаж, и оба они с достоинством раскланялись под аплодисменты пирующих.

— Милая вещица, — снисходительно сказал председатель, — это откуда, позвольте спросить?

— Дуэт Цинтии и Винтревена из «Тщетных упований», — пояснил Лютик.

— Неплохо, неплохо... А автор кто?

— Я.

— Очень мило, — повторил председатель и ещё раз широко повел рукой, видно, это был его излюбленный жест, — благодарю и прошу к столу.

— Сражён вашим гостеприимством, — сквозь зубы сказал Лютик. — Садись, Эсси... Эсси?

* * *

— Это ваше дело, — Лютик упрямо наклонил голову, — хотите, умирайте здесь. За этими чёртовыми столами, мордой в салатах. А я пошёл... может, ещё успею донести ее...

— Воля ваша... Но вас убьют на улице.

— Никто не посмеет нас тронуть. Никто не подойдёт. Я знаю людей не хуже вашего.

— Но вы представляете, что сейчас творится в госпитале?

Идиот, подумал Лютик. Я прекрасно понимаю, что творится в госпитале. Наверняка оттуда бежали все врачи. И санитары бежали. Но вдруг... вдруг хотя бы кто-то

остался? Я должен сделать всё, что смогу. Всё, на что способен. Иначе... курва, как мне жить дальше?

Эсси лежала у него в руках, охватив его за шею, и её объятия постепенно слабели.

Ну вот, уныло подумал Лютик, тяжело ступая по гладким, вытертым камням пустынной мостовой, теперь я наверняка заразился.

— Что ты, куколка? Что ты сказала?

Ему пришлось склониться ухом к её губам, чтобы расслышать невнятный шёпот.

— Лютня. Моя лютня!

— Вот она, куколка. У меня за спиной.

— Ты не... бросишь меня, Лютик?

— Нет, куколка. Мы же вместе. Цинтия и Винтревен... Как же я буду без тебя петь этот дуэт? Погоди, всё закончится, мы наймём экипаж и...

— Я хочу в лес. Там так тихо. Зелёный мох и... родник. Такие камни, серые, с красными прожилками, и из них бьёт, прямо из камней...

Они натолкнулись на компанию мародёров, которая при виде их молча расступилась, освободив дорогу. Один из мародёров снял помятую шапку и так и стоял, пока Лютик с его грузом не скрылся за поворотом.

Потом Лютик прошёл мимо тёмной бесформенной груды, из которой торчали белеющие руки и ноги, и мимо деловитых людей с вёдрами смолы и факелами, направляющихся к этой самой груде...

Всё вокруг казалось каким-то прозрачным и хрупким, словно мир был заполнен стеклянной массой, и не совсем настоящим. Как будто это был дурной сон, и если проснуться, всё будет по-прежнему. Или как будто реальность вдруг разветвилась, и в этой тьме надо было нащупать правильную тропинку, ступив на которую можно оказаться в мире, где чумы не было и нет, и Эсси завтра наденет это своё голубое свадебное платье.

Госпиталь был единственным освещённым зданием во всей округе. Факелы трепетали на ветру, освещая мощёный двор, сейчас застеленный наспех грязными простынями — на каждой темнело чьё-то тело. Кто-то метался в жару, кто-то лежал совсем неподвижно. Огибая квадратики простыней, Лютик пронёс Эсси внутрь, однако тут же пожалел об этом — здесь тела лежали уже друг на друге.

— Здесь... есть кто-нибудь! — крикнул он, высвобождаясь от чьих-то пальцев, вцепившихся ему в щиколотку. — Доктор!

Белая фигура появилась из полумрака бокового коридора, и Лютик в ужасе вздрогнул, чуть не выронив бормотавшую что-то в бреду Эсси. Но потом с облегчением вздохнул — к нему приближалась крупная, спокойная женщина в когда-то белой робе сестры милосердия. Её круглое доброе лицо казалось настолько неподходящим к окружавшему её кошмару, что Лютику на миг захотелось уткнуться ей в плечо и заплакать. И чтобы она гладила его по голове и обещала, что чума вот-вот прекратится и всё будет хорошо.

Потом он узнал её. Она ещё больше раздалась и отяжелела, но он узнал её.

— Иоля?

Она близоруко прищурилась, всмотрелась...

— Лютик?

— Иоля! — он хотел броситься к ней, обнять, но на руках у него лежала Эсси, и Эсси с каждым мигом становилась всё тяжелее. — Что ты здесь делаешь?

— Я работаю у господина Мило Вандерберга, хирурга, — с достоинством сказала Иоля, — я помогала ему в полевом госпитале и поняла, что это — то, чего я хотела всю жизнь. Помогать людям. Так что матушка Нэннеке меня отпустила и благословила, а господин Мило Вандерберг был так добр, что согласился взять меня к себе, хотя опыта у меня никакого и не было.

— Я его знаю? — на всякий случай спросил Лютик.

— Не думаю. Но он очень хороший. А кто это с тобой, Лютик?

— Это Эсси, — с трудом проговорил Лютик.

— О, боги! — Иоля крупной рукой прикрыла рот. — И что же ты стоишь, Лютик? Её же надо уложить... хотя... тут уже... Может... ко мне или в ординаторскую. Там пусто. Врачи бежали. Остались только мы с Русти. С господином Вандербергом. Как они могли, Лютик? — Она недоумённо пожала крупными плечами. — Ведь они давали клятву. А сами бежали. Мы тут с ног падаем. Столько больных. Несчастные люди.

— Иоля, — Лютик теперь шёл за ней следом, наблюдая широкую спину, перетянутую завязками от передника, — а... кто-то выздоравливает? Хоть кто-то? Иоля?!

Она, не оборачиваясь, выразительно пожала плечами.

— Так все плохо? — безнадёжно спросил Лютик.

Она, не отвечая, покачала головой. Потом отворила одну из дверей: открылась крохотная, почти как нутро не слишком просторного экипажа, каморка с узкой койкой, застеленной суровым, но чистым полотном. На крохотном столике горела крохотная масляная лампа, но свет от неё был неожиданно сильный и чистый, словно тут не обошлось без магии.

— Клади её сюда, Лютик, — она откинула край простыни, — бедняга. Я принесу воды. Их столько... я не успеваю даже закрывать им глаза. А ведь каждый хочет, чтобы кто-то был рядом, держал за руку... Чтобы не было так страшно.

— Иоля, — Лютик аккуратно опустил Эсси на постель и только теперь почувствовал боль в занемевших руках, — а ты сама-то знаешь, как лечить эту заразу?

Иоля печально поглядела на него.

— Она не лечится, Лютик. Русти сказал... он говорит, они сгорают так быстро, что он не успевает подобрать курс лечения. Он говорит, это новая зараза, она пришла неиз-

вестно откуда, возможно, не из нашего мира даже. Старые болезни не убивают человека сразу.

— Тогда что же вы тут делаете? Если даже не лечите?

— Надеемся, — тихо сказала Иоля.

Эсси пошевелилась на койке и что-то беспокойно пробормотала.

— А где... господин Вандерберг? Ведь не может быть, чтобы никто не помог, Иоля! Иоля?

— Он спит. — Иоля насупилась и упрямо опустила голову. — Он всё время на ногах. С тех пор, как принесли первых заражённых...

— Иоля, ради Эсси!

Иоля молчала. Понятное дело, влюблена в этого своего Русти, все они так. Особенно такие, как Иоля, им просто необходим кто-то, на кого они способны выплеснуть всю свою преданность.

— Иоля, ну хочешь, я на колени встану! Пускай только посмотрит. И опять пойдёт спать. Может... может, что-то придумает. Может, уже придумал! Во сне! Во сне порой в голову приходят удивительные открытия! Мне один раз приснились две заключительные строчки новой поэмы, представляешь, а я весь вечер мучился...

— Что ты несешь, Лютик! При чём тут твои дурацкие поэмы?

Она запнулась и закрыла глаза. Лютику стало стыдно.

— Ты сама-то когда спала, Иоля?

— Я... Это неважно. Я крепкая.

— Иоля! Я тебя сменю, дуреха! Иди поспи. А это ещё кто?

Лютик не понял, откуда исходит голос, пока не опустил взгляд: в дверях стоял низушек, белый халат заляпан бурым, завязочки еле сходятся на круглом животике.

— Вы... Русти?

— Русти, — это прозвище, — устало сказал низушек, вскарабкиваясь на стул и болтая в воздухе коротенькими мохнатыми ножками, — а для вас, сударь, я Мило Вандер-

Оперг, полевой хирург. Дипломированный хирург, заметьте. С двадцатилетним стажем. А вовсе не эпидемиолог, курва мать. Эпидемиолог смылся.

— Сударь, — робко сказала Иоля из-за спины у Лютика, — ну вот зачем вы встали? Тут всё спокойно. То есть...

— Больных больше не несут, а просто складывают в ямы, — закончил за неё низушек. — Это, конечно, хороший знак. Тьфу ты! — Он вцепился широкими лапами в курчавую рыжую шёрстку на голове. — Ну почему, почему эту заразу ничего не берёт? Я перепробовал всё, что можно, даже ртутные соли! Даже экстракт из плесени. Он отлично помогает от воспаления, экстракт из плесени. Но даже если бы от него тут и была бы какая-то польза, его потребовались бы целые бочки. Бочки! А это ещё кто?

— Эсси Давен, известная поэтесса.

— Не слышал, — мотнул головой низушек.

Кряхтя, он слёз со стула, подошёл к Эсси, ухватился широкой лапой за её тонкое запястье, постоял с минуту, мигая воспалёнными глазами

— Ну, уже недолго.

— Вы же врач, — голос у Лютика вдруг сделался тонким и жалобным, почти детским, — вы должны ей помочь!

— Должен. Но не могу. Тут таких сотни. Курва, да их уже тысячи! И я никому не могу помочь. Какого чёрта вы чешетесь?

Лютик спохватился. Он давно уже собирался поглядеть, что такое творится с его подмышками и руками, но никак не получалось. Теперь можно.

Он стащил камзол и отвернул рукава тонкой нижней рубашки. Рукава были грязноваты, и в том же отчётливом свете масляной лампы было видно, что они сплошь усеяны мелкими бурыми пятнышками.

— Господин Вандерберг, — тихо пробормотал он, — что же это?

Низушек отпустил запястье Эсси и бесцеремонно схватил Лютика за руку, вывернув локоть.

— Укусы, — сказал он, — блошиные укусы. Так я и думал. Это всё блохи, Иоля. Крысы с «Катрионы». И блохи. Курва, им достаточно было не пустить крыс в город. Это просто. Поставить на швартовочные канаты такие гладкие металлические диски, чтобы крысы не могли пробраться с корабля. И, конечно, карантин. Две недели в карантине, и мы бы имели «Катриону», полную трупов, и здоровый город. Наши городские службы пора топить в нужнике.

— Я... болен?

Русти помотал курчавой головой.

— Укусы старые, — сказал он, — по крайней мере вон тот. И тот. Эти вот свежие. Чешутся, да. Реакция организма.

— А... когда станет совсем плохо?

— Теоретически вы не должны были дожить до полудня. Но у вас, похоже, иммунитет. Странно. У вас случайно нет эльфийской крови?

— Не знаю, — растерянно ответил Лютик, — ну я... да, врал для понту.

— Эльфы нечувствительны к человеческим инфекциям. Это сугубо видовые поражения. Заражаются только люди. Ни эльфы. Ни краснолюды. Ни низушки.

— Да, но Иоля... в ней нет ни капли эльфийской крови. Только крестьянская. Все её предки землеробы... вот посмотрите только на её руки. А она тут возится с больными и умирающими.

— Иоля, — низушек почесал круглую голову, — это, ну, да... есть такой феномен. Во время эпидемий меньше всех заражаются санитары и врачи. Не знаю, почему. Может, у них за время работы появляется какой-никакой, но иммунитет. А может, это такое, ну, такое чудо. Как знать? Наш мир ещё способен на чудеса. Магия жертвенности, знаете ли.

Он опять почесался.

— Я всё-таки пойду посплю немного. Что-то суставы крутит.

— Сударь, — тихо сказала Иоля.

Лампа вдруг померкла — сама по себе, свет сменился сумраком, и глаза Иоли показались Лютику двумя черными провалами.

— Чушь! — Низушек яростно отмахнулся коротенькой лапкой. — Низушки не болеют вашими дурацкими болезнями. Я просто устал. Просто устал. А вы... ну, просто посидите с ней. Уже недолго. Вам ничего не грозит, а ей будет легче. Всё безнадёжно... безнадёжно...

Он, что-то бормоча, побрёл по коридору, натыкаясь на лежащие на полу тела. Иоля побежала за ним.

— Лютик!

Он обернулся. Эсси открыла глаза — они были сухими и блестящими.

— Да, Эсси.

— Лютик, я очень... обезображена?

— Нет, Эсси. Лицо чистое. А остальное... ну, пройдёт.

Он присел на край кровати.

— Не пройдёт, Лютик. Наверное... знаешь, так наверное, лучше. Я так устала. И так хорошо, что ты рядом. Я думала... Думала, ты бросишь меня, Лютик. Я думала, я тебя знаю. Думала, ты трус.

— Ну да, — согласился Лютик и погладил её по голове, — вообще-то.

Она говорила совсем тихо, и рука её теребила медальон на серебряной цепочке. Жемчужина в серебре с лепестками, как цветочек. И почему это вот такие хрупкие возвышенные женщины без ума от брутальных мужиков?

— Ты... обещай мне знаешь что?

— Что, Эсси?

— Что... не оставишь меня тут. Я хочу в лес. Там... тихо.

— Я отнесу тебя в лес, Эсси. Обещаю.

— Тогда... хорошо.

Она успокоенно закрыла глаза, потом вдруг открыла их опять.

— Лютик, хочешь, я тебе скажу что-то... чего никогда не говорила. Но теперь можно.

Она поманила его слабой рукой, и он нагнулся, приложив ухо к его губам. Даже сейчас, среди больничной вони, в густом духе испражнений и хлорной извести, он различил лёгкий аромат вербены.

— Да, Эсси?

— Эта твоя шапочка с пером... она чудовищна.

Потом она закрыла глаза и больше их не открывала.

Лютик пронёс её на руках между сжигаемыми на кострах трупами и похоронил далеко от города, в лесу, одинокую и спокойную, а вместе с ней, как она и просила, две вещи — её лютню и её голубую жемчужину.

* * *

Неподалёку от холмика со свежеуложенным дёрном и кустиком нарциссов, желтеющих в изголовье, Лютик, сидя на поваленном дереве, вскрывал ножом запечатанное письмо.

«Дорогой сын! Мама ещё бодрится, но очень хочет тебя видеть. После того как Карлос погиб на ривских полях, она боится, что останется одна — бродячая жизнь, которую ты ведёшь, очень её тревожит. К тому же, хотя ты и уверяешь, что скрываешь своё настоящее имя, она боится, что твоё занятие так или иначе бросит на него тень. Будущему графу негоже в обнимку с лютней побираться у порога богатых домов. Сынок, мы тебя очень ждём, я понимаю, в молодости каждый должен побродить по свету и узнать жизнь, но твоя молодость что-то слишком уж затянулась.

Приезжай, ждём и скучаем.

Отец».

Лютик поднял голову.

Она подошла бесшумно, она умела ходить бесшумно. Лес был её домом.

Подошла и села рядом.

Он аккуратно сложил письмо, спрятал его в конверт и втолкал обратно в карман.

— Есть хочешь?

Лютик кивнул.

Торувьель развернула чистую тряпицу, достала хлеб и подсохший кусок сыра и аккуратно настругала ломти внушительным острым ножом.

— Воды я не взяла, — сказала она, — там грязная вода. А тут есть родник меж камней. Буквально в двух шагах. Слышишь, как поёт?

— Да, — сказал он, — слышу.

Они помолчали.

— Что, — спросил Лютик, прожевав кусок, — твои так и не пришли?

Она молча покачала головой.

— Ну, ещё придут. У тебя полно времени. Целая вечность.

— Thaess aep.

— Молчу-молчу.

Она, охватив колени руками и опустив на них подбородок, какое-то время рассматривала зелёный холм. Потом подняла голову.

— И что ж ты теперь будешь делать, Taedh?

— Что делают барды? Буду петь... Сочинять новые песни. Ночевать по чужим домам. На постоялых дворах. Как всегда...

— Знаешь, — сказала она, — если петь дуэтом... обычно дают больше.

— Ну... в общем, да.

— Как ты посмотришь на то...

— У тебя слуха нет, — очень серьёзно сказал Лютик.

Она раздула ноздри и свирепо поглядела на него.

— Ах ты...

Он усмехнулся.

— Cáelm, Sor'ca. Не горячись.

— Ты пошутил, да? — нерешительно сказала она.

— Слава небу. Наконец-то. Ну да, пошутил. Конечно, если петь вдвоём, дают больше. Знаешь дуэт Цинтии и Винтревена?

Она помотала головой.

— Сегодня вечером разучим.

Он встал и подождал, пока она увяжет в узелок еду.

Повернулся к зелёному холмику.

— Va faill, Эсси, горлинка. Пойдём, Торувьель. En'ca digne. Пойдём дальше.

«МЫ ВСЕГДА В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО...»

— Геральд, ты не мог бы вынести мусор?

— А?

— Милый, третий раз за день прошу. Четвёртого может не быть...

Геральд отлично знал, что это значит.

Нет, вовсе не то, что его ненаглядная Йенифер плюнет да по примеру терпеливых русских женщин вынесет мусор сама. Ага! Как же! Его супруга, как и всякая нормальная полька, скорее вынесет мозг мужу, чем мусорное ведро из дома. Геральд вынужденно отложил недочитанную газету. Откровения политиков России, США и Западной Европы, вновь и вновь создающих из независимой Польши буферное государство для обеспечения своих сиюминутных шкурных интересов, злило и восхищало одновременно. Сколько можно играть польским гонором?!

— Ну, ничего, — бормоча себе под нос, Геральд сунул ноги в тапки и подтянул живот. — Мы разрушили им Варшавский договор, теперь разрушим ЕС, или я не знаю родную Польшу... Слово «гонор» — вот ключевая точка развития всей нашей нации! Без гонора нет поляка!

Удовлетворившись этой противоречивой истиной, он поймал взгляд жены, посылавшей ему воздушный поцелуй с кухни, и, втянув носом запах магазинных фляков, вышел с ведром за дверь. В голове толкались высокие лозунги из той же газеты, строчки свободолюбивых стихов Адама Мицкевича, перекрываемых чеканным про-

филем Железного Феликса, и невнятные объяснения польских политиков об авиакатастрофе в Катовицах... Всё врут!

— Нас окружает хреновый мир. Поляки и русские говорят друг с другом на английском! Можно ли придумать больший бред для братских славянских народов?! Да, мы вечно собачимся, но это разборки между родственниками, и прочие не смеют лезть в наши дела! Меня, коренного поляка, какая-то вшивая Америка учит демократии?! Да их ещё Колумб не открыл, а наши гордые шляхтичи на сеймах сами выбирали себе королей, самым демократичным голосованием — саблей!

Геральд тупо уставился на люк мусоропровода с приклеенной скотчем бумажкой «Неисправно!». И что? Когда нас останавливали трудности?! От поднапрягся и рывком открыл люк — забито доверху. Из кучи мусора раздался подозрительный хруст. Мгновением позже показалась шипастая голова гнуса выпендрёжно-кусачего. Зубастая зверюшка, выведенная на средневековых свалках и до сих пор поджидающая у мусорных баков настоящую добычу. Чаще всего болтливых домохозяек, уже только дома обращающих внимание на отсутствие двух-трёх пальцев, а то и изрядного куска ягодиц.

— Пся крев! — на автомате выругался Геральд, сняв тапку и отвешивая гнусу две тяжёлых пощёчины. — Пшёл вон в свой смрадный люк, грязная тварь! Нападаешь на слабых? Не так ли стояли советские войска, когда немцы уничтожали Варшавское сопротивление?! А теперь на тебе! На тебе, на! А теперь вспомним, как армия генерала Конева вышла к Кракову, разбивая немцев в хлам, в пыль, в грязь! Получил?! Холера ясна!..

Гнус сдох, так и не понял, почему его тело больше не повинуется кровавым инстинктам, как не понял и на кого он, собственно, нарвался. На ведьмака, выносящего мусор! Это страшно, поверьте...

— Придётся идти на улицу. — Геральд аккуратно запихнул разбитую голову гнуса поглубже меж капустных листьев и женских прокладок, покрепче закрыл люк и неспешно пошёл с третьего этажа вниз. Можно было воспользоваться лифтом, но смысл?

Он ещё в позапрошлом году окончательно принял решение не пользоваться лифтами. Через раз, с периодичностью двенадцать-двадцать штук в месяц, лифтовые горгулы пытались порвать ему горло. Неуклюжие нетопыри с телом обезьянки-капуцина и клыками в пять сантиметров гибли десятками, но продолжали лезть на Геральда, словно это был акт священной мести. Прямо какой-то пушкинский бунт, бессмысленный и беспощадный. Первое относилось к попыткам горгулов, второе — к реакции Геральда на все эти порядком поднадоевшие покушения.

Трупы он аккуратно выбрасывал в тот же мусоропровод, подкармливая одну нечисть другой. Его совесть была спокойна. В конце концов, это куда проще и понятней, чем политика. Взять хоть, к примеру, Великую Отечественную войну, как её называют русские. В Польше тоже было огромное партизанское движение, но разное, каждый сам за себя. И хоть все вместе против ненавистных фашистов, но сбросить ярмо врага без Советской армии хрен бы вышло. А почему? А потому что гонор!

За сколько дней Гитлером была взята Польша, стыдно вспоминать до сих пор... Но если кто скажет, что поляки хоть на миг покорились, этого лжеца-историка надо прилюдно сжечь у памятника королю Вацлаву в Варшаве, а закопать и засыпать могилу солью уже в подземельях Величек.

— Почему я не родился в России? — вслух рассуждал Геральд, идя с полным ведром до мусорных баков, расположенных за его девятиэтажкой. — Наверное, потому, что вся русская литература несёт на себе неизбывную пе-

чаль всечеловеческой грусти, сострадания к маленькому человеку, чеховской боли и достоевщины. В хорошем смысле. Фёдор Михайлович был великим писателем и тонким знатоком душ. Просто его взглядом героя не раз глядишь. Какого-нибудь князя Мышкина — запросто! Но ведь есть разница между героем по жизни и героем литературным? Видимо, есть, если тот же Раскольников, грохнув топором одну бабку, мучился угрызениями совести всю жизнь, а сколько пришлось грохнуть мне... И ни чего, отлично сплю!

Он подошёл к трём мусорным бакам с утверждёнными Евросоюзом надписями «стекло», «бумага, «пластик». На минуту задержался, пытаясь хотя бы предположить, как он развяжет мусорный пакет и начнёт законопослушно раскладывать, куда что положено. Они что там, в Евросоюзе, всерьёз уверены, что вольная Польша станет аналогом законопослушной Германии? Да нате, выкусите! Геральд из чистого патриотизма высыпал всё содержимое мусорного ведра в контейнер с надписью «бумага». Так вам и надо! У себя в Берлине с турками разберитесь, потом полезете нас учить...

Лёгкий скрежет за спиной заставил его обернуться с неуловимой глазу скоростью. Шмароглот, лягушкоподобный монстр, промышляющий в основном невинными девицами, замер в пяти шагах, недоумённо уставившись на непривычную добычу. Слюнявая пасть оскалилась в два ряда жёлтых клыков, показывая зеленоватый язык с копьевидным ороговевшим наконечником.

— Ведьмак...

— Уже четыреста лет как рядовой гражданин, — холодно поправил Геральд. — Живу в провинции, сочетался с Йенифер законным браком, отдал Цири в институт, будет экономистом, сам подрабатываю консультантом, даже на море в Гданьск выезжаю раз в году на неделю в отпуск. Чего вы все до меня докопались...

— Мы до тебя?! — едва не подпрыгнуло чудовище, оставляя после себя полную возмущения лужу. — Да из-за твоих дурацких историй, которые ты по пьяни выболтал кому-то там в литературном кабаке, сотни молодых людей полезли в ведьмаки! Почувствовали, пся крев, Зов и Предназначение! Знаешь, какова сейчас пропорция нечисти к одному стандартному ведьмаку в белом парике, с алюминиевым мечом и плащом с хэллоуинской распродажи? Одна двадцатитысячная! На каждого из нас двадцать тысяч их!

— Ничего не знаю...

— Сука ты, Геральд, — с чувством сплюнул шмароглот зелёной жижей, но не попал. — Я последний шмароглот на всю обитаемую Польшу. Мне спариваться не с кем, понял ты?!

— Это было предложение?

— Шутить изволишь? У нас физиология разная, удовольствия — ни мне, ни тебе.

— Вот только поплачь мне ещё тут. — Геральд шагнул вперёд и нарисовал перед прыщавым носом монстра знак Огненного Камня. На целую минуту шмароглот со своими проблемами вынужденно заткнулся. Ведьмак неторопливо поискал взглядом, подобрал брошенный кирпич у забора и положил его в пустое ведро.

— Я знаю, что виноват перед всеми вами. В старые времена вы жрали людей, а мне платили за то, что я убивал такие вот экстремальные формы жизни. Как ни верти, вы были непременным условием моей работы. Изображать фальшивого героя, дерущегося с резиновыми драконами, мне не позволял гонор, как и брать деньги за убийство вымышленного чудовища. Я не думал, что буду делать, когда вы кончитесь. И уж тем более не знал, что моя нелёгкая профессия в будущем станет так пошло-популярна. Эти молодые идиоты погибают сотнями, но сто первый всё равно добивает своего шилохвоста болотного-перечного,

убырхава бигосового, сквернозуба беспозвоночного, грыз була чешуйчатопахового, хрузда подкустовного и прочих, прочих, прочих...

Геральд взвесил в руке потяжелевшее ведро, привычно ища на голове шмароглота третий, фальшивый рог. Память услужливо подсказала, куда и с какой силой надо нанести удар. Он быстро сунул другую руку в карман старых спортивных штанов, извлёк сотовый и набрал знакомый номер:

— Да. Нет. Это я, пан сержант. У меня тут очередное тело. Пришлёте машину. Да, как всегда.

Убрав телефон, Геральд вгляделся в оживающие глазки шмароглота и от души замахнулся ведром:

— Это единственное, что я могу для тебя сделать, приятель...

Удар бывшего ведьмака был математически точен и безупречен. Чудовище рухнуло там, где стояло, разбрызгав напряжённые семенники по всей мусорной площадке. Впрочем, опытный Геральд успел-таки увернуться. Полиция прибыла буквально через полчаса...

P.S.

— Милый, тебя только за смертью посылать.

— Мне попался гнус в мусоропроводе, пришлось идти на улицу, а там...

— Шмароглот. Я всё видела в окно. Геральд, сколько можно? Ты уже упаковал исчезающими видами нечисти добрую половину польских зоопарков.

— Он был жалок. Его переселят под Краков.

— Ты хоть деньги за это берёшь?

— Нам же хватает отчислений с литературных гонораров. За идею платят...

— Мой бедный ведьмак-альтруист, — Йенифер вытерла руки кухонным полотенцем и обняла мужа. — Чем тебя уболтало именно это чудовище? Жалобами на голод или слезами об отсутствии своего места в жизни?

— У него нет самки. А под Краковом есть.

— Значит, ты пощадил его ради любви. Милый, ты неисправимый романтик. И за что я тебя такого люблю?

— Ну, — Геральд мягко обнял жену за талию, — наверное, потому, что я всё-таки известная личность. Кстати, Московский зоопарк хочет себе безволосого волкодлака двухголового. Тебе не попадался такой по району?

...За ужином они прибили ещё одного гнуса выпендрёжно-кусачего, пытавшегося под шумок спереть с кухни кровяную колбасу. Жизнь продолжалась...

Владимир Аренев

ВЕСЁЛЫЙ, ПРОСТОДУШНЫЙ, БЕССЕРДЕЧНЫЙ

1

Огоньки святого Ильмо были повсюду. Они подкрашивали туман болезненным изумрудным светом и как будто перемигивались.

Рамио поймал себя на том, что старается не моргать. Казалось, если упустит их из виду, — начнут перескакивать с рей на мачты, спрячутся в зарифленных парусах, среди канатов, в одежде спящих на палубе переселенцев...

Кто-то басовито храпел у грота, мешал сосредоточиться.

Когда их обучали в Академии, никто, ни один наставник не говорил о храпящих пассажирах.

Рамио вполголоса выругался. Поймал удивлённый взгляд вахтенного; конечно же, сделал вид, что не заметил, и пошёл вдоль борта, держась за планширь и стараясь не наступить на чьи-нибудь пожитки. Особенно — не зацепиться о клетки, проклятые клетки с живностью. Все голени уже в синяках от гусиных щипков.

Корабль дрейфовал сквозь ночь и туман, и всё было в полном порядке. Вот уже третьи сутки подряд — тишь да гладь.

Рамио выколдовал маленькую лимонноцветную сферу и пустил вперёд и вправо, чтобы не слепила глаза. И чтобы, признался он себе, сбивала с толку тех, кто может целиться из темноты.

Хотя целиться тут некому. Не в этих водах.

Приглушённо хлопнула дверь; чуть покачиваясь, на палубу вышел приземистый, полноватый мужчина. Хмыкнул, подкрутил длинные чёрные усы, шагнул к левому борту.

Даже отсюда Рамио видел фантазийный узор на его синих щёгольских штанах: растительный орнамент и оскаленные хари. Последний писк моды в портах Фабиолии.

Зато на обнажённом торсе щёголя, вопреки тамошним обычаям, не было ни единой татуировки. Только шрамы, много шрамов. Плюс парочка свежих царапин на спине... ну, это понятно, это уж как водится.

Только бы, подумал Рамио, обошлось без скандала.

— Тишь да гладь? — не оборачиваясь, спросил мужчина. Он встряхнулся всем телом, разминаясь, — довольный, сытый, уверенный в себе. Добавил: — Ты, напарник, шарик-то пригаси. Серпентусы от них шалеют хуже мотыльков.

Рамио покраснел и движением кисти отправил сферу в небытие.

— Ничего, научишься ещё. — Мужчина провёл ладонью по гладко выбритому черепу, вздохнул и встал у самого борта. Снизу, из распахнутых окон кают-компании, доносились стук игральных костей и хохот.

Рамио был уверен, что сегодня ночью у одного из игроков если не деньжата, то рога уж точно появились.

— Научишься, — повторил напарник. — Когда я шёл в свой первый рейс, таких дров наломал...

Рамио ждал продолжения, но, конечно, не дождался.

Вместо этого там, по левому борту, раздалось звучное журчание.

А потом вдруг кто-то хриплым голосом помянул Дейви Одноглазого, Алого Альбатроса и Бездну Кербина.

Рамио остолбенел. Прежде чем он успел что-нибудь сделать, напарник вскинул левую руку: погоди, мол. Спокойно застегнул штаны и только тогда спросил:

— Сразу стрелять — или назовёшь своё имя?

Руки его были пусты, за поясом — ни пистолета, ни даже кинжала. Но тот, внизу, этого явно не знал.

— Так-то вы встречаете честных моряков, — сказал хриплый.

— Третий раз предлагать не буду, мы не в сказке.

— Его зовут Тередо, — сказал другой голос, сухой и твёрдый, с отчётливым эртфилдским акцентом. — Меня — Райнар. А ещё у нас тут Мо Болтун. Всего — трое, если вы умеете считать, наш полноводный друг. Мы в шлюпке и только что подошли к вашему судну, а теперь хотим подняться на борт. Безоружными, разумеется.

— И что же вы трое делаете в шлюпке посреди Океана?

— Об этом я и намерен переговорить с вами, а лучше бы сразу с капитаном. Чтоб не повторяться.

Рамио уже подошёл к борту — так, чтобы не заметили со шлюпки.

— Брось им канат, — пожал плечами напарник. — И глаз с них не спускай.

На палубе у грота сонно ворочались спящие, кто-то зевнул и поинтересовался, какого дьявола так шуметь. Сосед велел ему заткнуться. На обоих шикнули; и всё это — под хоровой храп пяти или шести глоток.

Напарник Рамио кивнул одному из вахтенных — тот молча нырнул в люк. Другой шёпотом велел ворчливому переселенцу позвать капитана.

Люди просыпались, сетовали на то, что всё оружие отобрали при посадке, а самые сообразительные украдкой доставали из мешков самодельные дубинки-крысобойки.

— Встаньте подальше, — велел им напарник Ромио. — И лучше не лезьте под руку.

Он знаком подозвал юнгу и что-то шепнул на ухо. Тот метнулся на квартердек.

Голоса в кают-компании зазвучали громче и тревожней, кто-то выругался.

Над планширем появилась голова в потрёпанной шляпе. Пышное рубиновое перо качалось на ветру.

— Господа, моё почтение. — Милсдарь Райнар подтянулся и запрыгнул на палубу. Одёрнул полы малинового жилета, обвёл взглядом окружающих. — Могу ли я видеть капитана?

Рамио сдвинулся чуть в сторону, чтобы спрятать руки в тени. Господину Райнару было лет за сорок: высокий, жилистый, загорелый. Острые усики, острый подбородок, соколиный нос — и внимательный злой взгляд.

Слишком стар для милсдарей удачи. Но наверняка — один из них.

А это, в свою очередь, означает, что он почти наверняка из команды «Слепого Брендана».

Рамио почувствовал, как дрожат пальцы. Люди с «Брендана» — самые свирепые пираты, промышляющие на Восточном побережье. Самые беспощадные.

Рядом с господином Райнаром появился полуголый исполин: локтя на два выше своего спутника, чернокожий, массивный. Не проронил ни слова, просто встал чуть позади Райнара. Оружия у обоих не было, но Рамио понимал, что чернокожий Мо — сам по себе оружие.

Впрочем, сказал он себе, этих двоих и того, что в шлюпке, могли выгнать, да, точно, их выгнали, пустили плавать по волнам, не стали убивать, пресловутое пиратское милосердие, попробуй выживи, ну вот они и выжили, по крайней мере пытаются, они опасны, конечно, опасны, но их только трое, что они могут, трое против целой каравеллы, на которой полным-полно взрослых вооружённых мужчин, а вдобавок я, маг, и...

— Во имя Ильмо Убаюкивающего, кто вы такие?! — Капитан поднялся на палубу и стоял, уперев руки в бока.

— Вы и сами видите, кто мы, — спокойно ответил Райнар. — Важнее то, для чего мы здесь. Нам нужна ваша помощь, капитан.

— Помощь милсдарям удачи? От честного капитана? — Энгус Стрела водил каравеллы вот уже четверть века, два его брата погибли от рук пиратов, третий навсег-

да ослеп. — Господа, — повернулся он к Ромио с напарни ком, — попытайтесь взять их живыми. Не выйдет живы ми — я не стану горевать. В любом случае за каждого при бавлю по тридцать дублонов к вашим премиальным.

Чернокожий Мо не шелохнулся, но что-то в его взгляде изменилось. И руки... Ромио заметил, как сложились в знак Хаста пальцы левой, а правая чуть сдвинулась назад.

Туземный маг-левша, да ещё из бывалых. Вот же дья вол.

Райнар покачал головой:

— Ещё нет, Мо. Не спеши. Капитан — честный челове с горячим сердцем, но он ведь не дурак и понимает: мы знали, куда идём. Знали, чем нам это грозит. Хорошенько подготовились. Ведь так, Мо?

Чернокожий кивнул, не спуская глаз с Ромио. Даже слегка улыбнулся, как старому приятелю.

— Вы явились на мой корабль без белого флага, — тихо сказал Энгус Стрела. — Но даже если бы обмотались в бе лое с головы до ног... что ж, это лишь избавило бы нас от необходимости тратиться на саван. Вы попросту сглупили. Как обычно, понадеялись на удачу. — Капитан покачал головой. — Она помогла вам в семьдесят втором, когда вы взяли штурмом Вересковый форт и вырезали там всех, от мала до велика. В семьдесят третьем, когда буря размета ла все отправленные за вами корабли. В семьдесят пятом, когда вы сожгли гурчианский храм Пельпероны. Но сей час семьдесят седьмой — самое время, чтобы сдохнуть.

Переселенцы и команда одобрительно загудели. Ромио видел, как матросы передают пассажирам сабли и писто леты. Детей уводили в трюм, а вот многие из женщин предпочли остаться. Вооружившись и встав плечом к пле чу с мужчинами.

Впрочем, приближаться к гостям никто не спешил.

Ромио подумал, как нелепо всё это выглядит: целая ка равелла против двух безоружных... ну, одного безоружно го и одного мага.

— Вот так, во тьме, в тумане? — Райнар покачал головой. Щёлкнул пальцами: — Да будет свет, во имя милосердия!

И свет воссиял: все огоньки святого Ильмо, разом вспыхнув, осветили корабль сверху донизу, рассеяли туман и тьму, на миг ослепили всех, кто был на палубе.

Всех, кроме Ромио и его напарника.

Молодой маг ударил не в Мо и не в Райнара — в паруса, что висели над их головой. Гроздь огненных шариков взмыла в воздух и разошлась, распустилась лепестками пушистого цветка. Пять из семи ударили в канаты и прожгли их. Огня, впрочем, не было; всё как учили в Академии.

Парус с шелестом рухнул. Но не на головы пиратов — на три невидимых шеста, где и повис. Милсдари удачи вместе с несколькими стоявшими рядом людьми оказались словно бы в шатре. Чернокожий Мо глядел перед собой и держал руки ладонями вверх; пальцы мага дрожали, и дрожала жилка на его лбу.

Всё случилось за пару секунд. Но напарник Ромио уже стоял за спиной Райнара и держал у горла невесть откуда взявшийся нож.

— Вот и славно, — сказал Райнар. Он скосил глаза на руку, прижимавшую лезвие к его кадыку: — Значит, не зря мы это всё затеяли.

Снаружи шумели, сразу несколько человек ухватились за край и потянули.

— Арифметика простая, господа. — Райнар чуть повысил голос, чтобы слышно было всем. — Вы, конечно, не видите, но там, в тумане, стоит и ждёт «Слепой Брендан». Пушки заряжены и наведены. Вы как на ладони, хвала святому Ильмо.

— Это ты так говоришь, — презрительно усмехнулся Энгус Стрела. — А как оно на самом деле, никто не знает. Хочешь, чтобы я поверил тебе на слово? Чтобы вот так запросто сдал судно?

— Судно — не хочу, — сказал Райнар. — Вы много говорите и плохо слушаете, капитан. Нам нужна помощь. Нужен вот этот ведьмак, который держит нож у моего горла. Мы хотим нанять вас, мэтр. Точнее — перекупить. И прежде, чем вы возразите...

Он сделал паузу и терпеливо подождал, пока сдёрнут парусину. Ткань проехалась по его лицу и сбила с головы шляпу. Райнар даже не шелохнулся.

— ...прежде чем возразите, учтите вот что: «Слепой Брендан» отправляется в последний рейс. После него команда расходится, навсегда. Кого-то рано или поздно настигнут ищейки вице-губернатора, Компании или Короны. Другие уйдут от наказания. Но в Океане станет спокойней. Подумайте об этом, мэтр. И вы, капитан, подумайте. Я знаю, что Компания для безопасности нанимает на каждое судно по магу и ведьмаку, но вы уже миновали самые чёрные воды. При попутном ветре будете в Чердиане дней через шесть, а если что-нибудь... ну, мальчишка-то неплох, верно, Мо? Он справится.

— А если мы откажемся?

— Восемь пушек «Брендана», ведьмак. И Бартоломью никогда не промахивается, мы уж и об заклад года три не бьёмся, без толку.

Энгус Стрела шагнул вперёд и покачал головой:

— Нет, Стефан. Нет!

Тот помедлил. Рамио видел во взгляде напарника усталость и сомнение, но помимо них что-то ещё, чего не мог распознать.

Затем ведьмак опустил нож и отошёл в сторону:

— Простая арифметика; он прав, капитан. Если б мы были на боевом корабле, имело бы смысл. Но эти люди... вы за них отвечаете. Ромио — хороший парень, талантливый маг. Справится. Да, скажите в Чердиане, в конторе Компании, пусть придержат за мной место. Хотя бы на полгода.

Он махнул рукой юнге, который принёс из каюты ведьмачью сумку и перевязь. Подхватил их, обернулся к Ро-

мио что-то сказать. В этот момент распахнулась дверь и наружу вывалился багровый маркиз де Мармотт. В одной руке он держал кафтан с фантазийными узорами (хари да листусы), в другой — заряжённый пистолет.

- Хакландский выблядок! — Маркиз задыхался, губы его дрожали, лицо перекосилось. — К Элизе!.. Своими грязными!.. Да как ты!..

- Вас интересуют подробности, милос...

Грохнул выстрел.

Сразу несколько мужчин бросились к де Мармотту, заломили ему руки.

Ведьмак был в крови. Перед ним, чуть пошатываясь, замер Райнар. Когда и успел допрыгнуть, заслонить?..

- Не смертельная, — пират зажал ладонью рану на левом плече, обернулся. — Но если сейчас же не дадим знать на «Брендан»...

Он не закончил — откуда-то из тумана донеслось: «Целься!»

— Мо! — сказал Райнар. — Бери мальчишку, один не справишься.

Ромио ничего не успел сделать. Чернокожий уже был рядом: опустил на плечи гигантские свои ладони, кивнул. Вот так, вблизи, видно было, насколько маг истощён. Да ведь он, понял Ромио, *уже* держит щит. Всё это время, как только поднялся на палубу, держ...

Ударили сразу изо всех орудий. За миг до этого Ромио машинально обхватил запястья чернокожего своими руками, — «катамаран», простейший приём, основанный на принципе сообщающихся сосудов, в Академии проходили на первом курсе, главное — держать баланс и не опрокинуть «лодку». Потому что сдохнешь быстрей, чем сосчитаешь до пяти, был у них один слу...

Так он пытался отвлечься, но ядра били прицельно, а Мо черпал полными горстями, и Ромио в какой-то момент уже ничего не понимал, только смотрел, как гаснут на мачтах и парусах огоньки святого Ильмо, один за другим,

слишком медленно, слишком неохотно, они же сейчас по новой, мать их, мамочка, как же больно, что ж они заранее не условились о каком-нибудь, холера, знаке, что ж они!..

Очнулся он в полутьме, в покачиваниях и скрипе, и кто-то храпел почти под самым ухом, и это было блаженством: слышать храп и знать, что ты жив.

Он выбрался на палубу. Светало. Впереди видны были точёные силуэты чердианских башен, и лоцман с мостика что-то вполголоса говорил капитану.

— Жив, значит? — хмыкнул квартирмейстер Атанасьо. — Ну, милсдарь маг, ты и силён. Почти неделю провалялся без сознания — и ещё, гляди, способен шканды бать. Богатырь!

— Что с Журавлём?

— А хрен его знает. Уплыл вместе с ублюдками твой Лысый Журавль. Молча и поспешно, пока с «Брендана» снова не начали палить.

— Ничего не сказал?

— Стефан-то? Ни слова. Правда, ублюдок, который под пулю маркизову подставился, что-то бормотал. «Детей берегите, держите в тени», как-то так. Бредил, наверное.

Рамио молча кивнул. Подумал о том, что придётся объясняться с представителем Компании, и пожалел: вот честно, лучше бы уплыл с Журавлём!..

Летучая тень скользнула по палубе перед ним — он вздрогнул и не сразу сообразил, что это мельтешат местные чайки: рыжие, узкокрылые, совсем не похожие на птиц Старого Света... всего лишь глупые чайки.

2

Хрипатый Тередо оказался на удивление молодым, лет под тридцать. Мрачный, черноволосый, отчётливо смердящий мочой коротышка.

— Давай на вёсла, ведьмак, — сказал он, помогая сесть Райнару. Мо уже полулежал, судорожно вцепившись в борта обеими руками. — Что там у вас не заладилось?

Ведьмак молча обрезал конец верёвки, которой для подстраховки был обвязан Райнар. Молча сел рядом с Тередо.

Даже не взглянул на верёвку и лестницу, когда их втягивали наверх.

— Куда грести?

— Ты греби, — сказал коротышка. — А куда — это забота Райнара.

Шлюпка была узкая и старая, на дне плескалась вода. Ведьмак положил сумку с вещами на грудь магу, чтобы не намокла. Там же аккуратно пристроил перевязь с мечом и пистолетами. Посмотрел на Райнара.

Тот кивнул:

— Гребите, нас подберут. — Закрыл глаза. Дышал тяжело, жилет на плече пропитался кровью, и хотя рану пират прикрывал ладонью, сквозь пальцы текло; плохо дело.

— Лекарь на борту есть?

— Слушай, — сказал Тередо, — твоё дело, говнюк, грести, а не умничать. Времени в обрез, а ты будешь тут ещё!..

Ведьмак пожал плечами:

— Ну извини. К слову, я ведь не целился. Это ты под горячую... руку. Или — подожди-ка! — я промахнулся? А запах — твой, родной?..

— Потом, — сказал коротышка. — После всех дел я тебе объясню, хакландское отродье. В доходчивой, слышь, форме.

— Уймись, Тередо, — Райнар даже глаза не стал открывать. — Это милсдарь ведьмак лишний раз хочет убедиться, что мы очень в нём нуждаемся, а просто спросить ему гордость не позволяет. Или дурость. Вы гребите, мэтр, гребите.

— А вы, — отозвался ведьмак, — говорите. Хотите жить — не замолкайте ни на секунду. Потеряете сознание — даже я вас не вытащу.

Он подкрутил усы, застегнул кафтан и сел рядом с Тередо. Коротышка сперва грёб неловко, высоко задирая весло, — брызги так и летели во все стороны; потом приноровился.

Райнар выпрямился, зажал рану оторванным рукавом и правил, кривясь от боли.

— Что ж вы, — спросил, — не предупреждаете об узкой своей специализации? «Ведьмаки не убивают разумных существ», «кодекс превыше всего», «никогда не поднимую руку на живого человека»?..

Ведьмак то ли пожал плечами, то ли приналёг на весло. Сказал:

— Сами знаете. Пока мы в одной лодке, я вас не трону. Потом... поглядим.

Тередо расхохотался:

— Слышишь, Райнар, он нам угрожает! Один жирный засранец угрожает всей команде «Брендана», это ж надо!..

— К тому же, — как ни в чём не бывало продолжал ведьмак, — вряд ли вам не хватает обычных головорезов. Мозгов в их головах — да, пожалуй...

Райнар оскалился в усмешке:

— Напомни мне, много ли ты знаешь команд, плававших под чёрным флагом больше двух-трёх лет? Обычно хватает пятнадцати-восемнадцати месяцев. Одни наживают богатство и навсегда сходят на берег. Другие, уверовав в собственную неуязвимость, попадаются. Третьи просто выжигают отпущенный им запас удачи — и гибнут от пуль, от инфекций, от штормов или диких тварей. Мы ходим в этих водах семь лет, а капитан наш и того дольше. Думаешь, на одном фарте?

— Интересней другое: почему так долго. — Это прозвучало не как вопрос — скорее как диагноз.

— В своё время узнаешь, — кивнул Райнар. — Если окажешься настолько хорош, как о тебе говорят.

Ведьмак обернулся: «Слепой Брендан» уже проступал из тумана. Старое, но всё ещё достаточно надёжное судно. Похоже было на то, что совсем недавно его кренговали: борта были чисты, ни ракушек, ни водорослей. Новые снасти и новые паруса.

А вот команда, видимо, прежняя. Средний возраст пиратов обычно не превышал тридцати пяти лет, редко кто доживал до сорока. На «Брендане», если верить слухам, в основном ходили люди за сорок. Опытные? — да, но уже не такие проворные, как прежде.

Они точно знали, чего хотят. И для этого «чего-то» теперь им понадобился ведьмак.

— Хорош? — переспросил он. — Любопытная дефиниция. Вы уверены, что не ошиблись? Может, вам следовало похитить пару-тройку монахов?

Райнар не ответил. Он всё ещё скалился, но глаза уже закатились, голова медленно откидывалась назад.

— С другой стороны, — пробормотал ведьмак, — от монахов сейчас было бы мало толку.

Он бросил весло, взял сумку и склонился над беспамятным пиратом.

За спиной, пытаясь в одиночку управиться с лодкой, хрипел и рычал Тередо...

3

— Умрёт ли? — переспросил ведьмак. — Обязательно. Все мы смертны, капитан.

Он оглядел каюту и опустился на громоздкий сундук с накладками в виде кракенов. Шляпки гвоздей были им вместо глаз, кованые щупальца тянулись во все стороны, переплетаясь вокруг замочной скважины.

— Крови, — продолжал ведьмак, — вытекло много. Пулю я извлёк, рану обработал и перевязал. Дальше... как повезёт. Но я бы особо не рассчитывал.

— _*Особо*_ он и не рассчитывает. — Капитан сидел за узким, длинным столом и внимательно разглядывал гостя. Руки сложил на груди: культю с протезом поверх здоровой. Собственно, о том, что это культя, даже ведьмак догадался не сразу: некий мастер очень искусно изготовил кисть, под кожаной перчаткой она выглядела как живая. Только пальцы и запястье не шевелились.

Капитану было за пятьдесят, и звали его Ахавель. Переселенцы одно время давали своим детям такие вот выдуманные псевдоэльфийские имена, верили, что это приносит удачу: эльфы отправились на Запад, и мы, мол, туда же... Тогда вообще было в моде всё эльфийское.

По иронии судьбы сам капитан меньше всего напоминал _*Seidhe*_. Седая бородка клинышком, стрелочки усов, узкое скуластое лицо в морщинах. Этакий глава когда-то вельможного рода, с претензиями и амбициями. Но подрабатывающий мясником на рынке. Даже прозвище у него было под стать: Китобой.

— Кстати, о расчётах, — сказал ведьмак. — Ваши люди очень уж настаивали, так что мне пришлось покинуть судно Компании. И таким образом — нарушить контракт. Не знаю, возьмут ли меня снова на борт, но в любом случае придётся платить неустойку. Чертовски большую неустойку.

— Покинув судно Компании, — в тон ему отозвался Ахавель, — вы тем самым спасли людей от смерти, каравеллу от гибели, Компанию от убытков. Однако на «Брендана» мы пригласили вас отнюдь не для развлекательной прогулки, и резонно было бы сразу обсудить условия. Они просты, мэтр Журавль. Вы плывёте с нами и защищаете судно и команду. Затем получаете награду, — он назвал сумму, и ведьмак присвистнул.

— Три тысячи фабиольских дукатов?

— В любом устраивающем вас эквиваленте. Монеты, драгоценности, векселя.

— Даже векселя?

— В трансконтинентальном банке Джианкарди. Всё абсолютно законно. Вы же понимаете, по-другому и быть не может: иначе мы просто не продержались бы на плаву столько лет. Есть доверенные люди, есть способы... Деньги чистые, не беспокойтесь.

— Выращиваете репу на досуге? Расписываете своды в храмах Пельпероны? Разводите кроликов?

— Вкладываю средства в акции Компании, — усмехнулся Ахавель. — И не только. Однако, мэтр Журавль, мы здесь не для того, чтобы обсуждать тонкости моей финансовой политики.

— В самую точку, капитан. Поговорим-ка о том, для чего вам понадобился ведьмак. Прежде вы как-то обходились своими силами. И Вересковый взяли, и с охранниками в гурчианском храме справились, и с людьми вице-губернатора. А то нападение на караван с золотом!.. Надо полагать, всё это изрядно способствовало росту акций Компании.

Ахавель слушал его с едва заметной улыбкой на устах. Наконец кивнул:

— Всё так, мэтр Журавль. Но нынче особый рейс. Последний для «Слепого Брендана».

— Да, Райнар говорил, что после этого якобы все отправятся на берег. Вы-то сами в это верите, капитан? После стольких лет — разом взять и со всем покончить? Хватит духу?

— Я не верю, — сказал Ахавель. — Я знаю. — Он вскинул руку: — Слышите, как скрипят снасти, чувствуете движение? Пока вы заботились о судьбе Райнара, поднялся ветер. Значит, уже скоро. Вам бы отдохнуть, мэтр Журавль. Скоро начнётся. До Межи сутки ходу.

— А что дальше?

— Курс на север-восток. За Межу, в Безумное море.

— Туда, где после Второго Сопряжения Сфер до сих пор не вполне срастились миры? Где, если верить великому Годфруа Альцедору, «завтра играет в пятнашки со вчера, а звёзды стекают по своду небес слезами едкими», где «нет ничего надёжней морской зыби и ничего вернее суждений юродивого»? Отчего бы вам просто не выпрыгнуть за борт, капитан?

— Потому что, — сказал Ахавель, раскуривая трубочку, — мне нужно кое-что отыскать там. Нам всем нужно отыскать. Так что идите и отдохните как следует, мэтр Журавль, — пока ещё есть на это время.

4

Слепой Брендан, вскинув руки, воздел над головой меч. На глазах — чёрная повязка, на лице — решимость и гнев.

Совсем недавно его покрасили заново, но даже в худшие свои годы, облупленный и исцарапанный, Брендан выглядел свирепо. Его прообраз — некий фабиольский судья — ослепил себя, чтобы оставаться непредвзятым. Судья наводил страх на злодеев, деревянный Брендан — на честных мореплавателей. Первый разил во имя справедливости, второй — ради обогащения, и оба были по-своему беспощадны.

Ведьмак стоял на баке и смотрел, как пёстрая фигура с мечом летит над волнами. Справа — со значительно меньшей поспешностью — вздымалось из пучин пылающее солнце.

— Добро пожаловать. — Говоривший подошёл, шаркая по палубе левой ногой: давал понять, что не пытается подобраться незаметно.

Ведьмак обернулся.

— Рады видеть вас на палубе «Слепого Брендана». — Это был старик, лет за восемьдесят, а то и больше. Низенький, согбенный, дряблокожий. Пучки седых волос торчали из ушей, жались к лысине. А вот взгляд голубых глаз был на удивление ясным. — И спасибо за Райнара, мэтр. Мойрус сразу и с ним, и с Мо не управился бы.

— Считайте, я возвращал долг. — Стефан кивнул на матросов, сновавших по вантам. — Они знают, куда мы идём? Вы — знаете?

— О, разумеется, мэтр, разумеется! Мы дружная команда, вот что я вам скажу.

— Ничто так не объединяет, как совместные грабежи?..

Старичок спокойно кивнул:

— Грабежи и убийства. Приятно иметь дело с понимающим профессионалом, милсдарь Журавль. О вас ходят легенды, вы знаете? Та история с грифоньими камнями и супницей... я слышал то ли две, то ли три баллады о ней.

Ведьмак пожал плечами и разгладил усы.

— Думаю, вы достаточно повидали в этой жизни, чтобы не верить балладам. И сказкам.

— Я повидал достаточно, чтобы верить и тем и другим. Но, — спохватился он, — что ж это я, даже не представился! Я здешний кок, а зовут меня Ренни Печёнка. Пойдёмте, покажу наш арсенал. Вообще-то это должен был сделать Мо, однако... ну, вы сами знаете.

Они двинулись к гроту. Старик жестом попросил дать ему руку и шёл, опираясь, иногда пальцы чуть подрагивали. Ведьмак старался идти медленней, подстраиваясь под его шаг. Заодно приглядывался к команде, мысленно завязывал узелки на память.

Матросы провожали эту пару любопытствующими взглядами, некоторые кивали или салютовали. Ведьмак не сразу сообразил, что приветствуют не старого Ренни, а его самого.

Впрочем, были и те, кто хмурился, сплёвывал или отворачивался.

Старик наблюдал за всем этим с лёгкой улыбкой. Похоже, от всей души забавлялся.

— Вы у нас, милсдарь ведьмак, знаменитость. Долгожданный гость, драгоценный. А уж как волновались Райнар с Болтуном, когда им выпала честь отвезти вам приглашение!..

— Зачем он держал щит?

— Что, простите?

— Ваш Мо с самого начала, как только поднялся на палубу, держал магический щит. — Ведьмак расстегнул пуговицу на кафтане и показал медальон: вписанного в круг танцующего журавля. — Я это почувствовал по дрожи медальона, и Мо знал, что я почувствую, верно? Зачем?

Старик поглядел на него снизу вверх, как будто не мог решить, шутит его собеседник или говорит всерьёз.

— Вы нам нужны, мэтр. А в море всякое случается, вот он и подстраховывался. Как видите, не зря.

— А если бы всё пошло наперекосяк? Если б я отказался? Или мы попытались бы захватить всех троих и погасить эти ваши огоньки?

Хватка на его руке стала уверенней и твёрже.

— Тогда мы бы искали другое судно и другого ведьмака. А с вами обошлись бы ровно так, как обещали. Вы ведь знаете: главное в подобных делах — всегда держать слово.

Они спустились по короткому крутому трапу с нещадно скрипевшими балясинами. В узеньком коридорчике, где двое разминулись бы с трудом, Ренни стукнул по двери:

— Здесь моё царство. Заглядывайте, если вдруг. А нам дальше, вот сюда, ага... — В самом конце коридорчика, ближе к корме, была ещё одна дверь — солидная, дубовая. Ренни Печёнка сунул свободную руку за пазуху, подцепил пальцем и вытащил ключ на цепочке достаточно длинной, чтобы не снимая вставить в замочную скважину.

Они вошли в каморку, Печёнка пошуршал и зажёг громоздкий, размером с его голову, фонарь. Поцепил на крюк и развёл руками:

— Вот так. Присматривайте, мэтр.

Клинки стояли просто в деревянных бадьях, как трости в доме какого-нибудь вельможи: мечи, палаши, топоры... Рядом на переборке висели гарпуны самых разных размеров и форм, здесь же — мотки канатов и верёвок. И отдельно, в громадном узком ящике лежало исполинское копьё. Всё древко было в отметинах, точно такие же покрывали лезвие, — круглые, будто кто-то, раскалив добела, прикладывал тыльной стороной металлическую кружку.

— А огнестрельное?

— По другому борту, в точно такой же каморке. Ну и пушки, конечно; насчёт них — к Бартоломью, но попозже, он сейчас отсыпается, лучше не будить.

Ведьмак кивнул и первым вышел в коридорчик. Спросил:

— А вот скажите, почтенный, с чем именно, по-вашему, нам предстоит столкнуться?

Тот фыркнул:

— Будто вы не знаете! Это же Безумное море, дьявол его раздери! Не просто так названо, верно?

— Я имею в виду — что ждёт нас по ту сторону?

Старик погасил фонарь, вышел из оружейной и плотно притворил дверь. Запер, спрятал ключ под рубаху. Из кармана извлёк другой такой же и протянул ведьмаку.

— Знаете, — сказал, — мой отец был тем ещё говнюком. Когда мы садились за стол — пятнадцать голодных ртов, и каждый знает, что досыта ему не наесться, — он повторял одно и то же: «Не хватай больше, чем сможешь проглотить за раз». И бил по рукам, если у кого-то хватало духу ослушаться. Только потом я понял, насколько он был прав, милсдарь Журавль.

Ренни Печёнка пошёл к камбузу, затем обернулся:

— Что бы нас ни ждало по ту сторону, выбросьте из головы мысли об этом, вот что я вам скажу.

— Вам-то самому удаётся?

Старик не ответил — да мог и не отвечать, всё было видно по его лицу.

5

Ведьмак проснулся за пару мгновений до того, как в дверь постучали.

От собственного крика. С некоторых пор — обычное дело, только так он и просыпался.

— Милсдарь Журавль? — Это был один из матросов, угловатый и рослый, со шрамом на шее. — Вот, Печёнка вам передал, ужин-то вы проспали.

Он поставил на сундук миску с похлёбкой, кружку грога и положил рядом пару сухарей.

— Спасибо, — сказал ведьмак.

Матрос помедлил, будто хотел о чём-то спросить, наконец кивнул и вышел.

Ведьмак зажёг свечу в фонаре, накинул на плечи кафтан, достал деревянную ложку и подсел к сундуку. Ел бездумно, рассеянно. Потом проверил содержимое сумки, застегнул на поясе перевязь, достал некую конструкцию из ремней и пряжек, задул свечу и вышел.

Дверь не запиралась ни снаружи, ни изнутри. Он постоял в узком коридоре, прислушиваясь к скрипам переборок и храпу. Обычно на пиратских кораблях кают не было, за вычетом, может, капитанской да штурманской. Здесь же только простые матросы спали в общем трюме или, по желанию, на верхней палубе; у остальных были свои каморки.

Вообще всё здесь выглядело так, будто «Брендана» сразу делали с учётом его будущей «профессии»: лёгкий, стремительный шлюп, приспособленный для сражений и

длительных переходов. За семь лет его добычей не раз становились крупные корабли с лучшим вооружением, но Ахавель так и не сменил «Брендана» на призовое судно. Он либо топил их, либо отдавал за гроши в Чердиане, на чёрном рынке.

На палубе было ветрено, луна то ныряла в тучи, то выпрыгивала — мраморная, звенящая. Ведьмак постоял, прислушиваясь. С капитанского мостика доносилось едва слышное бормотание:

— ...мог поделать, вер-рно? Нужно ведь зарабатывать, едрён корень, тем более две души в доме добавилось... две живых души, да, я знал, что им нелегко после смерти Коринны и её мужа, но ведь я нанял для них наставников, вер-рно? Хороших, лучших наставников! А без меня — долго ли всё пр-родержалось бы? Но я всё равно чувствовал, что виноват перед ними, поэтому и взял их, когда попросили. Ну как можно было не взять? Простое плавание на каботажной шхуне, от порта к порту, ничего такого. Безопасные воды, на каждом мысе по крепости, в крепостях — пушки, нами же за них плачено, верно, дамы-господа? Кто же мог подумать?..

Голос осёкся, судорожно глотнул воздух.

Ведьмак прокашлялся и сделал пару шагов, нарочно ступая на самые скрипучие доски.

— Доброй ночи, милсдарь.

— О! Доброй ночи, мэтр Стефан! Вы... Хорошо ли спали?

— Как убитый.

Штурман кивнул. Фонарь подсвечивал его снизу и сбоку, из-за этого исклёванное язвами лицо казалось ещё более уродливым, а сам штурман — намного старше своих сорока. Длинная трубка торчала изо рта, как древний клык.

— Скоро ли дойдём до Межи?

Он яростно затянулся, пыхнул:

— Если ветер не переменится, ещё до рассвета. Лучше бы вам подготовиться.

— Как раз этим и займусь. — Ведьмак отсалютовал ему и двинулся на бак.

У фока он аккуратно сложил «упряжь», затем спустился в оружейную и принёс оттуда бухту крепкой верёвки. Один конец закрепил у основания мачты, другой — в кожаных гнёздах «упряжи». Прицепил гроздь поплавков, проверил, чтобы крепко держались.

Когда дело было сделано, присел у левого борта. Присмотрел местечко, пока возился с верёвкой; здесь, в тени, его не видели ни марсовый, ни штурман.

Ведьмак вынул из ножен клинок и стал править. Стал слушать.

На каждом судне даже в ночные часы звучат десятки голосов: боцман и квартирмейстер отдают команды, вахтенные ворчат себе под нос, а те, чья смена наступит позже, бормочут во сне. Или разговаривают вполголоса, если не спится.

Сейчас шептались на верхней палубе.

— ...думаешь, справится?

— Это смотря кому верить.

— Пока всё так, как говорил Китобой. До мелочей.

— Ага, вот с ними-то и заминочка. Забыл Китобой о мелкой мелочи нас предупредить. О том, что берём на борт не кого-нибудь, а Кукушонка.

— Слушайте, а может, сам не знал?

— Всё не знал да не знал, а потом вдруг узнал? С самого начала они так и планировали, вот что! Ахавель, и Райнар, и остальные все.

— Правильно, балда, а почему? Потому что Кукушонок этот — лучший! Ту тварь обычный ведьмак не осилит.

— Да и Кукушонок (ежли наш лысый вообще Кукушонок) не осилит. Профиль у него другой. У меня кум мытарем в Новиграде, он рассказывал, как туда о прошлом годе

доставили «Королевскую фортуну». Слышь, ни одной живой души не осталось.

— Да ну!

— Вот те и «ну»! Когда её нашли, акулы вокруг круги наворачивали, аж бесились. Тела-то все лежали в палубе да в трюмах. Где он их прикончил — там и... А кровь, стало быть, текла, и смрад стоял, как на живобойне. Вон они только что из воды и не выпрыгивали.

— Тела?!

— Акулы! И это ж не первый такой случай, мне кум рассказывал, пару раз в год проходит слушок, что очередной пират пропал со всей, слышь, командой. Был — и канул...

— Ну и чё? Обычное дело. Сколько их было, сколько ещё будет...

— Обычное, да. Только потом находят корабли. Мёртвые. Когда с телами, когда совсем пустые, только в крови. И часто — разбитые птичьи яйца. Как знак, слышь. И говорят: это такой вот охотник завёлся, лыцарь, борец за справедливость. Нанимается на судно, вроде как все мы, а потом делает своё дело. Выпихивает, значить, других из гнёздышка.

— И чего, сам-то куда потом девается?

— Может, подбирает его какой корабль в условленном месте, а может, есть у него магические приспособы.

— Или он сам — магик. А заодно — вице-губернатор Фабиольских колоний и Шёлковых островов.

— Ты, балда, не зубоскаль, лучше мозгой пошевели. Если этот наш ведьмак — Кукушонок, у него другое на уме. Не тварь уничтожить, а нас всех.

— Ну и чего до сих пор не уничтожил? Хитрый слишком? Или глупый?

— А я вам всем так скажу: нечего гадать. Никто не знает, Кукушонок он или нет. А что ведьмак, и ведьмак хороший, — это точно, имя его на слуху. Приглядывать за ним надо. Когда перейдём Межу и Китобой раздаст оружие,

держите лысого под прицелом. Я лично не видел ни одного мага, которого бы не остановил добрый заряд свинца. И хватить уже трепотни, спать хочу.

Вахтенный на юте отбил склянки. На миг всё погрузилось в тишину, только таял в воздухе последний удар колокола.

А потом девичий голос за спиной у Стефана спросил:

— Не против, если я с вами посижу?

Спросил над самым ухом, хотя редко кому удавалось подобраться к ведьмаку незамеченным.

Стефан усмехнулся:

— А ваш капитан, похоже, не из суеверных, — и только тогда разглядел, что это не девушка — подросток, мальчишка лет тринадцати, наверняка из «пороховых обезьян». «Пороховые» оттого «пороховые», что обычно подносят ядра и порох, открывают-закрывают пушечные порты, но кроме этого — драят палубы, помогают коку, приглядывают за тем, чтобы вовремя откачивать из трюма воду. В общем, занимаются самой грязной работой на корабле.

На замечание Стефана мальчишка ничего не ответил. Переступил с ноги на ногу и присел рядом с ведьмаком. Двигался на удивление плавно, сам был невысокий, изящный, с тонкими чертами лица. Одежда на нём сидела ладно, выглядела почти новой, и кожа была без ранок и гнойничков. Впрочем, Райнар и Ахавель тоже носили новьё, да и у остальных наверняка было что-то покраше затасканных рубах. Богатый корабль, *фартовый*.

— Давно ты с ними? — спросил ведьмак.

Мальчик моргнул и на миг задумался.

— Лет с семи, наверное... А кажется, что всегда.

— Нравится такая жизнь?

— Лучше не бывает! — Он вопросительно поглядел на ведьмака и потянулся к мечу: — Можно?

— Только не ври, что никогда не держал в руках оружие.

— Конечно, держал, — фыркнул мальчишка. — Тыщу раз! Но это же особый, ведьмачий меч!

— Лесть на меня не действует, учти.

Он протянул клинок рукоятью вперёд. Мальчишка ухватился за неё, подпрыгнул и взмахнул мечом.

— Ух ты! Вот это балансировка! А правда, что на них накладывают чары? И куют особым образом? И закаляют в драконьей крови?

— Нет, неправда.

— А мой брат говорил, что закаляют. И что без чар — никак! — Он тихо засмеялся, и тут же лицо его переменилось, как будто озарилось изнутри молочным лунным светом. — Вот разочаруется, когда узнает! Лучше не говорите ему.

— Он тоже здесь, на «Брендане»?

— Ну конечно! — Мальчишка сделал пару выпадов в пустоту. Руку держал умело, запястье не выворачивал, предплечье не «зажимал».

Запрыгнув на планширь, он, балансируя, пробежался взад-вперёд, соскочил обратно, сделал кульбит и оказался снова рядом с ведьмаком. Всё — за пару-тройку мгновений. Видно было, что «Брендана» он знает от и до и все эти трюки проделывал не раз.

— Славный клинок! — Он бухнулся рядом со Стефаном, хмыкнул и провёл пальцем по лезвию. Тут же и ойкнул, скорей с восхищением, чем от боли.

— Осторожнее.

— А, ерунда! — Мальчишка сунул палец в рот. Поёрзал, вглядываясь в ночь, потом вскинулся: — О, а вот ещё: все говорят, что ведьмаки сражаются только с безмозглыми чудовищами. Ну, с гламанцами, жагницами, скинноками, серпентусами... А вот, скажем, тритонов не трогают. И киноцефалов тоже. Правда?

— В основном так и есть, — сказал ведьмак, помолчав. — «Кодекс Беловолосого» утвердили для всех отделе-

ний Фабиолии, но бывают, конечно, исключения из правил.

— Потому что, — он явно цитировал, — «иногда люди страшнее любых чудовищ»?

— Потому что иногда у тебя не остаётся другого выбора.

Ведьмак протянул руку, и мальчишка, чуть помедлив, вернул меч.

— А потом, — сказал мальчишка другим тоном, каждую ночь вы просыпаетесь от собственного крика, потому что вам снятся кошмары. И понимаете, что сказки про добро, которое якобы можно сделать из зла, — лжёт. Потому что... — Он вдруг замолчал и уставился себе под ноги. Осторожно, не отрывая их от палубы, приподнял одну, затем другую подошву.

Ведьмак покачал головой. Смотрел он не на мальчишку, а вдаль, на волны, вскипавшие барашками пены.

— Нет, мальчик. Не поэтому. Кошмары и прочее - всего лишь часть цены. Просто одни знают это, когда расплачиваются, а другие узнаю́т позже. А тебе, — добавил ведьмак хмуро, повернувшись к нему, — вообще рассуждать о таких вещах рано. Завтра переговорю с капитаном, чтобы...

Он осёкся.

Мальчишка на миг оторвался от созерцания собственных подошв и ухмыльнулся:

— Чтобы что? Ссадили меня в ближайшем порту? Высекли? Поставили в угол?

— Да уж, с ближайшим портом... — Ведьмак потёр шею. — Незадача, верно?

Он хмыкнул, затем небрежно бросил:

— Скажи-ка, а ты вообще знаешь, куда мы идём?

Опешив, мальчишка пару мгновений смотрел на ведьмака, а затем звонко расхохотался.

— Так они не сказали вам? Ни один из них, вот буквально, категорически, абсолютно никто — не сказал?! Ну уморы!

Он завалился на бок, схватившись за живот, и катался по палубе; всхлипывая, фыркая, утирая слёзы. Вроде бы понемногу успокаивался, но при взгляде на ведьмака не мог сдержаться и снова принимался хохотать.

Ведьмак хмурился, но молчал и ждал.

Вдруг откуда-то сверху раздался крик, ещё один, — и паренёк мигом умолк.

— Межа! — кричал марсовый. — Подходим к Меже!

Стефан поднялся — и мальчишка поднялся вместе с ним. На лице его уже не было и тени улыбки.

— Вот что, — сказал ведьмак, — ступай-ка ты пока, дружище, в трюм и не высовывайся!

Он хлопнул паренька по плечу и побежал к себе, переодеться.

6

Когда вернулся, всё вокруг уже переменилось: горели несколько «безопасных» фонарей на реях и бушприте, сонные матросы выбирались из трюма и карабкались по вантам, чтобы убавить паруса. Одноглазый матрос с огненной шевелюрой, пристроившись рядом со штурманом, пиликал на скрипочке «Три гребка до постели».

Пробегавший мимо Тередо при виде ведьмака хохотнул:

— Эй, _*мэтр*_, да ты, я гляжу, тот ещё модник!

На Журавле был диковинный, плотно облегающий костюм из выдубленной кожи. Открытыми оставалось только лицо да кисти рук. На бёдрах и груди были карманы, за поясом с ножнами — перчатки. И никаких украшений, вообще ничего лишнего.

На смех ведьмак даже не обернулся.

— Шевелись, Тередо, — рявкнул боцман. — Успеешь ещё признаться нашему гостю в любви. — Он запрокинул голову и заорал, брызгая слюной: — Живее, покойнички! Ворочайте костьми, сукины дети!

Рот у него был обезображен язвочками, половину зубов боцман потерял, взамен ему поставили искуственные, но поставили неудачно, торчали они в разные стороны, придавая лицу вид одновременно угрожающий и комический.

— Я встану здесь, на баке, — сказал ведьмак. — Не помешаю?

Боцман фыркнул:

— Как по мне, где б ни стоял, везде будешь мешать. Он сплюнул... то есть теперь сделал это целенаправленно. — Ахавель с Райнаром так решили, их право. А я считаю, мы бы сами справились, без вашего ведьмачьего вы сочества.

Он отвернулся и зашагал к корме, выкрикивая приказы да время от времени дуя в свисток.

Ведьмак присел у мачты и надел на себя «упряжь». Затянул ремешки, подправил крепления, чтобы нигде не натирали и не сковывали. Ещё раз проверил, надёжно ли крепится верёвка. Кто-то уже успел аккуратно её перерезать, причём узел оставили целым.

Ведьмак усмехнулся и привязал заново.

Уже рассвело; небо над головой, однако, было мутно-бледным, и такого же цвета — поверхность воды. Океан вскипал бурунами, и волны ходили ходуном, вспухали и расплёскивались, сталкиваясь друг с другом. Пахло чем-то скверным, то ли вскрытой могилой, то ли выгребной ямой.

На палубе рядом с фальшбортом растеклось бесформенное чернильное пятно. Кто-то из матросов, пробегая, наступил — и теперь оставлял везде вязкие смердящие следы. Боцман бесновался и пытался выяснить, кто, едрён корень, нынче драил, мать его, палубу?!..

Рядом со штурвалом появилась худая фигура Ахавеля. Капитан сложил руки на груди и какое-то время наблюдал за командой, затем дал знак штурману, тот добыл из шкафчика жестяной рупор и, вынув трубку изо рта, прогремел:

— Лавур! Внимание на мостик!

— Внимание на мостик, волчье семя! — эхом отозвался боцман. — И тишина, жабьи выродки! Капитан будет говорить!

Замолчала скрипочка, оборвались разговоры.

Штурман протянул рупор, но Ахавель и не думал его брать. Сказал громко и внятно, так, чтоб услышали все:

— Вон у фока стоит человек, ради которого мы позапрошлой ночью рисковали шкурами. Стоило оно того? Некоторые из вас думают, что нет. Но вот он у фока, и если зрение меня не подводит, — нынче же готов рискнуть своей шкурой ради наших. Что ж, мне это по сердцу! А вам?

Команда ответила рёвом, свистом, кто-то колотил кулаком о крышку бочки, другой лупил захалявной ложкой по планширю.

— В общем, — сказал Ахавель (и шум стал стихать), — в общем, вижу, возражений нет.

Он криво усмехнулся. Было очевидно, что появись они, эти возражения, и капитан вбил бы их строптивцу в глотку.

— Значит, так. На случай, если вдруг кто ещё не познакомился — это наш новый член команды, мэтр Стефан Журавль, можете не любить, но извольте жаловать. Сейчас мы на Меже, скоро её пересечём. И тут уже, милсдари, наше дело — слушаться ведьмака. Беспрекословно, как меня самого. Вопросы есть?

— А если, — спросил Торедо, — он нам велит за борт дружно прыгать? Или там...

— Первым и прыгнешь, — оборвал его капитан. — Но сперва поблагодаришь мэтра за добрый совет. Ещё вопросы?

Коротышка лишь склонил голову да бросил на ведьмака косой взгляд.

Ахавель кивнул боцману, и тот снова завопил кротовьим ублюдкам, чтобы пошевеливались. Похоже было,

что во времена оны кривозубый Лавур штудировал бестиарии от корки до корки, с живейшим интересом, — и не без пользы.

Ведьмак подозвал его — боцман нехотя повиновался.

— Всех лишних людей отправьте в трюм или куда угодно, но чтобы на палубе зевак не было. Дальше: отоприте оружейную и поставьте людей цепочкой, пусть будут готовы по первому же приказу подать что скажу. И самое главное, — добавил он погромче, для остальных, — что бы ни происходило, самим не дёргаться. Какие бы твари откуда ни пёрли, пока не велю, — молчать и ждать. Или уж лучше сразу прыгайте за борт.

Многие невольно покосились на волны. Те словно тряслись в падучей и исходили пеной, у поверхности зависла белёсая дымка, над нею то и дело вспухали буруны. И пока корабль шёл, дымка поднималась, а они словно опускались под воду, тонули! Вот дымка добралась до пушечных портов, захлестнула их, встала вровень с планширем (буруны продолжали взвихрять её поверхность!), вот дымка лизнула языками палубу, хлынула через поручни, расплескалась, накрывая босые ступни, бухты каната, а вот уже подступила к коленям, к поясу, вот оказалась на уровне груди, и кто-то невольно вскрикнул, фонари светили тускло, один зашипел и погас, дымка была у подбородка, носа, глаз, одним лёгким колыханьем взметнулась выше — и корабль пропал: теперь его не видели ни те, кто стоял на палубе, ни те, кто был на мачтах.

Ведьмак на ощупь сел у фока и принялся ждать.

Они плыли сквозь белёсое млечное нечто — может быть, мгновение, а может, намного дольше. Ни малейшего движенья, ни тени, ни звука.

Потом на юте запела скрипочка, и раздались нестройные голоса, два или три, но к ним быстро присоединились новые.

— Ловите ветер
Всеми парусами!
К чему гадать?
Любой корабль — враг!
Удача — миф!..

Дымка дрогнула и поплыла — первое движение с тех пор, как мир вокруг растворился и пропал.

Теперь уже пело всё судно, только ведьмак молчал.

Потом он увидел, как дымка впереди редеет — и поднялся.

— ...Бросайте за борт
Всё, что пахнет кровью!
Поверьте, что цена невысока!

На палубе прямо перед ним лежали две гибкие полупрозрачные трубки. С клешенками на концах.

«Слепой Брендан» покачнулся вперёд, едва не зарылся носом в волну. Сзади справа закричали, и металл ударил о дерево. В воздух взметнулась ещё одна прозрачная трубка — уже без клешенки.

Тем временем через борт прямо на ведьмака ползло нечто массивное и изящное. Взмахивало многочисленными конечностями, скребло когтями по дереву, мигало недоумённо, обиженно.

Глаза у твари были на толстенных стебельках, щетинистый хвост скородил по борту. И в общем, если бы не перепончатые крылья, создание можно было аттестовать как креветку-переростка.

— Ну вот, привет, — сказал ведьмак. — А так хотелось без беготни. Боцман! — крикнул он, не оборачиваясь. — Гарпун, и чтоб лезвие подлинней!

Креветка кое-как вскарабкалась на нос и пару мгновений стояла, бездумно покачивая в воздухе двумя длинными плетевидными конечностями. Одна была чуть короче другой, с обрубка капала на доски зеленоватая жидкость.

— Ну и где?!.. — ведьмак грузно обернулся и нос к носу столкнулся с дрожащим матросиком. Тот на вытянутых нёс гарпун, но глаз не сводил с твари.

— Тащи-ка на всякий случай ещё один, — велел ведьмак. — Да под ноги смотри, убьёшься же, дурень.

Креветка между тем передохнула и, поразмыслив, пришла к выводу, что усекновение конечностей глубоко противно её природе. Стремительно развернувшись, тварь выбросила вперёд уцелевшую хватательную лапу. Ведьмак увернулся, поднырнул и в два прыжка оказался перед заострённой мордой. Усики, лапки, клешенки потянулись к нему. Он снова увернулся, легонько ткнул остриём в мягкое — и отпрянул к борту. Креветка по-женски протяжно застонала и прянула за ним.

Он снова ударил, увернулся и отступил.

Следил, чтобы не запуталась верёвка, вытравливал помаленьку. «Брендан» шёл споро, но плавно, не дёргал.

Креветка наседала. Ведьмак уворачивался и вёл. Здесь главное было — не сбавлять темп.

Уже когда оказались возле самого борта, что-то отвлекло тварь. Она замерла, вскинув к небу многочисленные передние лапы: длинные и короткие, тонкие и пенькообразные, с клешнями, коготками, зубчиками...

А потом — захохотала.

Боцман, воткнувший ей в брюхо второй гарпун, опешил. Затем сплюнул и налёг на древко, вгоняя поглубже. Хлынула молочного цвета жидкость, брюхо было огромным, разбухшим.

— Ах, чтоб тебя, — тихо сказал ведьмак.

Края раны разошлись, и оттуда прямо на палубу ринулись круглобокие суставчатые твари, каждая размером с плошку. Креветка продолжала хохотать, звук был механический, бездушный. Ведьмак взмахнул острогой, как косой, и срезал целый пучок всех этих усов-ножек-клешенок. На втором ударе лезвие застряло в панцире — хоть и прозрачном, но жёстком.

Ведьмак сделал два шага назад, встал на планширь. Точно так же перед рассветом там стоял мальчишка. Балансировать удавалось с трудом, поверхность была гладкой и склизкой.

А впрочем, долго балансировать не пришлось — тварь наконец прыгнула, сшибла ведьмака, и они вдвоём рухнули за борт.

Их накрыло волной. Когда верёвка до предела натянулась, Стефана рвануло за пояс и плечи.

Выпотрошенная креветка, удерживая ведьмака одной уцелевшей клешнёй, загребала крыльями. Сперва плюхнулась в воду, потом стала подниматься... лапы били по поверхности, как будто тварь бежала по ней.

Из набедренного чехла ведьмак достал кинжал и в три скупых удара освободился от клешни. Другой рукой уцепился за глазной стебелёк.

Брызги летели в лицо, в глаза, в ноздри. Его снова рвануло, теперь сильнее. Выпустив кинжал, он подтянулся и лёг, распластавшись на каплевидной шипастой голове.

Над головой били по воздуху крылья. Креветка летела над волнами, держась справа и чуть позади от «Брендана». Из разорванного брюха в волны капала белёсая жидкость.

— Сейчас будет... Ещё веселей... — Он привстал, отыскивая взглядом щель между головогрудью и брюшком. Но развернуться толком не удавалось, верёвка тянула вперёд, вдавливала в креветочий панцирь.

Запустив руку в другой набедренный чехол, он нащупал ещё один кинжал и перепилил верёвку перед поплавками.

С «Брендана» доносились крики, выстрелы, глухие удары. Кто-то рухнул за борт.

Креветка спикировала, продолжая надсадно хохотать. Ведьмак привстал и мягко, будто медикус на операции, опустил лезвие в зазор между двумя частями панциря. Это

было просто, если знать, где именно находятся нервные узлы.

Намного проще, чем удержаться на падающей в море креветке.

Его ударило, перевернуло, потащило на дно. Выпустив рукоять, Стефан в три мощных гребка вынырнул, в лицо ударило волной; отплёвываясь, он пытался разобрать, что где.

Вода здесь была тёплой, чистой и на удивление спокойной; небо над головой — нежно-голубым, будто фушелянский фарфор.

Первый труп ведьмак заметил почти сразу. Матрос покачивался на волнах, лицом вниз. Под рубахой у него шуровали те самые суставчатые твари. Одна сидела между лопатками и что-то уминала, помогая себе клешнями.

Ведьмак сделал крюк, чтобы не привлекать внимание.

Затем отстегнул упряжь, выбрался из костюма. Выдубленная кожа местами превратилась в лохмотья, но это было нормально. На рейс между Новиградом и Чердианом уходило таких костюмов с десяток, это ещё повезло, что один остался. Водонепроницаемость у них была слабая, намокали быстро, однако спасли жизнь не одному ведьмаку.

Стефан сбросил с себя костюм и упряжь, проследил за ними взглядом. Сквозь прозрачную воду далеко внизу чётко проступало дно — точней, дна-то как раз видно не было, его закрывали корявые, ломаные силуэты. Чёрное, коричневое, лазуритовое, алое, золотое... Обломки и фрагменты, кости, остовы.

Десятки, сотни кораблей.

Он узнавал зубчатые надстройки на коггах и позолоченные узоры на бортах каравелл, различал резные морды драккаров Скеллиге, длинные форштевни нильфаггардских холков, лебединые силуэты _*ciryar*_ Старшего народа. Они лежали вперемешку, — раздробленные, уничтоженные, униженные — корветы, бриги, баркентины, ка-

рикки... и между ними скользили змеиные тени, из полумрака смотрели на ведьмака холодные, круглые глаза.

Он отвернулся от них и поплыл, сильно, размеренно загребая руками. «Брендан» был ещё в поле зрения, но неблизко. Следовало поберечь силы.

Если они там увлеклись нечаянными гостями и не догадались спустить паруса...

Боцмана он узнал по обращённой к небу кривозубой ухмылке. Плыл боцман лениво, раскинув руки; то погружался под воду, то снова выныривал. Верёвка намертво обвивалась вокруг его лодыжки, а поплавки не давали телу уйти на дно.

В общем-то, чистое везение, конечно.

Две круглобокие твари выбрались из-под рубахи и сидели, поводя в воздухе передними лапками. Ещё одна выглянула из-за боцмановых зубов, скрежетнула тревожно. Были раскрашены в жёлтое и чёрное, как осы; а значит, почти наверняка ядовиты.

Ведьмак нырнул. Снизу орудовали ещё три: ухватились четырьмя-пятью парами лап за ткань, остальными разрывали её на части, терзали плоть.

Стараясь не вспугнуть, ведьмак подгрёб и потянулся к правому сапогу боцмана. Сперва хлопнул по голенищу; когда оттуда ничего не выскочило, не выплыло, — запустил руку и достал короткий нож с широким лезвием.

Поддел остриём верёвку — та держала крепко, узел захлестнулся на лодыжке и потом намертво затянулся.

Стефан вынырнул, отдышался. Все три сидевшие сверху твари перебрались на боцмановы ноги. Не ели — ждали.

Он тоже выждал: тело уплывало вслед за кораблём, при других обстоятельствах можно было бы просто плюнуть на всё и добираться так. Но рисковать не стоило, не с этими чёрно-жёлтыми.

Снова нырнул, ухватился за верёвку и стал пилить — осторожно, но быстро. Все трое заволновались, зачирика-

ли, потом разом метнулись по правой ноге к ведьмаку. Стефан отмахнулся — неудачно: одна повисла на запястье, впилась когтями в кожу. Сразу же и ужалила, раз, другой, третий...

Он перехватил нож левой рукой, ударил аккуратно и спокойно, снизу вверх, поддев и оторвав от кожи.

Двое других «новорождённых» внимательно наблюдали, но не двинулись, даже когда он снова стал перепиливать верёвку.

Рука начала опухать. Он наконец справился с верёвкой и пару минут позволил себе отдохнуть, привязав конец к поясу. На корабле уже не кричали, но что именно там творилось, было не разобрать. Оглянулся: боцман с каждым мгновением оказывался всё дальше.

Ведьмак сунул нож за пояс и стал перебирать руками по верёвке; спешил, пока правая ещё не отказала.

Паруса действительно приспустили, но шлюпку за ним и не думали посылать. Были у них сейчас хлопоты поважнее.

Он разглядел, как на носу несколько человек стали цепью и словно бы сдерживали кого-то, ему не видимого. Потом в поле зрения появился старый Ренни Печёнка. В руках у кока был тесак на длинной ручке, и Ренни резко и твёрдо бил лезвием по палубе — как будто разделывал тушу.

— Эй, — позвали с квартердека. — Вы как?

Свесившись через планширь, на Стефана уставился давешний мальчишка.

— Ого, — сказал, — ну и видок у вас. Краше в гроб кладут.

Ведьмак понял, что уже какое-то время просто пытается удержаться на плаву. Он не помнил, когда сделал на верёвке петлю и захлестнул на правой руке, но, в общем-то, лишь это и спасало.

Запрокинув голову, он обнаружил, что мальчишка исчез.

На носу Ренни продолжал методично работать тесаком. Летели щепки и влажные ошмётки. «Огня бы! — шипел кто-то. — Огнём бы их!..»

— Держите! — Рядом с ведьмаком в воду упал канат, да ещё и с — гляди-ка! — скользящим узлом.

Конечно, надо было спросить у мальчишки, надёжно ли тот закрепил другой конец, но даже на это сил не осталось. Стефан пропустил в петлю здоровую руку, набросил на голову, начал распускать другую петлю, на правой, — и вдруг всё поплыло, как будто ведьмак снова оказался на Меже.

Только теперь в тумане сгинул не корабль, а он сам.

7

Ведьмак лежал на палубе. Пахло то ли выгребной ямой, то ли раскопанным курганом. Первое, что он увидел, открыв глаза, была чёрно-жёлтая тварь. Разрубленная пополам.

Стефан попытался шевельнуть правой рукой — та словно одеревенела.

— Живей, живей!.. — невозмутимо произнёс кто-то у него над ухом. — За борт эту срань.

Говоривший обладал густым раскатистым басом с отчётливым краснолюдским акцентом.

— Да, ставьте фок и марсели, капитан велел убираться отсюда как можно скорей.

На ведьмачье горло легли твёрдые, мозолистые пальцы. Он вслепую ударил левой рукой — и промахнулся.

— Ага, — сказал басовитый, — ну, я собирался прощупать пульс, но так тоже годится: значит, жив, хвала богам. Лежи-лежи, не ворушись. Будем знакомы: я — Бартоломью де Форбин.

Стефан попытался что-то сказать, но не смог. Закашлялся, приподнялся и сплюнул на ладонь широкий изжё-

ванный листок с алыми прожилками. Похоже, пока ведьмак лежал в беспамятстве, кто-то свернул и положил листок ему под язык.

— Дозволь-ка. — Седой краснолюд в громадных ботфортах, нагнувшись, подцепил находку двумя пальцами. Растёр, принюхался. — Ага, ну ясно, пламяница. Подфартило тебе, милсдарь. Ещё есть?

— Откуда? — хрипло спросил ведьмак.

— Этот же был, мало ли. — Краснолюд бросил листок под ноги, рявкнул матросам: — Ну-ка поможите поднять ся мэтру Журавлю!

Двое бросили швабры и подхватили ведьмака под мышки. Он скривился: к руке постепенно возвращалась чувствительность, и это было чертовски больно.

— Я сам, спасибо. — Он огляделся и покачал головой: — Сколько их было?

На носу лежали тела четверых моряков. Двоих изрубили в клочья, рядом валялись ошмётки чёрно-жёлтых тварей.

— Двадцать девять, — сказал Бартоломью. — Благо почти все сразу ж присосались к Видену и Замзону.

— И, — добавил Стефан, — кто-то догадался принести Ренни тесак.

Бартоломью молча кивнул.

— Общие потери?

— Эти да плюс трое выпавших за борт: Лавур, Скавр и Гасто — придурок, который не послушался твоего приказа и заварил всю эту кашу. Ты-то как, мэтр?

— Придётся пока справляться одной рукой. И подобрать новый меч... и кинжалы... Как там Мо? Было бы не плохо, если б он подменил на ближайших несколько часов.

К ним, аккуратно обогнув пару тёмных смрадных пятен, шаркающей походкой приблизился Ренни Печёнка.

— Болтун, — сказал, — пошёл на поправку и рвётся в бой. Но пока вам обоим надо отлежаться, вот что. Не хватало ещё, чтоб вы себя угробили.

— А разве не для этого вы меня взяли на борт?

Печёнка лишь усмехнулся.

Матросы между тем продолжали наводить порядок: опилки тварей сбрасывали за борт, тела зашивали в парусину...

Капитан поднялся на мостик. Правая штанина была разорвана, лицо бледное от ярости. Прежде всего отчитал штурмана за то, что он вместе со всеми уничтожал тварей.

— Твоё дело — штурвал, милсдарь Родриго. Сам знаешь.

Тот склонил голову:

— Виноват, капитан.

— Что с курсом?

Родриго Двухголосый выпустил из трубки клубы сизого дыма. В который раз сверился с компасом, кашлянул:

— Кажется, не сбились. Я ведь штурвал закрепил... перед тем, как...

Ахавель хотел было что-то добавить, но заметил ведьмака и передумал. Хмурясь, подошёл к Стефану и Бартоломью с Печёнкой; на ходу достал и набил свою трубочку, поджёг, затянулся...

— Видели вы прежде подобных тварей? Я — нет.

— Тысячу раз, — сказал ведьмак. — Только все они были не больше ногтя на моём мизинце. Это паразиты, живут в представителях рода _*Psalidopus*_. Попросту говоря — в тропических креветках, которых вам наверняка доводилось есть.

— И после этого, — проворчал Бартоломью, — люди смеют пренебрежительно отзываться о пирогах с ежатиной!..

— А что дальше? — спросил у ведьмака Ахавель. — Медузы размером с курган? Черепахи, к которым можно будет пристать, как к острову?

Ведьмак задумчиво покрутил ус.

— Вряд ли. В Безумном море, конечно, встречаются реликтовые виды, но... Я бы скорее ждал других чудес. Менее... материальных, если хотите.

— Не хочу: в прошлый раз я насмотрелся досыта. Вот что, милсдарь Стефан, ступайте-ка к себе и отдохните как следует, на вас лица нет. Если вы нам понадобитесь — позовём. Поешьте, обработайте раны, поспите. Медикусом у нас Мойрус, он к вам заглянет, как закончит с остальными.

Ведьмак отмахнулся:

— Я сам управлюсь, ничего страшного. А что, часто вы бывали на Меже?

— Не часто, — сухо ответил капитан. — Бартоломью, помогите мэтру спуститься и сопроводите в каюту. Ренни, будь добр, займись обедом, раз уж завтрак мы пропустили. И отправь кого-нибудь проведать Райнара, всё ли с ним в порядке.

— К Райнару я загляну, — сказал ведьмак. — А то ведь так до сих пор и не поблагодарил, куда это годится?..

Капитан кивнул и отвернулся, потеряв к нему всякий интерес.

8

Райнар лежал, прикрыв глаза, но как ни бесшумно двигался ведьмак, — вскинулся на подушке и сунул руку под матрас. Потом захохотал:

— Вот уж не думал!

— О чём именно?

— О том, что ещё буду цепляться за жизнь. — Он вынул руку — пустую — и положил поверх одеяла. — Ого, тебе, я гляжу, досталось. И если слух меня не подводит, они там все живы, а?

— Более-менее, — сказал ведьмак. Поставил рядом с кроватью две миски, две кружки, выложил сухари.

Какое-то время они просто ели и молчали. Слышно было, как на палубе меланхолично вздыхает скрипочка.

— А знаешь, мы с Ахавелем бились об заклад. Когда именно ты попытаешься... — Райнар шевельнул большим пальцем. — Он поэтому так и спешил к Меже.

— Поэтому?

— В Безумном одному не выжить, и тебе это известно. Однако у тебя были в запасе сутки. Печёнка собирался что-нибудь подмешать в еду, неопасное и снотворное, только ты уснул раньше. А потом мы оказались слишком близко к Меже, не хотели рисковать. Мо без сознания, я в постели, ещё и тебя лишиться...

Он извернулся, пристроил подушку поудобней и теперь сидел, изучая ведьмака пристальным холодным взглядом.

— Так почему?

— А я смотрю, вы почти поправились.

— Перестань, пятна на коже ты видел. Не заразное, но смертельное, да? Ты ведь в этом разбираешься, милсдарь Стефан.

— Разбираюсь. — Он допил из кружки и промокнул усы выцветшим платком. — Давно началось?

— Вот как раз после Гурчиана, после храма Пельперо-ны. Так что, будь я посуеверней... — Райнар закашлялся, затем провёл рукой по губам. Пальцы были красные. — Ну, в общем, ладно. Так почему ты... Почему мы все до сих пор живы? Если я правильно понимаю, времени у тебя было достаточно. По крайней мере, мог попытаться.

— Не люблю врать, — сказал ведьмак, — поэтому не стану утверждать, будто рад, что ты пришёл в себя. По правде, это ненадолго, мы оба знаем. Но если будешь бороться, может, протянешь неделю-другую. Считай, это моя благодарность за то, что подставился под пулю. Хватит тебе недели, чтобы увидеть исполнение того, что задумали?

— Ты дашь нам целую неделю? — усмехнулся Райнар. Ведьмак молчал и смотрел ему в глаза. — Хватит, — сказал пират. — Должно хватить. Сдохну, но продержусь, поверь!

Ведьмак кивнул и шагнул к двери.

— Да, — сказал, уже взявшись за ручку, — мальчишка — это зря. Не стоило его брать, сами же понимали, куда плывёте.

Пират отмахнулся:

— Мойрус уже взрослый, и толку от него на этом судне больше, чем от других-некоторых. И интерес свой тоже имеется. Э, да не из-за парня ли ты часом передумал, а, мэтр?

Ведьмак вскинул бровь:

— Передумал? О чём ты?

Он вышел от Райнара и немного постоял, прислушиваясь к тому, что творилось на палубе. Перед тем как наведаться к своему спасителю, ведьмак оделся и принял пару микстур из сумки. За это время, похоже, палубу уже расчистили, а сейчас приводили в порядок рангоут и такелаж. Судно шло небыстро, но ровно; это хорошо, значит, не рискуют сесть на мель. Островов, если верить слухам, в Безумном море немало, и не все вот так сразу заметишь...

Он собрался было к себе, но передумал. Дошёл по коридорчику до конца и постучал в узкую обшарпанную дверь.

— Да-да, — ответил усталый голос, — входите. Я же предупреждал, чтобы сразу обращались, если у кого раны, даже царапины. Эти твари...

— Я, в общем-то, не за этим, — сказал ведьмак. Можно?

Судовой врач ютился в каютке, основной достопримечательностью которой были навесные шкафчики. Они росли из переборок, образуя своеобразный угловатый свод; многие разделяло расстояние, достаточное лишь для того, чтобы приоткрыть дверцы. Все дверцы были испещрены

буквами, а также алхимическими и астрологическими символами. И ещё засовы — на каждой были надёжные, потемневшие от времени засовы.

Возле единственного оконца, за узким столом, скорей напоминавшим подоконник, сидел паренёк.

— Милсдарь Мойрус?

Он захлопнул книгу и поднялся, одёргивая мешковатый камзольчик:

— А вы, должно быть, мэтр Журавль? Как ваша рука?

— Рука в порядке, спасибо, пламяница очень помогла.

Пареньку было лет восемнадцать, не больше. Он живо переменился в лице, заулыбался:

— Пламяница?! Это огромная удача, что вам удалось её раздобыть! Разрешите?..

Он деликатно, практически неощутимо прикоснулся тонкими пальцами к запястью ведьмачьей руки, потом закатал рукав и внимательно оглядел кожу.

— Да, — после паузы сказал Стефан. — Действительно, большая удача.

— Знаете, как ни готовься... — Мойрус огорчённо покачал головой. — Всё в последний момент, в спешке!.. Потом смотришь: те травы пересушены, эти покрылись плесенью... У прежнего врача были безумные запасы бродячьего териака, ну, знаете, того, что попроще, — да толку от этих запасов?! — Он взмахнул руками, задел плечом один из шкафчиков, но, кажется, даже не почувствовал боли. — Люди умирают, а я ничем не могу помочь!

— Давно вы ходите на «Брендане»?

— Да нет, что вы! Впервые! Иначе я бы... больше пользы бы тогда от меня было, вот что. Выбросить к чертям собачьим половину того, чем забиты эти полки, запастись годными медикаментами...

Стефан покивал.

— Студент?

— Н-ну... да. Я вообще-то не медик, я — по древним языкам, но сами понимаете, на судне от всех должна быть

польза. А я немного разбираюсь в травах и в анатомии, у нас в Оксенфурте сейчас это обязательные курсы, с перво го по третий, без них никуда.

— Давненько я там не был, — кивнул ведьмак. — И что, как вам на «Брендане»?

— Не знаю, мне сравнивать не с чем. Команда в основ ном бывалая, они вместе не один пуд соли съели. Но есть и те, кого нанимали вместе со мной... нет, не в университе те — в порту! Меня-то взяли потому, что прежний судовой врач погиб... вот я и... совмещаю...

Он смутился и замолчал.

— Из-за брата? — осторожно спросил ведьмак.

Мойрус моргнул:

— Н-ну... да. А вы откуда?.. Хотя, что я!.. Это очевид но, да? Из-за чего бы я ещё...

— Думаете, удастся его спасти?

Паренёк нахмурился:

— Как это можно знать заранее? Но я сделаю всё, что в моих силах, уж поверьте! Шансы есть...

Стефан задумчиво пощипал усы.

— Вот что, милсдарь Мойрус, — сказал наконец. — У меня к вам деловое предложение. Честная сделка. Я по пытаюсь вам помочь.

— Попытаетесь спасти Луку?

— Точно так. Однако взамен пообещайте: если у меня ничего не выйдет, вы покинете судно. По первому моему приказу, без споров и без промедления.

— Но вы можете ошибиться! Ведь никто наверняка не знает...

— Я старше вас, милсдарь Мойрус. — Он протянул руку и аккуратно положил на плечо паренька свою мас сивную ладонь. — Живого я вытащу во что бы то ни стало, поверьте.

Мойрус сглотнул, но выдержал и его ладонь, и его взгляд.

— Почему я должен вам верить? Я слышал, как люди шепчутся... о разном.

— Вы слышали, как люди шепчутся о том, что я запросто перережу целую команду, — спокойно сказал Стефан. — Что я делал это не раз. Но если вы готовы верить в это, отчего бы вам не поверить в нечто более правдоподобное?

— В вашу добрую волю?

— В то, что человеческая жизнь стоит чуть больше медяка не только в ваших глазах, милсдарь лекарь. Так вы согласны?

Паренёк молча кивнул.

— Значит, договорились: по первому же моему приказу!.. Приглядите шлюпку покрепче, не ту хлипкую, которую присылали за мной. И понемногу, чтобы не заметили, откладывайте припасы. И компас надо будет раздобыть... Да, учтите: припасы — на троих.

— Кто будет третьим?

Стефан пожал плечами:

— Лука, кто же ещё. Я ведь сказал: спасу во что бы то ни стало.

Мойрус опустил голову и как будто о чём-то размышлял.

— Но зачем нам всё это до того, как мы попадём на...

— Остров! — закричали с палубы. — Остров! Справа по курсу остров!..

9

Разумеется, Ахавель искал за Межой остров — что же ещё? — однако наверняка не тот, в виду которого они сейчас проходили.

Да и можно ли было назвать это островом?

Из моря к небесам вздымался снежно-белый столп — идеально круглый в сечении, гладкий, испещрённый ла-

зурными прожилками. Корабль плясал на волнах, и порой казалось, что столп обвивает по спирали лестница в тысячу ступеней. Ступени мерцали, то пропадали из виду, то вновь появлялись. Нижнюю робко лизали волны; на ней видны были отпечатки подошв, ещё мокрые.

Четырёхпалые отпечатки, величиной превосходящие человеческие раза в полтора.

Верхушка столпа скрывалась в седых облаках.

— Левей! — рявкнул Ахавель с мостика. — Бери левей, чем дальше, тем лучше.

Высыпавшие на палубу моряки вздрогнули, втянули головы в плечи, многие то и дело с опаской поглядывали на облака.

Кто-то ахнул и указал пальцем на столп. Ступени как будто вспыхнули и вдруг стали чётче видны. Они уже не мерцали. Но при этом чуть колебались, как будто по ним кто-то шагал. Спускался.

«Брендан» накренился, выполняя поворот, и ведьмак, машинально ухватившись за ванты, заметил, как побледнело лицо капитана. Ступени дрожали, но Ахавель и глазом не моргнул. Он достал из кармана кисет, из другого трубочку и принялся набивать её табаком. Обе руки — родная и искуственная — служили ему одинаково исправно.

Между тем над водой снова поднялся туман. Не тот, что был на Меже, а другой, редкий, то и дело разгоняемый порывами ветра.

Столп скрылся из виду, однако почти сразу же они услышали, как впереди нарождается низкий ревущий звук, и марсовый крикнул, чтобы брали правей.

— Что там? — спросил капитан.

— Не знаю!

Ахавель повернулся к краснолюду:

— Де Форбин, впредь посылайте в воронье гнездо тех, у кого всё в порядке не только со зрением, но и с мозгами! Что значит...

Но тут завеса из тумана на миг разошлась, и Ахавель сам всё увидел... они все — увидели.

Прямо по курсу море обрывалось в никуда. Как будто неведомый исполин ударил молотом и оставил вмятину на ровной поверхности. Там, где вода обрушивалась в бездну, вставали радуги, тысячи радуг, перетекавших одна в другую. А из центра пропасти возносился на пушистом стебле цветок: широкие алые лепестки трепетали на ветру, сердцевина источала густой аромат, одновременно приторный и манящий.

— Де Форбин, право руля! — велел Ахавель, раскуривая трубочку.

Следующих часов пять он провёл на мостике, отдавая скупые команды да с невозмутимостью обновляя в трубке табачок. Ахавель вёл судно сквозь туман, мимо призрачных островов и скал, мимо ледовых полей и участков моря, исходивших фиолетовым паром; вдогонку «Брендану» неслись гимны, что пели черепахи с детскими головами, и проклятия крабов, семенивших на стройных женских ногах; и с четверть часа за кораблём следовал говоривший на разные голоса дельфин, а в волнах то и дело попадались странные предметы и диковинные цветы...

Позвали Болтуна, и чернокожий колдун молча встал у бушприта. Он опирался на громадных размеров гарпун, украшенный возле лезвия связкой бус и перьев; в другой руке Мо держал погремушку, то и дело издавая ею сухой трескучий звук.

Ближе к вечеру забросили цепь с железным крюком на конце, в качестве приманки использовали чьи-то старые лохмотья. Клюнуло почти сразу. Помучались, но вытащили-таки на палубу громадную пёструю рыбу с лошадиной мордой и вислыми ушами. Рыба скребла плавниками по доскам, отчаянно била широченным хвостом. Ей перешибли хребет и тут же, под бодрое пение скрипочки, принялись разделывать.

Ведьмак наблюдал за всем этим, присев у основания грот-мачты. Иногда подрёмывал, но и тогда оставался на чеку. Рядом пытались заснуть те из матросов, кто предпо читал палубную возню смраду и тесноте нижних трюмов.

Между тем жизнь на «Брендане» текла своим чередом: дежурные откачивали помпами воду, из камбуза доносил ся аромат готовки, несколько человек латали фок брамсель, другие устраняли неисправности в такелаже... Мойрус, безусловно, был прав: экипаж состоял из ветера нов и недавно нанятых «простых» матросов. Однако сей час этой разницы не существовало: поблажек Ахавель не делал никому.

В какой-то момент Стефан всё же не удержался и про валился в глубокий, бездонный сон. Без сновидений, что само по себе было благом.

А потом очередной крик «Остров! Остров, капитан!» за ставил его вскочить на ноги. Даже не сам крик — предчув ствие.

Из тумана, из густой белой млечности по правому бор ту вынырнул зелёный склон. Хотя скрипели снасти и пе рекрикивались матросы, было слышно, как поют скворцы. Или зеленушки; в птицах Стефан никогда толком не разбирался.

Туман клубился меж плотных стволов и ветвей, что гнулись под тяжестью яблок. От аромата рот наполнился слюной.

— Готовьте шлюпки! — велел Ахавель. — Похоже, прибыли!

И тогда Стефан увидел, как слева, из густых камышовых зарослей выплывает плоскодонка, неуклюжая и угловатая, словно огромная колода для свиней. В плоскодонке сидел мужчина в чёрной кожаной куртке. Беловолосый — но не старик; пышная грива была перехвачена простым узорчатым ремешком.

Человек в лодке правил вдоль берега, не обращая внимания на корабль. Короткое весло то погружалось в воду,

то взлетало, роняя хрустальные капли. Двигался мужчина легко и грациозно, и только внимательный взгляд заметил бы, что он — ранен. Куртка была незастёгнута, под нею, под рубахой, наверняка скрывалась повязка или тугой бандаж. Стефану показалось, что он даже видит проступающие сквозь ткань капли крови.

А может, это был пот. Обычный пот.

Беловолосый правил к мыску, над которым свесили ветви ивы. Там, в тени, стояла изящная женская фигурка. Подул ветер, и до Стефана донёсся тонкий дразнящий запах крыжовника.

— Нет, — тихо сказал Журавль. — Бартоломью, велите поворачивать.

Тот хотел было возразить, но посмотрел в глаза Стефану и просто кивнул.

С мостика, громыхая каблуками, спустился разъярённый Ахавель.

— Куда бы вы ни плыли, — сказал ему ведьмак, — это не ваш остров. Неужели не видите? Неужели не понимаете?

— Что, во имя Ильмо Безбрежного, я должен видеть и понимать?

— Весло, капитан, — кашлянул де Форбин. — Гляньте ж на весло.

Ахавель вынул трубочку изо рта — видимо, для того, чтобы ясно и исчерпывающе изложить всё, что думает о ведьмаках и краснолюдах, об их внебрачных связях с вёслами и кровном родстве с ослами.

Вместо этого закашлялся, побледнел и сунул трубочку обратно. Шумно выдохнул. Зашагал, окутанный клубами дыма, к себе на мостик.

В молчании «Слепой Брендан» продолжил путь. Матросы, затаив дыхание, вытянули шеи и провожали остров взглядами, пока тот не исчез из виду, пока не скрылись вдали женская фигурка, яблони, лодка, мужчина в ней,

пока не растворилось в тумане весло, с которого падали хрустальные капли.

Падали, но не оставляли кругов на воде.

10

— Да это же, — сказал ведьмак, — королевский пир, не иначе! Изумительно! А вот, к примеру, свежих яиц у нас нет?

Не обращая внимания на гробовую тишину, тотчас воцарившуюся за столом, он протиснулся вдоль стенки и занял пустующее место.

Сотрапезники ведьмака — двое краснолюдов и девять людей — сидели с хмурыми лицами. Только Ренни Печёнка явно забавлялся.

— Мы, — ответил он, — не держим на борту живую птицу. Уж извините, мэтр.

— Да ничего, как-нибудь перебьюсь. Простите, что заставил ждать. — Стефан подкрутил усы и потянулся к голенищу. — Готовил оружие. На всякий случай.

Радушно улыбаясь, он достал свою деревянную ложку.

Ахавель тем временем выбил трубочку и положил её рядом с тарелкой.

— Что ж, — сказал, — хватит болтовни. Райнар, начинай.

Помощнику капитана за последнее время лучше не стало. Он сидел, привалясь к стене, — бледный, с каплями пота на лбу. Но говорил чётко и спокойно:

— Боги видимые и невидимые, духи моря и воздуха, земли и пламени, к вам обращаемся мы — милсдари удачи, рыцари «Слепого Брендана». Проведите нас сквозь бури и миражи, охраните от болезней и немощи, позвольте решиться на небывалое, завершить начатое, свершить задуманное. И освятите эту трапезу, дарованную вами во имя милосердия, из высшей вашей милости. Благодарим вас от всей души и помним о вас, и на вас уповаем.

Молитву повторяли все, даже краснолюды, — и делали это искренне. Ведьмак молчал и наблюдал.

— Ну вот, — сказал Ахавель, — теперь за дело.

Он кивнул Ренни, и тот принялся накладывать в миски похлёбку, разливать грог и выдавать сухари.

За едой никто не проронил ни слова. На кораблях — особенно пиратских — с нею всегда было неважно: брали самые необходимые продукты, да и те быстро портились. Вода становилась затхлой, в сухарях заводились черви, до солонины рано или поздно добирались крысы... По возможности разнообразили стол рыбой, однако раз на раз не приходился.

Сегодняшний улов оказался как нельзя кстати: команде нужно было отвлечься, хотя бы на время позабыть свои страхи. А напуганы были все. Одни — которые поумней — сами сообразили, кто именно правил плоскодонкой. Другие в подробности не вникали, но суть ухватили верно.

А в общем-то, капли эти — падавшие, но не оставлявшие и следа на водной глади, — были именно что каплями, последними каплями, переполнившими чашу. Команда наконец осознала, в каких водах оказался «Брендан».

Так что теперь вот, к ночи, Ахавель устроил передышку: велел лечь в дрейф, накрыть между фоком и гротом большой стол для команды и стол поменьше — в капитанской каюте. Для, стало быть, «рыцарей „Слепого Брендана"»... что бы это ни означало.

— У вас потрясающий кок, капитан, — сказал ведьмак, когда ужин закончился и сотрапезники стали набивать трубки. — Даже отсутствие свежих яиц...

— Ну хочешь, — взвился Тередо, — хочешь, я тебя, хакландское отродье, яйцами накормлю?! Отчекрыжу твои — и досыта!..

— Хватит! — тихо сказал Ахавель.

— Да он же глумится над нами! Вы посмотрите на рожу его довольную, капитан! Он же...

— Он не глумится, — ответил Райнар. — Это у мэтра такая манера вести светскую беседу.

Бартоломью де Форбин основательно прокашлялся.

— Загадки, — заявил, — эт хорошо. Да не пора ль, милсдари, переходить к разгадкам?

— По-мойму, самое время, — поддержал его Йохан Рубанок — широкоплечий краснолюд с копною чёрных кудрявых волос. Массивной своей пятернёй ухватил кружку, хлебнул шумно, смачно; шмыгнул носом. — Не та, сказал, — история, чтоб и дальше тянуть канитель. Вот-вот начнётся, вот-вот завертится кутерьма.

— Чтобы перейти к разгадкам, — заметил Стефан, надо бы сформулировать загадки. Вот вам первая: как так вышло, что обычного ведьмака капитан пиратского судна считает убийцей? Человеком, который проникает на корабли и подчистую вырезает всю команду? Ответ вроде бы простой: ведьмак работает на Компанию, а она заинтересована в том, чтобы пиратов стало меньше.

— Всё так, — кивнул Ахавель. — Более-менее.

— Помните, Райнар, я говорил, что с мозгами у ваших людей не всё в порядке? Тот самый случай. — Ведьмак наклонился, в свете фонаря блеснул его гладко выбритый череп. — Положим, некий человек устраивается на пиратское судно. Положим, всех, кто есть на борту, он приговорил к смерти. Положим, готов лично выполнить этот приговор. И что он делает?

Ренни Печёнка вдруг засмеялся дребезжащим старческим смехом. Он тряс головой так, что, казалось, остатки его кудрей вот-вот разлетятся по каюте одуванчиковым пухом.

— Браво, мэтр! Вот уж правда: о чём мы только думали?

— А теперь поясните остальным, — холодно сказал Ахавель.

— Проще простого, — усмехнулся в усы ведьмак. — Все корабли, якобы посещённые Кукушонком, — ну, те

самые, на которых находили свежие птичьи яйца, как бы это знак, — все они лишились команды одним и тем же образом. Людей убивали с помощью холодного оружия. Причём уничтожали сразу. Их не сбрасывали по одному за борт, не резали им глотки во сне. Не стреляли в них из пистолей. Один человек против пяти-семи десятков головорезов. Звучит, а? Но зачем он это делает именно так? Ведь намного проще и безопасней наняться простым помощником и при случае сыпануть на камбузе какого-нибудь ядовитого дерьма в котёл. Чтобы всех сразу, наверняка.

Они молчали и переглядывались. Пытались осознать.

— Но это, — сказал ведьмак, — ерунда, вообще-то. Вот вам загадка поинтересней: некий капитан свято верит, что принял на борт Кукушонка. Однако готов рискнуть и направляется за Межу, в Безумное море. Ведьмак якобы нужен для того, чтобы охранять судно от чудовищ. — Стефан задумчиво повертел в руках свою ложку. — Охранять опытных моряков и убийц. И вот что занятно: ведьмака этого одни из вас вовсе не рады видеть, а другие готовы спасти даже ценой собственной жизни.

Он обвёл их всех взглядом:

— Так для чего же я вам нужен на самом деле?

Ахавель посмотрел ему в глаза:

— Вы ведь умный человек, мэтр. Зачем? Уж точно — не паруса штопать.

Краснолюды переглянулись, и де Форбин поднялся:

— Не серчайте, капитан, а только обрыдла болтовня. Давайте к делу. Вот, милсдарь Стефан, возьмём, к примеру, меня. Я на «Брендане» с самого начала хожу, всякого повидал. Раньше владел фабрикой, благодаря ей и титулом обзавёлся. Купил, конечно: потомственных графьёв среди краснолюдов не водится. Через век-другой оно, может, по-другому будет, сейчас многие покупают. И я ж вот не для себя, думал: сыну передам, а тот внукам... — Он зарылся пальцами в бороду. — Да ведь всё к тому и шло. А вон как обернулось.

— Умер сын?

— Пропал. Аккурат из кровати: вечером был, утром – не стало. Окно распахнуто, одеяло на полу, возле подоконника грязь да горсть листьев сухих.

— Дело было осенью?

— Летом, милсдарь Стефан.

— Давно случилось?

— Да уж годков десять тому. — Бартоломью хрустнул костяшками. — Десять годков... Ну, я что? — я искать. Озорником мой Даго никогда не был, подшутить так ему и в голову б не пришло.

Йохан Рубанок кивнул:

— Славный был малый, подтверждаю.

— Ну вот, и я знал ведь, как оно бывает. Злых людей... кх-м... ну и краснолюдов, конечно, — на свете без счёту. А в Чердиане их всегда поболее: всё же порт. Всякое могло случиться, но след... след завсегда остаётся. Ктой-то чтой-то да знает. Завсегда. Я уж какие только связи не поднял, кого о помощи не просил... — ничего. Никаких концов, как и не было его никогда. А потом оказалось: были подобные случаи и прежде. И не в одном только Чердиане, в других местах тоже.

— И был, — добавил Йохан Рубанок, — слушок. Такой, что не каждый его услышит.

— Да, шурин, верно, был слушок. Странный, ежли начистоту-то. Будто бы есть такая тварь летучая, детишек из спален крадёт.

— Именно из спален? — спросил ведьмак.

— Не только, — тихо произнёс штурман Родриго Двухголосый. Он провёл пару раз ладонью, сметая со столешницы невидимые крошки. — Не только. Было... Однажды детей похитили просто из каюты. Шхуна шла вдоль берега, обычный каботажный рейс, ничего особенного. — Он помолчал, вздохнул нутряно, протяжно, а когда наконец продолжил, голос его чуть изменился: — Их выкрали прямо из каюты, окна были заперты, дверь прикр-рыта...

Как будто они пр-росто вышли! Пр-росто взяли и вышли на минутку!

— Корабль, разумеется, обыскали, — сказал ведьмак. — Нашли что-нибудь странное? Какие-нибудь мелкие необъяснимые детальки, вроде бы несущественную ерунду?

— У Зеркала, — кивнул Райнар, — у Зеркала такое было. Он сейчас за штурвалом, потом, если захотите, спр_о_сите. Вкратце: дочка его пару раз говорила, будто за ней кто-то следил.

— Когда ей это казалось?

— Перед сном. Вроде как в окно кто-то заглядывал. Зеркало, конечно, считал, что это обычные детские страхи. Ну, знаете, про гремлинов под кроватью и кобольда в подвале.

— Кобольды в подвалах не живут.

— О чём и речь. Так вот, Зеркало тогда внимания не обратил, а потом вспомнил... но поздно. Это, кстати, единственный известный случай, когда похитили девочку.

— Известный — кому?

— Нам, мэтр. Тем, кто решил избавить мир от этой летучей твари.

— Знаете, — сказал Ренни Печёнка, — так оно бывает. Если что-нибудь ищешь, рано или поздно сталкиваешься с тем, кому нужно то же самое.

— С единомышленниками, — подсказал ведьмак.

— Именно. Начав сопоставлять свои истории, мы быстро поняли, что со всеми нами случилась одна беда. И враг у нас, стало быть, общий. Оставалось только понять, кто же он, а затем отыскать его. Но это требовало средств, больших вложений. И это требовало времени, и сил, и некоторых... предметов. Редких, уникальных предметов. Чем больше мы узнавали, тем ясней осознавали, насколько непросто нам будет добраться до нашего врага.

— Но мы знаем, на что идём, — хрипло добавил Тередо. — Мы... знаем.

— И мы, — сказал Ахавель, — добьёмся своего любой ценой.

Ведьмак покивал:

— Благородно. Избавить, стало быть, мир. Отомстить за родную кровиночку. Правда, чужими руками, но такое случается, это нормально. — Он оглядел их с любопытством. — Потрясающе.

— Мне не нравится ваш тон, милсдарь Стефан, — сказал Ахавель. Он сидел прямой, бледный, с поджатыми губами. Только дёргалась жилка на лбу.

— Сколько, — повернулся к нему ведьмак, — сколько лет вы ждали этого дня? Десять? Семь? И значит, всё это время, пока грабили и топили корабли, разоряли храмы, убивали, — всё это время вы на самом деле преследовали совсем другую цель. Благородную. Высокую. Чистую.

— Вам этого не понять.

— Даже не стану пытаться. Вы ведь просто хотите, чтобы я уничтожил чудовище, верно? Ну так хватит уже сопливой болтовни. — Он хлопнул ладонью по столу: Меня интересуют факты. А там посмотрим.

11

На пару минут воцарилась тишина. Слышно было, как на палубе задорно смеется скрипочка и поют матросы.

Ахавель и Ренни переглянулись со старшим помощником, тот кивнул и начал:

— Факты, в общем-то, таковы. Кражи детей продолжаются уже лет сорок. Первые зафиксированы в портовых городах Фабиолии и на кораблях, находившихся в одном-двух днях пути от побережья. Дети пропадают из помещений, в которых спали либо собирались спать. Преимущественно мальчики. Разных сословий. В основном человеческие, но известны случаи пропажи краснолюдов и низушков. Никого ни разу не нашли. Порой вместе с ними

пропадают вещи, но ничего ценного: любимые игрушки, их старая одежда, всякие безделицы...

Бартоломью де Форбин кивнул:

— Вместе с Даго пропал деревянный дракон. Я его сам мастерил, крылья на шарнирах, лапы... Даго с ним редко расставался.

— Это всё?

— Нет, — сказал Райнар, — это было только начало. Мы купили карту и отметили на ней все места, где появлялась тварь. Мы посетили родителей, которых смогли отыскать.

— Или ближайших родственников, — добавил Родриго Двухголосый.

— Не было ни единой зацепки. — Ренни Печёнка сцепил дрожащие пальцы в замок. — Вообще ничего. Никакой закономерности, улик, намёков.

— Мальчиков похищали из спален, — заметил ведьмак. — Надо полагать, в основном по ночам. Но это, конечно, чистой воды случайность. Вы мне другое скажите, господа хорошие: не приходило вам в голову, что твари не существует? Просто какой-то наглый мерзавец зарабатывает на жизнь тем, что поставляет мальчиков в подпольные бордели. Для любителей особых услуг.

— Приходило, — пробасил кряжистый бородатый матрос. На левой щеке у него была круглая, размером с блюдце, отметина. Кожа там побелела и стала дряблой, как будто мёртвой. — Мы, милсдарь, в это дерьмо ныряли по самую макушку. Всякого насмотрелись. Это скверные люди, но к нашему делу они отношения не имеют. — Он протяжно вздохнул: — Мы как будто плутали по лабиринту: куда ни ткнёшься, нет хода.

— А потом, — сказал Ахавель, — я узнал о Манускрипте. — Он достал кисет, не торопясь вытряхнул трубочку и набил по новой. — Когда ко мне пришли рыцари «Брендана», я не первый год ходил в рейсы. Всё было вполне законно: на руках — подписанный тогдашним вице-губерна-

тором патент, долю добычи сдавали, своих не трогали... Да нам хватало и южан: война была в самом разгаре.

— Не повезло, что кончилась, верно? Патентов уже лет десять как не выдают.

Ахавель отмахнулся:

— Нам нужны были деньги, чтобы продолжать поиски. И команда, чтобы добраться до Манускрипта.

— И оружие, — прохрипел Тередо. — Зря монашки тогда упёрлись.

Райнар закашлялся. Стёр платком алое с губ и усмехнулся:

— Вот уж точно: зря. Всё могло закончиться иначе. Обошлись бы... меньшей кровью.

— Итак, — напомнил Стефан, — манускрипт.

— Да, Манускрипт Кракена. Слыхали о таком?

Ведьмак слыхал. Это была ещё одна легенда Нового Света, наряду с золотыми городами туземцев, Родником бессмертия и долиной реликтовых ящеров. Происхождение Манускрипта связывали с мифическим народом, населявшим мир лет за тысячу до Первого Сопряжения Сфер и прибытия эльфов. Разумеется, «тысяча» в данном случае означала «никто не в курсе, когда».

Манускрипт этот якобы хранился на крохотном островке посреди Океана. Обычное дело: владельцы подобных артефактов не держали их под рукой, где-нибудь на полке в кабинете, — нет, они отыскивали для этого глухой закуток за тридевять земель. Причём благоразумия таким счастливчикам хватало лишь на то, чтобы спрятать опасную вещь подальше. Уничтожить её они попросту не могли — разумеется, исключительно из соображений искусствоведческого характера.

Между тем в определённых кругах Манускрипт пользовался стабильным спросом. Время от времени появлялись люди, утверждавшие, что лично знают тех, кто видел очередного его владельца. В антикварных лавках обоих континентов иногда попадались копии Манускрипта, одна

другой древнее. Судя по ним, оригинал представлял собой сочинение со сложной структурой и был написан на двадцати девяти языках, сформировавшихся уже после его создания. Что, в свою очередь, безусловно подтверждало провидческую природу Манускрипта.

Дважды ведьмак встречал людей, которые пытались использовать такие копии для заклинания чудовищ. Первый полжизни провёл за расшифровкой пяти обгоревших страниц. Потратил на это всё своё состояние. Выучил Старшую речь, гаакский и зерриканский. Презирал мирские радости, пренебрегал личной гигиеной. Даже комары и блохи не желали иметь с ним дело. Поэтому, в общем-то, эксперимент нельзя было назвать абсолютно _чистым_: возможно, чары оказались слабее страха чудовищ перед стойким, непреоборимым духом призывавшего.

Второй добился значительно больших успехов: что-то всё-таки произошло. Однако в итоге бедняга лишился изрядной доли воспоминаний и собственной тени. Поскольку он произносил заклинание в одиночестве, дабы ничто не помешало сосредоточению, — выяснить, что же случилось, так и не смогли. А сам он уже не помнил.

— Для человека, который зарабатывает на жизнь пиратством, вы удивительно доверчивы, капитан.

Ахавель снисходительно усмехнулся:

— Всего лишь удачлив. Опустим подробности, иначе придётся просидеть здесь до утра. Мы узнали, где находится Манускрипт, и узнали, кто его охраняет. Потом выяснили, как убить этого стража. Добыли оружие. Нашли остров, сделали дело, завладели Манускриптом. Теперь мы кое-что знаем об этой твари... назовём её «птеротерий».

— Птицезверь? Как он выглядит?

— Описания туманные. Обитает на одном из островов Безумного моря. Размером с низушка, но сложения более изящного. Очевидно, гуманоид, вместо рук — крылья, на голове — гребень. Жертв усыпляет, а затем похищает и уносит в своё жилище.

— И при этом размером с низушка? Тогда их должно быть трое-четверо как минимум. Насчёт изящного сложения — это вряд ли. — Говорил ведьмак спокойно, почти лениво. — Лёту от побережья до Межи — не один день. Значит, в основном парят. Крылья должны быть длинные, узкие. И, кстати, ноги у них наверняка мощные: не в зубах же они переносят детей. Это если вообще переносят. Я бы предположил, что расправляются с жертвами сразу: какой смысл нести добычу несколько дней? Разве только, — пожал он плечами, — чтобы накормить детёнышей. Или отложить в неё яйца, как, например, делают некоторые осы.

— Или это приношения для каких-нибудь чёрных ритуалов, — пробасил бородач с белёсой отметиной. — А что? Очень даже может быть.

— Ясно одно: после того, как похищены, дети долго не живут. Сутки-двое — и всё. — Стефан повернулся к капитану: — Я хотел бы взглянуть на ваш Манускрипт. Может быть, замечу то, чего не заметили вы.

— В своё время непременно увидите. Но пока... — он покачал головой, — достаточно того, что вы уже знаете. Поразмыслите над этим, мэтр. Мы хотим, чтобы вы как следует подготовились. Чтобы вы не оплошали.

Ведьмак кивнул и встал:

— Непременно постараюсь оправдать высокое доверие. Если это всё, господа, — благодарю за ужин. Пойду готовиться — чтоб не оплошать.

Другие тоже стали подниматься, хмурые и молчаливые. Только Ахавель сидел на прежнем месте и, щурясь, курил трубочку. Как будто чего-то ждал.

12

На палубе царило оживление. Оказалось, на звуки скрипочки приплыл детёныш морского монаха. Как писал Томас Хантимпрейский, любопытство в них всегда переси-

ливает осторожность; ведьмак, впрочем, считал, что дело тут не в любопытстве, а в особой стратегии выживания.

Монашёнка выловили прежде, чем вмешались родители (а может, тех и вовсе не было); теперь пушистый малыш ползал между бухтами канатов, заглядывал большими человечьими глазами в лица, пищал на дикой смеси языков. Пытался петь, но голос срывался.

Матросы смеялись, кто-то поднёс ему размоченный в роге сухарь. Монашёнок потянулся к руке дрожащими губами. Личико у него было сморщенное, искажённое, как у престарелого младенца.

— Пальцы береги, — бросил ведьмак. — Они плотоядные, даже детёныши.

Он прошёлся от юта к баку, потом назад. Ни Мойруса, ни Луки среди матросов не было; но и в капитанской каюте они не ужинали.

В небе пару раз громыхнуло, где-то вдалеке сверкнула молния. Из темноты доносилось печальные вздохи да бормотание невидимых тварей.

Ведьмак в который раз присмотрелся к трём шлюпкам «Брендана». Одна поновей, две другие видали виды, но выглядят надёжно. Парус поставить можно только в одной, но эта как раз слишком кургуза, управлять ею будет трудней. А в общем, конечно, заранее не угадаешь, очень многое зависит от случая.

Времени вроде бы прошло достаточно; он хлопнул себя по лбу и торопливо зашагал к капитанской каюте. Постучался и вошёл.

Ахавель сидел всё там же. Курил и ждал. Ложку Стефана поднял с сундука, на котором тот сидел, и положил на стол.

— Кое-что забыли?

— Задать пару вопросов. — Стефан взял ложку и задумчиво повертел в руках. — Чтобы убить вашего птеротерия, ведьмак не нужен, верно? Команда «Брендана» без

труда справится и с целой стаей птеротериев. Но вот беда: команда-то не знает о них. Не знает?

— Знает, — сказал Ахавель. Затянулся, выпустил дым. — Правда, они верят в то, что на острове спрятаны сокровища. Никто им этого не говорил, конечно. О таких вещах говорить не обязательно, достаточно намекнуть.

— Они ведь не простят, капитан.

Он пожал плечами:

— Чтобы вернуться, хватит и полутора десятков человек. Тех, кто действительно собирается завязать со всем этим. Счета в трансконтинентальном банке Джианкарди помогут им начать новую жизнь. Остальные... ну, вы ведь являетесь представителем Компании, заботитесь о её интересах? Боюсь, милсдарь Стефан, скоро наступит момент, когда вам придётся выступить в их защиту — я уж не говорю о ваших собственных интересах, связанных с некими векселями. Жаль, конечно, если вы — не Кукушонок. Но, в общем-то, в этот раз вы будете не один.

— Остальные знают?

— Знает Печёнка и знает Райнар. Этого достаточно, чтобы в нужный момент мы были готовы.

Ведьмак помолчал.

— Хорошо, — сказал он, — здесь всё ясно. Ещё пара вопросов, и оставлю вас в покое. Вы обмолвились о том, что бывали за Межой. Когда? Зачем?

Ахавель поднял увечную руку, сдёрнул с неё перчатку. Деревянный протез плотно прилегал к культе, как будто сросся с нею. Каждый палец был искусно выточен, а на ладони резчик нанёс линии жизни, рока и предназначения.

— Бывал, — сказал Ахавель. — Лет сто назад, считайте, в прошлой жизни. Я был сопливый пацан, оставшийся без родителей. Пробрался на судно с переселенцами, спрятался в трюме. Питался тем, что удавалось отбить у крыс. В лучшие дни — крысами. Потом меня, конечно, обнаружили; махнули рукой, мол, не за борт же выбрасывать.

Приставили в услужение к «пороховым обезьянам». Можете себе представить...

— Могу.

— Ну вот, в целом-то я был доволен. При деле и сыт — что ещё надо? Штурман у нас был опытный и толковый, да и помощник вполне. Только ни одной юбки не пропускал. Из-за него мы и сбились с курса — пока он рассыпал перед очередной красоткой перлы красноречия, судно вошло прямиком в туман на Меже. Там — точнее, здесь — и потерял руку. Но это уже другая история.

— А к рыцарям «Брендана» вы когда примкнули?

— Почти сразу. Им нужен был капитан... скажем так, не слишком суеверный и разборчивый. Готовый при необходимости рискнуть собственной шкурой.

— Ради денег?

Ахавель усмехнулся:

— А это уж не ваше дело, милсдарь ведьмак.

Он взял перчатку и начал аккуратно надевать на протез.

— Последний вопрос, — сказал Стефан. — Просто из профессионального интереса. Кашалот... сложно его было убивать?

Перчатка застряла. Ахавель дёрнул её раз, другой, третий.

— Кашалот сторожил вход в бухту. Не выпускал кракена... и вообще никому не давал покинуть остров. На берегу там стояло несколько полуразвалившихся шалашей, на циновках лежали скелеты. Оно и понятно: твари эти... каждой было, конечно, не по тысяче лет, но века три-четыре — это уж наверняка. Старые упрямые твари. Вы бы, наверное, сказали, что один из них служил Хаосу, а другой Порядку. Эльфы или краснолюды объяснили бы это по-своему. А на мой взгляд — ничего магического или священного. Как и в тех исполинских черепахах на Шёлковых островах: просто живут долго и вырастают больше

обычного. Мы вошли в бухту, кит нас не тронул. Убили кракена... думали, сдохнем раньше, но Мо вогнал ему копьё прямо в глаз. Забрали сундук с Манускриптом, корабль подлатали как могли. Отчалили ночью, шли тихо, что твоя водомерка. А он встретил нас на выходе... Половину команды мне угробил. Хуже морских монахов, мать его. Когда пробили череп гарпуном — застонал, заплакал. Люди начали за борт выбрасываться.

Он швырнул перчатку на стол и клацнул деревянными пальцами по доскам.

— Но мы справились. Справились тогда и справимся сейчас.

Ведьмак пожал плечами:

— Летающие твари размером с низушка. Вряд ли это будет сложней, чем с кашалотом, верно?..

13

Монашёнку дали отбросов, из тех, что Ренни не успел отправить за борт. Матрос ругался сквозь зубы, а Мойрус смазывал его пальцы чем-то вязким и пахучим.

Ведьмак подождал в коридоре, чтобы не привлекать лишнего внимания. Предпочёл бы, конечно, в каюте, но дверь была заперта.

— О, мислдарь Стефан!..

— Разрешите?

— Да-да, прошу. Там не прибрано... — Это касалось разбросанных по столу бумаг с пометками да всё той же книги. В прошлый раз Мойрус её сразу захлопнул, но теперь первым делом стал собирать бумаги.

— Далеко продвинулись? — спросил ведьмак. — Язык-то там какой, кстати?

Юноша покраснел и замер с листами в руках.

— Вы же не думали, что капитан станет держать это от меня в тайне?

— Мне велено было никому... Хотя вы, конечно, правы.

— Так что насчёт языка?

Мойрус поправил выбившиеся пряди, присел у стола.

— В общем, сложно сказать. Похоже на Старшую речь, но с вкраплениями из других древних языков, преимущественно южных и островных.

— Покажите мне фрагмент, где идёт речь об этом летающем чудовище.

Паренёк заморгал.

— Простите, я, кажется, до него ещё не добрался. Капитан указал мне на два отрывка, которые его интересуют в первую очередь. Над одним я трудился ещё в Оксенфурте, он привозил туда копию, всего страницу. Там описан некий ритуал, в сути я до конца не разобрался, но капитан, похоже, знает, о чём речь.

— А сейчас?..

— Тут ещё сложней. Много омонимов, амфиболия на каждом шагу... да ещё ведь ни одного буквального толкования, метафора на метафоре... — Похоже, взгляд ведьмака, в отличие от рукописи, был достаточно красноречив и недвусмыслен. Мойрус закашлялся: — Э-э-э... ну, знаете, как на Скеллиге, с этими их кеннингами да хейти...

— Можно взглянуть?

Мойрус пожал плечами и протянул ему листы:

— Да, в общем, почему бы и нет? Только вряд ли вы там... это сырое ещё, знаете... В основном-то перевод готов, но нужна доработка. Ещё пару дней хотя бы, а потом свести воедино...

Насчёт «сырого» он сильно преувеличил. Листы были испещрены буквами, стрелками, прямугольниками, отдельными словами языках на трёх-четырёх. Собственно, на все листы была только пара связных фраз: «изнанка памяти, чернее, чем нутро, изменчивей, чем ртуть...» и «насытить ненасытного».

— Это точно не поэма какая-нибудь?

— Конечно, поэма! Все сакральные тексты в ту эпоху писали в виде поэм!..

Стефан покивал и, пристроившись на узком сундуке возле столика, взял в руки книгу. Пахло от неё отнюдь не водорослями и не плесенью — книга источала сухой, пряный аромат. На обложке из чешуйчатой кожи было тиснение в виде раскинувшего щупальца кракена. Плотные листы обтрепались по краям, но чернила не выцвели, буквы не стёрлись. Ведьмак перевернул несколько страниц: везде одна и та же дичайшая смесь из трёх диалектов Старшей речи и других, ему не известных языков.

Но некоторые заголовки он смог расшифровать — и они ему не понравились. Другого, впрочем, он и не ждал.

— Как там с припасами, Мойрус?

— Ну... я потихоньку экономлю и откладываю. А еще присмотрел в трюме мешок с порченными сухарями, их отложили до худших времён. Может, и не хватятся. Завтра-послезавтра попытаюсь перетащить.

— Куда перетащить?

— Да сюда, конечно! — Он распахнул дверцы одного из шкафчиков и кивнул на содержимое: — Вон, видите мешочек с черепом и костями, с надписью «Яд»? В нём немного сушёного мяса.

— Крысы не доберутся? Они-то читать не умеют.

— Знаете, тут всё сделано на совесть, даже диву даюсь. Дверцы плотно пригнаны, засовы надёжные...

— Ну и славно. А теперь слушай меня очень внимательно. Скоро мы прибудем на остров. Делай что хочешь, но напросись в шлюпку. И останься потом на берегу, сторожить. Мы с твоим братом придём, как только сможем.

— Но припасы-то я захватить не смогу. И компас...

Стефан усмехнулся в усы:

— И не нужно. Потом наведаемся на «Брендана». Либо уговорим оставшихся отплыть, либо... сами дальше поплывём. На шлюпке, конечно, — добавил он, — а то ты уж, судя по выражению лица, решил невесть что.

— Да я... — покраснел Мойрус. — Мне... мне просто страшно, милсдарь Стефан.

Ведьмак захлопнул книгу и поднялся:

— Это правильно. Не боятся только дураки и безумцы, мальчик.

Мойрус покраснел пуще прежнего.

— Остальные, — сказал Стефан, — делятся на три категории. На тех, кто сумел обуздать свой страх, на покойников и на подлецов.

14

Он лёг спать на палубе — матросы должны были привыкнуть к нему. Если тебя считают своим — перестают обращать внимание, тогда, куда бы ни пошёл, будешь для большинства всё равно что невидимкой.

Ведьмак устроился там же, где и в прошлый раз, рядом с другими, но всё-таки чуть в стороне: навязываться не следовало.

Заснул почти сразу. Проснулся, наверное, часа через полтора: почувствовал на себе пристальный взгляд. Как будто во сне, перевернулся на другой бок. У планширя стояла невысокая фигурка, наблюдала, сложив руки на груди.

Ведьмак мягко поднялся и подошёл. Остальные спали, только у штурвала прохаживался помощник Родриго Двухголосого да в вороньем гнезде мурлыкал песенку марсовый. Ну и твари во тьме, конечно, — кто вздыхал, кто хихикал тоненьким голоском. Монашёнок в порожней бочке бормотал на странных языках.

— Ты где пропадал?

Лука пожал плечами:

— Да так... дела были. С пушками много мороки. Здорово, что вы живы: так веселей.

— Это точно, — усмехнулся Стефан. — Спасибо, что вытащил. И за пламяницу спасибо. Кстати, откуда взял?

— Если знать места, здесь можно что угодно достать.

— А ты, стало быть, знаешь?

— Ещё бы! — хмыкнул мальчишка. Выглядел он довольным, словно наевшийся сметаны кот.

— Как насчёт компаса? Мы тут с твоим братом решили прогуляться, хотим тебя с собой взять.

— Это ещё с какой стати?!

— С той стати, что я обещал ему позаботиться о тебе. Стефан вскинул руки: — Знаю-знаю, ты и сам можешь о себе позаботиться, ты ведь взрослый, верно? Только он переживает за тебя. Ты ведь понимаешь: Мойрус — человек книжный, ему привычней иметь дело с древними манускриптами, а не с... такими вот людьми, как здешняя команда.

Мальчишка моргнул, потом лицо его расплылось в задорной улыбке:

— Ну дела! Так вы обещали вроде как спасти меня, да?

— Вроде того.

— Честное слово дали?

— И тебе дам, если хочешь. Ну так что, Лука, есть на «Брендане» запасной компас? Должен ведь быть...

Мальчишка снова моргнул, потом хмыкнул:

— Да ерунда это всё! Я добуду вам сто тыщ компасов, милсдарь ведьмак!

Крутанувшись на месте, он вспрыгнул на планширь и, сверкая во тьме белозубой улыбкой, стал бесшумно отплясывать какой-то дикарский танец. Наконец, утомившись, спрыгнул на палубу и небрежно поинтересовался:

— А что Мойрус, уже расшифровал свои манускрипты?

— Вот ты сам бы у него и спросил. Он наверняка будет рад тебя видеть.

Лука задумался, потом кивнул:

– Точно, так и сделаю! Спасибо за совет!

Он тенью скользнул к квартердеку.

Ведьмак прилёг на расстеленный плащ, но сон не шёл. Что-то не давало покоя, какая-то упущенная мелочь. А может, и не одна.

Он снова задремал — и проснулся уже на рассвете, в холодном поту. Догадался.

Стараясь не шуметь, поспешил на вторую палубу — и там, в полумраке, стал осматривать пушки. Их было по четыре с каждого борта: изящные, смертоносные, с узором из змей и кинжалов. На первый взгляд всё с ними было в порядке. Ведьмак поднял крышку одного из пушечных портов, чтобы добавить хоть немного света, и заглянул в ствол. Выругался; пригибая голову, чтобы не стукнуться о переборку, пошёл к следующему. Сунул руку в жерло и вытащил полную пригоршню песка.

Уже не сомневался, что и в остальных то же.

Вокруг оглушительно скрипели переборки, корабль стонал, вздыхал, плаксиво жаловался на жизнь. Где-то кричали матросы — будто гортанно рычали мантихоры.

Стефан присел на ящик с картузами и прикинул, что да как. Потом догадался поднять крышку и взглянуть на картузы. Все мешки были распороты, порох просыпался, и него добавили песка и воды.

Ведьмак взял щепоть и растёр между пальцами. Песок был мелкий, белый, вот только что с пляжа.

Шаги он услышал слишком поздно.

— Вы, главное, сейчас не делайте резких движений, — сказали за спиной. — Тихонько подымите руки, чтоб мы видели. И стойте себе, ага.

— Это ошибка, Бартоломью, — ответил он, не оборачиваясь. — Мне показалось, я услышал, как кто-то ходит внизу, и решил посмотреть...

— Да мы ж всё видели, милсдарь ведьмак. Думаете, мы б вас одного, без пригляда, оставили? И помощничка ва-

шего видели — жалко, поймать не успели, поздно кинулись. И вас заприметили, как выждали да под утро метнулись сюда. Руки! Руки держите на виду!

Он держал.

— Вот засранец, — выдохнул Йохан Рубанок. — Вот же ж говнюк, ты только погляди, Барт! Ты посмотри, что он натворил!!!

— Это не я. — Ведьмак старался говорить спокойным, рассудительным тоном. — Ну сами прикиньте, успел бы я...

Не успел, конечно: кто-то — скорее всего де Форбин саданул его по затылку массивной рукоятью пистолета. От души так, до кровавых звёзд перед глазами.

15

Остров был словно вихрастая мальчишечья голова: пальмы, трава по пояс, папоротники какие-то, лианы, всё это переплетено, лихо торчит во все стороны и качается на ветру. А слева проступает из зелени одинокая скала — как длинный любопытный нос.

С бака открывался дивный вид: стой да наслаждайся.

Ведьмак наслаждался. Собственно, выбор был невелик: к фоку его привязали крепко, канатами обмотали плотно, виток к витку. Тут бы и угорь не выскользнул.

Сейчас все были слишком заняты «Бренданом», так что на время оставили Стефана в покое. Но если кто пробегал мимо, не ленился пнуть или плюнуть. Видимо, очень расстроились из-за картузов.

Он в который раз провёл языком: пара зубов шаталась, но не слишком. Кровь на губе и усах запеклась. И он не мог проверить, но наверняка знал, что на правой скуле вспухает солидных размеров синяк.

«Брендан» входил в бухту — мирную и пасторальную. Пляж манил белизной, деревья сулили прохладу и отдохновенье.

— Ну подумайте сами, — в который раз сказал ведьмак. — Сколько времени я был на второй палубе? Успел бы я забить все стволы? Разрезать картуши, насыпать туда песку, воды налить? Да откуда вообще я нашёл бы столько песка?!

Он услышал за спиной шаги — на этот раз вполне отчётливые, злые.

— Наверное, — сказал Ахавель, — отсюда.

В поле зрения появился старый мешок, сшитый из парусины. Капитан перевернул его — под ноги ведьмаку посыпался песок. Белый, один в один такой же, как на пляже прямо по курсу.

— Команда, — негромко произнёс Китобой, — очень разочарована.

— Разочарована! — застонал монашёнок из бочки. — Ра-а-зо-чар-р-рован-э-а!

— Я не держу на борту тех, кому не могу доверять. — Ахавель отшвырнул мешок и стал набивать трубочку. — Конечно, ты не мог управиться со всем этим один. Да и Рубанок подтверждает, что ты с кем-то болтал. Я готов был рискнуть и взять на борт Кукушонка. Но не крысу. — Капитан затянулся и поглядел ведьмаку в глаза: — Кто он?

Стефан пожал бы плечами, но канат вязали на совесть.

— Ты не веришь, когда я говорю, что меня подставили, но готов поверить, если я назову имя предателя?

— Простая логика, — сказал Ренни Печёнка. Он твёрдо держал в руке короткий секач; лезвие сверкало на солнце так, что ведьмак поневоле сощурился. — Кто-то сделал всё это. Ты бы не успел. Значит, это кто-то другой. Один из команды, а может, и какой-нибудь твой приятель с караеллы, приплывший сюда и спрятавшийся в трюме.

— Плыл он, надо понимать, с мешком песка на плечах.

— Да нет, зачем? — Ренни переложил секач в левую руку и почесал шею. Кадык ходил туда-сюда под складками обвислой кожи. — Песок можно и здесь наскрести, в ящиках рядом с пушками или в том же трюме. А вот ли-

стья пламяницы так запросто не достанешь. И на борт, будь ты хоть трижды Кукушонок, с обездвиженной рукой без помощи не вскарабкаешься.

Он снова переложил секач, вздохнул.

— Я, милсдарь Стефан, человек старый. Нет у меня времени. Один раз спрошу, промолчишь — ударю. И не сомневайся, ты нам нужен, но не дозарезу. Уж прости за каламбур. Итак: откуда ты взял пламяницу?

— Не зна... — начал было ведьмак.

И осёкся.

Одновременно с ним другой голос — голос из бочки ответил с усмешкой:

— Если знать места, здесь можно что угодно достать.

Потом он застонал и снова принялся лопотать на неизвестных языках.

Ахавель побледнел, выхватил один из своих шести пистолетов и метнулся к бочке. Выстрелил на ходу, отбросил пистолет, выхватил следующий... — и так все шесть, на каждый шаг по выстрелу. Слышно было, как внутри стонет и бьётся живое.

Потом он с грохотом сдёрнул крышку и заглянул внутрь.

В наступившей тишине запустил руку, вытащил кровавый комок и с проклятьями отшвырнул за борт.

— Развяжите его!

— Капитан?

— Развяжите ведьмака и готовьте шлюпки. Всем держать оружие под рукой! Райнара и Печёнку жду у себя. И этого... тоже. — Он обернулся: лицо исказилось, на лбу билась жилка. — И где, ерша вам в горло, Мойрус?! Я когда велел его позвать?

С квартердека примчался Тередо. Опасливо прочистил горло и сообщил:

— Его нигде нет, капитан! В смысле — Мойруса. Дверь в каюту была заперта, мы взломали — там пусто. Окно от-

крыто, но нет ни лестницы, ни верёвки. Не выпрыгнул же он...

- Что?! Что т-ты?!.. — Ахавель шагнул вперёд и ударил раскрытой ладонью по щеке так, что Тередо покачнулся. — А книга на месте? Заметки?!

- Про книгу вы не спрашивали, — зло ответил тот. — И если желаете знать...

- Я желаю, чтобы ты закрыл пасть и делал своё дело. Но Форбин, отрядите людей, пусть обыщут всё сверху донизу. Любая подозрительная деталь, что угодно — обо всём докладывать. Остальным готовиться к высадке. И держите оружие при себе. Всем быть начеку, слышите! Эта тварь уже здесь!..

Когда Печёнка наконец вспомнил о тесаке и принялся разрубать узел, руки его тряслись.

– Вы ведь знаете, Ренни? — шепнул Стефан. — Знаете, кого на самом деле мы преследуем?

Узел наконец поддался. Старик кивнул двум пиратам, чтобы смотали канат и освободили ведьмака, а сам пошёл в капитанскую каюту. Тесак покачивался в безвольно опущенной руке, и солнечные зайчики плясали — по водной глади, по палубе, по парусам, по изумлённым лицам.

16

— На тот случай, если вы не в курсе, — сказал Стефан. — Морские монахи, что твои попугаи, копируют услышанное. Стратегия выживания: иначе им не подманить любопытных идиотов. — Он стоял у двери, сложив руки на груди и переводя взгляд с Ахавеля на двух его компаньонов. — Кстати, об идиотах. Если бы у одного из вас хватило ума рассказать мне всё сразу, мы покончили бы с этим намного раньше.

— Нет, — отрезал Ахавель. — Не покончили бы.

Он бездумно листал принесённый Тередо Манускрипт. Нижнее веко на левом глазу подрагивало.

— С кем, по-вашему, мы имеем дело? С обыкновенным мальчишкой?

Ведьмак пожал плечами:

— Обыкновенным? Вряд ли. Но очевидно, что с мальчишкой. В первую же ночь я связал бы его и обо всём подробно расспросил.

Ахавель захохотал скрипучим, болезненным смехом.

— Ничего не забыли, милсдарь ведьмак? Он четыре десятка лет ворует и убивает детей. Летает по воздуху, наплевав на все мыслимые законы природы. «Связал бы и расспросил»!

— Он, — сухо сказал Ренни, — демон. Отродье Хаоса.

Старик сидел ровно, расправив плечи и задрав подбородок. Секач положил перед собой, словно судейский молоток.

— Демон, — повторил Печёнка. — Принявший обличье мальчика. Сеющий зло и отчаянье. Его следует уничтожить.

— Про зло и отчаяние спорить не буду. Вы — профессионалы, вам видней. А насчёт остального... Демонов не бывает, милсдари мои разлюбезные. Это уже я вам как профессионал говорю. И ещё: видели вы убитых детей? Видели, как он их уносил? Как летал по небу — видели? Я пока знаю только одно: этот ваш «демон» — мальчишка с необычными способностями. Весёлый, чуть простодушный...

— И бессердечный, — добавил Райнар. — Капитан, покажите ему записки.

Ахавель отпер один из ящиков и швырнул на стол перевязанные бечёвкой листы:

— Читайте.

Стефан сдёрнул бечёвку, развернул первый листок. Почерк узнал сразу. Лучший каллиграф в Чердиане, Сессон Энкрер. Работает на площади Хмельного Колеса, берёт по

откуда за страницу, пишет сразу с голоса, чисто, красиво, с этими вот характерными завитушками.

«Ну что, приедешь? Или от страха наложил в штаны? И ведь рано или поздно всё равно найду тебя. Когда-нибудь, когда ты будешь есть, спать, пить со своими дружками, когда будешь думать, что ты в безопасности, я постучу в твою дверь. Так, может, проще не тянуть, а? Приезжай! Будет весело!»

На другом: «Мы тут все безумно скучаем. Прям смертельно, ха-ха. Всё мечтаем сплясать с тобой и твоими шакалами. Ты же понимаешь, что чем дольше тянешь, тем хуже. Давай, приезжай, больно не будет».

И ещё: «Ты — вор, братец! Подлый, трусливый вор! Верни мне моё и умри наконец как мужчина!»

— Мы, — заметил Райнар, — спрашивали у каллиграфа. Каждый раз приходил один и тот же заказчик. Мальчик лет десяти-тринадцати. «Смешливый, живой ребёнок», как сказал милсдарь Энкрер.

— Десяти-тринадцати?

— Он растёт, — пожал плечами Райнар. — Очень медленно, но растёт. И так же медленно увеличивается возраст его жертв.

— И что в этих записках бессердечного? — Стефан бросил их обратно на стол. — Тот, кто их диктовал, злился на адресата и жаждал мести. Кстати, кому они предназначены?

— Мне, — сказал Ахавель. — Их подкладывали под дверь, передавали с нарочным, прикалывали дротиком к оконной раме. Один раз принесли на блюде с утиным пирогом.

— И что же вы у него украли, капитан?

— Это вздор и выдумки! — рявкнул Ахавель. — Я ничего не крал!

— Тогда почему он так зол на вас? Почему именно вам пишет письма?

Ренни Печёнка вскинул ладони:

— Милсдарь Стефан, вдумайтесь: мы имеем дело с тварью, которая преисполнена лжи и злобы. Капитан Ахавель — один из нас, и этого вполне достаточно, чтобы...

— Похлёбка, ваше судейство вам удаётся не в пример лучше, чем ложь. Может, стоит ещё потренироваться? Стефан усмехнулся и кивнул на дверь: — Например, на матросах. У них, похоже, появились к вам вопросы.

Вот уже какое-то время с палубы доносился приглушённый гул голосов. Было не похоже, чтобы пираты спускали на воду шлюпки и выполняли другие распоряжения Ахавеля.

Теперь гул перерос в отчётливый ропот, краснолюды бранились, грохнул выстрел, за ним ещё один. Потом кто-то попросил не доводить дело до резни, мол, нам бы только с капитаном перекинуться парой слов.

В дверь властно постучали.

Ведьмак отошёл в сторонку, снова скрестил руки на груди.

— Ну что там! — гаркнул Ахавель.

— Дозвольте? — В каюту протиснулся дебелый малый с серьгой в ухе. За ним толпились остальные, скалясь, но решёптываясь, напирая...

— Шлюпки готовы? Судно обыскали?

— Не успели, — сказал тот, что с серьгой. — Растерялись мы, капитан. Разреши ты наши сомнения, уважь.

— Ну, — лениво протянул Райнар, — и какие же у вас, Йорген, сомнения? И где, кстати, боцман? Вы что, порядка не знаете?

— Де Форбин, уж простите, — из ваших. Из тех, значит, которые себе на уме. А мы хотим кой-чего уточнить напрямую, глаза в глаза. — Он оскалился. — Нам обещаны были сокровища. Обещано было, что плывём на остров, где, значить, устроила себе логово крылатая тварь. Которая, значить, эти сокровища собрала и схоронила. Кончим тварь — набьём карманы. Так, братцы?!

— Так! — заворчали у него за спиной.

— Точно!

— Тварь и сокровища!

Ведьмак мельком глянул в оконце: на баке де Форбин о чём-то совещался с Рубанком, Тередо и ещё несколькими людьми из «рыцарей». Все были бледны, все — с оружием в руках.

— И что, — спросил Йорген, — что мы узнаём теперь? Нет никакой твари и не было никогда, а есть то ли низушек, то ли гном какой летающий, то ли вовсе демон. И капитан об этом с самого начала знал. Значить, что — врал нам? С самого начала — врал?!

Толпа взвыла.

— У вас, — зло сказал серьгастый, — свои дела, милсдари. Мы боль вашу сердечную уважаем, о потерях слышали. Понимаем, какой здесь ваш интерес. Одного в толк не возьмём: наш-то — какой? И хотим прояснить это прежде, чем начнётся кутерьма.

— Верно говоришь!

— Нет нам резону шкурой рисковать!

— Да к чёрту морскому такого капитана! — взвился невысокий худощавый пират. — И остров к чёрту! Насмотрелись! Возвращаться надо! А кэп, если хочет, пусть сам и...

— Погодьте, братцы! — вскинул руки Йорген. — Давайте, значить, без грызни. Нам друг другу глотки рвать ни к чему. Пусть капитан-то скажет.

— Пусть скажет!..

— Пусть!..

Ахавель встал, неспеша добыл из кармана трубочку, из другого — кисет. Вот теперь он был спокоен. Теперь — улыбался.

— Так значит, ты представляешь команду, Йорген Склочник? Ты — говоришь за всех?

Серьгастый кивнул с вызовом:

— Говорю.

— Жаль. Я был лучшего мнения о команде. — Он раскурил трубочку и выпустил первые клубы дыма. — Ну-ка напомни мне, Йорген, что я обещал? Остров?

— Остров и сокровища. И где они, капитан?

— Действительно, где же остров? Эй, кто-нибудь, поглядите, не видно ли поблизости острова!

Толпа заревела:

— Не юли, Китобой!

— Брехня, всё брехня!

— С самого начала врал! И про тварь эту! И про ведьмака!

— Да-да! Про Кукушонка-то сбрехал!..

— Вот, — кивнул Йорген, — это, значить, тоже. Ведьмак. Хотелось бы прояснить.

Стефан, всё это время простоявший в углу со скрещёнными руками, кивнул:

— Прояснить — это запросто. Спрашивайте, господа пираты. Только решите для начала: верите вы мне или нет. А то, если нет, — чего воздух сотрясать, верно?

Йорген шагнул к нему, положив ладони на торчавшие из-за пояса пистолеты. Пистолеты у Склочника были парные, с костяными накладками и полустёршейся резьбой: сплошь юные пастушки да фавны.

— Значить, — сказал Йорген, — вопрос-то простой: вы на чьей стороне? Ежли вдруг команда решит вертать назад — вы с нами? Или с ними?

Ведьмак потёр пальцами подбородок.

— Сложный вопрос. Неожиданный. А что, милсдарь Йорген, вот Мойрус, по-вашему, — он с нами? Или с ними? Потому что если с ними — то и чёрт с ним. А если с нами — как-то нехорошо выходит. Бросать своего. — Он покачал головой. — Оно конечно, о пиратах чего только не говорят. И что за грош родную мать прирежут, и что грызутся друг с другом похуже крыс, и что крысы эти самые для них — наипервейшое лакомство, особенно если

под мочу разведённую... опять же история эта, про бочку и боцмана... ну, вы знаете, да? Вот, по лицу же вижу, что не просто знаете, а, как бы это сказать, чтоб не задеть невзроком...

Йорген слушал его сперва, часто моргая, затем стал наливаться багровым, как будто вот прямо сейчас сидел в той самой бочке и испытывал, значить, известные ощущения.

Дальнейшее заняло секунд тридцать.

Йорген ухватил пистолеты за рукояти и потянул на себя. Ведьмак ударил ладонями по разведённым локтям. Левый пистолет выстрелил. В толпе завопили, кто-то запрыгал на одной ноге.

Йорген врезался головой в переборку и обнаружил, что пальцы Стефана вздёргивают его за нос наподобие двух стальных крюков. Между тем запястье правой руки Склочника хрустнуло под ведьмачьей хваткой. Слышно было довольно отчётливо, хотя подстреленный надрывно мычал сквозь закушенный рукав.

Очевидно, вопрос был решён.

Ведьмак выдернул оба пистолета и аккуратно положил на стол перед Ахавелем. Кивнул Китобою, тот кивнул в ответ и поднял не стрелявший. Проверил, есть ли порох, взвёл курок.

Толпа попятилась. Йорген, издав нечто среднее между рыком и стоном, попытался отползти.

Ахавель поднял пистолет:

— Ещё хоть слово — и эту пулю я выпущу в твою голову. И заметь, Йорген: я всегда выполняю обещанное. Нука, кто-нибудь помнит, какую славу снискала «Удача висельника»?! Я начинал на ней боцманом, а потом водил её добрых десять лет. После чего ко мне пришёл Ренни, и я принял штурвал «Слепого Брендана». Как и у всех, у нас были хорошие дни и плохие дни. Но никогда никто из моих людей не мог сказать, что Ахавель Китобой подвёл его. Правду я говорю? Слышали вы когда-нибудь другое?!

— Никогда...

— Что верно, то верно: не было...

— Сандро Пол-Уха говорил, ты им ещё из своих при платил в тот чёрный рейс, когда «леопарды» наседали вам на пятки и в конце концов выпотрошили призовую кар веллу.

Ахавель кивнул:

— Точно, выплатил. И в этот раз выплачу, если что пойдёт не так. Тем, кто не поджимал хвост и не драл гор ло, — выплачу. Потому что, раз уж вы заговорили о «тех» и «этих», вам следует кое о чём вспомнить. Я забочусь о *своих_* людях. Своих я не бросаю в беде. И поэтому Мойру са я здесь не оставлю, как не оставил бы любого из вас.

Капитан вышел из-за стола. Йорген сплюнул на пол алым и выпрямился, насколько мог.

— Ну и наконец об острове и сокровищах, — сказал Ахавель. — Остров — вот он, за бортом. Сокровища... ну что ж, сами они к нам точно не приплывут. Пойдём и пои щем, — и убьём наконец тварь, которая сорок лет не дава ла покоя всему Восточному побережью! Кто со мной?

Команда заревела — аж задрожали переборки. Йоргена подхватили под руки его же приятели — и поволокли по дальше от греха.

— Де Форбина ко мне! — велел Ахавель. — Немедленно!

Он сунул пистолет за пояс, кивнул вошедшему красно люду.

— Всем — по кружке неразбавленного рома. Отбери верных людей, часть из них оставь на борту. Всех про чих — в шлюпки, пусть разобьют на берегу лагерь, зай мутся пополнением припасов, дровами, чем угодно, толь ко не сидят без дела. И пусть «рыцари» готовятся: через час отправляемся на поиски.

Когда дверь захлопнулась, он повернулся к ведьмаку, всё это время с любопытством за ним наблюдавшему.

— Благодарю за поддержку, мэтр.

Стефан пожал плечами:

— Вы бы и сами справились. Но не стройте иллюзий...

— Плевать на иллюзии. Вы в деле? Или будете сидеть сложа руки и ждать, пока он доберётся до вас?

— А вдруг мы с ним поладим? То есть — я, а не вы, конечно.

— Тебе ведь, — заметил Райнар, — понравился Мойрус. Неужели не поможешь его спасти? Точней, — добавил он, понизив голос, — её.

— Её?

Райнар кивнул:

— В этом деле нам нужны были два профессионала. И вот представь себе: в мире полным-полно тех, кто за деньги убивает чудовищ, — и почти нет тех, кто изучал бы мёртвые языки. Поразительный факт, если вдуматься.

— Что с её братом?

— Года полтора назад он пропал из спальни в родительском доме. Мальчику тогда было тринадцать лет. Жили они в Кульярче, на побережье. Мы, исследуя все подобные случаи, узнали, что у родителей была ещё дочь и что теперь эта дочь учится в Оксенфурте.

— Сразу поясню, — добавил Ахавель, — в Манускрипте нет ни слова о том, как найти остров. Мы это знали, *он* писал об этом в записках, и не раз. Манускрипт поможет нам убить чудовище. Потому что, милсдарь Стефан, будь это обычный человек или обычный зверь, мы и без вас бы справились. Но он... — Капитан покачал головой. — Обычно оружие его не берёт. Ни сталь, ни порох. Ни даже магия.

Ведьмак промолчал.

— Мы отправились за вами, когда Мойра сказала, что она сделала черновой вариант перевода. Оставалось несколько дней, я спрашивал у неё, и она... она была близка к разгадке.

Стефан поднял, проглядел записи Мойры и с досадой бросил обратно: сплошь прямоугольники, стрелки, кружки да иногда — отдельные слова.

— Думаю, — сказал ведьмак, — она действительно близка к разгадке. Прямо сейчас — как никогда прежде.

17

Она очнулась на траве, ветер шевелил стебли и щекотал ей шею. Солнце било в глаза, но Мойра не спешила их открывать.

— Х-ха! Вот так-то, жалкие трусы! Так намного лучше! Давайте-давайте, Петер ждёт вас!

Она слышала, как совсем рядом кто-то вышагивает, сшибая палкой верхушки цветов. Потом приоткрыла глаза и увидела, что это не палка, а меч.

— Петер, — сказал незнакомец совсем другим тоном. — Петер... это я — Петер. Не забыть, не забыть!.. Почему он назвал меня «Лука»? Это какая-то хитрость, точно, хитрость и подлость, чтобы сбить с толку! Они заодно с моим братцем, вот что! Заодно! Один украл воспоминания, второй хочет украсть имя! Не выйдет, сволочи вы этакие!

Он резко обернулся — и она не успела притвориться, что лежит без сознания.

— Ага! Ну наконец-то!..

Лицо у него было узкое и бледное, а глаза — огромные, необычайно живые. Голубые, будто майское небо. Тонкий рот, бескровные губы и нос чуть вздёрнутый, вот самую малость.

Не скажешь, что симпатичный, но что-то в нём есть.

— Вставай, — мальчишка протянул ей руку. Ногти на пальцах были обломаны и обкусаны, но Мойра видывала на «Брендане» и не такое.

— Смотри, у них всё-таки хватило духу! — Петер подвёл её к краю скалы и кивнул вниз. Остров был как на ладони: холмы, речка, зелёная пена джунглей... Справа — залив, и к пляжу медленно подгребали шлюпки, отсюда казавшиеся не крупнее водомерок.

— Они наконец-то высаживаются!

Мальчишка торжествовал, и ей отчего-то вдруг стало страшно. Даже на «Брендане», даже в самые первые дни, она не испытывала такого ужаса.

— Кто ты такой? Как я сюда...

И тут она вспомнила — как. Было раннее утро, Мойра проснулась от стука, но не в дверь, а в окно. Там висел головою вниз вот он, этот мальчишка с большими глазами. Шепнул: «Открой, скорее», и Мойра открыла. Он подхватил её под мышки, мир закружился, она увидела, как перед глазами проносятся волны, и тень её скользила по ним, и что-то было во всём этом неправильное, но что именно — она не успела сообразить. Поскольку самым позорным образом лишилась сознания.

— Я? — Мальчишка подбоченился и хмыкнул: — Я величайший герой обеих побережий, рыцарь без страха и упрёка, гроза пистеров и ксифиев, друг тритонов, покоритель Крепости Синих Клыков, ветеран Приречной битвы и капитан Свободных мальчишек! Но ты можешь звать меня просто Петер.

— И что мы здесь делаем, «просто Петер»?

Он моментально оказался рядом с ней, и Мойра обнаружила, что лезвие меча замерло у её подбородка.

— Никогда не смей шутить надо мной! Слышишь?! Никогда!

— А ты, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал, — никогда не смей поднимать на меня руку. Тебя что, не учили хорошим манерам, _*рыцарь*_?

Мальчишка засопел и сделал вид, будто у него засвербило под лопаткой. Пришлось вернуть меч в ножны и хорошенько себя почесать.

Мойра ждала — что ещё ей оставалось.

— Ну вот что, — сказал Петер, — мир, да? Ты мне нужна... кстати, как тебя зовут, не Мойрусом же? И чего это ты вырядилась в мужское платье? А, понял: твоя любимая пиратка — Энн Кровавая, верно? — Он заулыбался так, будто нашёл мешочек с цукатами. — Я лично обожаю баллады о ней, особенно ту, в которой Энн обманула капитана с «Бирюзового жеребца»! Ягуар, если в настроении, здорово её поёт, вот услышишь. Ну что, ты готова?

— Готова к чему?

Он смачно хлопнул себя по лбу:

— Вот я балда! Самое главное не сказал. Мы ж летим знакомиться со Свободными мальчишками! Прямо сейчас!

Мойра наконец вспомнила про Луку, и ноги у неё подкосились. Но Петер, кажется, не заметил: он снова подхватил её под мышки, и... да, они вдвоём взлетели, просто взяли и воспарили, как будто не весили ни унции.

Она оглянулась убедиться, что у него не выросли крылья. Петер ответил ей задорной улыбкой и крикнул:

— Не бойся, не упущу!

Держал он и вправду крепко, но вместе с тем очень деликатно. В Оксенфурте у неё были ухажёры, и ни один (ладно, ладно! — ни один *из двух*) никогда не прикасался к ней с такой искренней нежностью.

— Смотри! Эти трусы собрались здесь жить, не иначе!

Петер нёс её прямо к пляжу, на котором высадились пираты. Шлюпки отправились за следующими, а эти, на берегу, собирали хворост и рубили деревья на дрова. Двое волокли к роднику пустую бочку, ещё трое, похоже, намеревались отправиться за дичью.

— Эге-гей! — позвал Питер. Он свистнул — да так пронзительно, что у Мойры аж заложило уши. — Готовьтесь к бою, кишкоеды!

Все разом обернулись, и многие вскинули ружья. Мойра зажмурилась. Ветер бил в лицо, обжигал, и она ждала, что вот сейчас и пули — ударят, обожгут...

— Они не посмеют, — шепнул ей Петер. — Не бойся, слышишь? Ты будешь нашей мамой, а мамы ничего не боятся... я знаю.

Он взмыл выше, так что теперь они неслись над самыми верхушками пальм. Попугаи горланили им вдогонку свои птичьи ругательства. Мойра открыла глаза, хотя сейчас ей было ещё страшнее. Мелькали громадные перистые листья, чьи-то удивлённые морды с носами, клювами, с

колючими гребнями. Один раз далеко внизу она заметила как будто старую крепость и пару надвратных башен.

— Буду мамой? — переспросила Мойра, чтобы только не молчать. — Разве вы сироты?

— В некотором роде, — ответил Петер после паузы. — У меня, например, есть брат... но это не важно. Ты просто не понимаешь! Каждому мальчишке нужна мама.

— О, что уж тут непонятного! — не удержалась Мойра. — Конечно, нужна. Чтобы подтыкать одеяла, рассказывать на ночь сказки и штопать носки, верно?

— Нет, — тихо сказал Петер. — Нет, не для этого. Как будто ты не знаешь!.. Мама нужна, чтобы любить.

Дальше они летели в молчании — над холмами, потом над рекой, и Мойра наконец осмелилась посмотреть вниз и поняла вдруг то, чего её разум, закалённый в оксенфуртских дебатах, приученный мыслить рационально, всё это время не желал принимать. По перистым листьям, по траве, по водной глади — везде, где они проносились, скользила лёгкая и невесомая тень Мойры. Везде — она, только она одна.

Потому что Петер тени не отбрасывал.

18

— Первому, кто выстрелит, — сказал Ахавель, — разнесу голову.

Он стоял у шлюпок, курил трубочку и, щурясь, глядел на удалявшиеся фигурки Мойры и мальчишки.

На тех, кто целился в них, даже не посмотрел.

— Да ведь вы ж сами хотели!.. — прохрипел Тередо. — Капитан, это ж точно он!

— Я бы его прикончил. — Пират с заплетёнными в косицы седыми волосами сплюнул и в упор уставился на Ки-

тобоя. — Легче лёгкого. Добрый заряд свинца любого остановит.

Ахавель фыркнул:

— А как насчёт Мойруса? С этакой-то высоты — поймал бы ты его, Стрелок? Легче лёгкого?

Пришли ещё две шлюпки с людьми. Ренни Печёнка спрыгнул в волны и первым вышел на пляж.

— До сумерек у нас есть часов семь. Когда отправляемся, капитан?

— Только вас и ждали. Де Форбин?

— Готово всё, милсдарь Ахавель. За старшего тут останется Зеркало. За кораблём приглядят Райнар и Мо... Хотя, воля ваша, я бы взял Мо с собой.

— Скольким людям, — тихо спросил Ахавель, — ты можешь здесь доверять? Йорген, конечно, был зачинщиком, но если б они не были с ним согласны...

Выступили небольшим отрядом в десять человек. Вёл тот седовласый, с косичками. Звали его Демиро Стрелок, и похоже было, что, прежде чем попасть на борт «Брендана», он не один год буканьерствовал на Шёлковых островах. Первым делом Демиро велел всем надеть сапоги и повыше поднять голенища. Потом назначил порядок следования и дважды повторил, чтоб никто не отставал, не хватался без необходимости за ветви и листья, не шумел и не палил без разбору во всё подряд. К некоторому удивлению Стефана, Демиро выслушали молча. Более того — честно пытались следовать его советам.

Что не помешало Кольсону Бледному минут через пять наступить на сколопендру, заорать и выстрелить в неё из пистолета. Поскольку сколопендра была размером со швабру, он не промахнулся. А так как в этот самый момент она рвала в клочья сапог, одним выстрелом Бледный убил, грубо говоря, двух зайцев.

К счастью, до лагеря было рукой подать; Кольсона снабдили костылём и отправили обратно.

Дальше шли в тягостном молчании. Едва заметная тропка вела на северо-восток... более-менее, ибо петляла столь часто, что замыкавший цепочку ведьмак почти никогда не видел Демиро.

Свет сюда едва проникал через щели в лиственном пологе. Почва пружинила под ногами, порой отчётливо чавкала. Цветы источали дурманящие ароматы, какие-то твари жужжали, сновали по веткам, с упоением жевали друг друга.

Через пару часов сделали первый привал. Демиро оставил всех отдыхать возле узкого ручейка, а сам отправился на разведку.

— Этак, — проворчал Рубанок, — мы здесь можем до конца времён мыкаться. А главное: дальше-то что? Вот найдём его берлогу или где он там живёт... — и? Если ни магия, ни пули, ни сталь не берут его...

Стефан повернулся к Ахавелю:

— Кстати, давно хотел спросить: почему вы так в этом уверены?

— Потому что, — сказал Ренни, — проверяли.

Он сидел, привалившись спиной к замшелому валуну, дышал тяжело и время от времени утирал пот со лба.

— Проверяли?

Ахавель наклонился к ручью, зачерпнул полные горсти и плеснул себе на шею.

— Слыхали, — спросил, не оборачиваясь, — о конторе Костелло и Костелло?

— В шестьдесят пятом они разорились или что-то вроде. Чердианские стражники двое суток не просыхали от радости: всё-таки нежданно избавились от людей, благодаря которым совершалась большая часть заказных убийств.

— Ребята работали по всему побережью, — кивнул Печёнка. — Но и они сплоховали.

Ахавель снова плеснул водой на шею, провёл ладонями по лицу.

— Я нанимал их, ещё до знакомства с «рыцарями». Записки он присылал мне с сентября шестьдесят третьего, в том числе с приглашением. Костелло начали с засады на площади Хмельного Колеса. Отправили троих, думали, этого хватит с головой. Все трое как в воду канули. Была ещё одна засада, с тем же результатом. Пошли слухи, мол, Костелло уже не те... ну, вы знаете, как оно бывает. Для братьев это стало делом чести. Я добыл для них каракку, взял на себя ремонт, команду наняли в складчину: Костелло оплатили треть суммы. Хорошая была каракка, и команда годная. В последний раз их видели неподалёку от Межи.

— Пять боевых магов, — покачал головой Ренни. — До сих пор не могу поверить.

— Да уж поверь: лучшие из лучших, братья с кем попало не сотрудничали.

— И как вы это объясняете? — спросил Стефан. — Учитывая, что ни существование богов, ни существование демонов пока не доказано... А впрочем, положа руку на сердце, он на них и не похож. Просто неуязвимый мальчишка, которого вы пытались убить.

Ахавель расстегнул сумку, которую носил на боку, достал оттуда исписанные листы и присел рядом с ведьмаком и Печёнкой.

— Я думаю, разгадка — здесь. Вы, мэтр, может, попытались бы расшифровать? Насколько я знаю, ведьмаков обучают Старшей речи. А вот это... что это может значить: «насытить ненасытного», «изнанка памяти» какая-то?..

Стефан к листам даже не прикоснулся.

— Вряд ли кто-нибудь, кроме Мойруса, во всём этом разберётся. А скорее всего, и он ничего не поймёт. И вы, капитан, сами знаете почему.

Китобой пожал плечами и принялся проглядывать листы, отчаянно дымя трубочкой. Печёнка сидел рядом, полуприкрыв глаза.

Чуть поодаль краснолюды о чём-то приглушённо спорили. Йохан Рубанок рассекал ладонью воздух, Бартоломью де Форбин качал головой: «Допустим, да, а потом-то что с ним?..»

— А вот, — внезапно сказал Родриго Двухголосый, — вот если всё-таки они живы?..

Все замолчали и уставились на него.

— Если всё-таки, — повторил штурман, — наши дети живы? Я думаю, это очень даже... Почему нет? Да здесь на одних фруктах, даже если не охотиться, — хоть сто лет живи! Не знаю, как вы, а мы с племянниками уедем подальше от побережья. На Равнины, а может, и к водопадам. Туда, где никогда не слышали о «Брендане» и об этой чёртовой твари. Мальчики должны получить хорошее образование. Денег хватит. Конечно, хватит. Я подыщу работу — такие, как я, везде нужны, верно? И будем жить припеваючи. — Он обвёл их всех тревожным взглядом: — Что вы молчите? Не верите? Да бросьте — Бартоломью, Макрен, Йохан, Тередо, Ренни? Капитан?!

— Сначала, — тихо прохрипел Тередо, — сначала я тоже верил. Сам знаешь, Дриго: когда ворочаешься по ночам, думаешь и, мать его, думаешь. А чем больше думаешь... Но это всё вздор, Дриго. И ты это поймёшь, если пораскинешь мозгами. Сколько лет прошло. Если они и живы... — Двухголосый хотел было возразить, но Тередо повысил голос: — Если они, говорю я, даже и живы, за это время — наверняка стали другими. Как и мы.

— Всё так, — кивнул Макрен. Потёр круглую белёсую отметину на щеке, снова кивнул. — Иногда я думаю, что, может, они действительно живы. Мало ли. Это же Безумное море. А потом я пытаюсь вспомнить, как он выглядел. Просто вспомнить лицо Вильфа... Ров_и_на — та помнит, когда я был у неё в последний раз, она... В общем, — глухо закончил он, — в общем, иногда я думаю, что лучше бы...

— Хватит, — сказал Печёнка. — Всё это пустая болтовня. Просто вспомните, скольких эта тварь украла за сорок

лет. Да здесь, мать его, должен быть целый сраный город мальчишек.

Они замолчали. Вокруг сварливо переругивались птицы, гудели шмели размером с крупную клубничину. Ведьмак правил лезвие одного из подобранных в арсенале кинжалов.

Минуты через две вернулся Демиро Стрелок.

— Ну что там? — спросил Ахавель, оторвавшись от изучения листов.

Демиро коротко ответил в том духе, что, мол, сами увидите, и, мол, лучше бы поторопиться. Теперь он поменял порядок следования: замыкающим поставил Макрена, а Стефана — сразу за собой.

— Надеюсь, — сказал ему вполголоса, — вы знаете, что делать, когда мы найдём этого летуна.

— Вопрос в другом, — так же негромко сказал ведьмак. — Дадут ли мне это сделать?

Сейчас Демиро вёл их напрямик сквозь заросли, ориентируясь по едва заметным засечкам на стволах, по надломанным веткам.

— Что, — не выдержал наконец Печёнка, — разве по тропе не было бы проще?

— Было бы, — отозвался Стрелок. — Только там ловушки, штук семь. А вы ведь не хотите, чтобы он узнал о том, где именно мы сейчас находимся? Хотя, — добавил, усмехнувшись, — на внезапность нам вряд ли стоит рассчитывать.

Вскоре они вышли на взгорок, с которого видна была гряда поросших деревьями холмов. И там, на склоне одного из холмов, притулилась небольшая крепость. Деревянный частокол в полтора человеческих роста окружал две кривые башенки и нечто, походившее на округлый каменный дом.

— Целый сраный город? — переспросил Родриго. — Ну и чем тебе, Печёнка...

— Да разуй глаза! — рявкнул Ахавель. — Там же ни души.

— Я немного понаблюдал за ней, — спокойно сказал Демиро. — Пусто. Но кто-то может прятаться внутри. Тут недалеко были следы. Относительно свежие.

— Самое время, — заметил ведьмак, — кое-что прояснить. Кое о чём условиться, чтобы не было недоразумений.

Ахавель обернулся к нему, но Стефан вскинул руку:

— Выслушайте, это важно. Вы заставили меня ехать с вами и говорили, что наняли для защиты от чудовищ на Меже. Затем выяснилось другое: я должен убить некую летающую тварь. Которая, в свою очередь, оказалась не тварью, а мальчишкой лет тринадцати.

— Сорока семи!

— Мальчишкой, — согласился ведьмак, — лет сорока семи, который, тем не менее, выглядит и ведёт себя как тринадцатилетний. Сейчас у этого мальчишки то ли в гостях, то ли в плену ваш медик. Который — и это удивит некоторых из вас — на самом деле медичка.

Он переждал шквал изумлённых и возмущённых возгласов.

— Всё это подводит нас к очень простому вопросу: чего вы хотите? То есть: чего вы хотите вообще и чего — от меня. Мойра не успела расшифровать Манускрипт, а сталь, порох и магия против мальчишки бессильны. Вы бросились в погоню, не представляя, что будете делать, когда догоните. Очевидно, рассчитывали на сталь, порох, магию и ведьмака с его особыми умениями. Так вот что вам скажет ведьмак: от всей этой истории за версту тянет гнилью. — Он оглядел их всех. Двое отвели взгляд. — Я хочу спасти девушку. И хочу разобраться, что здесь происходит на самом деле. Вам, скорее всего, на это наплевать: вы уже всё решили. Но, — сказал ведьмак, — если Манускрипт действительно так важен, без Мойры вам не обойтись. А это значит, не стоит палить в мальчишку сра-

зу же, как только увидите. Может статься, только он знает, как её найти. Попытайтесь это себе уяснить.

— Звучит разумно, — кивнул Бартоломью де Форбин. — И предлагаю на этом пока остановиться, чтобы... — он кашлянул, — чтобы идти наконец в крепость. Тьфу, звучит по-дурацки, но...

— Но верно, — поддержал его Родриго. — Ведьмак дело говорит.

Тередо сплюнул и пожал плечами:

— Да насрать, что он там говорит. Стрелять или не стрелять — это мы и без него решим. И я хотел бы посмотреть, как он нам...

— Хватит! — отрезал Китобой. — Милсдарь Стефан сказал, мы послушали. А теперь пойдём.

Они спустились в долину и направились к частоколу. Вблизи он выглядел попросту жалко. Брёвна даже не обтесали как следует, их воткнули в неглубокие ямы и едва укрепили, после чего наскоро обмотали лианами. С тех пор лианы сгнили и теперь висели, будто почерневшие кишки (смердели — так же).

Всё это сооружение развалилось бы при первой же попытке его штурмовать... правда, взбрести подобное в голову могло лишь отряду безумцев. Точнее, слепых безумцев — ведь справа в частоколе чернел провал шириной с замковые ворота.

Демиро велел ждать его снаружи. Они ждали, прислушиваясь к тому, что происходило за частоколом.

Потом Стрелок явился, хмурый больше обычного.

— Следы есть, но двух- или трёхдневной давности. В остальном... лучше разделиться и обыскать всё сверху донизу. Потом решим, что дальше.

Они вошли во внутренний двор — и поняли, что на самом деле перед ними вовсе не крепость. Или, если угодно, — крепость, но отнюдь не рукотворная.

И башни, и каменный дом по центру были обнажениями скальной породы: пористыми, полыми. Когда-то, ви-

димо, обжитыми — но брошенными уже много месяцев назад.

— Будьте очень внимательны, — сказал Демиро. — Если найдёте что-нибудь интересное или необычное, зовите меня и ведьмака. Не трогайте. Помните: кто-то на этом острове умеет ставить ловушки. Может, это летающий мальчишка, а может, и кто-нибудь другой.

— И главное, — вмешался Родриго, — пожалуйста, не убывайте: где-то здесь могут быть дети!

Они разбились по двое-трое и разбрелись: одни в «башни», другие в каменный «дом», а Йохан с Печёнкой — чтобы осмотреть внутренний двор крепости.

— Вы учтите, мэтр, — шепнул Стефану де Форбин, когда они вдвоём шагали к левой «башне». — Если что — мы с вами, я и Йохан. Убивать... что за дело, это всегда успеется. А мы хотим расспросить его, кем бы он ни был. Хотим узнать, что случилось с Даго.

Ответить ведьмак не успел: с дальней стороны двора донёсся изумлённый крик. Кричал Йохан Рубанок, и, похоже, он был очень напуган.

Вскоре стало ясно — почему.

19

— Ну вот мы и дома. — Она почувствовала на щеке его дыхание. Обычное человеческое дыхание, ничего сверхъестественного.

Рядом грохотал водопад. Мойра и Петер стояли на узкой каменной тропке, огибавшей край каменной чаши. Вода бурлила и билась о стенки, в воздухе висела серебристая пыль.

— Ты побудь здесь, я сейчас. — Ему снова пришлось прижаться к её уху губами, иначе Мойра ничего бы не услышала. А кричать он отчего-то не хотел. — Хочу сделать им сюрприз.

Проказливо усмехнувшись, Петер скользнул в заросли. Обычный человеческий мальчишка. Только без тени.

Мойра выждала минуту-другую и пошла за ним. Дольше она ждать не могла. Лука пропал девятнадцать месяцев назад, и с тех пор — точнее, после того, как узнала об этом, — Мойра места себе не находила. Она знала, что это глупо, но почему-то верила: если бы послушалась родителей и не поехала в Оксенфурт, с Лукой ничего бы не случилось. Хотя ему на этот раз было двенадцать, а не шесть, и уехать учиться в университет — это не то же самое, что пойти с подружками к ратуше смотреть на заезжих акробатов.

Впрочем, и пропасть без вести — далеко не то же самое, что упасть с каштана и сломать ногу.

Каменная тропка вела к водопаду. Мойра набрала в грудь воздуху и шагнула сквозь прохладную прозрачную стену. Конечно, моментально вымокла до нитки, но это её сейчас волновало меньше всего.

По ту сторону обнаружился узкий карниз, а чуть дальше — широкое скруглённое отверстие в стене. И хлюпающий носом пухлощёкий паренёк.

— Привет, — сказала Мойра. — Ты чего?

Он уставился на неё так, будто увидел призрака. Лет пухлощёкому было десять, не больше.

— Пр-ривет. А т-ты... т-ты откуда вообще? — он икнул и попытался стереть влагу со щёк.

— Я с корабля, — сказала Мойра. — А ты?

— А я — из Чердиана. — Глаза у него были покрасневшие, а кожа бледная, вся в ссадинах и царапинах. — Я... мы тут... играем.

— И давно играете?

Пухлощёкий задумался.

— Не знаю, — сказал тихо. — Давно... наверное. Слушай, а твой корабль... он здесь? — Дождался кивка и беззвучно, одними губами прошептал: — Заберёшь меня с собой?

— Тебе не нравится играть?

Он затрясся. Да у него, поняла Мойра, сейчас начнётся истерика. Вот же я дура, такие вопросы задавать!

Она присела перед ним на корточки, положила ладони на плечи:

— Успокойся, пожалуйста. Конечно, я заберу тебя. Ну и как иначе?! Но сперва мне потребуется твоя помощь, слышишь?

Пухлощёкий на удивление быстро взял себя в руки. То есть, конечно, он шмыгал носом и плечи у него дрожали, но зато отвечал внятно и быстро.

— Как тебя зовут?

— Хомяк. Но вообще-то я Марк, Марк Витковер.

— Хорошо, Марк. Сколько вас здесь?

— Когда как. Сейчас — семеро. Это если с Петером.

— Где все?

— В Доме. — Он дёрнул подбородком в сторону тоннеля. — И Петер тоже.

— А ты — почему ты здесь?

Вздох — глубокий и горестный.

— Вообще-то я на посту. Ну, сторожу, чтобы никто не подобрался. Но вчера мы весь день готовили ловушки, и... — Ещё один вздох. — Я ж не знал, что он так рано вернётся. Он обычно, если улетал на корабль, нескоро... Подожди! Так ты — с того самого корабля?!

Она кивнула. Вряд ли тут поблизости было ещё одно судно.

— Ох... Ну, тогда мне конец.

— Да почему, Марк?! Почему?!

— Потому что я заснул на посту. Так все делают, но меня-то Петер застукал. А он сейчас сам не свой. Ох...

— Послушай, Марк, но это игра, всего лишь игра...

— А вот и нет, — сказал Петер, выпрыгивая из отверстия в стене. — Нет и нет. Всё это всерьёз, и Хомяк знал с самого начала, что́ ему грозит, — верно, Хомяк?

Он усмехнулся и поглядел на них совсем другим взгля дом. Мойре были знакомы этот взгляд и эта усмешка. Ро но такие же бывали у дядюшки Клименса, когда тот при нимал свою утреннюю порцию рома, — и после этого пер чить ему осмелился бы лишь безумец; ровно с такими же взглядами соседские мальчишки стреляли из луков по птичьим гнёздам и поджигали муравейники.

Она сжала кулаки и поднялась, заслоняя собой Марка.

— Ты ведь хотел, чтобы я стала вашей мамой. Тогда тебе — всем вам — придётся меня слушаться. Перестань его запугивать, Петер. Оставь его в покое.

Какое-то время он просто смотрел ей в глаза. Потом по жал плечами:

— Ты не понимаешь... Он спал на посту, а пираты они ведь не такие благородные как мы, — верно, Хомяк? Они не будят врага. Они убивают тебя во сне. — Петер пре зрительно сплюнул и добавил тихо: — И я, чтоб ты знала, никогда не запугиваю. Ни-ког-да!

Мойра едва не дала ему по шее.

— Послушай, Петер, никто никого не будет убивать, ни во сне, ни наяву. Понимаешь?

Он только усмехнулся и снова пожал плечами.

— Ладно, — сказал, — пошли, я познакомлю тебя с остальными. Хомяк, если хочешь, можешь идти с нами.

— А как же?.. Мы что, не выставим часовых?

— Ты ведь слышал, — отрезал Петер, — никто никого не будет убивать. Пошли!

Тоннель привёл их в огромный зал с колоннами из сросшихся сталактитов и сталагмитов. Колонны эти излу чали приглушённое янтарное сияние. Впрочем — доста точно яркое, чтобы Мойра разглядела грязь на полу и влажные потёки на стенах. И всё остальное...

— Вот, это наш Дом-под-землёй! Тайные чертоги Сво бодных мальчишек! Эй, где вы там, лентяи, — поздоровай тесь с нашей мамой!

Вообще-то они уже были здесь, стояли за двумя колоннами по центру зала и глядели во все глаза.

– Добрый день, — сказала Мойра. — Рада познакомиться.

Петер сделал яростный жест рукой — и они наконец вышли навстречу.

— Ну скажите же что-нибудь, остолопы! Не обращай внимания! Они тут совсем одичали!..

Мойра через силу кивнула. Ей хотелось кричать. Хотелось схватить их всех за руку, увести отсюда, искупать, причесать, одеть в чистое, накормить. Хотелось защитить и сделать так, чтобы с замурзанных лиц навсегда исчезло это загнанное выражение.

Хотелось плакать.

У двоих самых взрослых были глубокие шрамы на щеках и груди. Рваные и кривые, но хотя бы чисто зажившие. У худощавого парнишки мизинец на левой руке был сломан, а вправить никто так и не догадался. Лицо юного низушка покрывала мелкая багровая сыпь. Похоже было на аллергию, но так, навскидку, разве определишь?

Волосы у всех давно не мыты и превратились в подобие птичьих гнёзд. Под ногтями грязь, вместо одежды — заштопанные до дыр обноски. Пахло от них соответствующе.

— Здрасьте, — сказал худощавый. Он яростно поскрёб шею, вздохнул. — Мы тоже... это... рады. Очень.

Двое тех, что постарше, переглянулись, осклабились и закивали.

— Ну, — воскликнул Петер, — к столу! Закатим же пир на весь мир! Сегодня самый важный день в истории!

— Ух, круто! — сказал низушек. — А... почему?

— Почему, балда ты этакая? Да потому, что сегодня у нас наконец-то появилась мама! Это во-первых. А во-вторых, очень скоро мой заклятый враг получит по заслугам. Несправедливость, совершённая сорок лет назад, будет исправлена. И мы заживём безбедно, лучше прежнего!

Петер подпрыгнул до потолка и издал воинственный клич. Мальчишки нестройно завопили в ответ, вскидывая кверху сжатые кулаки.

— Так, а что у нас на обед? — Петер подошёл к невысокому изящному столику из дерева и слоновой кости, с мозаикой в виде морской баталии. На столике лежали подгнившие фрукты, на фруктах сидели мокрицы и жирные медлительные жуки.

Петер презрительно пнул столик и обернулся к мальчишкам:

— И это, по-вашему, праздничный обед?! Это — достойно самого важного дня в истории?! Орёл, Ягуар — мы с вами пойдём добывать еду! А остальные пусть приберутся и украсят Дом! Правильно я говорю, мама?

— И умоются, — твёрдо сказала Мойра. — Умоются и приведут себя в порядок.

— Угу, и это тоже, — бросил Петер через плечо. Он подошёл ко входу в тоннель, нетерпеливо махнул рукой, мол, давайте за мной, ну же, — и скрылся во тьме.

Мальчишки между тем стояли растерянные. Наконец двое старших пожали плечами и пошли вслед за Петером.

— Что-то не так? — спросила Мойра у Марка.

— Он путает, — шепнул худощавый, со сломанным мизинцем. — Это всегда, когда он становится... хуже.

— Да чего там, — сказал низушек, — он никогда и не пытался запомнить наши имена. Мы тут все с прозвищами, кто Угорь, кто Вепрь... Я вот — Слон. Он думает, это смешно. Хотя, в общем-то, действительно смешно — ему.

— Но, — добавил Марк, — когда он становится _*короче*_, память... ну, память у него тоже как будто ужимается. Он тогда и прозвища наши путает. Новые придумывает на ходу.

— Мы ему напоминаем, — сказал остроносый паренёк с фингалом на скуле. — Так, ненавязчиво. Иначе... — он потрогал пальцами фингал. — Ты, кстати, если что, тоже

ему напоминай. Здесь когда-то давно была мама, ещё до нас, и он может...

— До вас? Это как?..

— Так ведь... мы, по правде сказать, здесь не так давно. Орёл вон с Ягуаром из нас самые старожилы.

— А что произошло с теми, кто был до вас?

Мальчишки отворачивались и прятали глаза.

— Давайте уже наводить порядок, — умоляющим тоном произнёс худощавый. — Они ведь скоро вернутся!

Ребята побрели к столику, вытащили откуда-то холщовый мешок и стали сбрасывать туда фрукты. Марк крутил головой по сторонам:

— Эй, веник никто не видел?

Мойра шла вдоль стены, переступала через высохшие листья, через груды мусора, в которых копошились мыши и многоножки, через ветхие сундуки, бочки, истлевшую ветошь. И рядом — то роскошное кресло, то старинный резной шкаф...

— Как вы здесь живёте?!

— Да скоро ему уже надоест, и мы отсюда съедем, — сказал Марк. Он отыскал некое подобие веника и теперь решал, с чего бы начать уборку. — Мы всё время меняем Дома. Это большой остров, хватает.

— Марк, — шепнула она, — ты сказал, сейчас вас здесь семеро. А раньше?

Он пожал плечами:

— Иногда Петер приносит новых. Иногда... сама понимаешь, бывают разные приключения, в том числе опасные. На то они и приключения, да?

— Но когда я пришла, когда Петер тебя отчитал, — ты боялся не приключений.

Марк сглотнул.

— Иногда он делается... хуже. Хуже, понимаешь! Тогда ему нужно кого-нибудь укоротить. Вот и всё.

— Он убивает вас?!

— Лучше бы убивал, — сказал из своего угла худощавый. Подхватил мешок и поволок к выходу.

— Петер укорачивает нас, — шепнул Марк. — Просто берёт нож и укорачивает. Сегодня он решил, что следующим буду я.

20

В дальней части внутреннего двора, за каменным «домом», росли две акации. Одна — поменьше, кривенькая и низкая, другая — повыше и покрепче. На ней — той, что повыше, — висел в петле мальчик.

— Хорошо же ты тут огляделся, — сказал Ахавель.

Демиро молча обошёл вокруг акации, не спуская глаз с висевшего. Мухи раздражённо жужжали и метались над головой.

— День или два назад, — сообщил наконец Стрелок.

Родриго изогнул шею, заглядывая в лицо ребёнка. Потом вздохнул со странной смесью ужаса и облегчения.

Ведьмак достал пистолет и выстрелил. Пуля перебила верёвку, и тело упало вниз.

— Какого чёрта?! — зашипел Ахавель. — Предполагалось, что мы не будем привлекать к себе внимание.

Стефан пожал плечами и присел на корточки перед трупом.

— Я как-то не заметил, чтобы было много желающих лезть наверх и снимать его по-другому.

Задержав дыхание, ведьмак быстро осмотрел тело. Потом встал и пошёл сполоснуть руки в текущем неподалёку ручейке.

— Сам? — спросил Демиро.

— Похоже на то. Руки-ноги связаны не были, вообще — никаких следов борьбы. Некоторое истощение — но я думаю, это нормально, если он пробыл здесь какое-то время.

— Вы хотите сказать, — уточнил Печёнка, — он сам повесился?

— Уже сказал. И ещё: были среди похищенных дети со старым, четырёх-пятилетней давности, переломом ноги?

— Сейчас так сразу не вспомнить...

— Ну вот если вспомните такого, вполне может быть, что перед нами именно он. — Стефан вытер руки о куртку, повернулся Демиро: — Но больше всего меня другое интересует: я один видел то, что видел? Или, точней, не видел того, что должен бы увидеть?

Судя по непонимающим взглядам, так оно и было.

— Ладно, — сказал ведьмак. — Наверное, показалось. Да, скорее всего показалось, иначе и быть не может. Демиро, нам бы лопаты поискать... или кирки, что ли. А потом убраться отсюда поскорей.

— Действуем по прежнему плану, — подытожил для всех Стрелок. — Обыскиваем здесь всё, потом похороним ребёнка и двинемся дальше. Куда — решим после осмотра крепости. Вдруг какая зацепка...

Зацепок они нашли хоть отбавляй.

В крепости когда-то жили, но её обитатели не отличались ни чистоплотностью, ни любовью к порядку. На верхнем этаже «башни», которую осматривали Стефан с де Форбином, было полным-полно высохших фруктовых косточек и птичьих костей, на каменной приступочке — слои оплывшего воска. Спугнутая с гнезда земляная кукушка заметалась по площадке, потом с яростным криком набросилась на чужаков.

Краснолюд плюнул в сердцах и повернул назад:

— Нечего здесь ловить, мэтр. Я так мыслю, по крайней мере полгода в этих хоромах никто не живёт. Да и вообще в толк не возьму, как тут можно было жить.

— Но ведь жили.

— То-то и странно. Мой Даго ни за что не стал бы... — Он раздосадованно махнул рукой и дальше спускался в молчании.

Другая «башня», по словам Тередо и Родриго, выглядела не лучше. Только в верхнем зальце устроились не кукушки, а летучие лисицы. Теперь они всполошенно летали над верхушкой и перекрикивались писклявыми голосами.

— Нам ещё, — сказал де Форбин, — осталось флаг над «башней» поднять, для самых тупоголовых.

— Как будто, — прохрипел Тередо, — мы знали!..

Краснолюд отмахнулся:

— Да никто вас не винит. Опять же, так или иначе, а дозорного наверх надо бы послать. На всякий случай.

Но тут явился из «дома» Макрен с новостями, и о «башнях» на время позабыли.

«Дом» представлял собой сплюснутую, неровную полусферу со множеством отверстий. Часть из них была завалена камнями и брёвнами, другими явно пользовались как входами. Внутри находилось несколько пещёр: одна крупная и штук пять поменьше. Их соединяли тоннели, порой узкие настолько, что туда приходилось протискиваться ползком.

В одной из пещёрок Йохан обнаружил сокровищницу. Попасть в неё можно было через тесный и длинный лаз, а в самой пещёрке помещалась только пара человек, и то приходилось стоять, согнувшись в три погибели.

— Что-то, — бросил Демиро, — подсказывает мне: команду эта находка не обрадует. По-моему, они рассчитывали на несколько другие сокровища.

Он отряхнул колени и положил на изящный столик в центре главной пещёры шкатулочку. Маленькую и сверкающую позолотой. В таких обычно хранят семейные драгоценности.

В этой хранили оловянных солдатиков — древних, потемневших, с отломанными руками-ногами. Тут же лежала миниатюрная пушечка, а рядом, в отдельном свёртке, — пара мышиных черепов.

— Такого добра там горы, — сообщил Ахавель. — Какие-то камешки, ракушки, перья, звери-птицы из дерева, марионетки...

— Время от времени туда кто-то наведывается, — добавил Стрелок. — Но в основном всё это лежит там годами: от пыли не продохнуть...

Печёнка между тем ходил вдоль стен от свечи к свече и поджигал фитили. Свечи были старые, оплывшие, от некоторых остались лишь широченные пеньки.

— Я думаю, — сказал Ренни, — он складывает туда игрушки, когда те остаются невостребованными. То есть когда их прежние владельцы умирают. Он как белка.

— Как белка?

— Устраивает тайники и забывает об их содержимом. Потом, когда возвращается положить что-нибудь новенькое, вспоминает, но ненадолго. Да вы сами взгляните: какой мальчишка отказался бы от таких сокровищ?

— Тот, — сказал Демиро, — у которого есть игрушки поинтереснее.

В этот момент из лаза, ведущего в сокровищницу, вылез Йохан Рубанок. Развернуться там, видимо, ему не удалось: он пятился, отклячив зад и неловко двигая левой рукой. Потом выпрямился — весь в пыли, борода опутана паутиной, взгляд ошалелый.

— Барт!.. — просипел Рубанок. — Барт!

Де Форбин метнулся к нему:

— Что?!

— Вот... — Йохан поднял левую руку с зажатой в кулаке игрушкой. Деревянный дракон свесил голову набок, одно крыло было сломано. — Вот.

Бартоломью взял игрушку бережно, будто младенца. Ладони его дрожали, но лицо было каменным.

— Значит... — сказал он глухо. — Значит... Ах, Даго, мой Даго!..

Демиро подошёл и положил руку ему на плечо:

— Держись, друг.

Де Форбин рассеянно кивнул и пошёл к выходу из пещёры. Игрушку нёс на вытянутых руках.

— Вот что, — решил Печёнка, — мы остаёмся здесь как минимум до утра. Нужно достать все эти вещи. Нужно отнести их на корабль. Переписать и упаковать.

— Прости, Ренни, ты ничего не забыл?

— Нет, Китобой, не забыл. Ничего и никого. Ни одного из тех, кого мы с моими «рыцарями» посетили за все эти годы. Ни одного из тех, кто помогал нам чем мог: деньгами, связями, информацией. Их много, Ахавель, их очень много. И эти вещи... они действительно будут для них дороже любого золота.

— Но мы можем вернуться сюда позже! Чёрт побери, это просто вещи, они никуда не удерут! Нам нужно спасти Мойру и найти мальчишку!

— Мы остаёмся здесь, Китобой. Я редко оспаривал твои решения: ты — капитан, так было и так будет. Но сегодня другой случай. Мы похороним ребёнка и соберём всё, что найдём здесь, все вещи до единой. А у тебя будет время ещё раз перечесть записки Мойры.

Ахавель стиснул кулаки до хруста. Но кивнул:

— Командуй, Ренни. Может, ты и прав. Надеюсь, что прав.

Они устроили живую цепочку: худощавый Тередо забрался в сокровищницу, а Макрен сновал туда-сюда по лазу и передавал найденные вещи остальным. Всё это Печёнка и Йохан аккуратно складывали на два сдвинутых к стене столика.

Родриго они отправили в «башню» с кукушкой, нести дозор, Ахавель же вместе со Стефаном и Демиро продолжили обыскивать «дом». В одном из отнорков они обнаружили старые проржавевшие лопаты. Держаки двух были надломаны, но ещё две вполне годились для работы. В итоге капитан остался исследовать пещёры в одиночестве, а Стрелок со Стефаном пошли к акациям.

— Так что же именно, — спросил Демиро, — вы так и не увидели? Чем именно не захотели пугать остальных?

Ведьмак запрокинул голову и поглядел на солнце. Уже перевалило за полдень, и тени начали удлиняться. С севера ползли грузные, чёрные тучи.

— Проще показать. Кстати, об увиденном и не увиденном. Я как-то вот привык думать, что Слепой Брендан не зря получил такое прозвище... Судья неподкупный и всё такое...

Демиро остановился неподалёку от мёртвого мальчика, воткнул в землю лопату.

— Я с «рыцарями» не так уж давно, но, в общем, историю эту знаю. Ренни никогда не был слепым, он просто перед заседаниями надевал плотную чёрную повязку. Говорил, так ему проще принимать решение. Я думаю, ещё и потому, что не приходилось смотреть в глаза тем, кого он приговаривал.

Стрелок начертил лезвием лопаты прямоугольник, кивнул:

— Ну что, начали?..

Они стали копать.

— И вот, — продолжал Демиро, — когда уже пора было отправляться на покой, Ренни столкнулся с этой историей про похищения детей. И поклялся, что найдёт преступника. Все ведь разводили руками, а многие считали, будто это придумывают сами родители. Знаете, разное случается... Ну и Ренни... у него вроде как был свой мотив. У давнего приятеля пропали внуки, из-за этого там вся семья распалась, а сам приятель помер от сердечного приступа, что-то такое, я точно не знаю, а Ренни не любит об этом... А у него, надо сказать, были тогда и средства, и знакомства, он начал дёргать за ниточки — и вскоре отыскал второго, третьего, десятого пострадавшего... Конечно, люди разные попадались: кому-то было плевать, кто-то предпочитал не бередить старые раны. В наше время, если пропадает ребёнок, в самую последнюю очередь думаешь о

том, что его похитил волшебный летун; сразу думаешь о торговцах людьми или об этих запретных борделях. — Он сплюнул: — И это многое говорит о нас самих, верно? Но, так или иначе, а большинство из тех, кого нашёл Ренни, хотели отыскать вора и наказать его. Они, конечно, и детей отыскать хотели, но мало кто верил, что это возможно.

— Так появились «рыцари» Брендана.

— В самую точку, милсдарь Журавль. Так они и появились. А потом деньги стали заканчиваться, Ренни познакомился с Ахавелем, они о чём-то там промеж собой сговорились...

— И Ренни — судья неподкупный — согласился иметь дело с пиратом?

— А кто с ними не имеет дел? На всём побережье они — среди самых уважаемых и зажиточных людей. Их агенты сбывают товар и корабли, они же закупают провизию, порох, парусину, пеньковую верёвку... А кто приносит наибольший доход хозяевам таверн? Лет десять назад этих же людей власти называли героями. А Ренни... что Ренни? У нас у всех здесь, милсдарь Журавль, свой, приватный интерес в этом деле. Мы ж не деньгами вкладывались — судьбами. — Он остановился и вытер пот со лба. — За эти годы многие из «рыцарей» сильно переменились. Сами знаете: каждый убитый — он тебя меняет, хочешь того или нет. Вы вон, хоть и не из нас, по ночам-то кричите...

— Это, — сказал ведьмак, — другое. Потом как-нибудь.

К ним подошёл де Форбин, по-прежнему с игрушкой в руках. Втроём, меняясь, они закончили рыть яму. Когда поднимали, чтобы перенести тело, ведьмак кивнул Демиро:

— Ну что, видите?

Тот молча опустил веки.

Сломанного дракона де Форбин положил рядом с мальчиком, и они засыпали могилу землёй.

В «доме» за это время уже опустошили первую сокровищницу и обнаружили ещё одну. Двух столиков на всё не хватало, Йохан с Макреном и Родриго едва приволокли из дальнего угла пещёры третий — увесистый, громоздкий. За этим столом, видимо, когда-то давно пировали: вся поверхность была в жирных пятнах и в царапинах...

— Ну, — сказал Демиро, — раз уж мы застряли здесь до утра, пойду-ка я попробую подстрелить что-нибудь съедобное. И неплохо бы дровами запастись.

— Я займусь, — махнул рукой де Форбин. — И если милсдарь ведьмак подменит Йохана, вдвоём мы скорей управимся.

Стефан кивнул и подошёл ближе, разглядывая выложенные на столах предметы. Старинные куклы, медальоны, махонькие самострелы, монетки давно сгинувших государств, фигурки из дерева, кости, металла, даже из кукурузных початков...

Очень многие предметы выглядели так, будто побывали под водой. На некоторых даже остались чешуйки или высохшие клочья водорослей.

— Эй, а это что?! — Ахавель стоял там, откуда принесли стол, и указывал пальцем в стену. Точнее, на круглый камень, аккуратно приставленный к стене.

Когда камень откатили, обнаружили, что за ним — ещё один лаз.

— Скольких же он сюда успел принести... — Печёнка провёл дрожащими пальцами по щеке. — Да мы, выходит, знали лишь о малой толике...

Между тем Тередо уже взял свечу и заполз в отверстие. Вскоре оттуда донёсся приглушённый возглас:

— Мурену мне в глотку! Эй, капитан, вы должны это видеть.

Он выполз взбудораженный, без свечки, но с саблей в руке. Сабля была старинная, зерриканская, вся рукоять в драгоценных камнях.

— Там такого добра — горы, хватит, чтоб армию вооружить! Я столько никогда не видывал!

— А вот это уже интересно, — сказал Ахавель. — Похоже, Печёнка, ты был прав: мы не зря здесь остались. Если у него здесь арсенал, он наверняка вернётся. И в самом скором времени. Кто-нибудь, скажите Родриго, чтобы внимательней следил за небом! — Он снова повернулся к Тередо: — Пыли там много?

— Ни пыли, ни паутины, чисто, как на столе у акушерки.

— Хорошо, — усмехнулся Китобой. — Просто великолепно. Значит, будем ждать новорожденного.

И вот тут-то с дурными вестями прибежал Родриго.

21

К полудню явились Ягуар и Орёл, приволокли в мешках фрукты, медовые соты, завёрнутые в листья, каких-то улиток...

Всё это вывалили в центре пещёры и принялись сортировать в двенадцать рук.

Пещёру к этому времени не то чтобы привели в порядок — скорей уменьшили масштабы беспорядка. Мойра работала наравне со всеми, а работая, как бы между делом расспрашивала об их жизни. Говорили они неохотно. Боялись, и сами не знали, чего больше: гнева Петера или надежды, которая могла у них появиться. Надежды на то, что Мойра поможет им выбраться отсюда.

— Но как вы сюда попали? Все вы? Неужели он похитил вас и принёс на остров? Вы же наверняка... — она пожала плечами, — сопротивлялись, отбивались как-нибудь, кричали...

Сейчас они отводили взгляды. Делали вид, что вспомнили об очень важной работе, которую необходимо выполнить, — и желательно в другом конце пещёры, подальше от Мойры.

Только Марк, помедлив, всё-таки остался.

— Ты не понимаешь? — вздохнул он. — Петер никогда не берёт тех, кто не хочет с ним лететь. Он же не... ну то есть нет, он злой... бывает злым... но он не подлый, не гнилой... в общем, он никогда бы не унёс с собой нас против нашей воли. В этом всё дело. Он прилетает к окну, он весь такой... ну, как из сказки. Он рассказывает тебе о приключениях, сражениях, диковинных землях. — Марк пожал плечами. — Знаешь, вот я... мне тысячу раз говорили о незнакомцах, которые могут украсть, заманить чем-нибудь и похитить. Всем, наверное, такое говорят. Но Петер появляется — и ты ему веришь. Не только потому, что он висит в воздухе без крыльев и вообще без ничего. Просто он... настоящий, искренний. Ты точно знаешь, что он оттуда, куда ты всегда мечтал попасть. И него как будто немножко влюбляешься, как в старшего брата. Он... он волшебный. Да ты, — добавил он, — и сама вдь знаешь.

Мойра вдруг почувствовала, что краснеет.

— И потом он несёт тебя высоко-высоко, и это даже весело. Ну, холодно немного и сильно страшно, это да, но всё-таки здорово. А потом остров, и всё тут... и сперва вообще — как в сказке, как во сне!

— Но рано или поздно — просыпаешься.

Марк снова вздохнул.

— В общем, конечно, да. Просто, понимаешь, для Петера всё по-другому. Когда он в духе, с ним здорово. Мы такое вытворяем! Ты б никогда не поверила. Он играет, и ты играешь вместе с ним, и мир немножко меняется. Становится таким, каким хочет Петер. Но если он рассердился... или стал хуже...

— Эй, — крикнул Орёл, — а помогать-то вы нам будете вообще? Петер велел, чтоб к его приходу всё было готово.

— А где он сам? — Мойра с Марком присоединилась к Ягуару и Орлу, варившим улиток в котелке. Они то и дело помешивали в нём большой ложкой да подбрасывали

какие-то корешки. — Почему Петер не вернулся вместе с вами?

Ягуар дёрнул плечом:

— Сказал, у него дела. Сказал, в Крепости сейчас незваные гости, и поэтому ему нужно наведаться на Ристалище. Это вроде как наша тренировочная площадка, пояснил он, заметив удивлённый взгляд Мойры.

— Вы тренируетесь?

— А как же! С мечом управляться — это вам не иголкой шуровать.

— Вообще-то я — медик, — усмехнулась Мойра. И если бы ты попал ко мне сразу после того, как заработал эти шрамы, — увидел бы, что можно сотворить благодаря иголке с ниткой.

Ягуар промолчал и сделал вид, что сосредоточен на пирожке.

— Послушай, — сказала Мойра чуть потише, — у меня к вам с Орлом вопрос. Вы ведь здесь давно, верно?

— Может быть, — равнодушно ответил Ягуар.

А Орёл добавил, как будто извиняясь за грубость приятеля:

— Время здесь другое, никогда точно не знаешь, сколько его прошло.

— Я ищу одного мальчика. Все мы приплыли сюда потому, что ищем своих родных: братьев, детей, внуков, понимаете? Хотим найти и вернуть их. Понимаете?!

Они мрачно переглянулись. Орёл пожал плечами, Ягуар покачал головой.

— Может, — сказала Мойра, — вы помните? Лука? Кучерявый такой, глаза карие. Он ещё прихрамывал немножко.

— Лучше не спрашивайте, — сказал Орёл.

— Особенно при Петере, — добавил Ягуар. — Даже не пытайтесь.

Мойра растерялась. Она не хотела давить на них, но оба мальчика явно что-то знали. А ей необходимо было...

— Эй! Ну как вы тут без меня? Справляетесь?

Петер вошёл быстрым, пружинистым шагом. Небрежно бросил слева от входа какой-то узкий свёрток, подозрительно при этом звякнувший; хлопнул по плечу низушка, подмигнул Марку.

Пахло от Петера порохом, на рукаве было свежее пятно, но все сделали вид, что не заметили.

— Ну что, закатим пир на весь мир? Зажигайте свечи, доставайте нашу лучшую посуду, натрескаемся от пуза, заморим червячка, чуток перекусим — и в бой! У нас сегодня праздник, которого ещё никогда не бывало! У нас есть настоящая мама! Бегемот, Дикобраз... э-э-э... Черепаха! Пошевеливайтесь!

Мальчишки даже не пытались выяснить, кого он имел в виду: бросились с удвоенной энергией накрывать на стол. Из старенького шкафчика явились на свет золотые блюда, кубки, украшенные самоцветными камнями, вилки и ложки с вензелями.

— Откуда всё это? — удивилась Мойра. — И мебель — откуда?

Петер небрежно махнул рукой:

— От друзей. Иногда — от врагов. У нас было много приключений, верно, братцы?

Мальчишки с преувеличенным восторгом подтвердили, мол, верно, — да ещё каких приключений!

— Ну вот, — сказал Петер. — Ты садись. Все за стол, за стол!

Он захлопал в ладоши, вскочил с ногами на роскошный стул с широченными подлокотниками и резной спинкой. Вопросительно взглянул на мальчишек.

— Речь! Речь!!! — потребовали те.

Петер сделал вид, что смущён.

— Да ладно, какая речь! Мы ж тут все — братство, самое верное боевое братство на свете. Самые надёжные друзья! В скольких передрягах побывали, скольких врагов изрубили в капусту! И вот сегодня у нас наиважнейший

день. Мы нашли нашу маму! Мы — молодцы! Правда, мама, мы молодцы?

— Конечно, — сказала Мойра. — Но будете ещё большими молодцами, если вымоете руки и сядете обедать. Давно пора, всё стынет.

— Слышали?! Кому сказано?! — Петер притопнул ногой, хотя это было лишнее: все и так побежали к выходу из пещёры, мыть руки в водопаде.

— Тебе нравится здесь? — спросил Петер Мойру, когда все ушли. Теперь он уже не бахвалился, а... как будто даже боялся её ответа.

— Здесь мило.

— Они не обижали тебя? Слушались?

— Они очень хорошие, Петер.

— Лучшие в мире, — серьёзно кивнул он.

И вдруг — на один неуловимый миг — лицо его словно поплыло. Верхняя губа задралась, обнажив сверкающие белоснежные клыки. Расширились зрачки.

— Только слишком быстро.... слишк...

Он замолчал и изумлённо уставился на неё. Лицо снова стало обычным. Просто мальчишка с бледной кожей. Очень привлекательный мальчишка.

— Кто ты?

— Я?

— Нет-нет, погоди, я сам угадаю. Ты... мама, да?.. Но... ты же была другой? Я пом...

Он задрожал всем телом, сглотнул. Закрыл глаза и побледнел сильнее прежнего.

— Петер? С тобой всё...

Он взглянул на неё — и Мойра отшатнулась.

— Пора подрасти, — сказал он глухо. — Давно пора подрасти. Сейчас же, да, немедленно!

Петер бросился к свёртку, который принёс, — но в это время в пещёру вернулись мальчишки.

— Ну вот!

— Всё!

— Мы вымыли руки! И даже умылись, смотри, Петер, смотри!

— Мы можем садиться, Петер?

— Обед, пора обедать!

Он смотрел на них пустым взглядом, затем кивнул и поплёлся обратно.

— Речь... — начал было низушек, но на него шикнули.

— Ешьте, — велел Петер. — Ешьте поскорей! Сегодня нам понадобится много сил! Сегодня, — сказал он тихо, — нас ждёт самое невероятное приключение. Самое захватывающее.

Они ели молча, торопливо, хватали куски руками, чавкали. Мойра решила, что не станет требовать от них, чтобы соблюдали правила приличия. Не сегодня, по крайней мере. Не сейчас.

Прошло минут пять или семь, и Петер вроде бы немного оживился. Он начал шутить, поддразнивать мальчишек, вспоминал переделки, в которых им довелось побывать (и о которых, судя по выражению лиц, мальчишки знать не знали). Впрочем, все поддакивали и придумывали на ходу подробности.

— ...И тогда тритоны с Межи проводили нас до острова и не дали зитрионам напасть на нас. Хотя, конечно, зитрионы нам ничего бы не сделали, кишка у них тонка! В конце концов, кто самый отважный человек на свете?

— Ты! Конечно, ты!

— Кого не испугать никаким врагам?

— Тебя, кого ж ещё!

— А самое доброе сердце у кого?!

— У тебя, Петер! У тебя!

— И что мы сделали дальше?

— Ты решил, что мы... э-э-э... что нам лучше бы вернуться и показать им, что к чему.

— И мы так и сделали, верно? Х-ха! Это был знатный бой. Не такой уж кровавый, бывали и похлещё, но всё-таки славный. — Он откинулся на спинку кресла и хмык-

нул. — Да, мы победили! А потом возвратились домой, и ты, мама, накормила нас самым вкусным ужином на све те, и зажгла свечи у наших кроватей, и читала нам сказку о стране, в которой...

Он осёкся.

— Петер?

— Всё не так. — Он встал и обвёл их бегающим взгля дом. — Всё совсем не так. Я... я помню... конечно, пом ню... и ту сказку, и тот бисквит, который мы ели в Нови граде. Наша последняя ночь перед отплытием. Никто тог да не догадывался... Я помню, конечно, помню!.. Я помню!

Он яростно ударил кулаком по столу, потом ещё раз. Мойра обратила внимание, что на коже не осталось даже ссадин.

— Ну что вы молчите? Что вы все молчите?! И лица ваши... — Петер помахал ладонью перед глазами: — Они же мелькают, всё время мелькают.

Он вскочил, отшвырнул кресло и закричал:

— Всё, довольно! Хватит! Приключение! Пора немед ленно отправляться навстречу приключениям! Но спер ва... — Черты его лица снова на миг переменились: зрачки увеличились, дрогнула губа, и кожа как будто пошла складками. — Сперва мне нужно немного подрасти.

Марк побледнел, и Мойра поняла: сейчас случится что то страшное.

— Погоди, Петер, — сказала она.

Петер замер и пару раз моргнул.

— Ты же не оставишь меня здесь одну?

— Не-е-ет, — помотал он головой. — Даже не проси! С нами ты не пойдёшь, это слишком опасно! Это уж... тут даже не спорь.

— Тогда, — спокойно сказала она, — оставь со мной кого-нибудь. Лучше всего — Марка... э-э-э... Хомяка. Раз он сегодня провинился, пусть исправляется. Пусть меня охраняет. А вы будете веселиться без него.

Глаза у Петера забегали туда-сюда, взгляд метался, как загнанный заяц.

— Я... я не могу.

— Отчего же? Ты ведь главный, тебе решать. Заодно Хомяк поможет мне убрать здесь и приготовить ужин к нашему возвращению.

— И постели, — дрожащим голосом подсказал Марк. — З-з-застелить постели.

Петер машинально кивнул.

— Постели — это было бы здорово. Хорошо! — он поднял на неё взгляд. — Хорошо, я оставлю Хомяка с тобой. Но сперва мы с ним немного прогуляемся — верно, Хомяк?

— Нет, — твёрдо ответила Мойра. — Мальчики, помойте-ка пока руки. После еды обязательно нужно мыть руки.

Петер стоял и ждал с каменным лицом. Они вышли, почти выбежали.

— А теперь, — сказала Мойра, — будь добр, запомни одну простую вещь. В отличие от них, меня ты сюда принёс не по моей воле. И я уже говорила: если вам нужна мама, вам всем придётся меня слушаться. По-другому не будет, Петер. И ты пальцем не тронешь Хомяка. Никогда.

— Ты просто не понимаешь...

— Значит, объясни. Вспомни уже, что ты человек, Петер, что тебе дан язык, и ты...

Всё лицо его пришло в движение, как будто мышцы под кожей ожили и каждая двигалась по собственной воле, — лицо дрожало, дёргались уголки губ, раздувались ноздри, заострились скулы...

И на один-единственный миг Мойра увидела во взгляде Петера другого человека. А может быть, подумала она, и не человека, может быть, кого-то сродни *Seidhe*. Она вспомнила сказки, что ей читала в детстве мама, особенно ту, любимую, про красавицу и чудовище; вот только Мой-

ра никогда не была красавицей, а мальчик перед ней был кем угодно, только не чудовищем.

Хотя в каком-то смысле — именно им он и был, этот бледнокожий хвастун с отчаянным взглядом.

— Я не могу. — Он не говорил, просто шевелил губами, и Мойра не знала, как и почему удавалось ей разобрать эти слова. — Просто не могу. Сколько ни пытаюсь, сколько ни... — Он сглотнул. — Мне нужно это сделать. Будет только хуже. Намного хуже.

Симптомы были ей знакомы. Ещё бы: такое проходят на первом курсе, в первую же неделю новичков всегда предупреждают о заморской травке. Многие всё равно не слушались, думали, пугают, думали, ерунда, и они-то смогут остановиться. Покупали в порту, иногда и Мойре предлагали попробовать. Пятеро с её потока в первый же год скончались: их просто не успели вытащить.

Но Петер не курил травку, она была уверена.

И всё-таки у него начиналась ломка.

— Послушай, — сказала Мойра, — послушай, я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Правда, знаю. И я знаю, что дальше будет хуже. Но если ты хочешь от этого избавиться, тебе нужно остановиться. Я... я помогу, Петер. Мы все тебе поможем. Ты пройдёшь через всё это и навсегда освободишься.

Он смотрел на неё сперва с надеждой, затем — с горечью и тоской, от которой сердце её разбилось на куски, на чёртовы мельчайшие осколки.

— Освобожусь, — сказал он пустым голосом. — Конечно. Освобожусь. Вот прямо сейчас и начну.

— Петер!

Он аккуратно обошёл её и двинулся к продолговатому свёртку. Поднял; что-то снова звякнуло внутри.

— Петер!

Уже в коридоре он обернулся и сказал всё тем же бесцветным голосом:

— Не бойся, я не трону Марка. Ты права: мне нужно остановиться. Нужно покончить с этим, раз и навсегда.

— Петер!..

Но он уже ушёл.

Тогда она позволила себе сесть. И позволила себе поплакать — немного, совсем чуть-чуть.

22

К стыду своему, Райнар Эртфилдский, Райнар Насмешник, Райнар Осквернитель храма, — заснул. И ведь устроился он на капитанском мостике как раз для того, чтобы бдеть, следить, надзирать и контролировать. Велел, чтоб втащили туда кресло из Китобоевой каюты, устроился, закинув ноги на планширь и прислонив рядом подзорную трубу, раскрыл зачитанный до дыр томик сочинений Юлиана фон Леттенхофа...

И заснул. Как дитя.

Снилась ему чепуха: храм Пельпероны, проклятие умирающей настоятельницы, у которой отчего-то оказалось лицо Райнаровой матери... и кто-то вдруг заплакал вдалеке, да жалобно, мать его, будто самую душу взял да сдавил в горсти. Райнар не мог вздохнуть, он задыхался, он вдруг обнаружил, что падает за борт, в самую пучину, — и оттуда, из бездны вод, глядел на него внимательный круглый глаз размером с ритуальный барабан кешеринов; «Бом!» — сказал барабан, и снова — «Бом!» — и это, конечно, был не барабан, а невидимое сердце отстукивало последние удары, и глаз стал ближе, заглянул так глубоко, как и сам Райнар не осмеливался заглядывать, глаз моргнул («Бум!») и навсегда закрылся.

И тогда Райнар проснулся с приглушённым криком, в полумраке, давясь мокротой, понимая, что всё пошло наперекосяк.

Давно, мать его, пошло.

Он сплюнул вбок, провёл платком по губам. Продержаться ещё неделю? Райнар не был уверен, что у него есть столько времени. Теперь — не был.

Плач не стихал, это рыдала скрипочка Рыжего — там, у костра, на берегу. «Милый мой повенчался с русалкой, милый мой не вернётся домой!..»

Райнар огляделся. На палубе дремали оставшиеся на корабле матросы. На баке, словно вторая статуя, пара к Брендану, застыл Мо с гарпуном в руке. Райнар усмехнулся: с этим кешераном они знакомы полжизни. Великий маг, изгнанный из своего племени, скитавшийся по всему побережью и в конце концов примкнувший к команде Ахавеля. Это было ещё в те времена, когда они считались честными каперами, людьми, которых уважали все, от мала до велика. Считались защитниками, мать её, отчизны.

Когда всё переменилось и Ахавель познакомился с судьёй Ренни, многие из команды ушли к другим капитанам. Кто-то не хотел быть вне закона, кому-то показались привлекательней другие предложения. Райнар остался, и Мо остался вместе с ним. Узнав об истинных целях «рыцарей», кешеран словно воспрял духом. Это как-то было связано с его верованиями, но Райнар плохо в них разбирался, а сам Мо пояснить не мог. Соотечественники, обнаружив, насколько мощным магом он является, ещё в молодости вырвали ему язык.

Райнар поднялся из кресла и поглядел на берег в подзорную трубу. Там должны были наполнить пресной водой привезённые с «Брендана» бочки. Шлюпка ушла с ними часа два назад, но, похоже, возвращаться никто не спешил. В лагере смеялись, трещал костёр, Рыжий продолжал терзать душу. «Милый мой подружился с тритоном, милый мой не вернётся домой!..»

В прежние годы такого бы не было. Ахавель держал команду на коротком поводке, и его слушались беспрекословно. А нынче он набрал новичков, и вот — извольте,

какой-то Йорген осмеливается разевать пасть. И теперь Райнар вынужден сидеть на «Брендане» и приглядывать, как бы тайные сторонники этого недоноска не решили увести судно без капитана и «рыцарей». Да ещё год назад вообразить подобное никому бы и в голову не пришло!

Он сложил трубу и обнаружил, что Мо направляется к нему быстрым шагом.

— Что-то не так?

Кешеран пожал плечами. Затем на языке жестов объяснил: вроде бы всё в порядке, но у него дурные предчувствия.

У Мо частенько бывали дурные предчувствия. И почти всегда в конечном счёте они оправдывались.

Райнар кивнул:

— Разбужу команду, велю, чтобы занялись пушками. Выбросили к чертям весь песок... хотя без пороха толку, конечно... А ты попробуй всё-таки понять, что не так.

Мо кивнул в ответ и собрался было уходить, но внезапно замер, расправив плечи и напряжённо вглядываясь в берег.

— Что такое? — спросил Райнар. Он почувствовал, как стекает по спине холодный, вязкий пот. — Что?..

И тут он догадался.

Скрипочка. Вот только что пела: «Милый мой навеки продан старухе, старухе с кривою косой. Милый мой прожёл полжизни в разлуке, милый мой не вернё...»

Пела — и вдруг замолчала.

23

Когда Мойра успокоилась и уже начала прибирать со стола, вошёл Марк. Наверное, ждал в коридоре, стеснялся.

Спросил:

— Ты как?

— Всё хорошо. Он не тронул тебя?

Мальчик помотал головой. Но выглядел не очень-то воодушевлённым.

— Что-то не так?

Он присел на краешек стула.

— Это ненадолго. Рано или поздно Петер всегда кого-нибудь укорачивает. В общем-то... он и Луку твоего...

— Луку?!

— Недели две назад, может, чуть меньше. — Марк вздохнул. — Понимаешь, в этот раз у Петера всё как-то скорей... и вообще худо ему, сама же видела.

— Подожди, не спеши! Что с Лукой?!

— Петер его укоротил, — медленно, как маленькой, сказал Марк. — А потом Лука сбежал... ну и... словом, пропал. Может, — добавил он тихо-тихо, — так и лучше. Я не знаю. Я боюсь!

Мойра сидела как мёртвая. Внутри было пусто, даже плакать не могла.

— Когда Петер вернётся, — пояснил Марк, — он точно меня укоротит. После приключений он словно с ума сходит. Да ты сама видела...

— Видела?!

— Ну вот же он перед обедом... — Марк пожал плечами. — Это все заметили.

— Нет. — Мойра встала и швырнула на стол тряпку, которой сметала огрызки и крошки. — Нет, никого он не укоротит. Собирайся, мы идём на корабль. Дорогу знаешь?

Марк кивнул и метнулся в дальний конец пещёры. Возвратился с маленьким кинжалом и старинным компасом.

— Вообще-то я так... но вдруг... мало ли... — Он смотрел на неё почти так же испуганно, как на Петера, и Мойра просто кивнула. Ему, кажется, нужно было время, чтобы свыкнуться с мыслью о бегстве. Задать все свои вопросы Мойра сможет и потом.

Тем более — на главный она уже знала ответ.

Они выбрались к водопаду, вернулись по узкой тропке на противоположный край каменной чаши. Здесь был путь наверх, в джунгли, и Марк вроде бы немного успокоился, уверенно махнул рукой и пошёл вперёд, раздвигая и придерживая ветви. Мойра старалась не наступать ему на пятки, хотя больше всего ей хотелось как можно скорее оказаться на корабле. Нужно вытащить отсюда не только Марка, но и остальных ребят.

И нужно остановить Петера. Она и сама не была уверена: чтобы спасти или покарать.

— Мы сейчас — напрямую к Маяку, оттуда бухта видна как на ладони. Потом просто спустимся вниз — и мы на месте. Тут вообще всё просто, если знать. Это только кажется, что джунгли, путаница, заблудиться раз плюнуть, а на самом деле...

Мойра молча шагала за ним, пригибалась под ветками, старалась ступать след в след. Вроде бы прошли немного, но устала быстро.

Местность здесь постепенно повышалась, где-то рядом журчал невидимый ручей.

— Далеко ещё?

— Да мы почти пришли. Вон уже вершина с Маяком.

— Марк?

— Да?

— Всё-таки — что случилось с Лукой? Что значит «пропал»?

Он остановился. Посмотрел на неё почти с испугом:

— Это не так просто... — Потом смирился и вздохнул: — Хорошо, я расскажу. Понимаешь, рано или поздно до этого доходит: Петер решает, что пора кого-нибудь укоротить. Ты вроде как должен дать своё согласие, но отказываться бессмысленно.

Мойра не стала спрашивать почему. Остров, с которого не сбежать. Мальчишки, которым приходится жить вместе, вместе добывать пропитание... Что уж тут непонятного.

— Лука отказался. Он видел, что происходит с другими, и боялся этого. Все мы боимся... Ну и, в общем, Петер, конечно, был в ярости.

— Могу себе представить.

Марк покачал головой:

— Не можешь. Но Лука выдержал и в конце концов просто ушёл. Неделю жил в джунглях. Петер следил за ним. Помогал.

— Помогал?!

— Да ты ж его мало знаешь, а он... он не злопамятный! Ну, то есть, конечно, он бы особо и не мог, но... в общем, сердце-то у него доброе. И в конце концов Лука сдался. Наверное, понял, что выхода нет. Или просто устал. Но потом он ушёл, как рано или поздно уходят все. Дня через два его Ягуар с Орлом вроде как видели рядом с Крепостью.

— Подожди, Марк! Выходит, он ещё жив?!

Мальчик с досадой пнул ногой выступавший из земли фиолетовый корень.

— Я всё не так объясняю! Пойми же: Лука умер уже после того, как Петер его укоротил. Тело остаётся, а сам человек... тает, что ли... просто тает. И в конце концов умирает даже тело.

Дальше до Маяка они шли в молчании. Быстро темнело, но вокруг по стволам, лианам, листьям ползало бесчётное количество светляков, так что дорогу Марк отыскивал без труда.

Маяк оказался огромным платаном, верхушку которого когда-то давно срезало ударом молнии. Там, в развилке, был сооружён деревянный помост.

— Это, — пояснил Марк, — для тех случаев, когда Петер улетает далеко в море. На помосте выложен из камней круг, там можно жечь дрова.

— И помост не сгорает?

Марк пожал плечами:

Пока ни разу не сгорел.

Но зачем всё это?

Думаю, когда Петера долго нет на острове, он начинает забывать сильней обычного. А возвращаясь, легко может спутать и заблудиться среди здешних островов. А так он рано или поздно замечает Маяк и просто летит на... — Марк запнулся.

...огонь?

Да, огонь! Смотри, смотри!

Она обернулась.

Увидела бухту и поняла, что им возвращаться больше некуда.

24

Проснулся ведьмак как обычно: от собственного крика.

Он вскинулся и провёл ладонью по мокрому лбу. В пещере горели свечи, вокруг вскакивали со своих мест проснувшиеся пираты. Вбежал Ахавель, в каждой руке — по пистолету.

Чтоб вас!.. Даже у «башен» слышно было.

Простите. — Ведьмак поднялся, прихватил перевязь. Знал: всё равно не заснёт. — Ложитесь, капитан, подежурю вместо вас. Что Демиро, вернулся?

Китобой покачал головой.

Прошло уже часов семь с тех пор, как Родриго слышал в джунглях выстрелы. Один, затем после паузы ещё два подряд. Возможно, стрелял Демиро, а возможно, стреляли в него.

В итоге решили обойтись тем, что взяли с собой из лагеря, вдобавок собрали фрукты и сварили кукушачьи яйца. С фруктами погорячились: у троих начался понос.

К вечеру все были на взводе. Заснули не сразу, многие в полутьме переговаривались. И теперь вставали, зевая и приглушённо ругаясь.

— Я считаю, — в который раз повторил Тередо, — надо идти в лагерь. Подмога нужна. Вы поглядите, сколько всего...

— Утром решим, — сказал Ахавель. Он бросил плащ, присел на него, кивнул Стефану: — И вы присаживайтесь, там де Форбин, как раз подменил меня.

Он вытащил свою трубочку, набил табаком.

— Я, пока дежурил, прикинул так и эдак. Есть у меня к вам, мэтр Журавль, предложение. Оно всех касается, кстати, поэтому давайте-ка к огню, садитесь, в ногах правды нет. А меня сейчас именно правда интересует.

Стефан опустился на корточки. Печёнка уже разжигал приугасший было костёр, остальные рассаживались, удивлённо переглядываясь. Где-то вдали уныло ухала сова.

— Давайте, — сказал Ахавель, — сыграем в открытую. Без дураков.

Он расстегнул сумку, положил рядом с собой заметки Мойры.

— Я расскажу вам всем то, что знаю, до конца. Но прежде милсдарь Стефан ответит на пару моих вопросов. Ответит честно, не увиливая. — Он затянулся. — Рано или поздно прольётся кровь. Может, уже через час-другой. А я, в общем-то, хочу точно знать, на чьей вы будете стороне.

— Можно попробовать, — сказал ведьмак.

— Начнём с простого. С Кукушонка.

— Не знаю почему, но возникает ощущение, что я уже слышал всё это.

— Слышали. И мы тоже слышали, а сообразить не догадались. Вы ведь так и не доказали, что им не являетесь. Аргументы насчёт того, что разумнее было бы не устраивать резню, а подсыпать отраву в котёл, — они вполне убедительные. Я даже поверил в них. А потом сказал себе: погоди, но ведь кто-то тем не менее предпочёл отравленный меч.

— Вот точно: слышал, — кивнул ведьмак. — И даже знаю, какой будет моя следующая реплика. Это замкнутый круг, капитан. Я скажу, что не являюсь Кукушонком, вы не поверите мне на слово и потребуете доказательств, а у меня их нет. По крайней мере таких, которые бы вас устроили.

— Поэтому я спрошу о другом. — Ахавель достал пистолет и взвёл курок. — Очень простой вопрос, я ведь обещал. Наш человек в Компании сообщил, что некий ведьмак Стефан по кличке Журавль примерно с год назад стал активно интересоваться кораблями, на которых побывал Кукушонок. О! Слышите, какое созвучие: Журавль — Кукушонок. Наверняка случайное. А вот ещё одна случайность: Компании действительно выгодно было бы поуменьшить количество милсдарей удачи. Говорят, даже существует некое секретное подразделение в её недрах, но... — Он развёл руками. — Слухи, одни слухи, негоже им доверять.

Ещё несколько пиратов достали пистолеты или придвинули поближе сабли.

Стефан усмехнулся, но промолчал.

(В этот самый момент Райнар Насмешник раздвинул подзорную трубу и поглядел на берег. На лагерь, на костёр, вокруг которого плясали тени.

Посмотрел — и понял, что был прав. Нет у него в запасе недели.

Он рявкнул, чтобы, мать их так, матросы продрали глаза и готовились к бою.

Потом проверил, заряжены ли пистолеты, легко ли выходит из ножен сабля.

Другой бы на его месте велел спустить на воду шлюпку и спешить на помощь тем, на берегу. Но Райнар знал, что это ни к чему.

Во-первых, не успеют. Во-вторых, скоро помощь понадобится им самим.)

— Другое дело, — продолжал Ахавель, — когда собственными ушами слышишь крики этого самого ведьмака. Да-да, он кричит во сне, иногда бессвязно, а иногда... иногда можно кое-что разобрать. Например, словосочетание «Королевская фортуна».

Ведьмак засмеялся.

— Ваша наблюдательность, безусловно, на высоте. Чего не скажешь о сообразительности, капитан. Убийца, который с лёгкостью вырез_а_л команды из нескольких десятков человек, но при этом терзается угрызениями совести? Не может спать спокойно? Вы не пытались найти объяснение попроще?

— Лучше послушаю ваше.

— Это легко. Я был на каравелле, которая наткнулась на «Королевскую фортуну» уже после случившегося. Собственно, именно я заметил корабль, а потом вместе с ещё пятью членами экипажа поднялся на борт. И — да, я не могу этого забыть. Просто не могу забыть того, что там увидел.

Он помолчал.

— Уже больше года я пытаюсь разгадать эту загадку, найти Кукушонка. В Компании об этом знают далеко не все. Видимо, ваш человек как раз из большинства.

— И что, — спросил Ренни, — удалось что-нибудь выяснить?

— Ровным счётом ничего. Я разговаривал с теми, кто натыкался на другие корабли, побывал на нескольких — когда оказывался в нужном порту в нужное время. Но нет никаких зацепок, ни одной.

Печёнка кивнул и повернулся к Ахавелю:

— Звучит убедительно.

— Не знаю, не знаю...

— Ну, в конце концов, ты ведь надеялся заполучить именно Кукушонка. Так что определись уж. А лучше не тяни, времени у нас не бог весть сколько. Рассказывай что хотел.

(Если бы у них были пушки, можно было бы пальнуть по берегу. Наверняка попали бы по своим, но и врагу досталось бы.

Теперь им оставалось только смотреть.

Райнар отчего-то был уверен, что _те_ поплывут сюда на шлюпке. Снова ошибся: они остались на берегу, чтобы добить оставшихся и исчезнуть, просто растаять во тьме. Поспешили куда-то зачем-то.

Райнар мог только догадываться.

Впрочем, это уже была не его забота. Его — приближались сюда по воздуху.

Тонкая изящная фигурка. Ростом с низушка, но, разумеется, без гребня на голове и без крыльев. Обычный мальчик летел по воздуху.

Обычный мальчик с мечом в руке.)

— Я не хотел раскрывать всего, — сказал Китобой, — и скоро вы поймёте, почему. Всю историю знали только Ренни и Райнар. Остальным я сказал, что узнал о существовании Манускрипта, фрагменты из которого якобы когда-то читал и в которых якобы речь шла о нашем враге. Это была полуправда. Я действительно знал о Манускрипте задолго до того, как встретился с «рыцарями». Собственно, с Манускрипта вся эта история и началась.

(Всё происходило слишком быстро. Никогда ещё Райнар не видел, чтобы живое существо двигалось с такой скоростью.

Мальчик нёсся прямо на Мо, однако в последний момент свернул и набрал высоту. Пущенный магом гарпун упал в воду, взметнув фонтан брызг.

— Защищайтесь! — закричал мальчишка. — Ну же! К бою, кишкоеды!

Мо ударил по нему гроздью огненных шаров — и снова мальчишка увернулся. Они ушли в небо, но один или два на излёте задели такелаж.

— Твою мать! — сказал Райнар. — Твою ж ты, разэтак, мать!..

Целых пять секунд он заворожённо следил за тем, как бежит по канатам огонь, как лижет края парусов, как...

Но в этот момент прозвучал сдавленный крик — и Райнар машинально взглянул туда, откуда он доносился. На бак, где чернели два фигуры. Чуть ближе к гроту стоял мальчик с мечом в руке. За ним — стройный, могучий силуэт Мо.

Что-то с волшебником было не так, и Райнар лишь мгновение спустя догадался: там, где была голова, теперь рывками била чёрная струя.

— Славное приключение! — хохотнул мальчишка. Лучшее из всех! Ну, кто следующий? Давайте!

Прозвучали выстрелы.

Он упал.

Потом поднялся и пошёл к ним пружинистой, весёлой походкой.)

25

— Наша семья жила в Новиграде, — рассказывал Ахавель, — но когда объявили о Великом переселении... что ж, отец решил, что это шанс для нас всех. Он был младшим учителем в Новиградской муниципальной. Всё время твердил, мол, скоро его повысят...

В общем, родители продали всё: дом, обстановку, даже отцовы книги, — и купили место на корабле Компании. Оставшейся суммы должно было хватить на участок земли и на домик, даже с запасом.

В первую же неделю путешествия выяснилось, что на судне было несколько человек, где-то подцепивших алую лихорадку. Началась эпидемия. Отец с матерью заболели, они начали терять память. Вы ведь знаете об алой? Сперва появляется жар, пятна по всему телу, потом, если вас не

доконала горячка, начинает сдавать мозг. У вас как будто стирают воспоминания, одно за другим. И вы это буквально чувствуете, вот здесь, — постучал он пальцем по виску, — как будто свербёж, невыносимый, сводящий с ума. Вы кричите, до крови раздираете кожу, начинаете биться головой о стены...

К счастью, родители до этого не дожили. Сгорели на ранней стадии, врач сказал, не выдержали сердца.

То, что было дальше, я помню очень отчётливо... — он усмехнулся, — хотя «помню» здесь не совсем точное слово.

Мы подобрали в открытом Океане одного человека — тот просто плыл в шлюпке, и не то чтобы выглядел очень испуганным или отчаявшимся. Направлялся он на восток, и когда узнал, что мы плывём в Чердиан, даже как будто огорчился. Но... что ж, его можно было понять: он явно проделал долгий путь и не очень-то страдал, ловил рыбу, благодаря дождям восполнял запасы пресной воды... А в итоге попал на каравеллу, охваченную эпидемией алой лихорадки.

Для нас он оказался спасением. Нисифоро — так его звали — сумел справиться с эпидемией. Он гасил болезнь даже на поздних стадиях, вот как у меня.

В итоге — что ж, я выжил, хоть и лишился некоторой доли своих воспоминаний. Ну и деньги... они куда-то пропали, и я подозревал, что не обошлось без участия судового лекаря. Он осматривал тела после смерти, наверняка обнаружил у отца ключик на цепочке и догадался заглянуть в наш сундучок.

Конечно, детей не выбрасывают за борт, даже на кораблях Компании, но... — Ахавель пожал плечами. — Вы же понимаете, жизнь для нас с братом стала совсем другой, сразу и навсегда.

— Погодите-ка, — сказал Родриго, — так у вас был брат?

— И был, — ответил вместо капитана Стефан, — и, по лагаю, есть. Но самое интересное то, что годы его ни капли не изменили.

Потребовалось несколько секунд, чтобы до них дошло.

Первым опомнился Тередо. Он вскочил и, оскалив шись, ткнул в Ахавеля пальцем:

— Это правда? Все эти годы мы гонялись за вашим бра том — и вы это знали?

— Ваш брат... — тихо спросил Родриго, — ваш брат по хищал наших детей?

— Убивал наших детей, — добавил Рубанок.

Они поднимались на ноги, хватались за сабли и писто леты.

Ведьмак сидел спокойно, как и прежде. Точно так же, как Печёнка и Ахавель.

— Итак, — подытожил Стефан, — вы хотите убить сво его брата. Но не знаете, каким образом это сделать. И для этого пригласили меня и Мойру. А как он стал таким знаете?

Ответить капитан не успел. В «дом» вбежал де Форбин. Обвёл всех ошалелым взглядом, покачал головой:

— У нас гости, милсдари! И то, что они расскажут, вам сильно не понравится.

26

Сперва они не поверили, и Мойре пришлось повторить всё снова: про горевший корабль и про то, что было в лаге ре на берегу.

— Что же, всех? — спрашивали.

— Всех, — повторяла она устало.

Марк сидел рядом и кивал, и смотрел на них во все гла за. С надеждой, которой у самой Мойры уже не было.

— Дайте им поесть и отдохнуть, — вмешался наконец ведьмак. — И... Мойра, есть одна вещь, которую нужно сделать как можно скорее. Капитан?

Ахавель протянул ей листы, в которых она с удивлением обнаружила собственные заметки.

— Но...

Ведьмак поднял руку:

— Всё поймёшь, но первым делом — поесть. Ренни?

— Сейчас организуем.

— А вы, капитан, как раз успеете завершить вашу историю. Думаю, Мойре тоже будет небесполезно её услышать.

— Эй, — прохрипел Тередо, — минуточку. Мы так и не закончили...

Ведьмак поглядел на него почти с жалостью:

— Готов биться об заклад: они или уже идут сюда, или вот-вот обнаружит, что Мойра с мальчиком сбежали, — и тогда всё равно отправятся по их следам. У меня самого есть несколько вопросов к вашему капитану, но чтобы задать их, нам всем неплохо бы выжить. Для этого Ахавель должен закончить свою историю, а Мойра — расшифровку. Согласен?

Тередо сплюнул ему под ноги и отошёл, ворча вполголоса.

— Благодарю, — Китобой кивнул ведьмаку и пожал плечами. — Собственно, история простая. Когда мы остались сиротами, нашёлся только один человек, которому не было на нас наплевать.

— Таинственный путешественник и могучий лекарь Нисифоро.

— В самую точку, милсдарь Стефан. — Китобой помолчал. — Потом, конечно, я понял, что интерес его был отнюдь не бескорыстным. Нисифоро нуждался в помощниках. Это был человек с безумными амбициями! Впрочем, разве кому-то другому взбрело бы в голову плыть через пол-Океана одному, в утлой шлюпке... Так вот, у Нисифоро были с собой какие-то рукописные листы. Он не расставался с ними ни днём, ни ночью, когда ложился спать,

подвешивал в сумке под потолком, чтобы крысы не добрались. Листы эти были копиями Манускрипта.

— Очередными поддельными копиями?

— Нет, это были копии, которые Нисифоро сделал собственноручно, с оригинала. Копии и, что важней всего, переводы.

— Постойте, но вы же сами рассказывали о том, что Кашалот никому не позволял покинуть тот остров.

— Никому из тех, кто пытался похитить Манускрипт. Нисифоро знал об этом и заранее подготовился. В одной из обнаруженных нами хижин мы нашли стол и письменные принадлежности, но скелета там не было. Мои люди решили, что хозяин сгинул при попытке спастись, но я-то знал правду: он действительно спасся. Приплыл на остров, сделал копию с Манускрипта и уплыл восвояси. Думаю, он был так уверен в себе, поскольку кое-какими магическими способностями владел. Не выдающимися, но вполне достаточными, чтобы приманить рыбу да опреснить воду.

— И вот он тихо-мирно возвращался в Новиград, чтобы протянуть руку и взять власть над миром, а тут ваша каравелла...

— Примерно так. Он не мог просто раскланяться, досказать, спасибо за предложение, но лучше я своим ходом. Его бы просто не отпустили. Заподозрили в том, что везёт сокровища или ещё в чём-нибудь.

Ведьмак кивнул:

— А не обнаружив сокровищ, решили бы, что уж это-то подозрительнее всего.

— Да — и поэтому он остался. А потом, видимо, решил воспользоваться случаем. Не хотел больше ждать. Нас он взял в помощники: бесправные сироты, один из которых к тому же лишился некоторых воспоминаний. Мы расставляли свечи, в нужный момент бросали в жаровню какие-то порошки и смеси, а он читал нараспев слова, помавал в воздухе руками. Иногда откровенничал с нами.

— Не мог удержаться?

Китобой хмыкнул:

— Да кто бы удержался? Он провернул такое, о чём и думать не могли самые могущественные волшебники — те, кто всю жизнь презирал его и считал неудачником! И думаю, к тому моменту, когда мы наткнулись на шлюпку Нисифоро, тамошние летучие рыбы и морские монахи боялись к ней приближаться, он же наверняка все уши прожужжал им о своём триумфе. Ну что ж, теперь у него были более благодарные слушатели. Вот только он не учёл двух моментов. Во-первых, мы были очень развитые дети, отец нами занимался и поблажек не делал. Читать мы умели и вообще довольно быстро начали кое-что понимать в путаных речах Нисифоро. А во-вторых, я всё сильнее ощущал свою ущербность. Лихорадка сожрала самое ценное: воспоминания о родителях и доме. Со слов Петера я знал о них, но сам не мог вспомнить даже лиц. А ведь прошла всего-то пара недель!

Ахавель выбил трубочку и стал наполнять заново, уминая табак подушечкой большого пальца.

— В общем, мы, конечно, заглянули в его записи — и поняли едва ли десятую часть из того, что прочли.

— Как вам вообще удалось их заполучить, если Нисифоро не спускал с них глаз?

— Спать-то ему нужно было. А нам он доверял, и мы просто тихонько снимали сумку с крюка, вытаскивали пару-тройку страниц и потом клали обратно. Кое-что даже записывали на клочках, так, баловства ради. Вскоре мы наткнулись на заклинание, отбиравшее память у одного человека и передававшее её другому. То есть это я сейчас знаю, как оно действовало, а тогда мы решили, что «поделиться памятью» это как поделиться воспоминаниями: из-за того, что ты кому-то о них рассказал, от тебя не убудет.

Он затянулся, прикрыв глаза и хмурясь.

— Паскудней всего, что Петер сам предложил мне это. Видел, как я мучился из-за того, что не могу вспомнить

родителей, — и настоял. Что ж, я и не думал отказываться. Мы вообще не слишком верили в эти штуки. Нисифоро то, сколько ни помавал руками, ничего не добился, — так он был маг, а мы — два сопляка.

— Где-то когда-то, — сказал ведьмак, — я слышал старую сказку об ученике волшебника... и о мётлах, которые он опрометчиво пытался себе подчинить.

— И снова в самую точку, милсдарь Стефан. С самого начала всё пошло наперекосяк. Мы очертили мелом круг, нарисовали звезду, нанесли какие-то знаки... не спрашивайте какие, сорок лет прошло! Конечно, мы и предположить не могли, что именно в ту ночь некая дама не устоит наконец перед помощником штурмана, а тот, соответственно, не долго простоит у штурвала. И нас занесёт за Межу. До сих пор не знаю, сыграло ли это свою роль, но... заклинание сработало.

Мы стояли в круге свечей, и наши тени накладывались одна на другую, а когда я прочёл слова заклинания, — как будто... срослись, что ли? Это было странное и жуткое ощущение, помню его до сих пор. Как будто в тебя вливают кого-то другого: в твоё тело, в твою голову, в мысли твои... Как будто появился некто второй и встал ровно на то же место в этом мире, которое прежде занимал только ты один. В первый миг я просто оцепенел от ужаса, и Петер — это видно было по его взгляду — тоже испугался. Но отступать было некогда, я взял заранее приготовленный кинжал и... в рукописи это называлось «укоротить».

— Укоротить?! — не сдержалась Мойра.

— Вот так, провести ножом у самых ступней, как будто отрезать тень. — Капитан взмахнул ладонью в воздухе. — А затем прижечь.

— Но Петер никогда не прижигает! — ахнул Марк. — Просто укорачивает, и всё.

— Может, у него напрочь отрезало память о том, что тогда произошло. А может, наоборот. Может, он слишком хорошо помнит, что было дальше.

Ахавель затянулся, выдохнул густое облако дыма. И начал снимать перчатку с увечной руки.

— А дальше, — сказал он, — было вот что. Откинулся люк, и в трюм ворвался взбешённый Нисифоро. Не знаю, может, он таким образом нарушил герметичность пространства, в котором проходил ритуал. А может, просто вызвал сквозняк. Но огонёк свечи, которой я должен был прижечь разрез, перекинулся на тень. Петер закричал. Никто и никогда на моей памяти не кричал настолько жутко и отчаянно. Дальше... дальше всё произошло моментально. Пламя сожрало тень Петера и сей же час откатилось от края круга назад — так откатывается морская волна, наткнувшись на преграду. Кожу руки обожгло, я заорал и упустил свечку, отшатнулся... И вышел из круга.

Ахавель вскинул руку без перчатки — деревянную кисть с вырезанными на ней линиями жизни, рока и предназначения.

— Мне повезло: плоть огонь жрал чуть медленнее, чем тень. Тот самый лекарь, который лишил нас отцовских сбережений, избавил меня и от обугленных остатков пальцев. Но это потом. А тогда я упал на колени, воя от боли. Нисифоро вскинул руки и начал произносить заклинание. Уж не знаю, чего он хотел добиться, но вряд ли того, что получил. Наверное, ему следовало внимательнее смотреть себе под ноги: он ведь наступил на меловую линию... а может, дело в том, что Нисифоро просто был слабым магом и неудачником, не знаю. Я увидел, как он запинается на полуслове, хватается за горло, хрипит и падает на пол. Петер к тому времени уже лежал бездыханный. А я... мне хватило ума подбежать к какому-то ящику, накрытому парусиной, сорвать её и... — он пожал плечами, — что ж, я както успел сбить пламя до того, как потерял сознание от боли. Потом... потом были несколько дней, которые я помню фрагментами. Было больно здесь и здесь, — Китобой показал на деревянную кисть и прикоснулся к виску. —

Старые воспоминания возвращались постепенно. Причём это были не мои воспоминания, так что я видел самого себя как бы со стороны, а Петера — не видел вовсе. И остался один день — день перед отплытием, — о котором я так ничего и не помню.

Позже, когда я пошёл на поправку, мне рассказали, что спасли нас по чистой случайности. За Межой каравелла вроде как налетела на что-то, и боцман отправил несколько матросов проверить, нет ли течи. Они нас и обнаружили.

Капитан снова затянулся.

— Нас — это меня и Нисифоро. Петер пропал, просто исчез, словно его никогда и не было. А Нисифоро сошёл с ума. Это поняли не сразу, сперва-то он просто молчал и глядел на всех диким взглядом. Беднягу отвели в каюту и решили, что ему нужно немного отдохнуть. Потом кто-то догадался заглянуть к нему и предложить подкрепиться. Предложение запоздало, поскольку Нисифоро как раз перекусывал. Запихивался обрывками каких-то листов.

— Копиями Манускрипта.

— Скорее всего. Наверняка сложно было сказать: он их перед употреблением как следует измельчил. Вот, собственно, — развёл руками Китобой, — и вся история.

— А потом? — спросил Марк. — Потом вы с ними встречались?

— В Чердиане я видел одного нищего, очень похожего на Нисифоро. Но вряд ли это он, ему ведь ещё тогда было хорошо за шестьдесят. А что до Петера... Петер умер сорок лет назад, во время ритуала. Тот, кто завладел его телом... — Ахавель покачал головой. — Это существо точно не Петер.

— Потому что не взрослеет?

— Нет, милсдарь ведьмак, не поэтому. Я ведь... я виделся с ним. Давно, ещё до того, как начали приходить те записки. Он, похоже, не знал, что я выжил, — или, по

крайней мере, не был в этом уверен. Чтобы не вдаваться в подробности, — Китобой глянул на Марка, — я наведывался тогда в один дом. У моей дамы были дети; обычно, когда я приходил, они уже спали, но в тот раз дама никак не могла их уложить. Им казалось, что кто-то заглядывает в окно (а это был второй этаж). Я отправился в сад, убедиться, нет ли там вора или ещё кого — и нос к носу столкнулся с этим псевдо-Петером. Тогда мы оба были слишком потрясены, он сбежал, я... я больше не ходил в тот дом. Через полтора года это существо отыскало меня. Обвинило в краже воспоминаний и атаковало. Я отбивался, хотя понимал, что долго не продержусь. Он был невероятно проворен и столь же зол.

— Что же его остановило?

— Сам не знаю. Может, подоспевшие на шум стражники, но вряд ли. Он бы легко с ними справился, просто играючи. Так или иначе, он сбежал, а потом... потом время от времени стал присылать письма. Я подозреваю, с памятью у него действительно не всё в порядке, иногда он просто забывает о моём существовании, потом вспоминает, и всё начинается по новой. — Ахавель пожал плечами. — Сами по себе письма меня не тревожили. Раздражали, но не сильно. А вот когда я узнал о всех тех детях... Тогда я взялся за дело всерьёз.

— Похоже, — сказал ведьмак, — это у вас семейная черта: браться за дело всерьёз. Но я так и не понял, отчего именно вы решили, что он — не Петер.

— Потому что я видел, как он ведёт себя, как выглядит, как разговаривает... Я думал об этом, милсдарь Стефан. И пришёл к выводу, что, лишив Петера тени, превратил его в вампира.

— Логично. А если я выколю вам глаз, я превращу вас в циклопа. Хотите знать моё мнение? Мальчик, безусловно, изменился. Что-то такое вы сотворили с его памятью, и наверняка не только с ней. Если Мойра расшифрует Манускрипт, это, возможно, даст нам ключ к разгадке. А по-

том... как знать, вдруг нам удастся провести ритуал и всё повернуть вспять?

Печёнка сухо рассмеялся:

— Да вы, милсдарь Стефан, ещё больший кудесник, чем мы полагали. Когда вы говорите о том, чтобы «всё повернуть вспять», имеете ли вы в виду всех тех детей, которые были похищены? Все семьи, которые в итоге распались?..

— ...Всех тех, кого вам пришлось ограбить или убить, чтобы попасть сюда? Нет, милсдарь Брендан, я мыслю не так масштабно. Я верю в то, что закон справедливого возмездия редко срабатывает. Нельзя сотворить ровно столько же добра, сколько было сделано зла. Но можно попытаться исправить то, что исправимо. Попытаться уменьшить количество зла.

— Иногда, — отчеканил старый судья, — можно сделать только одно. Устранить источник зла. Прижечь то, что невозможно залечить.

Ведьмак поднялся и пожал плечами:

— Прижечь? А я-то думал, вот буквально только что наш уважаемый капитан исчерпывающе пояснил, чем чревато прижигание.

Ахавель тоже поднялся.

— Эта болтовня, — сказал он, — стоит меньше, чем щепоть золы.

Он демонстративно выбил свою трубочку и с насмешкой посмотрел на Стефана.

— Вопрос заключается в том, как вы поступите, когда эта тварь приставит клинок к вашему горлу. Все разговоры о добре и зле в конечном счёте сводятся к этому.

Ответить ведьмак не успел: снаружи раздался стук металла о дерево и сразу несколько голосов закричали:

— Выходите! Выходите!

— Ну что ж... — сказал Ахавель.

И они вышли.

27

Луна — изящная, будто вырезанная из тончайшей рифлёной бумаги — висела над «крепостью». Во внутреннем дворе было светло и пусто. После появления Мойры и Марка они забыли выставить охрану, но противнику хватило благородства, чтобы не входить без предупреждения.

Они ждали в чёрном провале: четыре фигурки, гордо вскинувшие подбородки, положившие руки на рукояти мечей. Мечи были им великоваты, но смеха это не вызывало.

Когда эти четверо увидели людей Ахавеля, они шагнули вперёд, из тьмы на свет, — и стали видны лица, тёмные от брызг и потёков, стали видны слипшиеся волосы и раны, старые и свежие. Один слегка хромал, остальные двигались легко и энергично. Очевидно, по дороге сюда «гости» сделали привал и отдохнули.

— Боги всемилостивые, — прохрипел Тередо. — Так это же дети!

Разумеется, это были дети — но сейчас они больше походили на дикарей или злобных духов леса.

— Мы не дети, — сказал тот, что прихрамывал. — Мы — Свободные мальчишки!

— А я, — звонко добавил голос с небес, — их бессменный капитан!

На верхушке левой «башни» стояла хрупкая фигурка. Отсалютовала мечом — и прыгнула вниз. Кто-то ахнул, кто-то приготовился стрелять...

— Убрать оружие! — не оглядываясь, рявкнул ведьмак. — И тихо там!

Он смотрел, как падала эта фигурка — раскинув руки крестом, кривя рот в едкой усмешке, — падала и вдруг сделала кульбит над их головами... Мелькнуло в небе алебастровое лицо, похожее на посмертную маску.

Ведьмак захлопал в ладоши и захохотал.

На миг воцарилась мёртвая тишина.

— Я всегда, — сказал ведьмак, — с огромным удовольствием посещаю выступления циркачей. Особенно вежливых. Тех, кто сперва предупреждает о своём визите, а уже потом входит в дом.

Петеру хватило одного удара сердца, чтобы оказаться прямо перед ним. Меч во вскинутой руке не дрожал. И запястье мальчишка не выворачивал, и предплечье не «зажимал».

— Я всегда, — сказал Петер, — предупреждаю. — На помертвевшем лице только глаза оставались живыми. Пылающий взгляд метался от одного пирата к другому. Я никогда не убиваю врагов во сне или ударом со спины! Это бесчестно. И я, — процедил он, — не циркач!

— И это, — добавил один из мальчишек, — наш дом!

— А это, — невозмутимо ответил ведьмак, — мой меч. Ну-ка. — Он двумя двумя пальцами взялся за кончик лезвия, приподнял и поглядел на рукоять. — Точно — мой!

— Ты потерял его в Океане!

— Да, Петер. А ты, очевидно, нашёл и решил его мне вернуть. Не нужно, оставь себе в память о том, как спас мне жизнь. Кстати, не знал, что ты можешь нырять на такие глубины.

Петер усмехнулся:

— Это мои друзья, тритоны. Они достали его для меня.

— Ну, теперь всё понятно. И раз уж мы всё выяснили, пойдём-ка, отдохнёте, умоетесь... — Ведьмак улыбнулся и положил ладонь ему на плечо.

Петер вывернулся и вскинул меч:

— Хватит! Ты знаешь, зачем мы сюда пришли! Вы все — знаете!

— Нет! — сказал ведьмак — намеренно громко, чтобы заглушить ропот у себя за спиной. — Нет, мы не знаем. Вы пришли, чтобы снова пролилась кровь? Или, может, ты хотел извиниться за то, что лгал мне? Или — за пушки? За корабль, который сейчас догорает в бухте?

— Пушки! — прошипел Петер. — А для чего были предназначены эти пушки? Для чего приплыл сюда этот корабль? А я... я хочу справедливости! Всего лишь вернуть то, что принадлежит мне по праву. Отобрать своё у вора! — он ткнул мечом в сторону Ахавеля. — И ещё, — добавил чуть тише, — вернуть нашу маму. Она ведь у вас?

— Она пока занята, — отмахнулся ведьмак. — Что до справедливости... Глупо говорить о ней, когда один из нас стоит с обнажённым мечом. — Стефан демонстративно развёл руками, показывая Петеру и мальчишкам пустые ладони. — Я ведь не зря предложил: вложи меч в ножны, пойдём внутрь, к огню, поговорим по-человечески.

Петер молчал и смотрел на него холодным, злым взглядом. А вот на мальчишек слова Стефана явно подействовали: все четверо переглядывались и обменивались едва заметными жестами.

— Нет. — Петер перехватил меч поудобнее и скривил губы в усмешке. — Думаете, я не слышал, о чём вы говорили на корабле? Все вы мечтаете об одном: убить меня! Даже ты, ведьмак. Тебя ведь наняли именно для этого.

— Чтобы мечтать?

Это стало последней каплей. Петер взвился в воздух и мгновенно оказался за спиной у ведьмака; остриё меча кольнуло кожу между лопатками, и на сей раз руки мальчика дрожали.

— Есть, — процедил Петер, — всего два пути. Суд или...

— Или кровь, — спокойно подытожил ведьмак.

— Да! Или кровь. Но я хочу, чтобы всё было честно! Чтобы — по справедливости! Просто хочу вернуть то, что у меня отобрали.

— Мы, знаешь ли, тоже! — не сдержался Тередо. — Мы тоже хотим вернуть то... тех, кого ты забрал у нас!

Его слова будто прорвали плотину: «рыцари» заговорили разом, звякнула сталь, клацнули курки пистолетов...

— Я ничего не крал! — с яростью выкрикнул Петер. — Спросите у них сами! Спросите же!

— Что значит «не крал»?

— Как не крал?

— Что ж они, по своей воле?!..

— Эй, — позвал Стефан, — ребята, это правда?

Мальчишки растерянно переглянулись. Двое старших (видимо, те самые Орёл и Ягуар, о которых рассказывала Мойра) промямлили:

— Вообще-то, правда.

— Мы сами...

Двое других кивнули, пряча глаза.

Стало тихо. Слышно было, как истерично переругиваются летучие лисицы. Где-то в чаще зарыдала птица.

И вдруг Родриго Двухголосый прошептал дрожащим голосом:

— Дети! Мальчики мои! Что же было не так? Луис! Доминго!

Он бросился к ним прежде, чем его успели остановить. Присел перед ними на корточки, бережно взял за руки. Заглядывал в глаза с отчаянной надеждой.

— Ведь я заботился о вас! Всё самое лучшее!.. Я, конечно, не мог заменить Коринну, мать есть мать, и отца вашего тоже я не мог заменить, но, детки, ведь никого другого... — Он издал горлом сдавленный, одинокий звук.

Орёл и Ягуар глядели на Родриго с испугом.

— Вот же чёрт, — тихо сказал Тередо. — Вот же!..

— Не переубеждайте его, — так же тихо произнёс Ренни. — Лучше всего соглашаться, а после... там видно будет.

— Но теперь-то, — спросил Родриго, — теперь-то вы вернётесь? Я... я обещаю...

— Мы...

— Конечно, они вернутся!

Все оглянулись, многие с удивлением. У входа в «дом» стояла Мойра.

— Они вернутся. — Девушка подошла к ведьмаку и Петеру. — Верно, Петер?

— Не знаю. Может быть. Не знаю. Почему ты сбежала?! Почему... — Он осёкся и как будто впервые посмотрел на Ягуара с Орлом.

— Хватит, Петер. Какой бы долгой ни была игра, каким бы захватывающим — приключение, рано или поздно всему приходит конец. Пора прекратить всё это.

Клинок медленно отодвинулся от ведьмачьей спины.

— Хватит? Просто прекратить? Сложить игрушки, вернуться домой? Отдохнуть. Звучит, по-моему, здорово.

Он опустился на землю. Бледное мёртвое лицо буквально светилось во тьме.

— Только, знаешь, есть одна загвоздка. Мне некуда возвращаться. Я даже не могу вспомнить, как выглядел мой дом, какие лица были у мамы и папы. Вон стоит мой старший брат, который украл всё это у меня. Который, как трус, полжизни прятался и убегал. Который нанимал убийц, чтобы избавиться от меня. А теперь приехал сюда с вами со всеми, и вы защищаете вора, вы все защищаете вора! Хотите забрать моих друзей? Забирайте! Мои трофеи из сокровищницы? Да пожалуйста, я ещё добуду! Но, — сказал он тихо, — сперва я получу назад своё. И лучше никому из вас не становиться между мной и братцем.

— Петер!..

Он смотрел на неё пару долгих мгновений, как будто хотел запомнить навсегда. Потом покачал головой:

— Я и не знал, что это может быть так... не знал...

Отстранил Мойру и шагнул к Ахавелю.

— А что, — крикнула она ему в спину, — что же насчёт моего брата? Луки, которого ты укоротил? А?! Что насчёт всех тех, кого...

Он сделал вид, что не слышит.

Ведьмак аккуратно обнял её за плечи и покачал головой.

— Ну, — сказал Ренни Печёнка, выступая вперёд, — хватит уже болтовни и душевных метаний. Давайте к делу. Ты ведь знаешь, кто я?

— Догадываюсь, — вскинул голову Петер. — И что дальше?

— А дальше вот что. Я — Брендан по прозвищу Слепой, действительный чердианский судья, с которого никто никогда так и не снял соответствующих полномочий. Я услышал твой призыв к справедливости. Готов ли ты к честному суду? Признаёшь ли справедливым и окончательным мой приговор, каким бы он ни был?

Ведьмак вполголоса спросил о чём-то Мойру. Та кивнула и зашептала в ответ. Никто не обращал на них внимания, все взгляды были прикованы к Петеру и старику.

— Нет, — сказал Петер. — Не признаю#. Прозвище у вас правильное, но только слепость эта ваша — она ж не от честности. Вы — как все здесь. У вас тоже кто-то пропал, и вы хотите мне отомстить.

— Тогда какого же суда ты требуешь?

— Божьего! Пусть ордалия покажет, кто из нас прав.

— Испытание водой? Огнём?

— Только поединок! Я и он, — Петер кивнул на Ахавеля, раскуривавшего трубочку. — И чтобы все — и мои, и ваши — поклялись не вмешиваться. Если я побеждаю, он отдаст мне мои воспоминания. Он знает, как.

— А если ты проиграешь?

— Он сможет меня убить.

Ренни пожал плечами и поглядел на Ахавеля. Тот кивнул.

— Согласны? — спросил Печёнка у остальных.

Родриго было всё равно, он стоял рядом со «своими мальчиками», то и дело заглядывая им в лица. Краснолюды кивнули нехотя, Тередо и Макрен — с усмешкой.

— Значит, — сказал Печёнка, — так по сему и быть. Если все согласны...

— Нет.

— Ведьмак? Что такое?

— Я не согласен. — Он аккуратно отстранил девушку и встал между Ахавелем и Петером. — Категорически. И если вы хоть немного подумаете о том, что рассказала нам Мойра, сами всё поймёте.

— А ведь ты, — сказал Петер, — поклялся защищать меня. Помнишь?

— Защищать, но не позволить, чтобы ты безнаказанно убивал других. Где твоя тень, Петер? Точней — где тень, которую ты позаимствовал у Луки? Как и все предыдущие, отмерла, сгнила, превратилась в смрадные пятна там, на палубе «Брендана». Мы ведь оба знаем: когда ты обзаводишься новой тенью, ты на какое-то время становишься человеком. Тем, прежним Петером. Тогда тебя можно ранить — вот почему в ту ночь ты порезался моим клинком. А потом, когда тень отмирает, ты снова неуязвим. Вот как сегодня. Поэтому ты и не пострадал во время своего *приключения* на «Брендане»: они просто не могли тебя ранить.

— И что с того?! Если бы мой братец не сжёг...

— Я знаю, Петер, знаю. Но посуди сам: то, за чем ты пришёл, может требовать лишь человек. Не дух природы, а создание из плоти и крови. Стань им. Прими чужую тень и сделайся равным тому, кого называешь своим братом.

Недвижное лицо Петера дрогнуло и как будто на миг ожило. Черты лица исказились, в глазах были изумление и боль.

— А ведь ты поклялся... Поклялся!

Он раскачивался с пятки на носок, ухмылка превратилась в болезненную гримасу.

— Впрочем, — оборвал себя Петер, — это всё равно глупость. Да-да, глупость! Кто же отдаст мне свою тень?

— Я, — сказал ведьмак.

И прежде, чем кто-либо успел сказать хоть слово, рядом с ведьмаком встала Мойра:

— И я.

— Нет! — вырвалось у Петера.

— И Родриго, — добавил ведьмак, — тоже отдаст, верно, Родриго? Ради мальчиков?

Тот вздрогнул и заморгал:

— Ради мальчиков? Да, конечно. Какие уж тут могут быть... Конечно!

— Вот видишь, Петер. Мы согласны — согласен ли ты?

Петер снова принялся раскачиваться, и улыбка делалась всё шире, расползалась по лицу, рассекала его...

— Да, — сказал Петер. — А что ж? — Он подмигнул Мойре: — Согласен! Это даже будет забавно. Достойное приключение! Ну, чего вы все ждёте? За дело, за дело!

28

Всем руководила Мойра. Ахавель изредка вставлял замечание-другое, но в основном стоял в стороне и дымил своей трубочкой. Петер демонстративно не вмешивался: уселся на «башне» и оттуда наблюдал.

То и дело Мойра поглядывала на него: сейчас он выглядел одиноким и несчастным, брошенным и преданным всеми. Хотелось пожалеть его. Хотелось...

Но нет, говорила она себе, на самом деле — нет. Не хотелось. Она вспоминала о Луке. И о других мальчиках, десятках других мальчиков.

И о том низушке, которого она в последний раз видела в пещёре за водопадом.

«Бывают разные приключения, в том числе и опасные».

Она надеялась, что это приключение будет для Петера опасным, смертельно опасным.

Остальные мальчики сперва дичились, но когда увидели Марка, почувствовали себя спокойней. Переговари-

шались о чём-то, поглядывали то на Петера, то на ведьмака.

Ведьмак между тем успел обменяться парой слов с Печёнкой и Ахавелем и теперь помогал Мойре. Остальные отдирали свечки с полочек и уступок в «доме» и сносили к огромному кругу, вычерченному посреди внутреннего двора. Мусор, листья, ветки — всё это убрали, и теперь Мойра с ведьмаком чертили на земле символы.

— О чём вы говорили с капитаном?

— Поблагодарил за то, что он и судья удержали остальных от... хм... поспешных решений и необдуманных действий. — Стефан хлопнул себя по спине, расправляясь с очередным кровопийцей. Когда зажгли свечи, москитов стало раз в десять больше прежнего. Они лезли в глаза и в нос, будто ошалелые, бросались в пламя. — После ритуала снова придётся потянуть время. Но уже не мне — Ахавелю. И будет это чуть посложнее, поскольку наш юный друг как раз горит желанием скорей всё закончить.

— Я надеюсь, так оно и будет. Чем скорей, тем лучше!

Ведьмак с любопытством поглядел на Мойру:

— Ты так сильно желаешь ему смерти?

— И что в этом дурного? Все здесь желают того же самого! Если уж на то пошло, это вы всё придумали. И вы сделали так, чтобы он согласился.

Ведьмак промолчал: то и дело сверяясь с рисунком в заметках Мойры, выводил на земле особенно сложный символ.

Наконец всё было готово.

Они встали в круг, попарно: Петер напротив ведьмака, Родриго напротив Мойры. Остальные смотрели издалека, причём мальчишки стояли вмеремешку с «рыцарями».

Ведьмак вкратце объяснил, что и как предстоит сделать. Затем кивнул Мойре, и она начала громко и распевно читать с листа заклинание. Стефан и Родриго повторяли вслед за ней. Петер молчал, бледный и хмурый.

Между ними, словно мёртвые тела, лежали тени. Мойра не обратила внимания, когда именно это началось, но вот она произносила странные, чужие слова, — и тени лежали ровно и чётко, и как будто с каждым мигом становились всё материальней, всё осязаемей.

Она дочитала до конца — и почувствовала, что стоит словно по горло в мутной воде. Мира за пределами круга не существовало. А здесь... здесь было четверо людей и три перемешавшиеся, сросшиеся воедино тени.

— Позволишь? — Ведьмак взял у Петера меч и аккуратно отрезал от своей примерно треть. Властно махнул рукой: — Огонь!

Мойра наклонилась и прижгла место надреза. То есть провела пламенем свечи над чертой, которую оставило лезвие на земле.

— Дальше! — Ведьмак уже точно так же отсёк треть тени от Родриго.

Мойра прижгла. И выпрямилась, приготовившись к боли или даже к чему-то худшему.

Ведьмак всё сделал быстро, одним резким движением. Потом взял из её руки свечу и прижёг.

Было больно, но если бы под страхом смертной казни её попросили объяснить, где и что болит... нет, Мойра бы не смогла. Просто не сумела бы.

— Петер! Как ты?

Он поглядел на ведьмака тёмными, громадными глазами.

— Странно, — сказал охрипшим голосом. — Не так, как обычно. Но ничего такого. И не надейтесь.

Ведьмак коротко кивнул и дал Мойре знак, чтобы заканчивала ритуал. Она прочла фразу-засов — и поняла, что снова может дышать полной грудью. Мутная вода схлынула, пропала. Но вместе с нею пропало и что-то ещё; что-то, о чём она не могла вспомнить. Это было похоже на дырку вместо зуба. Пройдёт пара-тройка дней, и ты при

выкаешь к ней, и уже не скажешь наверняка, каково было раньше, с зубом.

Петер попрыгал, словно примерял новые башмаки. Приподнял одну ногу, затем вторую.

— Ух, — сказал. — Чувствуешь себя словно другим человеком.

Ведьмак кивнул.

— Что, — сказал, — перекусить не хочешь? Пару минут перед дуэлью, чтобы прийти в себя?

Петер молча протянул руку. Чуть помедлив, Стефан вернул ему меч.

Все вышли из круга, там остался только Петер. Сложив руки на груди, он с вызовом глядел на зрителей.

— Судья?

— Да, конечно. — Ренни расправил плечи и жестом велел Ахавелю войти в круг. Тот шагнул, всё так же с трубочкой в зубах, с клинком в ножнах.

— Итак, — сказал старик, — истец — Петер, требующий у своего брата Ахавеля по прозвищу Китобой добровольно принять участие в ритуале по возвращению ему, Петеру, воспоминаний. Ответчик Ахавель отказывается признать законными притязания Петера.

— Это мало что изменит, — заметил капитан, — но точней будет так: я заявляю, что мой брат погиб сорок лет назад.

— Ты не только вор, но и лжец!

Ахавель на него даже не взглянул.

— Дабы, — чуть повысив голос, продолжал Ренни, — разрешить сей конфликт, обе стороны добровольно согласились участвовать в божьем суде, а именно — провести между собой поединок. Правила просты: сражаетесь, пока один из вас не попросит пощады. Или не выйдет за пределы круга. Если победит истец, ответчик будет обязан пройти ритуал и отдать воспоминания своего брата. Если победит ответчик, оный ответчик получит право умерт-

вить истца. Все присутствующие согласны с правилами и обязуются не вмешиваться в поединок, а после завершения оного всеми возможными способами содействовать тому, чтобы свершилось правосудие.

Он помедлил, вздохнул и махнул рукой:

— Начинайте!

29

Они сделали полный круг, не спуская друг с друга глаз, не вынимая мечей из ножен. Чтобы держать дистанцию, Петер двигался чуть быстрее капитана. Вообще казалось, что бой будет неравным, — но ведьмак не обманывался на сей счёт.

— А что, братец, — тихо сказал Петер, — часто ты вспоминал родителей? За все эти годы — часто? И так, чтоб не в связи со мной. Может, тебе они и не нужны, эти воспоминания? Ради чего всё это?

— Ради брата, — ответил Китобой.

И ударил.

Сабля сверкнула в пламени свечей и рассекла надвое ночного мотылька, метавшегося между дуэлянтами.

Петер ускользнул из-под удара играючи. Хлопнул в ладоши:

— Ну же, братец! Это всё, на что ты способен? Воевать против бабочек?

Ахавель не слушал. Он делал выпад за выпадом, отжимая Петера к краю круга.

— Ах, братец, как же ты пред... — блеснул выхваченный из ножен меч...

— ска... — метнулся к руке Ахавеля, кольнул...

— зуем!.. — ударил плашмя по левому колену...

Капитан сбился с ритма — и вот тогда уже Петер навязал ему свой. Мальчику хватило ума не парировать удары, а уходить из-под них — и атаковать, раз за разом опережая противника.

Они плясали вдвоём, а между ними металась слетевшаяся на свет мошкара.

Ведьмак считал минуты. Подозревал, что долго Ахавель не продержится. А тогда всё будет впустую, кто бы ни победил.

Петер кружил вокруг капитана, нанося удар за ударом. Колол, бил плашмя, дразнил. Всё это — с безумной, нечеловеческой стремительностью.

Китобой не успевал парировать и в конце концов перешёл в атаку. Петер играючи увернулся, но в последний момент, самым краешком лезвия, Ахавель всё же достал его. Из пореза на курточке тонкими струйками потекла кровь.

— Давай! — зло прохрипел Тередо.

И другие подхватили:

— Давай, капитан!

— Китобой! Китобой!

Петер побледнел пуще прежнего и засмеялся. Движения его стали обманчиво плавными, как будто это был танец, подводный медленный танец.

И как будто в соответствии с правилами этого танца клинок мальчика дважды ударил капитана по пальцам. Сабля вылетела из руки, Петер прыгнул вперёд, грозя сверкающим лезвием, — и Китобой поневоле отшатнулся. «Рыцари» разочарованно выдохнули.

— Слишком быстро и просто, — сказал Петер. Он даже не запыхался, глаза блестели. — Давай-ка продолжим! Как ты, братец, согласен?

— А не боишься?

— Не так. «Не боишься, брат?» Скажи это — и я верну тебе меч.

— Мой брат умер в трюме каравеллы... кстати, как она называлась? Не помнишь. Во время ритуала всё пошло наперекосяк, и он превратился в вампира. В существо без тени, без возраста, без памяти. В тебя. Так что, — Ахавель пожал плечами и стал сдёргивать с правой руки перчат-

ку, — боюсь, тебе придётся сперва доказать, что ты — это он. Знаешь ли ты хоть что-нибудь, что знали только мы с ним? Помнишь что-нибудь особенное, известное лишь нам обоим?

Петер продолжал улыбаться, но губы его дрогнули.

— Сказка, — неуверенно произнёс он. — Была сказка. И бисквит. В Новиграде. В ту ночь. — Тряхнул головой. И вот ещё, только что... алая лихорадка, потом была алая лихорадка. — Он как будто повторял заученные слова, значения которых не понимал. — Алая лихорадка.

Ахавель как будто растерялся. Потом покачал головой:

— Э, нет, *братец*. Об этом ты мог узнать от кого угодно. — Он затянулся напоследок и вынул трубочку изо рта. — На борту было полно народу. А насчёт бисквита и сказки... боюсь, этого не помню я.

Щёки Петера как будто слегка побагровели. Он сплюнул под ноги Ахавелю:

— Ты врёшь! И знаешь, что врёшь! Будь ты проклят!

Взмахнув мечом, мальчик бросился на Китобоя.

Тот успел выбить трубочку прямо себе на ладонь. На деревянную ладонь.

Затем увернулся, помахивая в воздухе протезом, заставляя пламя разгореться. Миг — и дерево вспыхнуло.

Ахавель оскалился в усмешке и ударил правой, пылающей рукой. Петер с отчаянным криком отпрыгнул вбок, едва не споткнулся, но в последний момент сумел удержать равновесие.

Ахавель достал из-за пояса кинжал и теперь надвигался на мальчика, делая обманные выпады то правой, то левой. Пламя пылало в ночи, мотыльки метались вокруг, пять или шесть уже обожгли крылья и упали на землю. Воняло палёной шерстью и могилой.

— Капитан! — кричали «рыцари». — Капитан!

— Петер! — вопили Свободные мальчишки.

Ведьмак ждал.

На миг эти двое сцепились: кинжал скрежетнул по мечу, правая рука мазнула по касательной и обожгла ухо Петера.

Потом капитан зарычал от боли: огонь охватил всю кисть и подобрался к запястью. Отшвырнув кинжал, Ахавель пытался отстегнуть протез, но слишком поздно. Уже занялся чуть укороченный рукав капитанского камзола...

— Брендан! — крикнул ведьмак. — Помогите ему!

Сам он бросился наперерез Тередо, который явно готов был вмешаться в поединок. На разговоры времени не оставалось, пришлось ограничиться аккуратным ударом. «Рыцарь» молча рухнул под ноги Стефану, тот перешагнул через тело и оглянулся проверить, нет ли других желающих поучаствовать.

Желающих не было.

Между тем Ахавель уже стоял на коленях и пытался дотянуться до кинжала. То ли чтобы перерезать тлевшие ремни протеза, то ли для чего-то ещё более бессмысленного.

Над ним с мечом в руке возвышался Петер.

Пошатывающийся, помертвевший, с расширенными зрачками, мальчик кусал губы и как будто глядел в никуда. Потом он вскрикнул, коротко и пронзительно, — и обвёл всех диким взглядом.

— Нет! Нет-нет-нет-НЕ-Е-Е-ЕТ!

Он отшвырнул меч, словно тот превратился в разъярённую гадюку.

Упал на колени и выхватил из-под носа у Ахавеля кинжал.

Добежать к ним Стефан не успевал, счёт шёл на секунды, и ведьмак просто прыгнул. Ударил плечом Ахавеля, перекатился, набросился на мальчика сзади и мёртвой хваткой обнял. Чтоб даже не дёрнулся.

Перехватил ладонью запястье с кинжалом и шепнул:

— Брось. Давай-давай, отпускай. Всё, всё, всё...

Петер как будто не слышал его. Перебирал пальцами по рукояти, пытался развернуть клинок остриём кверху.

Пришлось нажать покрепче. И когда клинок выпал притиснуть мальчишку к земле. Вовремя: тот начал отби ваться, выкручиваться из хватки, и всё это — не переста вая отчаянно кричать.

— Всё, тихо, тихо...

Стефан видел, как к Ахавелю подбежали краснолюды, один сел на предплечье правой, другой — левой руки. Ря дом склонился Ренни с тесаком. Сунул в рот Китобою ру коятку ножа.

Потом примерился и ударил, аккуратно отсекая про тез. И набросил на культю плащ, чтобы потушить пламя.

— Не хочу! — надрывно выл Петер. — Не хочу-у-у!

И вдруг замолчал — как отрезало. Просто потерял со знание.

Ведьмак проверил его пульс. Поднялся, небрежно от ряхнул пыль.

Вот теперь начиналось самое сложное.

30

Они стояли полукругом и не спускали с него глаз. Кто то был настроен решительно, кто-то — растерян. Пока еще растерян.

— Мойра, — сказал ведьмак будничным тоном, — раз ве у вас там в Оксенфурте юные медички не приносят клятву Вандербрека? «Лечить и помогать страждущим», я слова не перепутал? Ну так не стой столпом, лечи и помо гай. Вот тебе страждущие, один без сознания, второй... а, уже и второй. Займись сперва капитаном, тащи-ка из «дома» мою сумку, поглядим, что там припасено... Обез боливающее бы ещё... ну, с этим вон к мальчишкам, они наверняка в здешних травах разбираются лучше нашего.

Пламяница, ребятки, поблизости растёт? Давайте, живо, одна нога здесь, другая там.

Мальчишки метнулись к выходу из «крепости» и пропали. Кажется, они были рады сбежать. Им нужно было время, чтобы прийти в себя... впрочем, всем им нужно было время.

Над «башнями» метались летучие лисицы, дивясь человеческой глупости. Только что дрались, а вот теперь лежат оба-два, плечом к плечу.

— Не надо их никуда переносить, — предупредил ведьмак. — И вообще лишний раз тревожить не надо. У одного шок болевой, у другого... в лучшем случае только эмоциональный. Я ж не знаю, как именно действует этот их ритуал. А мы его с Мойрой вдобавок немножко подправили.

Он разгладил усы и поглядел на «рыцарей». Тередо уже пришёл в себя: сидел на земле и стонал, держась за голову. Его поддерживал за плечо Родриго. Кстати, выглядел Двухголосый получше, чем до укорачивания.

Хмурились краснолюды, стоял, сложив руки на груди, Макрен. Печёнка тщательно вытирал секач пучком сорванной травы. Но глаз с ведьмака не спускал.

— Ходить, — сказал Стефан, — они смогут не сразу. Им бы пару-тройку дней... Но нам тянуть нельзя: Рубанок, возьмёшь себе помощника, пойдёте к заливу. Надо понять, в каком состоянии корабль и целы ли шлюпки. Почти наверняка он сгорел не весь, но наверняка же работы хватит. Ты теперь самый ценный член команды, без тебя мы отсюда не выберемся. Так что, будь добр, на сколопендр не наступай, подозрительные фрукты-овощи не ешь... кстати, насчёт фруктов и сколопендр — это всех касается.

Мойра уже вернулась из «дома» с ведьмачьей сумкой и циновками. Положила циновки в круг и кивнула краснолюдам, чтобы помогли перенести на них тела.

Скинула курточку, сунула под голову Ахавелю. Оглянулась. Все отводили глаза.

Ведьмак скинул свой кафтан с фантазийными узорами, впрочем, уже изрядно потрёпанный, в Чердиане в таком перед дамами не покрасуешься. Бросил Мойре — та слови ла и, свернув, положила под голову Петеру.

Потом занялась содержимым сумки.

— Ну, с делами разобрались, — подытожил Стефан. - Теперь можно перейти к осуществлению заветной мечты.

Он отступил в сторону и кивнул Ренни:

— Кто первый?

— Что?

— У нас ведь с вами осталось одно нерешённое дело. То, ради которого вы все сюда приплыли. Если память мне не изменяет, твои «рыцари» собирались убить вон того мальчика. Можете сделать это прямо сейчас. Хотя... да, это ведь неблагородно, не по-рыцарски. Что ж, подождите, пока очнётся. Уверяю: он тогда сам будет умолять вас об этом.

Ведьмак поддел носком сапога кинжал, которым хотел воспользоваться Петер.

— Собственно, если б я его не остановил...

— Объясни уже по-краснолюдски, — попросил де Форбин. Кашлянул: — Или по-людски.

— Он схитрил. — Мойра говорила и одновременно размешивала мазь, найденную в ведьмачьей сумке. — Обвёл всех нас вокруг пальца: меня, вас, капитана, даже Петера. Чёртов ведьмак.

Стефан отвесил ей поклон:

— К вашим услугам, барышня. Собственно, я не знал, получится ли. Но это был единственный способ.

— Будь ты проклят! — неожиданно просипел Китобой. Он лежал с закрытыми глазами и дышал, со свистом втягивая воздух. Очевидно, пришёл в себя совсем недавно. «Единственный способ», как же!..

— Единственный способ спасти мальчишку, — устало сказал Ренни.

— Его, вас, капитана... Без тени Петер одолел бы кого угодно. Без тени — и без памяти. Устроил бы себе ещё одно развесёлое приключение. А так... Так он получил сперва тень, а после наши воспоминания. И здесь, конечно, был риск, что получит он вовсе не то и не так. Я мог лишь надеяться, что один из нас заставит его взглянуть на происходящее со своей точки зрения. Увидеть Свободных мальчишек глазами Мойры. Пережить то, что переживал Родриго, лишившись племянников. Оказаться вместе со мной на палубе «Королевской фортуны». Мальчишки любят играть в войну — он тоже любил. «Приключения»!.. Бьюсь об заклад, он и был тем самым Кукушонком, которого так долго все искали. Откуда бы ещё взялись все эти сокровища в «доме»?

— И зная это, вы позволите ему?!..

Ведьмак пожал плечами:

— Отчего же? Вот он, приступайте. Кто из вас готов свершить правый суд? Капитан, у вас ведь остался заряженный пистолет. Сейчас Мойра закончит смазывать культю — и стреляйте. Рядом лежите, точно не промахнётесь. Нет? Тогда, может, вы, судья? Де Форбин? Родриго?

Они стояли и смотрели на него. С ненавистью, с уважением, со страхом.

— Почему вы делаете всё это?

— Потому что, — сказал ведьмак, — он не помнил того, что творил. И не понимал этого. Моя работа — уничтожать чудовищ. И он действительно был чудовищем — весёлым, простодушным, бессердечным чудовищем. Дав ему тень, подарив наши воспоминания, я уничтожил чудовище. А вы, если хотите, можете убить мальчика. Если же, — добавил он, — вы всё-таки оставите его в живых... знаете, что будет? Я скажу вам: Петер проснётся завтра или сутки спустя и первым делом вспомнит всё — и захочет умереть. От стыда и ужаса за то, что сотворил. Вы же сами видели, как он схватился за кинжал. Но если вы и

тогда не станете совершать то, ради чего приплыли сюда...

Он пожал плечами.

— Ему придётся несладко. На самом деле, очень тяжело. Взрослеть всегда тяжело и больно. Но... есть вещи, с которыми ты вынужден жить всю свою жизнь. Смириться с ними, ежедневно искупать их, так или иначе. Или сломаться. Летать он больше не сможет. Что до тени... она прижилась крепко, я уверен. Так что нам троим, — кивнул он Мойре и Родриго, — придётся жить без некоторых воспоминаний. Может, это и к лучшему.

Он провёл ладонью по лысому черепу, снова пожал плечами:

— В общем, разбирайтесь тут сами... Мойра, ты закончила с капитаном? Можно тебя на пару слов?

Она подошла, то и дело оглядываясь на круг и стоявших перед ним мужчин.

— Заметки с собой? Позволишь?

Ведьмак взял листы, небрежно проглядел, убеждаясь, все ли здесь, — и присел с другой стороны круга. Поднёс листы к свечке и смотрел, как огонь пожирает чёрные буквы, стрелки, символы.

Мойра стояла у него за плечом. Затаив дыхание, не сводила глаз с Печёнки, Тередо, краснолюдов, Макрена.

Бабочки плясали в воздухе, многие садились на лежавшие в круге тела. Одна вышагивала по лбу Петера, затем перешла на нос; пыльца с крыльев падала на покрасневшие щёки, на веки.

И вдруг плотно стиснутые губы мальчика на миг раздвинулись в улыбке.

Де Форбин приглушённо выругался и, отвернувшись, зашагал обратно в «дом». Помедлив, за ним пошёл Рубанок, потом Макрен, Тередо, старый Брендан...

Капитан смотрел им вслед. Потом смежил веки и задышал ровнее. Заснул.

— А если бы, — дрожащим голосом спросила Мойра, — если бы они... Неужели вы позволили бы им?..

Ведьмак обернулся. Она посмотрела ему в глаза — и покраснела.

— Иди, — сказал ведьмак. — Прибегут мальчишки, о них нужно позаботиться. И об остальном. В ближайшие дни будет очень тяжело.

— А вы?

— А я пока пригляжу за этими двумя. Когда придут в себя, им потребуется помощь, особенно Петеру.

Она кивнула и зашагала ко входу в «дом».

Свечи догорали, но небо на востоке уже окрасилось в нежно-алые тона. Летучие лисицы наконец угомонились. Где-то в зарослях «жерк-жеркали» лягушки и пела невидимая птаха.

Ведьмак устроился поудобнее и стал ждать, когда братья проснутся.

18.02 — 1.08. 2012 г.,
Киев

Александр Золотько

ОККУПАНТЫ

В Польшу я попал на самолёте. Прямо из Харькова. На Ту-154. И летал я впервые в жизни, и за границу — впервые в жизни, и так далеко от дома — тоже впервые в жизни. Всего два часа полёта, а будто на другой планете. Все другое: небо, земля, деревья — берёза, на что уж наше дерево, и то — другое.

Или это мне так тогда казалось? Если бы мне не сказали, что мы в Польшу летим, я бы, наверное, разницы и не заметил.

Нам, кстати, поначалу и не говорили, где служить будем. Привезли под Харьков в казармы, выдали форму, и почти неделю мы, восемнадцатилетние мальчишки со стриженными наголо головами, спорили — куда?

Был вариант в Афганистан. Не то чтобы это пугало, чего там... Кто из мальчишек не мечтал повоевать? Геройство, медали... Да и в тысяча девятьсот восемьдесят первом году наши в Афганистане, если верить газетам и телевизору, всё ещё строили для афганцев школы, дороги, мосты...

Это если верить. Хотя... Ведь и вправду строили. И мосты, и тоннели, и школы...

То есть мы знали, что в Афганистане что-то такое происходит, но гробов в Советский Союз ещё привезли немного, и те, что привозили... Не в бою вроде погибли парни, а от несчастного случая. Или от болезни.

Вот... А потом в газетах стали появляться сообщения о Польше. Там «Солидарность», забастовки, демонстра

ции, происки западных спецслужб и всё такое... Говорили-говорили-говорили... даже показывали. И вроде бы ничего такого жутко кровавого или опасного и не рассказывали, но мы-то уже привыкли между строк читать. Даже если там ничего написано и не было, мы всё равно читали.

И я точно знал, что служить буду или в Афганистане, или в Польше. Мне никто ничего не говорил, а я знал. Так бывает.

Но целую неделю нам ничего не объясняли. Только перед самолётом, когда мы уже стояли на лётном поле, офицер сказал, что служить нам выпало в Польской Народной Республике, что кого попало туда не пошлют — лучших только, и что от нас зависит... В общем, удачи вам, сказал офицер, и вид у него был такой... виноватый немного, что ли... Вроде он тут остаётся, а нас отправляет почти на войну...

Хотя, скорее всего, я это придумал. Для красоты. Чтобы как правильно. Потому что, отправляя кого-то на... нет, не на смерть, а... когда вместо себя отправляют туда, где может быть опасно, то вину, если и ощущают, не демонстрируют.

Вот как мой командир взвода в октябре восемьдесят второго.

Позвонил в караулку часовой и сказал, что стреляют. Не в него, понятное дело, но рядом. Совсем рядом, вроде как возле вокзала. А от его вышки до вокзала было метров сто, не больше. Мы вышли на крыльцо — точно, стреляют. Вначале пара-тройка выстрелов из пистолета, потом очередь из автомата.

А потом — взрыв. Вроде бы граната.

То есть если выстрелы ещё могли быть предупредительными, то вот граната... Это значит, что один поляк попытался на полном серьёзе другого поляка убить. Нет, дело, конечно, их собственное, внутреннее: пока нас не трогают — мы вмешиваться не станем.

Как там сказано: каждый народ имеет право на революцию? Точно, имеет. И каждое правительство обязано защищать себя и конституцию. Получается, что все кругом правы, каждый имеет вескую причину стрелять и гранаты бросать... Все правы, виноватых потом назначают, когда война закончится. Победитель и назначает.

Значит, рвануло возле вокзала и затихло, вроде как затаились все, перепугались, пересчитали своих, ноги-руки на комплектность проверили, а потом снова несколько раз пальнули. И снова автомат.

А часовой опять звонит, говорит, что вроде бы посторонний возле ограждения мелькнул. Или показалось, или захотелось часовому, чтобы кто-то из своих подошёл к вышке, просто побыл минуту рядом. Оно ведь неприятно, когда стреляют. Пусть не в тебя, но ведь в человека же. В живого человека.

И идти нужно было прапорщику, командиру взвода. Он был начальником караула, и по всем уставам на свете ему полагалось двигаться по вызову часового. Взять с собой двух солдат, фонарь и идти навстречу тем самым выстрелам.

А у прапорщика, между прочим, двое детей и жена. Прапорщик посмотрел на меня и сказал, что ногу вот вчера сильно ушиб... или растянул связку... в общем, болит, зараза, сил нет никаких.

А давайте я пойду, предложил я; а давай, легко согласился прапорщик, — и я пошёл. Ничего там не было, да и стрельба больше не возобновлялась — я только прогулялся немного и вернулся. Но лицо своего командира взвода я запомнил. Не было у него на лице вины. Облегчение было, да, а вины — не было.

А если бы вдруг меня там возле поста убили, то, может, на лице появилась бы радость, что не его...

Ну да ладно, чего там. Мне, в конце концов, и самому интересно было... Подвиг не подвиг, но я ведь сделал то, чего не смог совершить другой человек.

Мне было интересно.

И в самолёт тогда я поднялся с большим интересом, и все два часа полёта пытался в иллюминатор разглядывать землю, чтобы определить — вот, наша закончилась и началась чужая.

Кстати, странная штука человеческий мозг. Прекрасно знаю, что земля — чужая. Но даже на секунду в голову не пришло сомнение — если она чужая, то какого дьявола мы туда служить летим? И даже умирать там не возражаем, если что...

Ничего я в иллюминатор не разглядел. Все было одинаково — от взлёта до посадки. А вот после посадки...

Кто впервые увидел военный аэродром, тот его уже не забудет. Широченное бетонное поле, бронированные капониры, очень деловито выглядящие радары и прочие антенны... Впечатляет, чего там... А если добавить ко всему этому великолепию мысль, бьющуюся в голове, что всё, что это на два года, на семьсот тридцать дней, это — новая жизнь, и та, старая, гражданская, будто и не была вовсе...

А потом всё это отошло на задний план. Вроде как всё и осталось, никуда не делось, только стало каким-то нереальным... Всё стало нереальным.

Мы увидели два вертолёта. Два Ми двадцать четвертых не спеша летели чуть в стороне от аэродрома. Их называют «крокодилами», они, наверное, на настоящих крокодилов немного и похожи... С пятнами камуфляжа, угрюмые и недовольные на вид. И смертельно опасные.

Было на что посмотреть. Только, как бы это поточнее сказать... не на них мы все пялились. Вертолёты ведь не просто так летали, отрабатывая там какие-то боевые задачи. Они за драконом летели.

За самым обыкновенным драконом. Если драконы, конечно, бывают обыкновенными. Два хмурых «крокодила» за отливающим металлом в солнечном свете чудовищем. И дракон никуда не торопился, закладывая время от вре-

мени виражи, словно приглашая вертолёты поиграть. Или на самом деле собирался атаковать — кто его знает?

Летит треугольник: дракон впереди машет крыльями, а два вертолёта сзади хлопают лопастями. Потом дракон вдруг заваливается набок и разворачивается в лоб на один из вертолётов, тот шарахается в сторону, уклоняется, но второй быстренько заходит дракону в хвост, и крылатая тварь снова возвращается на маршрут.

Мне тогда показалось, что всё это длилось час. Может, больше. Ребята говорили — пять минут. Потом дракон и вертолёты улетели, а нас повели на общее построение, к «покупателям».

«Покупателями» называют офицеров, которые из общей толпы новобранцев выбирают людей к себе в часть. Для кого-то важно образование, кому-то — спортивный разряд. Нас отобрали по росту. В нашем батальоне была рота почётного караула — туда брали парней не ниже метр восемьдесят один, — вот нас и отобрали, посмотрев в карточках наши физические данные. Как говорится — ничего личного.

Десять человек посадили в старый автобус и повезли в Легницу по трассе Е-22. Её ещё немцы построили. Хорошо построили, качественно. Немцы вообще качественно строили. Вот нашу казарму, например. В самом центре Легницы, трёхэтажные красные здания с толстенными стенами — кирпичи лежат как по линейке, ровненько. И ни одного треснутого. До нас в казармах эсэсовский полк жил, кавалерийский. До войны, а потом — мы.

В автобусе я у прапорщика, который нас сопровождал, спросил про дракона. Наверное, все ребята хотели спросить, но я успел первым. И если бы мне прапорщик просто сказал, что, мол, секретная военная техника, радиоуправляемая игрушка, я бы поверил и замолчал. Ненадолго, конечно, потом бы всё равно узнал, но до города доехал бы спокойно. Но прапорщик повёл себя странно.

— А не твоё это дело, — сказал прапорщик с какой-то даже злостью. — Не было ничего. Вертолёты были, и больше ничего. Понял?

Я не понял — я заткнулся. Если в армии ты чего-то не понял или с чем-то не согласен — лучше замолчать. Это я уразумел сразу, в первый же день. И ребята, которые вместе со мной в автобусе ехали, тоже уразумели. Настолько хорошо осознали, что даже сержантам в учебном взводе про это не говорили.

Учились маршировать, пришивать пуговицы, терпеть и вкалывать, но о драконах — ни слова. Даже друг с другом. И это правильно, наверное: какие такие драконы, если вокруг сложная политическая обстановка, Советский Союз находится в авангарде борьбы за мир, а поляки за оградой нашего военного городка того и гляди революцию делать начнут.

Чуть позже, когда мы уже попали в обычную роту и когда нас стали готовить к тому, что придётся регулярно ходить в караул, вот тогда нам рассказали о многом...

Обычно молодняку всякую ерунду рассказывают. Чтобы припугнуть и разыграть. А нам говорили правду. И мы сразу поверили, после дракона-то — как не поверить?

Нам о девках лесных рассказали, которых ни в коем случае нельзя окликать, даже если они прямо через пост идти будут; о «живых тенях» и о том, что они боятся стали и железа и поэтому в них стрелять бессмысленно, а нужно бить штыком; о громадных ядовитых лягушках, которые могут одним ударом когтистой лапы распороть живот зазевавшемуся часовому... Много чего ещё рассказали. Не офицеры, нет, те говорили о боеготовности, о политической обстановке. О всяких невероятностях рассказывали свои ребята — солдаты и сержанты срочной службы. Ясное дело, что большинство из них всех этих тварей не видели, понятно, что и им обо всём этом поведали такие же солдаты, но помнить об этом было нужно. Правильно было помнить. Потому что...

Вот, к примеру, когда на меня из-за дерева вдруг двинулся высокий тёмный силуэт, чёрная фигура, лишь отдалённо похожая на человека, я не заорал на русском и польском «Стой, кто идёт!» и «Стой, стрелять буду!»... Я ткнул в этот силуэт штыком и не почувствовал сопротивления. Почти не почувствовал. Вот как если бы я этим самым штыком паутину рвал. Треск? Хруст? Шорох? А чёрт его знает, как это назвать. Беззвучный звук?

Тень дёрнулась, осела на землю, растеклась лужицей и исчезла. А я стоял над ней и трясся от... от страха? От неожиданности? Штык был чистым, но я его несколько раз всё равно воткнул в землю. А потом в караульном помещении ещё зачем-то вымыл под краном. Парням, естественно, рассказал, они долго матерились, но на пост всё равно часовые шли, и я выходил в положенное время... А через неделю — снова стал подрёмывать на посту, честно полагая, что проверяющий — существо гораздо более опасное, чем призрак.

Ну устроены у человека так мозги. Ну не можем мы долго бояться. Даже когда отправили Серёгу Никонова домой в цинковом гробу... Он не ответил на вызов по телефону, начальник караула прибежал на пост, а Серёга сидит на земле, прислонившись спиной к дереву, автомат на коленях, на лице — улыбка. На мёртвом лице.

Потом нам сказали, что сердце, что была у него острая сердечная недостаточность, мог в любой момент умереть. Кто-то поверил. Кто-то... Я, например, до сих пор думаю, что он просто не заметил приближения «живой тени». Проспал.

Тринадцатого декабря восемьдесят первого года я был дневальным.

Заступил в четыре часа утра. Это было воскресенье, подъём — в семь часов утра вместо шести, как в будни. Но в пять часов в роту стали приходить офицеры — с кобурами, с оружием. Что-то такое повисло в воздухе, напряжение, что ли... То есть ничего вроде не произошло, никто

ничего такого не сказал, но ясно, что вот сейчас, через минуту, через секунду...

Приказали поднять роту, я крикнул: «Подъём, строиться в коридоре!» Командир роты остановился перед строем и задумался. А у меня в голове вдруг прозвучало: «Товарищи! За последние сутки обстановка в Польской Народной Республике резко обострилась»... Бывает у меня такое, вроде как дар предсказания включается. Шестое чувство. Например, я на посту просыпался за десять минут до появления проверяющего. Вот словно что-то меня толкало. Так и в то утро.

Только я проговорил про себя эту фразу, как ротный начал: «Товарищи, обстановка в Польской Народной Республике...» и так далее. Только закончил он её словами «введено военное положение».

Тринадцатого декабря тысяча девятьсот восемьдесят первого года мы решили, что попали на войну.

Это ж понятно, если революция и всё такое, то по нам должны стрелять. Мы же оккупанты. Мне, например, об этом несколько раз говорили поляки на улице. Оккупант, проваливай домой.

Не все говорили. Нет, конечно, не все. Некоторые подходили просто потрепаться, некоторые хотели купить сигарет — с куревом у поляков было совсем плохо. Когда мы в патруле стояли возле музея боевой славы Северной группы войск, мамаши подходили, спрашивали: можно их детям по боевой технике полазить. Конечно, можно. Пусть лазят, что они могут танку сделать или пушкам?

Один раз ко мне подошёл поляк и сказал, что завтра должно что-то случиться, что будет плохо. Но ничего такого назавтра не произошло. Но он ведь на самом деле хотел предупредить, ведь так?

Поляки в нас не стреляли. Может, где и было, нам не говорили, а слухам верить... Но у нас — не стреляли. Не хотели рисковать. По их польскому телевидению крутили хронику о событиях в Венгрии в пятьдесят восьмом. Пра-

вильно делали, наверное, что крутили. Когда видишь, что пули из крупнокалиберного пулемёта творят со стенами жилого дома, когда смотришь на то, как танк давит машины на улице, а кого-то — то ли раненого, то ли убитого быстренько поволокли за угол — тут призадумаешься. Точно — призадумаешься.

Друг в друга — ещё можно, а в советских солдат... И нам объяснили командиры — не лезть. Дерутся, бьются, стреляют — не лезть. Они там, мы тут...

К тому же — оккупанты.

Нет, я много чего мог сказать по этому поводу той девчонке, которая мне первая про оккупантов заявила. Моей и про шестьсот тысяч наших, которые погибли в Польше во Второй мировой, и про то, что мы-то в их дела не лезем... Только от этого ничего не изменилось бы.

Она ведь права. Как ещё назвать армию, которая освободила, но не ушла? Почти сорок лет находится на чужой земле; да, не лезет, но ведь и не уходит. Получается, оккупанты? Она права. Но то, что она — тварь неблагодарная — не помнит, что мы их спасли, тут я прав? Попробуй разберись. А мне ведь тогда только девятнадцать лет было. Девятнадцать. И понять, кто прав, кто виноват — я не мог. И уж тем более я не мог понять, что не бывает ни абсолютно правых, ни абсолютно виноватых. Не бывает в природе.

Кто был более прав в ту войну: наши, погибавшие здесь, освобождая чужую землю, или поляки, застрелившие нескольких советских офицеров в Варшаве на второй день после освобождения?

Или вот когда к тому же музею Боевой Славы подошли среди ночи двое мальчишек и девчонка лет по четырнадцать-пятнадцать, сказали, что сбежали из детского дома, вроде как из детской тюрьмы... Их туда сунули за то, что они на стенах лозунги «Солидарности» писали. Они так нам сказали, во всяком случае. Так мы с напарником правы были, когда укрыли задремавших ребят своими шине

лями? Они ведь враги, поддерживали «Солидарность», а мы — оккупанты. Может, правильнее было бы позвонить в комендатуру, вызвать милицию и отправить революционеров обратно в детский дом? Прав я был?

Или прав был поляк, который выстрелил в меня из рогатки? Опять же: он борец с режимом, я — поддержка этого режима, оккупант. Он прав, когда попытался меня подстрелить шариком от подшипника, стальным закалённым шариком сантиметр в диаметре? Я даже не заметил, кто и откуда стрелял. Увидел, как этот самый шарик ударил в гранитную плиту возле моей ноги, отлетел, стукнувшись о каблук сапога, и остановился.

Я и не испугался толком. Огляделся, потом поднял шарик, подбросил на ладони. Это вечером, в казарме, ребята прикинули, что если бы стрелок-патриот не промазал, а влепил бы мне этой штукой по рёбрам — даже не по голове, а по рёбрам, — то вполне мог бы и убить. А уж ребро сломать — так нечего делать.

Он прав, этот стрелок?

Через несколько месяцев я ехал по городу в кузове грузовика. Я уже был младшим сержантом, или капралом, как нас именовали на польский манер. У меня был автомат, на голове каска, рядом со мной — ещё семь вооружённых советских солдат; мы в караул ехали, разглядывая из-под тента гражданскую жизнь и девушек в необычных брюках, которые тогда назывались странным для нас словом «штруксы».

А какой-то местный парень, мой одногодка, вдруг возьми да и прицелься в мою сторону. Нет, не из оружия, просто руками изобразил, что целится в меня, проклятого оккупанта, и что готов и будет стрелять... Конечно, он имел на это право.

Только право, оно ведь за собой и ответственность несёт. У меня как у сержанта и начальника караула есть и обязанности, и права. Но я о них не думал тогда, я просто поднял автомат и прицелился в парня. Автомат был неза-

ряжен, но парня швырнуло к стене, будто пуля в него всё-таки попала. Я успел заметить, как его лицо побледнело, а в глазах появился страх.

Ещё бы, оккупант навёл на него оружие, угрожал. Но я даже сейчас уверен, что поступил правильно. Ты хочешь воевать? Да пожалуйста, имеешь право. Бери ружьё или автомат, стреляй, убивай, но имей в виду, что это не игрушка, что это не просто так возможность продемонстрировать лихость и гонор. Ты не забывай, что любой начальник караула, хоть советский, хоть польский, а хоть американский, имеет право стрелять на поражение в случае нападения на него или караул. Сам может стрелять или приказать открыть огонь своим бойцам.

Уже не смешно? Вот и мне — не смешно.

Хотя да, как говорят у нас, кто в армии служил, тот в цирке не смеется.

Военное положение вовсе не отменило тягу к прекрасному у командира нашего батальона. Майор решил, что под окнами штаба не хватает небольшого фонтана, обсаженного по периметру елями. Чтобы, значит, можно было посидеть в тени у прохладной струи или глянуть из кабинета и порадоваться.

В принципе, каждому из нас строго было приказано ограничить общение с поляками. Выходить за территорию без офицеров или прапорщиков — запрещёно, за такое можно было загреметь на гауптвахту, а если ещё попасться при этом, скажем, на краже — так и вообще в тюрьму. Всё понятно и ясно. Более того, все прекрасно знали, что бродить по болотам и ельникам может быть опасно не только потому, что поймает лесник или местные борцы с оккупантами. В лесу или на болоте можно наскочить на какую-нибудь тварь пострашнее, но на всё это было решено наплевать, так как командиру нашего батальона понадобились ёлки и фонтан.

И даже то, что на дворе было тринадцатое число, к сведению принято не было. Уж тринадцатое число каждого

месяца мы чтили не потому, что были суеверными. Тринадцатого декабря восемьдесят первого было введено военное положение, и каждый месяц тринадцатого поляки что-то такое норовили устроить, напомнить власти и лично генералу Ярузельскому, что все всё помнят и ничего не простили. И что ничего не закончилось, а всё только начинается.

И тринадцатого ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года мне была поставлена боевая задача.

Спланирована операция была в лучших традициях стратегии и тактики. Старшина роты на грузовике доставляет нас в лес к болоту, высаживает и быстро удаляется. Мы — я и четверо солдат — героически выкапываем подходящие деревья, заворачиваем их в старые плащ-палатки и прячем возле дороги. Через два часа приезжает старшина на грузовике, мы вместе с ёлками загружаемся и с победой возвращаемся в казарму.

Ёлки мы выкопали, а машина не приехала. Ни через два часа, ни через четыре. Начало темнеть, а долгожданный «ЗИЛ-131» так и не прибыл.

Пошел дождь — мелкий, холодный, противный. И ещё более отвратительным он казался потому, что мне предстояло сделать выбор и принять решение. Правильно было бы ждать машину на месте, потерявшиеся в лесу или в городе так должны поступать — не бродить, а стоять и ждать. Но к шести часам вечера стало понятно, что ждать бессмысленно. И холодно. И мокро. У ребят закончились сигареты и терпение. Я не курю, мне проще, однако ночёвка на мокрой земле при плюс десяти под дождём меня также не устраивала. Совсем. И плюс десять было днём, перед нашим отъездом, а к ночи вполне могло похолодать до ноля.

Нет, можно было соорудить шатёр из плащ-палаток, разжечь костёр и переночевать. Не жравши и не пивши, но и без особых проблем. Я даже чуть не приказал строить лагерь. И приказал бы: прогулка на тридцать с лиш-

ним километров меня не привлекала, но Садреддин Мехтиев, которого все для простоты звали Саня, отходивший в сторону справить нужду, примчался перепуганный, даже штаны толком не застегнув, и сообщил, что в лесу бабы.

Объяснить он толком не мог — с русским языком у него были проблемы и в обычной жизни, а когда волновался, так его вообще понять было трудно. Саня прославился, когда в карауле напугал прапорщика.

Ночь, начальник караула со сменой идет менять Мехтиева, а тот, завидев с вышки делегацию, стал действовать строго по уставу. Остановил, приказал осветить лицо, потом приказал прапорщику подойти поближе к вышке, а потом свесился с неё и спросил: «Товарищ прапорщик, сейчас стрелять или после?»

Так что слова Мехтиева принимать слишком близко к сердцу не стоило, но тут он был перепуган почти до полной невменяемости.

Бабы, шепчет страшным голосом, бабы. Такие! По жестикуляции получалось — большие. И с грудью, тоже большой. И страшные. Саня пытался что-то изобразить, гримасничая, но выходило у него это не слишком понятно.

— Чёрные, — сказал Мехтиев. — Полосатые... Такие...

Чёрные, полосатые и особенно — такие, это настораживало. Согласно легендам, лесные девки выглядели именно так — будто английские коммандос, с лицом, разрисованным коричневыми и зелёными полосами. И чёрт с ними, с полосами и девками, только, по тем же легендам, девки лесные очень не любили зрителей. То есть совсем не любили. Иногда исчезали между деревьями, как бесплотные духи, а иногда могли убить слишком уж навязчивого наблюдателя. Ножом или даже стрелой из лука.

В нашем батальоне такого не было давно, собственно, наверное, никогда не было, чтобы убитые. А вот встречали их, лесных девок, неоднократно.

— Где? — спросил я.

Саня ткнул дрожащим пальцем в сторону леса, и я тихонько приказал всем забирать плащ-палатки и двигаться по дороге прочь от этих красавиц.

В конце концов, если машина за нами едет, то с ней мы и встретимся. Ёлки выкопанные, правда, тащить не стали. Спрятали за деревьями: если будет нужно, завтра заедем и заберём.

И мы пошли домой.

Пять советских солдат — сержант и четверо рядовых, при четырёх лопатах, двинулись по лесной дороге, сквозь дождь, мрак, холод и военное положение. Пять мокрых советских солдат, матерящихся беспрерывно, поминающих старшину, командира батальона, мерзкую погоду и Польшу, которая во всём происходящем виновата как раз и не была.

Тридцать километров — днём это не меньше пяти часов беспрерывной ходьбы. Днём. При условии, что командир группы знает маршрут движения. Но маршрута я как раз и не знал. Только то, что видел из кузова.

Кажется, километрах в десяти должна быть деревня. Небольшая, из тех, что образует одну улицу вдоль дороги, — домики справа, домики слева.

Как это будет выглядеть — наш визит в польский населённый пункт — я себе представлял слабо. Доберёмся мы к деревне часа через два — два с половиной, сельские жители будут спать, и ломиться в закрытую дверь мне казалось не совсем правильным. То есть абсолютно. Сельские жители вообще на многие вещи реагируют специфически, что польские, что русские, что украинские. Я представил себе, что должен был испытать обычный крестьянин, живущий возле неспокойного леса, когда посреди ночи к нему в дверь или окно начнет стучать некто, на ломаном польском пытающийся объяснить, что заблудился, что просит приюта или подвезти до города. Причём не за деньги — откуда у советских солдат деньги? — а из милости. Из сострадания и международной солидарности.

Но других вариантов всё равно не было. Может, в деревне окажется пост милиции? Это был бы лучший вариант. Церковь... костёл, наверное, тоже подошёл бы. Я был человеком совершенно не религиозным, но где-то в глуби не души жила уверенность, что священник всегда должен помочь. Будь он ксёндз или мулла...

Или даже пусть будет открыт какой-нибудь кабачок. Пивная. Хоть что-нибудь. Люди, свет, помощь...

Людей мы встретили через полтора часа.

Когда мне в лицо упёрся луч света, я даже обрадовался.

Зажмурился, выругался, но обрадовался. И когда меня по-польски спросили, кто идёт, я ответил, что жолнежи радецкие. По-польски, естественно, в таких пределах большинство из нас польским языком владело. Кроме команд, предписанных уставом, типа «стуй, бо бенде стшелял!», советский солдат мог выдать, например, «пенькна кобета». И каждый с удовольствием употреблял «курррва», демонстрируя своё знакомство с польской культурой, хотя, казалось бы, в русском и ругательств было по больше, да и сами поляки часто использовали русские крепкие выражения. Взаимное проникновение культур такое получается.

И очень нас поначалу смешило, что «магазин» по польски звучит так же, как сооружение на кладбище по русски, а «магазином» поляки называют журнал. Вот...

Я сказал, что мы — «жолнежи радецкие», поляк приказал стоять на месте и луч света с моего лица не убрал. Сильный такой фонарь у него был, мне даже пришлось глаза рукой прикрыть.

Мелкие капли воды светятся, попадая в луч, разлетаются в пыль, ударяясь о руку поляка, получается что-то вроде гало — круга вокруг луны в морозную ночь. Дождь стучит по моей плащ-палатке, по дороге тоже стучит, по лужам, ветер шумит, посвистывая в голых ветках где-то у нас над головой, зубы у меня уже давно выстукивают

дробь, а поляк светит мне в лицо и не собирается фонарь убирать.

А я ладошкой заслоняюсь и пытаюсь рассмотреть, что же там за фонарем. Ничего толком не видно, понятно только: держит поляк фонарь в левой руке, а в правой... Я не сразу поверил своим глазам, проморгался, вытер лицо, ещё раз глянул — автомат. И если бы это был ствол, скажем, «АКМа», я бы и не испугался. Польский солдат на посту и всё такое. Курсанты школы хорунжих с «АКМами» ходили в патруль, я неоднократно с ними пересекался. Рассказывал им про наши новые автоматы, про «АК-74», в которых пули со смещённым центром тяжести и руку-ногу при попадании отрывают к свиньям собачим. И смеялся над тем, как они носят оружие, распустив автоматный ремень так, что приклад болтался возле правого каблука.

В общем, «калашников» бы меня не насторожил и не испугал, а вот то, что в меня целились из «шмайссера», немецкого пистолета-пулемёта времён войны, бросило меня в жар. Словно кто-то там, наверху, в тёмном небе, закрутил кран с холодной водой — и на меня обрушился кипяток.

Я ведь про Вторую мировую войну больше из фильмов знал, а в них со «шмайссерами», кроме немцев, ходили либо партизаны, либо бандиты. И, принимая во внимание ситуацию и время действия, для меня что партизаны, что бандиты этим вечером было одно и то же.

В голове сразу пронеслось и то, что сегодня тринадцатое, и то, что нас постоянно предупреждали о возможности акций, и... и жизнь пронеслась перед глазами. До «шмайссера» — метра два, в магазине у него — тридцать патронов. Любить полякам нас, в общем, не за что... С их точкой зрения — не за что — я бы, например, поспорил, привёл бы аргументы, но никто меня слушать не станет, это понятно.

Нажмут на спуск, пули вначале прошьют меня, потом уже остальных. И пришла в голову совершенно уж идиотская мысль. Стало мне вдруг интересно, а как это — когда пуля в грудь попадает? Больно или нет? А умирать больно? И долго?

Там ещё что-то в голову лезло, я уж и не упомню всего, и времени прошло немного — с минуту, может, полторы...

— Что вы делаете здесь? — по-русски спросил кто-то слева от меня.

В общем фразу чисто произнёс, только «л» прозвучало с характерным акцентом. Как краткое «у». Обычное польское произношение.

Я начал объяснять. Представился, чтобы придать всему происходящему хоть какую-то официальность.

Про ёлки говорить было неудобно, я стал что-то приду мывать о том, что мы вот идём... не дождались машины... и нам нужно попасть в Легницу...

Меня слушали не перебивая. Даже когда я замолчал, никто ничего не сказал сразу, мне пришлось прибавить к своему выступлению «вот», чтобы стало понятно — выступление закончено.

— Издалека идёте?

— Уже полтора часа, — сказал я, стараясь не смотреть на ствол пистолета-пулемёта. — Без привала...

Снова пауза.

— Никого не встречали?

— Нет, — ответил я быстро.

Не рассказывать же им про лесных девок. Советские солдаты в нечисть не верят. Советские солдаты, даже если и верят в нечисть, то никому в этом не признаются. Советские солдаты стойко переносят тяготы и лишения военной службы. Может, все эти девки и тени — военная тайна?

В общем, думал я всякую ерунду. Так бывает со мной, когда волнуюсь. Мысли скачут, цепляются одна за другую... А повод нервничать у меня был, с этим не поспоришь.

— Пан, закурить не найдётся? — вдруг высунулся у меня из-за спины Лёшка Громов.

Громов не то чтобы совсем дурак. Он простой. Я до службы в армии даже не подозревал, какие простые люди встречаются на свете.

Лешка, например, мог на политзанятиях совершенно серьёзно искать на карте столицу Антарктиды, а потом и весь материк, шаря указкой по Африке, Америке, Азии и снова по Африке...

Ко всем полякам он обращался исключительно «пан!», будучи искренне уверенным, что это короткое и энергичное слово — почти оскорбление. Наши поляков панами за глаза называли, а он — в лицо. Думал, что практически унижает этим собеседника. Демонстрирует превосходство.

– Курить не дадите? — повторил вопрос Лёшка.

– Сейчас, — сказал поляк. — Пойдёмте за мной. У вас есть оружие?

– Четыре лопаты, — сказал я.

– Хорошо, — одобрил поляк, и я не понял: хорошо, что не автоматы, или то, что у нас лопаты — и в самом деле его обрадовало. — За мной. Тут рядом.

Мы пошли за ним, автоматчик двинулся следом, освещая дорогу и немного спину идущего впереди поляка.

Тот был в плаще, блестевшем в свете фонаря. Такой клеенчатый чёрный плащ с пелериной, я таких в обычной жизни не видел, но в кино именно в таких ходили шпионы и убийцы. А ещё — эсэсовцы. И рук из-под плаща видно не было, так что в них мог быть хоть топор, а хоть автомат.

Мы свернули с дороги на какую-то тропинку, луч выхватывал из темноты справа и слева голые ветки кустарника, покрытые светящимися каплями воды. Под ногами хлюпала грязь.

— И пожрать бы... — сказал Лёшка, который шёл сразу за мной.

Ему было хорошо, он автомата не видел. А я только об автомате и думал. И прикидывал, а не сигануть ли в сторону, не рвануть ли через кустарник в глубь леса, ведь не попадут же, точно не попадут. Деревья пулю не пропустят дальше чем метра на четыре-пять. Если бежать, пригибаясь и петляя, то промажут. Точно — промажут. Влепят мне вдогонку, но не достанут.

А вот в ребят — попадут. И это значило, что я никуда не побегу. Хотя это, наверное, был вовсе не героизм, а глупость. Если нас собирались убить, то ребят всё равно убьют, а для меня — шанс. Зачем погибать с остальными, если есть возможность выжить?

Мне и сейчас противно вспоминать те свои мысли. И я до сих пор горжусь, что не поддался им тогда. Наверное, это самый храбрый мой поступок за всю жизнь. Или даже единственный по-настоящему смелый.

Минут через десять мы пришли.

Вначале я увидел свет фонаря.

Фонарь висел над воротами — высокими, деревянными, со здоровенными железными петлями. Ворота были открыты.

Дождевые капли вылетали из темноты и бились о пузырящуюся лужу. Могло показаться, что вода льётся из-под жестяного абажура, как из здоровенного душа.

Вправо и влево от ворот тянулся забор из толстых широких досок. Забор терялся в темноте, как будто, не сворачивая, перегораживал всю землю — от края до края.

Вот сам не знаю почему, но в голове мелькнуло — замок. Хотя с детства знал, что замок — это высокое, каменное, на вершине горы или, в крайнем случае, холма. А тут — деревянный забор и ворота, но всё равно — замок.

Ну, словно повеяло чем-то древним. Не дряхлым, нет, а именно древним.

Двор, между прочим, был вымощен крупным булыжником, отливавшим в свете фонарей воронёной сталью. Широкий двор. Справа и слева стояли какие-то хозяй

ственные сооружения, может, сараи или склады. В глубине двора притаился дом. Все постройки были сложены из брёвен в обхват толщиной. Из старых брёвен, потрескавшихся, но не истлевших.

Дом был двухэтажный, с небольшими, словно прищуренными, окнами. И с высокой пирамидой крыши.

Поляк в чёрном плаще поднялся на крыльцо, постучал в дверь.

— Замёрз как собака, — сказал Лёшка. — Слышь, пан, пожрать что-то будет? Горячего чего-нибудь...

Открылась дверь, поляк что-то сказал, потом оглянулся на нас, но лица я не увидел — капюшон был глубоким.

— Проходите в дом, — прозвучало из темноты под капюшоном.

В доме было тепло. Пряно пахло какими-то травами. И, кажется, лекарствами. А ещё чем-то незнакомым и неприятным.

Я остановился на пороге, но Лёшка подтолкнул меня в спину, и я вошёл. За мной — остальные.

Ноги мы кое-как вытерли на крыльце, но мокрые следы всё равно оставались.

— Стоять, — приказал я. — Дом загадим.

— Могу снять сапоги, — тут же предложил Лёшка. — Слышь, пан, а сапоги снять?

— Ты портянки давно менял? — спросил я.

Лучше уж пачкать, чем вонять.

Наверное, об этом подумал и поляк, поэтому сказал, что мы можем ходить так, обутыми.

— Вот туда входите, — указал он на дверь сбоку. — А вы, товарищ сержант, проходите за мной.

Я вполголоса предупредил Лёшку, чтобы без глупостей. Вот чтобы вошел, сел или стал в углу и не дёргался. И ничего чтобы не клянчил. И чтобы, упаси бог, ничего не вздумал стащить, хоть еду, хоть посуду. Предупредил, что если он что-то такое затеет... Или кто-то ещё что-то такое

удумает, то дело даже до трибунала не дойдёт. Я лично, своими руками...

Парни кивали, не спорили и обещали себя вести в рамках, вроде бы даже искренне обещали, особенно Лёшка.

В его искренность я не верил ни грамма, но выбирать всё равно было не из чего. Рядовых приказано — налево, а товарища сержанта — прямо. В зал, наверное.

Я ещё успел подумать, что «товарищ сержант» прозвучало без иронии и подколки, спокойно прозвучало, ровно. И, может, всё ещё закончится по-доброму. Нас выведут, например, на дорогу и отправят дальше. А если тут есть телефон, то просто позвонят в город, в милицию, а те — к нам в комендатуру, а те — либо пришлют свою машину, либо сообщат в батальон. Будет, конечно, скандал, но лучше уж он, чем и дальше топать пешком.

Про «шмайссер» я старательно не думал. Оставил мысли о нём за дверью. Здесь оружия нет, подумал я, и ладно...

Но оказалось, что неладно.

За дверью, в небольшой комнате, оружие как раз было. Первым в глаза бросился пулемёт. Он стоял на столе, раскорячившись сошками, и, наклонив в сторону коробчатый магазин, смотрел на дверь. То есть на меня, стоявшего на пороге. Пулемёт был старый, тоже времён войны, магазин к нему крепился сверху, выглядело всё сооружение древним, но надёжным. И смертоносным, что ли...

Несколько винтовок стояло у стола, на столешнице — россыпью патроны, штук пять гранат — наших, советских «лимонок».

— Проходите, товарищ сержант, присаживайтесь, — сказал поляк и снял с себя плащ. — Присаживайтесь на скамейку, вот к стене...

Было поляку лет сорок — старик, по моему тогдашнему мнению, но старик крепкий. Такой... обветренный, что ли. В куртке, брюки заправлены в сапоги, на поясе — кобура. Чёрная, потёртая. И, кажется, с немецким пистоле-

том внутри. В кино, во всяком случае, в таких немцы носили «парабеллумы».

— Нам бы в город... — сказал я. — Нас уже, наверное, ищут... Как бы не разминуться с машиной...

— Не разминётесь, — успокоил меня поляк. — До утра по дороге никто ездить не будет. И ходить.

«И ходить» — это он специально для меня добавил, чтобы вопросы снять напрочь. Что-то вроде — никто вас никуда не выпустит.

Я подошёл к лавке — толстенная, в ладонь толщиной доска на чурках вместо ножек, сел. Даже плащ-палатку не снял. Вода капала на пол, а я не обращал на это внимания. Шапку с головы стащил, отряхнул кое-как — и всё. Сидел и думал.

Вопрос-то ведь простой — что будет дальше. Машины не ездят — плохо, но ладно. Люди не ходят — тоже пережить можно. И до утра — понятно. А что будет потом?

Для чего всё это оружие? И почему его мне показывают, чёрт побери? Мы же молчать не будем, когда к нашим попадём. Даже если пообещаем. Даже если и соберёмся в самом деле молчать, то кто нам поверит? Я бы — не поверил.

А дальше... Мы сообщаем о группе вооружённых поляков, сюда присылают милицию... Или как там у них называется местный КГБ... Что, тут много таких домов в округе? Характерный домик, ничего не скажешь.

Или до утра они все уйдут? Все — это не те двое, которых я уже видел. Оружия тут хватит человек на двадцать как минимум. Выходит, тут кого-то ждут? И до утра все соберутся и двинутся... Куда? На Варшаву? Коммунистическую диктатуру свергать? Или за кордон? Тут граница не очень далеко, но это граница с братской Чехословакией и не менее братской Германией. Демократической притом. Там вооружённую группу встретят неласково.

Особенно если я про неё сообщу.

Значит, нужно сделать так, чтобы я никому ничего не сообщил. Как? Я знаю — как. А уж они-то тем более знают.

Лицо у поляка было симпатичное. Такое — располагающее. И знакомое. Я сразу не понял почему, но потом сообразил — похож был на польского актёра, который в «Четырех танкистах» Густлика играл. У него ещё смешное имя было. Точнее, не имя, а фамилия. Имя у него было Франтишек, а фамилия — Печка. Вот поляк был на этого Франтишека Печку похож. Такой же высокий лоб с залысинами, вьющиеся волосы, глубоко посаженные глаза. В кино Густлик был очень добрый и отзывчивый парень. В книге — тоже. Я книгу читал. И фильм видел. А кто у нас его не видел? У нас всех собак потом Шариками звали. Такой весёлый был танкист. Немцев, правда, убивал тоже легко и весело.

Со скрипом открылась дверь, вошёл старик.

Значит, если этот, Густлик, мне тогда показался старым, то вошедший был совсем уж древним. Лет семьдесят, не меньше. Но крепкий. Высокий, когда входил в дверь, даже голову наклонил. Не громоздкий, покрытый мускулами, а такой, как из веревок скрученный. Жилистый. Седой, морщинистый, но глаза светились молодо.

И без огнестрельного оружия, что меня в тот момент порадовало. Меховая безрукавка поверх вязаного свитера, брюки заправлены в тёплые вязаные носки. На ногах кожаные тапочки, похожие на индейские мокасины.

— Кто такой? — спросил старик у Густлика.

По-польски спросил, а тот по-польски ему и ответил, что пять парней шли по дороге. Я не понял сразу, почему он не сказал, что солдаты с сержантом, а потом сообразил — выбирает Густлик такие слова, чтобы на русские не были похожи, чтобы русский его не понял. Солдаты и сержант — любой бы понял, а хлопаков — нет.

То есть он уверен, что сможет разговаривать в моём присутствии свободно. И это значило, что мне лучше по

малкивать о том, что я — украинец и что польский как-нибудь, а разберу. За полтора года привык и к темпу, и к произношению, телевизор понимал свободно. Говорить не решусь, не получается отличать украинские слова от польских, а на слух понять могу... Но хозяевам об этом знать не стоило.

— Москали... — протянул старик, задумчиво глядя на меня. — А ЭТИ не приехали?

— Погода какая... — пожал плечами Густлик. — На машине сильно не разгонишься... Приедут, никуда не денутся. Как там Болеслав?

— Умирает Болеслав, — ответил старик. — Старуха возле него, только что она сделает? Глаза закроет? И он мучается, и она...

Старик сел к столу, отодвинул небрежно патроны и гранаты, одна «лимонка» покатилась к краю, я затаил дыхание, но Густлик гранату ловко подхватил и сунул в карман куртки.

— Что ты делал в лесу, парень? — спросил старик.

— Шёл, — ответил я.

А что я ещё мог сказать? Про то, что ёлки воровал? Смешно всё это выглядело бы на фоне пулемёта и гранат. Пошёл сержант за ёлками да в плен попал.

— Шёл, значит... — старик говорил по-русски чисто, с лёгким акцентом, который вроде и был, но толком расслышать его не получалось. — Не очень удачно ты выбрал время для прогулки, москаль... И с тобой ещё четверо?

— Четверо.

— Есть, наверное, хотите?

— Я солдат на кухню отправил, — сказал Густлик. — Там Люцина и Ежи, они накормят...

— Ну так пусть и начальник их идёт, — кивнул старик. — По званию кто?

— Сержант, — я встал со скамьи.

— Сержант, — без выражения повторил старик. — Ладно, иди.

— А что потом? — не выдержал я. — Потом что будем делать?

— Не знаю, — старик посмотрел на Густлика. — Что будем делать, Стефан?

Густлика, оказывается, звали Стефан.

Стефан молча развёл руками и усмехнулся невесело.

— Что улыбаетесь? — Если честно, мне в тот момент уже было всё равно — прямо сейчас меня убьют или накормят перед смертью. — Какого беса вы нас сюда притащили?

— Поесть, попить, обсохнуть, — объяснил Стефан. — Вы же этого хотели? Ваш солдат так и сказал — пожрать горячего. Вот и пожрете горячего...

— А всё это для чего? — я указал на оружие. Глупо, конечно, получалось, я лез не в своё дело там, где стоило просто помолчать и подождать, но терпение у меня кончилось, даже не начавшись. Как говорил один мой приятель, когда скромность давали, я в очереди за наглостью стоял. — Приятного аппетита мне пожелать?

— Вот знаешь, Стефан, — задумчиво проговорил старик, глядя куда-то сквозь меня, — сколько я москалей знаю, все они норовят вопросы задавать. Пожрать-попить-поспать... и вопросы.

Все это старик сказал по-русски, специально для меня.

И Стефан ответил по-русски, что я — парень молодой, любопытный.

А я им сказал, что парень я молодой, но не дурак. И хочу знать — кто они такие и что нас ждёт.

И я хотел бы знать, что нас ждёт, сказал Стефан, а старик кивнул, подтверждая, что и он хотел бы знать. Хоть криком ори, хоть плачь — никто ничего не собирается объяснять. Возник у меня в тот момент соблазн схватить со стола гранату, рвануть с неё кольцо и сказать, что если они немедленно нас не отпустят, то я... Соблазн возник и пропал. Во-первых, я никогда в жизни гранату в руках не держал. Во-вторых, я не хотел умирать, я хотел домой.

Мне оставалось сто тридцать пять дней до приказа об увольнении. Нужно было только дотерпеть. Сто тридцать пять — и всё. А завтра — сто тридцать четыре. Потом — сто тридцать три... И я понимал, что даже если я гранату со стола схвачу и сорву кольцо, то разжать руку не смогу. Такие дела.

Я вышел из комнаты и даже дверь за собой не захлопнул — мягко прикрыл. Чего тут психовать? Тут ждать нужно и жить. Как там сформулировал старик основные принципы москаля? Пожрать-попить-поспать?

Что-то в этом было правильное. Оставалось только эти принципы воплотить в жизнь.

Я пошёл на кухню.

Парни уже ели. Сидели вокруг большого стола и домолачивали ложками из глиняных тарелок что-то вроде рагу. Пахло вкусно. В печке горел живой огонь.

Девушка в джинсах и свитере молча поставила на стол тарелку для меня, парень — мой ровесник или чуть старше — отрезал от круглого хлеба толстый кусок и протянул мне. Тоже молча.

Я взял хлеб, сказал «спасибо» и сел к столу.

— Я спрашивал, что это за бурда, а они не говорят, — сказал Лёшка. — Понятно, что из капусты и с ветчиной, а что именно... Но вкусно.

— Бигус, наверное, — предположил я. — Только не тот, что у нас в столовой, а настоящий.

— Да? Я наших поваров давно собирался в котёл головой сунуть. — Лёшка остатками хлеба почистил миску. — Теперь точно — вернусь, накажу. Уроды.

— А мы когда дальше пойдём? — спросил Мехтиев. Ему девушка уже подала чашку, он отхлебнул и блаженно зажмурился. — Может, тут останемся?

— И попросим политического убежища, — подхватил Лёшка и засмеялся. — Слышь, сержант, тебе говорил писарь из штаба, что тобой в особом отделе интересовались?

Не рассказываешь ли политические анекдоты? Не клевещёшь ли на социалистическую эту... действительность?

Мне писарь про это рассказывал. И про то, что его вызывали в особый отдел, и про то, что подробно расспрашивали обо мне. Только мне было наплевать. Анекдотов политических я кому попало не рассказывал, на социалистическую действительность мне было наплевать. Да и всем было наплевать.

Десятого числа умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Мы были в карауле, когда раздался звонок и офицер из комендатуры сообщил про смерть и приказал, чтобы мы усилили бдительность. Начальник караула, который как раз спал в этот момент, высунул голову из-под шинели и сказал недовольным тоном: «Звонят тут из-за всякой ерунды, спать мешают». Такая вот эпитафия.

Такая социалистическая действительность. А наш особист меня просто невзлюбил с тех пор, как я ещё рядовым отказался писать доносы. Всё просто и от меня не зависит. Накопает — попытается сделать мне гадость. Не накопает...

Сто тридцать пять дней, напомнил я себе. И всё. И домой.

Еда была вкусная, чай, хоть и не настоящий, а травяной, был горячим, сладким и ароматным. Я даже снял плащ-палатку и расстегнул бушлат.

Багдасарян о чём-то разговаривал с Галимовым, Саня Мехтиев снова начал свою бесконечную историю про то, как был водителем у заместителя министра внутренних дел Азербайджана и как ему секретарши на день рождения подарили лайковый костюм... Врал Саня бесталанно, но с подробностями и деталями, костюм всегда был лайковый и белого цвета, никто из нас даже представить себе такого не мог. Но слушали, иногда подшучивая. Вроде как выполняли ритуал.

Девушка собрала посуду и стала её мыть.

Фигурка у неё была весьма и весьма, джинсы — в обтяжку, ещё она и наклонилась так удачно, что брючки очень честно подчеркнули всё, что нужно. Классная попка. Я про это подумал. Подумал, а Лёшка, дурак, ляпнул вслух.

Если перевести на приличный язык, то сказал он, что с удовольствием вступил бы с девушкой в интимные отношения, и даже два раза. При этом он наверняка ничего плохого в виду не имел, на его языке это означало только комплимент, высокая оценка лица противоположного пола. Но балбес не учёл одного обстоятельства. Понятие «вступить в интимные отношения» у нас в батальоне обычно передавалось польским термином. Вот его Лёшка по привычке и употребил.

Я бы ее... ну и так далее.

Парень, который резал для нас хлеб, человеком был спокойным и даже, возможно, благородным. Он вначале отложил в сторону нож, а уж потом врезал Лёшке в ухо.

Лёшка слетел с табурета, растянулся на полу, парень — навалился сверху и принялся старательно обрабатывать дурака кулаками. Справа и слева, справа и слева... Лёшка не сразу понял, что происходит.

Это поляк думал, что ещё секунда — и Лёшка вырубится, но Лёшка только разогревался. Он рассказывал мне как-то о драках в его родном селе на танцах и хвастался, что был там из первых. Нравилось ему это дело — в морду дать и получить, если что.

Вот он несколько ударов пропустил, потекла кровь из разбитой губы, я вмешаться не успел, девушка что-то кричала своему кавалеру, чтобы он прекратил, что русская свинья недостойна... и всё такое прочее, упал с грохотом табурет, что-то заорал Мехтиев, от волнения переключившись на родной азербайджанский... И тут Лёша начал работать.

Он перехватил руку парня, потом ударил головой в лицо, потом отбросил беднягу в сторону, потом вскочил

и наподдал ему ногой, потом ещё раз, потом рывком под нял на ноги и ударил коленом в пах, потом удержал того в вертикальном положении и ударил снова лбом в лицо и только потом толчком отправил парня в другой конец кухни.

Конец боя. Казалось бы.

Лёшка даже не успел ничего поучительного поляку сказать. Я заметить толком ничего не успел. А Багдасарян успел. Как он умудрился выбить у прыгнувшей девушки нож из руки — я не знаю. Он и сам, наверное, не знает. Но выбил. Девушка ему — с ходу по лицу ногтями, сразу с обеих рук. И к Лёшке.

Я бросился между ними, вовсе не защищая этого при дурка из-под Ново-Куйбышевска. Наоборот. Лёшка сво бодно мог врезать девушке — неоднократно ведь сообщал мне о своём специфическом взгляде на равноправие полов. Так что я девушку спасал, но она-то этого не знала, попы талась меня оттолкнуть. Лицо располосовать, как Арарату Багдасаряну, и оттолкнуть.

Только я уже видел, как она дерётся, поэтому смог пе рехватить обе руки и увернуться от её колена. Удар в ре зультате пришелся в бедро, а не туда, куда целилась де вушка.

Подскочили Галимов с Мехтиевым, схватили её за руки. Я пытался хоть как-то удержать её ноги, чтобы не била; Лёшка матерился, парень с окровавленным лицом возился возле стены, пытаясь встать, в общем, картин ка — одно загляденье. Группа озверевших солдат собира ется насиловать несчастную девушку.

Я до сих пор удивляюсь, как Стефан не перестрелял нас прямо с порога?

Может, услышал, что кричит девчонка.

А там было что послушать!

И про русских свиней, и про оккупантов, и просто пе речисление ругательств, как польских, так и русских...

Стефан стрелять не стал. Он даже за пистолет не схватился.

Сказал тихо Люцине успокоиться. И та — успокоилась. И пошла вытирать кровь с лица своего Ежика.

— Значит, — сказал Стефан, — поужинали? И это — вместо благодарности?

Серьезно так спросил, без угрозы, но с нажимом.

— Они первые начали, — тут же заявил Лёшка. — Я сижу, никого не трогаю, а он меня в морду...

Стефан посмотрел на Люцину, приподнял бровь. Люцина кивнула.

— Вот, — обрадовался Лёшка и ладонью попытался вытереть кровь со своего лица. — А потом она...

Улыбка с Лёшкиного лица исчезла — он увидел расстёгнутую кобуру. И ещё двух сердитого вида мужиков за спиной у Стефана. У одного мужика в руках был «шмайсер», у второго — карабин. И смотрели эти карабин и автомат в нашу сторону.

— Это они чего? — спросил Лёшка.

И ведь даже не испугался, придурок. Просто поинтересовался. Если бы я ему сказал, что расстреливать нас будут, наверное, кивнул бы и сказал «ага». Чего тут не понять — расстреливать так расстреливать. Главное, что Лёшке объяснили. И, между прочим, это его «ага» вовсе не означает, что Лёшка не просто понял, но ещё и принял ситуацию. Что последует за этим, что он сделает в результате — даже Лёшка наверняка не знал.

— Что там с Ежи? — по-русски спросил Стефан у Люцины.

Он, похоже, всё время старался держать нас в курсе происходящего, чтобы мы понимали, как развиваются события.

— Они сломали ему нос, — сказала девушка.

— Не они, а я один, — возразил Лёшка и высморкался кровью прямо на пол. — А он врезал мне...

Ежи встал, держась одной рукой за стену, а другой — за плечо Люцины. От этого движения его свитер приподнялся, открывая небольшую кобуру на ремне. И зачем тогда в драку бросился, если мог просто дурную Лёшкину башку прострелить?

— Вообще-то нужно вас под замок посадить, — в задумчивости произнёс Стефан. — Только у нас подвал в доме один, и он немного занят...

— В подвал? — переспросил Лёшка. — Это с каких таких...

— Рот закрой, — посоветовал я, но он сразу не мог остановиться. Ему нужно было немного покричать. Выразить праведный гнев. Он даже на командира роты как-то орать стал.

— Кто он такой, чтобы меня в подвал сажать? Да знаешь, что с тобой наши сделают, когда я им скажу... — начал закипать Лёшка.

— Если скажешь, — недобро и многозначительно улыбнулся Стефан. — Никто ведь не знает, что вы здесь. Рядом болота, все пятеро там и...

Угрожать — это он неправильно придумал. Угрожать Лёшке нельзя. От этого Лёшка совсем беситься начинает. Чтобы, наверное, никто не подумал, что он может струсить. Дурак, что с него возьмёшь?

— Да пошел ты! — заорал Лёшка. — Да ты... Да я...

Обычно хитрый татарин Галимов в Лёшкины скандалы не вмешивался. В них, кроме Лёшки, вообще никто по своей воле не лез. Вот и Галимов обычно стоял себе в стороне и потихоньку ждал, когда шум закончится. Но на этот раз Галимов правильно понял намёк и верно оценил фразу «если скажешь». И не стал дожидаться близкого знакомства с болотом, тем более что автомат и карабин смотрели на Лёшку не отрываясь.

На вооружённых поляков Лёшка броситься не успел — получил удар по ногам, грохнулся на пол, сверху на него навалился Галимов, потом подключились Мехтиев и Бар-

дасарян. Лёшку прижали к полу и завернули руки за спину. Потом посмотрели на меня. Мое мнение как сержанта значило в этой ситуации много. Им потом с Лёшкой в казарме объясняться, если мы вообще в казарму попадём. Но если в экзекуции принимал участие я, то всё могло обойтись для них не так болезненно.

Я не торопясь наклонился к орущему от возмущения Лёшке, вытащил ремень у него из брюк, связал руки.

— И ты с ними, сержант! — проорал Громов. — С этими чурками на своих?!

Лёшка не был националистом, упаси бог. Но не назвать татарина, азербайджанца и армянина чурками в такую минуту он, естественно, не мог. Хоть как-то уязвить. Если, кстати, принять во внимание, что он, если уж совсем честно, не русский, а мордва, то этот его крик про чурок вообще был бессмысленным.

— Мы его в угол положим, — сказал я Стефану.

Стефан посмотрел на ручные часы и покачал головой.

— Нельзя. Вас ещё можно оставить, а связанный советский солдат мне всю картину испортит... Отведите его за мной. Ничего с ним не случится... Успокоится...

Отвести Лёшку не получилось, он брыкался, пытался достать хоть кого-нибудь ногой, даже плевался в поляков и один раз попал. Пришлось связать ему ещё и ноги, потом поднять и отнести в подвал.

Стефан пошёл вперёд, показывая дорогу.

Всё-таки я был прав, когда решил, что мы попали в замок. Когда Стефан поднял деревянную крышку люка, окованную железом, под ним оказались каменные истёртые ступени. И стены были каменные. Такое у меня возникло ощущение, что деревянный дом поставили на чужой фундамент. На останки древней крепости.

Пока мы тащили притихшего Лёшку, я успел рассмотреть кольца для факелов на стене и, глянув под лестницу, обнаружил, что она по спирали спускается ещё глубже —

виток за витком. Но далеко вниз мы не пошли, Стефан двинулся по первому же коридору.

— Сюда, — сказал Стефан и с лязгом отодвинул засов на двери в конце коридора, открыл дверь и сказал, заглянув вовнутрь: — Это мы, не стреляй.

И я подумал, что у поляков тут всё очень серьёзно. Как-то даже слишком серьёзно.

Подвал был не очень большой, но и не крохотный. Метров десять в длину и почти столько же — в ширину. Перед самой дверью стоял массивный деревянный стол, за ним, на табурете, сидел пожилой дядька в тулупе. На лице у дядьки были печальные вислые усы, а на столе перед ним — автомат «ППШ» и керосиновая лампа. Свет с трудом дотягивался до дальнего конца комнаты.

— Мы тебе ещё одного пленного привели, — сказал Стефан по-польски. — Но его не к ЭТИМ. Его мы на лавку посадим. Только ты смотри, он дерётся. Ты уж его не убивай...

И добавил, чуть понизив голос: «Если получится...»

И я сделал вид, что ничего не услышал. А что я мог еще сказать? Начать возмущаться и оказаться рядом с Лёшкой? Нет, спасибо.

Мы с ребятами усадили Лёшку на лавку, стоявшую вдоль стены, и собрались выходить.

— Сержант, — позвал Стефан. — Посмотри, пожалуй. Может, пригодится...

Я не сразу понял, на что посмотреть. Потом сообразил, что Стефан указывает в дальний конец комнаты, и не пальцем, а стволом пистолета. «Парабеллумом» тычет. И когда только достать успел?

— Ты только близко к решётке не подходи, — предупредил Стефан. — Опасно.

Там была решётка, от пола и до потолка. Частые прутья в два пальца толщиной — от стены до стены. Мне вначале показалось, что двери в решетке нет, но потом я рас

смотрел возле стены дверь с громадным замком. Почти с человеческую голову, честное слово.

И клетка мне поначалу показалась пустой, свет от керосиновой лампы не доставал до задней стены. Но когда в руке Стефана зажёгся фонарь, я понял, что клетка пустой не была. В глубине, в нескольких метрах от решётки сидели люди. Четверо в каких-то серых плащах сбились в кучу, чтобы не замёрзнуть, наверное. Я не сразу и понял, что это были люди, поначалу подумал, что просто какая-то куча тряпья. Но потом один из них повернул лицо в нашу сторону, и свет фонаря отразился в его глазах.

— Кто это? — спросил я.

— Лесные, — ответил Стефан.

— Лесные девки?

— Вы их так называете?

— Ну...

— Нет, это не девки. Дриад бы сюда старики не затащили. Это Лесные. Их ещё называют ушастые. Ночные убийцы. Твари. По-разному их называют... — Стефан поводил лучом, словно что-то рассматривая, потом выключил фонарь, быстрым шагом вернулся к двери и что-то тихо сказал охраннику. Дядька ответил тоже тихо, положил зачем-то руку на автомат.

— Пойдём! — приказал мне Стефан и почти побежал по ступеням наверх.

Чем-то он был взволнован. И даже, кажется, разозлён.

Я поднялся за ним следом.

— На кухне посидите, — бросил мне Стефан и ушёл в комнату, где был старик и пулемёт.

Мои парни сидели возле стола и горестно молчали, переглядываясь. Теперь они уже сожалели о своём героическом поступке, уже представили себе, как их будет наказывать Лёшка, когда вырвется на свободу.

Как ни странно, но девушка и парень тоже были здесь. Кровь с лица Ежи уже смыл, сидел бледный, запрокинув

голову, а Люцина хлопотала вокруг, прикладывая какие-то примочки ему к лицу.

Я попытался извиниться, но девушка молча дёрнула плечом, и я замолчал. Не очень и хотелось, между прочим. Если бы Арарат её не остановил, сейчас бы Лёшка не связанный лежал, а зарезанный. Очень решительно двигалась девушка. И физиономию она Аре располосовала очень живописно. Четыре кровавые полосы от правого уха ко рту, четыре — от левого. Получилась такая забавная диагональная решётка. То-то разговоров будет в батальоне...

Я бы не стал больше пытаться с Люциной разговаривать, но она снова про оккупантов что-то сказала. Русские оккупанты, мол, убирались бы вы в свою дерьмовую Россию... По-русски сказала, чтобы мы, значит, поняли.

— Ты кого русскими называешь? — спросил я, не выдержав. — Армянина, азербайджанца, татарина и украинца?

— Это всё равно... всё равно... Русские всех заражают своим... ядом заражают, вот... Вы рабы, вы делаете то, что они прикажут... Вы хуже, чем русские. Они иначе не могут, они всегда были палачами, а вы... вы — прихвостни этих палачей...

Парни переглянулись и промолчали.

— Что вам нужно здесь, у нас? — спросила Люцина. Мы вас звали сюда?

— Не звали, — сказал я. — Так вы нас и в сорок четвертом не звали.

— И не нужно было бы приходить... Мы бы сами... С союзниками... А если вы пришли немцев бить, то почему здесь остались? Разбили, взяли Берлин и ушли к себе... Но русские вам сказали, чтобы вы остались, вы и остались... Вы — рабы. Вы в Афганистан полезли вслед за русскими... Зачем, что вы там не видели? Что вам нужно в Афганистане? Вы убиваете женщин и детей. Вы все — русские, украинцы, армяне и азербайджанцы. И татары, — добавила

Люцина, глянув на Галимова. — У вас не хватает мужества и гордости, чтобы выгнать русских со своей земли. Вот и платите дань кровью, своей и чужой... Я вас презираю... Всех вас!

— А ваши не такие? — спросил я.

— Нет, не такие! Поляки никогда не были захватчиками! Мы бы никогда не пошли в Афганистан только потому, что кто-то так решил... Никогда!

Глупый получался разговор. Я это сейчас понимаю и тогда понимал, но удержаться не смог. Обидно получалось. Хотелось сказать девчонке, что она дура, что всё ею сказанное — ерунда, но ведь я прекрасно понимал, что не всё... Только ведь и права она была не во всём.

Я мог ей сказать, что они с Наполеоном в Россию в восемьсот двенадцатом шли не на прогулку, а она бы мне в ответ — про раздел Польши и подавление Польского восстания. Мне как-то попался в руки польский учебник истории, так там очень живо было про казаков, которые младенцев на пики насаживали. И про польский город Львов — тоже.

А я ей о польских панах на Украине. А она — про удар в спину в тридцать девятом. А я — про то, как они уничтожили украинские республики в девятнадцатом году, а она — про Варшаву в тысяча девятьсот двадцатом... И что толку, что вначале поляки заняли Киев, и только потом уж вся эта радость переместилась к Варшаве...

Я много читал до армии, историей увлекался.

Но что я мог ей возразить на слова об Афганистане?

Их там не было. Наши их с собой не позвали или все социалистические страны отказались — откуда мне знать? И говорила она с такой уверенностью, что верилось сразу — она не пойдёт. И парень ее не пойдёт воевать на чужой земле.

Нет, я хотел что-то сказать, но тут открылась дверь, на кухню заглянул Стефан, и Люцина замолчала.

— Товарищ сержант, — сказал Стефан. — Не могли бы вы уделить мне немного вашего времени...

Конечно, я мог. У него был пистолет, а у меня пистолета не было. Всё в порядке, всё честно.

— Значит так, товарищ сержант, — тихо произнёс Стефан, когда дверь на кухню закрылась. — Сейчас ты станешь участником одного важного события. Твоя задача — сидеть и молчать. Молчать и сидеть. Справишься?

— Попробую, — сказал я. — Молчать — это меня учили. А потом?

— Потом, возможно, мы вас отпустим. Или не отпустим.

— Небогатый выбор.

— Если честно — я бы отпустил. Но не всё зависит от меня. И даже от деда Петра не всё зависит. У нас гости, вот по результатам разговора...

Распахнулась входная дверь — потянуло холодным воздухом и влагой. Дождь на дворе всё ещё шёл. И уже не шуршал по булыжникам, а лупил изо всех сил. Словно во что бы то ни стало решил эти булыжники раздробить — в щебень, а потом и в песок. И смыть куда-нибудь.

В дом вошли четверо, один за другим. Первым — парень со «шмайссером», вроде тот самый, что нас на дороге остановил. Парень отступил в сторону и пропустил троих, что шли за ним.

В плащах с капюшонами они были похожи на каких-то приблудных гномов. Но когда капюшоны были отброшены, сходство со сказочными персонажами исчезло полностью. Сразу стало понятно, что пришли не праздные странники, а серьёзные люди. Полностью сознающие свою значимость и то, что остальные эту значимость должны признавать и принимать. Во всяком случае — двое из трёх. Третий, пониже ростом, хоть и держался уверенно, но без наглости в движениях. Поправил усы, вытер стёкла очков и с интересом обвёл взглядом помещёние.

Все трое были почти ровесники, всем — около сорока, может, чуть меньше, все трое были одеты в костюмы — добротные, строгие; но мне почему-то сразу же показалось, что третий, тот, что в очках и с усами, из другой компании. Первые два — уверенные, преисполненные важности и многозначительности. Я таких видел много и до, и после. Начальнички. Не НАЧАЛЬНИКИ, совсем главные, а такие, небольшие, районного масштаба. Эти всегда и во все времена требовали к себе особого отношения. Большой начальник мог позволить себе быть демократом и даже пошутить с простым народом, а эти — нет. Эти всегда в борьбе за свой имидж. Кстати, когда грянуло и СССР развалился, эти вот и не пострадали совсем. Как были начальничками, так и остались. Партию сменили — и остались. А то, что они коммунистами были... Я, например, сейчас уверен, что если бы на высокие должности ставили не коммунистов, а, скажем, евнухов, то в очередь на кастрацию стояли бы тысячи. Точно вам говорю — тысячи и десятки тысяч.

А вот третий...

Невысокий, ничего выдающегося не было ни в фигуре, ни в лице. Светлые усы, здоровенные очки... Но было в глазах за стёклами очков какое-то странное выражение. Будто он примерялся к окружающим, что ли. Прикидывал, как врезать, если кто-то вдруг позволит себе несерьёзное отношение к его особе. Вот если представить себе пана Володыевского из трилогии, если выпереть пана с военной службы, отобрать саблю и предупредить, что драться нельзя, — получилось бы именно то самое. Именно так смотрел и смотрелся бы «маленький рыцарь» в наше время.

То есть двое были спокойны за своё место в этом мире, а третий — готов был это место отстаивать в драке, если придётся. Мне так показалось тогда. Может быть — просто показалось. В ту ночь многое могло примерещиться.

— Что это значит? — возмущённым голосом спросил один из вошедших, тот, что появился в доме первым. — Вы тут что, с ума сошли? Что за баррикада на дороге? Что

за вооружённые люди? Я даю вам десять минут на то, чтобы освободить дорогу, сдать оружие и всё объяснить...

Он даже на часы попытался взглянуть, неторопливым, преисполненным уверенности жестом поднял запястье к лицу... попытался поднять.

Стефан вдруг шагнул к нему и приставил «парабеллум» начальничку ко лбу.

— Курва-мать... — хрипло выдохнул начальничек.

Второй сделал какой-то неопределённый жест, словно собирался сунуть правую руку себе под пиджак, но парень со «шмайссером» поцокал языком и неодобрительно покачал головой.

— Есть оружие у пана? — вежливо спросил Стефан, надавливая пистолетом пану на лоб.

— Н-нет...

— А у его товарища?..

— Не знаю... Войцех, у тебя есть оружие? — спросил начальничек.

— Ты же знаешь, Хенрик... — ответил Войцех, бледнея на глазах.

— Откуда я могу это знать? — по лицу Хенрика стекали капли, то ли дождевая вода, то ли вспотел господин начальничек. — Я к твоей службе отношения не имею...

— У меня — пистолет... Достать? — Войцех сглотнул.

— Не нужно. — Стефан левой рукой ощупал карманы вначале Хенрика, потом Войцеха, достал у того из-за пазухи небольшой пистолет и, не глядя, сунул в карман брюк.

— Что всё это значит? — спросил Хенрик.

Если я всё правильно понял, то он был начальничком по партийной линии, а второй, Войцех, скорее, из польского аналога КГБ. Поэтому Хенрик вел себя свободнее. Его, если что, пристрелить должны были не в первую очередь.

— У меня нет оружия, — сказал «Володыевский» с таким видом, что стало понятно даже мне — обыскивать он себя не позволит. Скорее согласится с пулей в лоб, чем раз-

решит кому-либо лазить в свои карманы. — Я даю слово чести...

— Слово чести? — с улыбкой переспросил Стефан.

Автоматчик тоже заулыбался, услышав такой несерьёзный аргумент.

— Пан Анджей!.. — Хенрик повысил голос, пытаясь поставить «Володыевского» на место. Кому понравится, что попутчик начинает вести себя вызывающе под прицелом. Мне вот, например, не понравилось бы.

— Ну, если слово чести — тогда ладно, — кивнул Стефан. — Как не поверить?

— Я вам задал вопрос, — сказал Хенрик. — А вы...

— А я вам на него не ответил. И не собираюсь отвечать. Вы приехали, чтобы переговорить с Лесными? Так ведь?

Хенрик быстро глянул на Войцеха, тот еле заметно пожал плечами.

— Я знаю, что вы с ними разговаривали вчера, но сегодня днём вам позвонили и сообщили, что Лесные ещё о чём-то хотят говорить...

— Откуда?..

— Откуда я знаю? Это я звонил, — сказал Стефан.

«Парабеллум» он уже спрятал в кобуру, а на лбу Хенрика остался кружок от пистолетного дула. Калибр девять миллиметров.

— Нет, откуда вы знаете пароль? — спросил Хенрик.

— Это хороший вопрос, пан Хенрик. Очень хороший. Пароль знали вы и Войцех. О пароле с Лесными вы договорились при последней встрече, так что получается, они его мне рассказали. И получается, что они мне рассказали обо всём. И о том, что вы им обещали, и о том, что они потребовали... Кстати, забыл вам представить товарища сержанта Советской армии... — Стефан кивнул в мою сторону.

— При чём здесь...

— Просто так. Чтобы немного оживить обстановку. Чтобы стало понятно — договориться с нами, как вы это сделали с Лесными, у вас не получится. Либо тогда при-

дётся сержанта убить, чтобы он не разболтал своим подробностей.

Пан Хенрик посмотрел на меня, и я прочитал в его глазах «убить». Вот как в книге прочитал, ясно и недвусмысленно.

— Но об этом — позже. Сейчас вы немного подождёте, я схожу к Лесорубу... — когда Стефан произнёс «Лесорубу», оба начальничка вздрогнули и напряглись, — и через несколько минут мы сможем продолжить.

Стефан шагнул к двери, открыл её, но остановился на пороге, словно вспомнив что-то важное.

— Чтобы не получилось глупости — вот этот паренёк с автоматом стреляет очень хорошо. И ему разрешили убить любого, кто попытается выйти из дома без разрешения. Это понятно?

— А курить можно? — спросил «Володыевский».

— Можно, — разрешил Стефан и закрыл за собой дверь.

— Пан Анджей, вы ведёте себя... — Хенрик задохнулся от возмущения. — Вы понимаете...

— А меня здесь вообще нет, — — сказал пан Анджей. — Я сейчас вообще в Канаде, по торговым делам. Меня нет, я фикция. Иллюзия. Взмахни рукой, и я развеюсь...

«Володыевский» помахал в воздухе рукой, разгоняя облачко сигаретного дыма.

Курил пан Анджей «Мальборо», а не какие-то польские или советские сигареты. Коробочку спрятал в карман, не предложив начальничкам закурить.

— Я же вам сказал — нет смысла в этих переговорах. Даже если Лесные вам что-то пообещают, то имеется ещё много участников в этой игре. Тот же Лесоруб...

— Не нужно об этом...

— Но вы же ещё недавно сказали, что нет никакого Лесоруба, что всё это легенда. Лесным вы не возразили, но после беседы высказались однозначно. И даже на пана Вой-

цеха прикрикнули, когда он возразил и сказал, что по агентурным сведениям... Как он сказал, пан Войцех? Засуньте свои сведения себе куда?..

Войцех не ответил.

— А теперь...

— Мне кажется, пан Анджей, что вы немного забываетесь... — прошипел Хенрик. — Вы забыли...

— Это вы забыли, пан Хенрик. Вы забыли, как я вас отговаривал от этой аферы. Как я говорил вам, что есть ещё люди, живущие возле Ворот, и им вовсе не понравится... И вы тогда мне заявили, что моё дело — переводить. Что я не человек, а машина для переводов. И что моё мнение я могу засунуть туда же, куда пан Войцех свои агентурные данные. Вы вообще очень уверены в себе, товарищ Хенрик. И, боюсь, слишком уверены. По бумагам — я нахожусь далеко отсюда. Меня здесь нет. И вы, только вы будете отвечать...

— Не пугайте меня! — крикнул товарищ Хенрик. — Я...

Открылась дверь.

— Входите! — сказал Стефан. — И вы, товарищ сержант, тоже...

То своё ощущение я помню до сих пор — пустота. Внутри меня — пустота. Я, как надувной шарик, лечу по ветру. А вокруг, курва, множество иголок, булавок, колючек всяческих. И чуть что не так, лопну я, разлечусь в мелкие клочочки-тряпочки...

Мы прошли через комнату с оружием — ни пулемёта, ни винтовок никто не убрал. Или посчитали ненужным, или решили, что это продемонстрирует серьёзность их намерений. Но товарищ Хенрик с товарищем Войцехом на огнестрельное оружие внимания не обратили. Зато уставились на то, чего я даже со второго раза не заметил. В углу комнаты стояло несколько копий с длинными широкими лезвиями вместо наконечников.

Товарищи переглянулись.

Пан Анджей даже подошёл к копьям, потрогал. Покачал головой удивлённо.

— Лезвие не трогайте, — сказал Стефан.

Пан Анджей привстал на носках, пригляделся к лезвиям.

— Даже так... — пробормотал он. — Быстрая смерть?

— Нет, — возразил Стефан. — Медленная. Очень медленная и мучительная. Ушастые и дриады в этих местах пользуются только медленным ядом. Им так больше нравится. Рана — человек начинает умирать... Может даже появиться иллюзия того, что удастся выпросить у Лесных противоядие, они даже не возражают сразу. Думают, советуются. Потом требуют что-нибудь в обмен... Пустячок. Как правило, десяток детей, не старше пяти лет, лучше девочек. Вы не слышали о таком?

— Слышал, — тихо сказал пан Анджей и отошёл от копий.

— Ладно, прошу... — Стефан открыл следующую дверь, сделал приглашающий жест рукой. — Проходите в зал.

И это действительно был зал. Только был он словно слепленный из двух половинок. Пол был мраморный из белых и чёрных квадратов со стороной чуть меньше метра. Сделав шаг вперёд, я почувствовал себя шахматной фигурой. А сделав второй, — понял, что выше чем на пешку я не тяну.

Вдоль стен стояли короли и королевы. Из мрамора, тоже чёрного и белого. Фигуры были сделаны очень натуралистично, с мельчайшими подробностями — складками ткани, завитками волос, морщинками. Рыцари в доспехах, дамы в длинных до пола платьях.

Только голов не было ни у дам, ни у рыцарей. Наверное, раньше были они разного роста, мужчины повыше, женщины — пониже, но теперь их кто-то уравнял. Словно гигантское лезвие срезало верхнюю часть фигур. У женщин — голову. У рыцарей — вместе с плечами.

Колонны из мрамора тоже были обрезаны, и стены — остатки стен. На полтора метра от пола — мрамор, выше — дерево. Лежащие горизонтально толстые брёвна. И колонны продолжаются брёвнами, стоящими вертикально.

Кто-то гигантский громадным мечом срезал верхушку зала, как кончик яйца, сваренного всмятку. А потом кто-то попроще надстроил остатки стен брёвнами.

— Нравится? — спросил Стефан. — Меня — до сих пор впечатляет. Вы, пан Анджей, как я понял, историю Ворот и всего, что с ними связано, изучали?

— И даже язык Лесных, — сказал пан Анджей. — Это, как я понимаю, замок Рубежа? То, что от него осталось?

— Совершенно точно. Линия разрыва прошла вот так... — Стефан указал рукой на край мраморной стены. — И не исключено, что где-то стоит верхняя часть замка. В каком-то ином мире...

— Или за Воротами, — задумчиво произнёс пан Анджей. — В пятнадцатом веке кто-то высказал предположение, что мир не раскололся, а сдвинулся, одна часть соскользнула с другой. А замку Рубежа досталось уже на излёте...

— Может быть, — Стефан подошёл к массивному деревянному столу посреди зала.

Метра три в диаметре. И, как мне показалось, из одного куска. Срез какого-то громадного дерева. За таким свободно могли сидеть рыцари... Да, может, и сидели раньше. На этих самых деревянных креслах с высокими резными спинками.

— Присаживайтесь, — сказал Стефан.

Я не удержался и, прежде чем сесть, рассмотрел резьбу на спинке кресла. Там был орёл, но не польский. Скорее немецкий, с короной, как бы не императорской, на голове. На груди — опрокинутый полумесяц с крестом, водружённым на нём точно посреди, между острыми краями. И две фигуры по бокам. Рыцарь в полном турнирном доспехе и

голый мускулистый мужчина, прикрытый дубовыми листьями. Оба держали в руках копья с флагами.

— Интересно? — спросил Стефан, усаживаясь в кресло.

— Красиво.

— Это герб провинции Шлезиен. Вы, товарищ сержант, обратили внимание на лесного человека?

— Это... — я зачем-то потрогал пальцем этого самого лесного человека. — Это что — тот самый Лесной?

— Я думаю — да. Они здесь были издавна. Были частью этих мест, особой приметой, если хотите. Но кто-то видит в нем мифического Оберона...

— А кто-то в мифическом Обероне видит представителя Древних, — закончил за него пан Анджей.

— Может быть, — кивнул Стефан.

В зал вошёл старик, тот самый, что называл меня москалем.

Звучит это, наверное, высокопарно: вошёл в зал, подразумевается — торжественно ступая, прошествовал к своему креслу. Старик просто вошёл. Как в комнату. Или как в стойло. И вместе с тем старик смотрелся на фоне всех этих обрубленных скульптур и колонн очень уместно, естественно, что ли... Пока он шёл к столу, мне вдруг примерещилось, что он — одна из статуй этого зала. Только он не поддался тому невидимому лезвию, смог устоять, оказался крепче мрамора и гранита. И лет этому старику не семьдесят, как мне показалось вначале, а семьсот. Или даже тысяча.

Потом наваждение рассеялось.

— Меня зовут Пётр, — сказал старик. — И ещё меня называют Лесорубом.

Хенрик с Войцехом переглянулись. Войцех приподнял бровь, будто говоря: я же предупреждал. А по губам Хенрика скользнула... нет, не улыбка, гримаса... Брезгливости, что ли...

— Мы узнали, что Лесные пригласили вас на переговоры... — сказал старик.

Он не сел в кресло, стоял возле стола, чуть наклонившись, опершись кулаками о столешницу. Теперь он был похож на старую птицу. Не орла или грифа, а на ворона — громадного старого ворона.

— Это не ваше дело, — сказал Хенрик. — Это государственная тайна...

— Впервые за всё время Лесные разговаривали не с советскими, а с вами. С представителями польской власти. Партия, естественно, поспешила возглавить переговоры, — старик усмехнулся. — А что бы сказали русские, если бы узнали об этом?

— А это...

Стефан молча положил пистолет на стол перед собой.

— Вы слышали, товарищ Хенрик, — с самым безмятежным видом поинтересовался пан Анджей, — что пистолеты «парабеллум» имеют скверную привычку стрелять ни с того ни с сего. Лежит, никого не трогает, а потом вдруг, от малейшего сотрясения... или даже взгляда — бабах! У нас в Лодзи был случай... А пистолет, кажется, направлен именно в вашу сторону, товарищ Хенрик.

— То есть вы русских уже не собираетесь принимать во внимание? — спросил старик. — То есть вы уверены, что...

— Они уверены, что, договорившись с Лесными, получают защиту от всех возможных невзгод. Русские, американцы, «Солидарность», коммунисты — все будут с ними вести переговоры, все будут в них заинтересованы... — с усмешкой сказал Стефан. — Им это Лесные твёрдо обещали... Так ведь? Что они ещё обещали? Или что-то уже выполнили? Они всем что-то обещают. Всем и каждому. И всегда нарушают свои обещания. Русским они обещали бессмертие. Эликсир долголетия... И что? Сталин не дождался, потому что Лесные договорились с его возможными преемниками, Брежнев верил до последней минуты, что получит его... Получил? Или Лесные опять уже успели с кем-то договориться? С кем? С кем-то из русского Центрального Комитета? Послезавтра похороны, если я

не ошибаюсь, будет объявлен преемник. Все знают, что это будет Андропов... С ним договорились Лесные? Или с кем-то из наших? Время такое пришло — договариваться. Не сразу, не делая резких движений, но договариваться-договариваться-договариваться... Мы замерли над самой пропастью. Польша замерла — и все вдруг поняли, что любая мелочь может сбросить её вниз. Коммунисты поняли и антикоммунисты поняли... Договариваться, а не стрелять. Упаси бог, если на выстрелы обратят внимание наши советские браться. Начнется каша, кровавая каша... Мы можем ненавидеть русских... советских, но мы понимаем, что сейчас только они не дают нам резать друг друга. Поэтому, как бы мы ни договаривались, нам нужно принимать к сведению русские танки, самолёты, пушки... вот этого сержанта мы тоже должны принимать к сведению...

Стефан посмотрел на меня — я не отвёл взгляд.

Пусть говорит. Может, он прав, может — врёт, мне наплевать. У меня дома — сестра и мама. Я не хочу никого убивать и никого ни к чему принуждать. Я хочу вовремя уехать домой. Но если кто-то, хоть Стефан, хоть Лесные, хоть «Солидарность» или местные коммунисты попытаются убить меня или моих друзей... Я буду воевать не за победу коммунизма, не за мир во всём мире, а за себя и своих друзей.

В этом фокус всех правителей земли. Нужно взять обычных, нормальных людей и отправить их в чужие земли. Их не нужно натравливать на местных, зачем? Всё произойдёт само собой. Местные будут ненавидеть пришлых, которые, между прочим, и сами-то не слишком хорошо относятся к своему правительству. Рано или поздно ненависть превратится во что-нибудь реальное. Кто-то вроде бы прицелится вдогонку проезжающей машине, а кто-то из неё возьмет да и выстрелит... Или чей-то стальной шарик из рогатки проломит лоб одному из оккупантов...

Никто и оглянуться не успеет, никто толком и вспомнить не сможет, с чего всё началось и как развивалось... И я буду драться за себя, за друзей, а получится, что за ту сволочь, которая меня сюда послала.

— Мы не уйдём отсюда, — сказал старик. — Никто из нас отсюда не уйдёт. Это наша земля, что бы вы там ни предлагали...

— Но послушайте... — Хенрик откашлялся и встал с кресла, как на партийном собрании. — Вы не понимаете...

— А что тут понимать? Есть Ворота. Есть Дьявольский Край за ними. Есть Лесные и дриады, которые живут в Дьявольском Краю, сразу за Воротами, на границе с нашей землёй. А ещё за Воротами есть чудовища и есть магия с волшебством... Лесные и Дриады вроде как охраняют нашу землю, останавливают чудовищ, чтобы они не проникли сюда... Так?

— Если в общих чертах, то да... — сказал Хенрик. — Так. Вас что-то не устраивает?

— Меня не устраивает, когда мне врут, — спокойно произнёс старик. — Меня это злит.

— Кто вам врёт?

— Лесные. И наши врут, и советские врут... Все помалкивают о том, что тут вообще есть Ворота. Молчат. Если кто-то пытается об этом рассказать, то... Вот ты, парень, — старик указал на переводчика. — Откуда ты знаешь язык Лесных? Ведь не сам выучил?

— Мне предложили, — сказал пан Анджей. — У меня способности к языкам, вот мне и предложили. Собирались, как я потом понял, торговать с Древними.

— А потом — передумали?

— А потом русские сказали, чтобы наши сюда не лезли. Что не по званию претензии, — недобро усмехнулся Войцех. — Для русских — это возможность получать нечто интересное в обмен на продукты и всякую разную мелочь. Для русских — это прекрасное место базирования. Дьявольский Край за Воротами не виден из космоса, шпи-

онские спутники его не засекают, туда можно спрятать хоть миллион танков, построить сотни тысяч аэродромов. Там можно даже спрятаться, если начнётся ядерная война. Прекрасное место. Только один вход — через Ворота. Его можно оборонять бесконечно.

— Накипело, да? — почти с сочувствием спросил Стефан. — Даже у нашей тайной полиции есть чувство патриотизма?

— Представьте себе, — с вызовом выкрикнул Войцех. — Есть. И мы сделаем всё, чтобы Ворота принадлежали нам, нашей стране...

— И да, чтобы страна была от моря до моря, — тихо сказал пан Анджей.

Войцех бросил на него злой взгляд, но ничего не сказал. Перевёл дыхание.

— И значит, Лесные пообещали, что будут с вами дружить искреннее, чем со стариками из советского ЦК? Стефан развёл руками. — И вы поверили? А да, Брежнев три дня назад умер, теперь всё будет по-другому...

— Теперь их старцы будут вымирать, — тихо сказал Хенрик. — Один за другим. И что бы они ни делали, всё скоро развалится. Пять лет — и всё. Ну — десять... Они уже готовы уйти отсюда, их только нужно подтолкнуть.

— А Лесные — прекрасные союзники. Надёжные. И Брежнева они, считай, убили... И просят малости — чтобы им тутошние земли вернули. Чтобы они своих женщин и детей здесь спрятали, а сами, конечно, будет сдерживать нечисть с той стороны. Надёжно, как всегда... — провозгласил Стефан. — Так?

— Так, — кивнул Хенрик.

— Нет, не так! — крикнул старик и ударил ладонью по столу. — Не так! Они не охраняют наши земли: твари с той стороны свободно ползут сюда и уже давно бы здесь всё заполонили, если бы не мы... Хотите, я свожу вас в кладовую, покажу чучела? Нет? Мы ловим и уничтожаем чудовищ. Мы даже туда ходим, за Ворота... И знаете что? Лес

ные там для нас опаснее, чем монстры. Лесные убивают всякого, кто приходит в их земли. Лесные и Дриады.

Мы ходим в Дьявольский Край только тогда, когда уже нет другого выхода. Когда пропадают дети... Мы же регулярно обращаемся к властям, сообщаем, что пропала девочка. Каждый год — по нескольку раз. Что нам отвечают? Что? Тут болота, тут дикие звери. Это наши отвечают, люди. А Лесные смеются нам в лицо. А теперь вы договорились с ними, что мы должны оставить наши дома и поля, отправиться в другие сёла и города... Почему?

— Потому что каждый имеет право на жизнь, — уверенно сказал Хенрик. — И если тысячи разумных существ просят о помощи, то...

— Существ? Живых существ? Подождите, давайте разберёмся. С точки зрения науки — их нет. Не может быть. Драконов не может быть, призраков не может быть, Лесных не может быть. Не так? С коммунистической позиции — тоже не может. Это мистика, все эти ведьмы, колдуны, привидения... А мистика — это вымысел, порождение религиозного мрака. Нет? — Стефан усмехнулся. — А с точки зрения церкви — кто эти твари? Ушастые — люди? У них есть душа? Знаете, как с ними поступали в Средние века? Знаете? Правильно — на костёр. Их травили, как диких зверей, потому что они были не лучше диких зверей. Они убивали, пытали, уничтожали деревни и сёла...

— Они дрались за...

— Да за что угодно пусть дерутся, за что угодно... — махнул рукой Стефан. — Но они дерутся за землю, которую вот пан Пётр считает своей. И ещё тысячи поляков считают своей. Они не имеют права на свою землю?

— Это демагогия! Чистой воды демагогия, — отмахнулся уверенно Хенрик. — Тысячи поляков... Мы же их не в пустыню предлагаем переселить. Мы их поселим в гораздо лучшие условия. Кто захочет — в отдельные коттеджи, кто захочет — в городские квартиры. Мы...

— А если я не хочу? — прищурился старик. — Я не хочу уходить отсюда. Вы меня будете выселять насильно? Войска приведёте? Будет война. И она таки будет. Вы сможете объяснить остальным, что воюете не за продление жизни коммунистическому режиму, а с кучкой людей, не желающих уступать свою землю чужакам? И вы знаете, что произойдёт, если Ушастые переселятся сюда, если граница с их землёй станет длиннее, не сотня метров, как сейчас, а многие километры. Представляете, что будет дальше? Твари придут за ними. И станут расползаться вокруг. Всё больше и больше. И никто этих тварей не будет сдерживать. Да и не сможет. Смок прилетит во Вроцлав, например. Или доберётся до Варшавы... Или в Краков, чтобы отомстить за своего дальнего родственника. В реках и болотах появятся монстры... Оборотней давно не видели на побережье?

— Их остановят Лесные, мы говорили с ними об этом...

— Так чего же они сейчас этого не делают? Почему наших охотников перехватывают и уничтожают? Им вся эта земля нужна, они не остановятся... Я знаю — не остановятся. Будут расползаться всё дальше и дальше...

— Но иначе они погибнут, — тихо сказал пан Анджей.

— Да? Это они пану сказали? — осведомился старик. — А что ещё они вам сказали...

— Вы не хотите понять, — Хенрик сел в кресло и снова вскочил. — Там же тысячи людей...

— Лесных, — поправил старик. — Они не люди.

— Ну и что? Они живые, они страдают. Их нужно спасти...

— Так переселите их по одному, по два... Вам же всё равно придётся рассказать людям о новых соседях... да они и сами не будут скрываться. Это сейчас мы их убиваем, как только они оказываются возле наших домов, а там они скрываться не станут. Так вы их расселяйте по одному на деревню, по двое... Мужа с женой, в крайнем случае с

детьми... — старик при каждом слове ударял кулаком по столу. — Если они хотят выжить, то...

— Они не могут так поступить. Они должны сохранить свою культуру. — Хенрик снова добрался до привычной темы и заговорил уверенно. — Они хотят остаться народом, сохранить тысячелетнюю культуру. И кто, как не поляки, могут их понять? Мы, столько лет прожившие под чужеземным гнётом, но сохранившие свое польское сердце... разве нам не понятны такие чувства у другого разумного существа?

Старик захохотал.

Это выглядело жутковато — старика согнуло вдвое, тело дёргалось, как в припадке.

— Что такого смешного я сказал? — осведомился Хенрик.

— Пан забыл, в каком месте находится... — сквозь приступы хохота выдавил из себя старик.

— В замке?

— Нет, в Силезии. В Силезии. Вы помните операцию «Висла»? Как отсюда выселяли немцев? Просто выгоняли из домов или оставляли на несколько лет отрабатывать преступления... Помните? А помните, что сюда переселяли с восточной границы украинцев? Тех, что решили жить в Польше, а не в Советском Союзе. И нас никто не спрашивал: хотим мы сохранить свою культуру и национальные чувства? Нас сюда привезли и поселили по одному, по два человека в польских деревнях. Знаете, как на меня смотрели соседи? Как на бандита. Я ведь помогал украинским националистам. И я таки помогал им, продуктами, вещами... Даже вместе с ними воевал против большевиков и против ваших... Но когда встал вопрос — жить или подохнуть, я выбрал, ясное дело, жить... Я стал поляком. И дети мои стали поляками, они даже не знают украинского. Я их не учил, потому что... потому что они живут в Польше, значит — поляки. Мой младший живет в Гданьске и одним из первых вышел на улицу. Мои внуки учатся

в Варшаве, в университете, и они носят в петлицах эти радиодетали, как они там называются... сопротивления. Называют русских оккупантами и ненавидят коммунистов... И я ни слова не возразил. Они имеют право. Только когда внук приехал сюда оружие просить, я его выпорол. Потому что нельзя баловаться огнём в родном доме. Нельзя, мать его так! Русские здесь? Стрелять в них? Так ведь они уйдут, рано или поздно. Они мозолят нам глаза, они вроде бы поддерживают наших коммунистов... Но ведь нас-то они из дома не выгоняют, в наши дела не лезут... Поэтому я внука выпорол, а он не обиделся — понял... Мы знаем, что это наша земля. Знаем. И они знают, всё знают. И мне наплевать, что раньше тут жили немцы, мне наплевать, что мы их отсюда вышвырнули, как хлам. Это моя земля, и никто не смеет мне указывать, как на ней жить! Когда ко мне явились молодчики из города с толстыми кошельками, осмотрели моё поле и спросили, сколько я заработал бы на урожае, что я им сказал? Я спросил, зачем им это? Они ответили — что заплатят мне столько, сколько я планировал заработать, но только пусть пшеница сгниёт на корню. Они даже сверху хотели добавить, чтобы я не убирал свой хлеб на своей земле... Чтобы в магазинах не было хлеба, это поможет Польше обрести свободу. Я их выгнал. Я их вышвырнул прочь со своей земли... А теперь вы хотите, чтобы я ушёл отсюда? Там, в соседней комнате умирает мой сын, Болеслав. И будет умирать ещё много дней, если я не решусь взять грех на душу и своей рукой...

Старик замолчал, пытаясь совладать с собой.

И все в зале молчали. Хенрик бесшумно сел в кресло. Стефан убрал пистолет со стола в кобуру, опустил голову.

— И таких здесь — сотни. Таких, как я. Поляков. Жителей этой земли. И мы не уйдём отсюда. Мы будем драться с ними и с вами, если вы попытаетесь... и с русскими тоже будем драться, даже если из-за этого полыхнёт всё вокруг... Лучше я сгорю в своём доме, чем отдам его кому бы то ни было, тем более... — старик медленно сел. — Мы

воюем с ними уже десятки лет. Мы защищаем вас, мы защищаем всех людей, живущих в этой стране... весь мир защищаем...

— Не много ли на себя берёте? — глядя на свои руки, спросил Войцех. — Такая непосильная ноша... А вы не боитесь, что русские перестанут охранять Ворота, пропустят Лесных сюда, и это будут не маленькие отряды, а все они, все их воины. И не только ваш сын — сотни чьих-то сыновей погибнут в этой войне... Этого вы не боитесь?

— А давай попробуем, — просто сказал старик. — Может, когда русские перестанут охранять Ворота, мы войдём в них? И это нас будут тысячи и десятки тысяч? И мы выжжем наконец гнёзда, из которых выползают монстры, не будем отлавливать их здесь по одному, а уничтожим источник этих тварей? И найдём наконец тех, кто поднимает призраков, узнаем, что там на самом деле, за Воротами?

— Вас туда не пустят. Ни русские не пустят, ни наши не пустят. Там...

— Мы знаем, — сказал Стефан. — Там — край невиданных возможностей. Там — сокровища и волшебство. И кто бы ни был у власти, он вначале попытается прибрать всё это к своим рукам. Завтра в Варшаве сменится власть — и что, люди станут другими? Там, в креслах, вдруг откуда ни возьмись появятся святые бессребреники и самаритяне? Там будут такие, как вы, успевшие подсуетиться и договориться. Вы уже наверняка начинаете договариваться. Завтра-послезавтра начнёте выпускать тех, кого посадили после Радома... Нужно только подождать — и старики в ЦК вымрут, а молодые захотят перемен, ведь при переменах так удобно обустраивать свои делишки... Но только мы не хотим быть фишками на столе. Мы знаем, что нас ожидает, если мы позволим... если мы согласимся отсюда уехать...

— Но вы поймите!..

— Мы ничего не хотим понимать, — отрезал старик. Мы уже приняли решение. И это решение ничто уже не изменит.

— Зачем вы тогда позвали нас? Ну, начинали бы свою партизанскую войну! — выкрикнул Хенрик. — Или всё таки у вас не хватает смелости, и вы решили договориться с нами? Выставить свои условия в переговорах, стать третьей стороной? И вы полагаете, что у вас это получится?

— Нет, конечно, не получится, — сказал пан Анджей. — Ты всё ещё не понял? Они вызвали нас, чтобы сообщить о своём решении. А то, что они знали пароль и то, о чём вы договаривались, тебе ничего не поясняет? Ты не понял, что они...

Раздался оглушительный свист, даже я вздрогнул. Я сосредоточился на том, чтобы понимать их разговор. Никто больше не говорил по-русски, кричали, выплёвывая слова быстро-быстро, но я всё равно понимал их. Меня словно волокло по камням, зацепило и волокло. Я слушал слушал-слушал, я понимал, что они говорят, но не всегда — о чем. Тогда — не понимал.

Старик свистнул в четыре пальца, открылась дверь в дальней стене зала, и кто-то втолкнул человека. Мне так показалось вначале.

Дверь захлопнулась, человек не удержался на ногах и упал. Лицом на мраморный пол — руки у человека были связаны за спиной.

— Какого чёрта?! — Хенрик и Войцех вскочили на ноги.

— Сидеть! — приказал Стефан, а когда начальнички не послушались, взмахнул рукой.

Автоматчик, о котором все уже забыли, выпустил очередь в стену. По брёвнам. Полетели щепки, запахло сгоревшим порохом.

— Сидеть! — повторил Стефан, вставая с кресла. — Я вам всё покажу.

Он подошёл к лежащему и рывком, двумя руками, поставил его на ноги. Заставил подойти к столу.

Это была женщина. Была женщина, потому что осталось от неё не очень много. У неё не было глаза — пустая глазница была заполнена запёкшейся кровью. Её уши... Тошнота подкатилась к моему горлу — я отвернулся.

— Вы с ума сошли, — почти простонал Хенрик. — Вы понимаете, что...

— А вы знаете, что они делают с охотниками, когда ловят их за Воротами? — вопросом ответил старик. — Вы знаете, что они творили здесь в сороковых... вместе с немцами? Как жгли посёлки переселенцев?

— Когда это было? Вы будете мстить за преступления прошлого... За чужие...

— Почему за чужие? — спросил Стефан. — Эта тварь получила за то, что совершила сама. Они долго живут, вы разве забыли?

Стефан, наверное, повернул жертву лицом к свету — я не видел, только услышал, как он сказал: вот, посмотрите.

— В сорок пятом её называли Белой Смертью. И заочно приговорили к смертной казни. Я сам видел фотографии в архиве. Она — потрошит детей. Она — рубит на куски польского милиционера. Она сжигает польскую школу возле Легницы...

А потом я услышал её голос — глубокий, звенящий, невыразимо прекрасный. Я чуть не обернулся на его звук, но вовремя сдержался.

— Я убивала... Мы убивали... — сказала женщина. — Вместе с немцами. Потому что и они, и мы хотели остаться здесь, на родине... Это трудно понять?

— Скольких ты убила?

— Я не считала... Сотню... тысячу... Я убивала так долго, что уже и не запоминала. А ты помнишь, сколько люди убили наших? Вы, живущие считаные годы, отнимали у нас века... Когда произошло Пересечение Миров, вы стали

нас убивать. Вы пришли в наши леса, рубили деревья, а заодно и нас... Просто чтобы мы не путались под ногами. И вы убивали нас во все времена... Вначале как просто чужаков, потом — жгли, как порождения дьявола... вы могли сражаться друг с другом, но нас старались убивать в любом случае. Когда сюда пришли люди из Чехии, сражающиеся против католиков, они не погасили костров. Они жгли нас... И мы поняли, что победить вас можно только в союзе с вами же... И мы научились заключать союзы... И мы...

Я смотрел на стену. Вернее, на обезглавленную статую возле стены. Ещё вчера мир был таким простым и прозрачным. Даже живые призраки были только досадным дефектом на кристалле повседневности.

Теперь передо мной распахнулась дверь... даже не в иной мир, нет, в преисподнюю распахнулась дверь. И знаете, я был, наверное, даже рад, что не мне придётся искать выход в этом кровавом лабиринте. Мне осталось всего сто тридцать пять дней.

Это их дело. Их проблема. Не моя. Возле моего дома нет таких Ворот. Мне повезло. И ладно.

— Послушайте, — сказал Хенрик. — Вы же знаете, кто она. Вы же понимаете, что Лесные не простят её смерти ни мне, ни вам, никому из ваших людей...

— Я знаю, — сказал старик.

— Отпустите её, — попросил Войцех. — Вам всё равно нечего терять, о Лесорубе знают они, Лесоруба и так ждёт смерть. Но если погибнет она, то больше не будет переговоров... Будут только смерти...

Грохнул выстрел.

Звякнула гильза об пол. Глухо ударилось тело.

— Будут только смерти, — сказал Стефан. — Нам придётся их уничтожить, если мы захотим прекратить смерти. Не так ли?

— Будь ты проклят... — простонал Хенрик. — Будь ты проклят...

— Я уже давно проклят, — сказал Стефан. — С того самого момента, когда пропали мои дочери и погибла моя жена. Сержант!

Ему пришлось повторить ещё дважды, прежде чем я понял, что это он ко мне обращается.

— Сходи в подвал, забери своего солдата.

— Да, хорошо.

— Постучи в двери, прежде чем входить. Скажи, что от меня. Иначе он...

Я встал.

И пан Анджей встал.

И вышел вслед за мной.

Мы спустились в подвал, я постучал в дверь, крикнул, что меня прислал Стефан, потом отодвинул засов.

Лёшка уже был развязан. И уже успел немного выпить — бутылка какого-то мутного пойла стояла между ним и часовым.

— О! — заорал Лёшка, увидев меня. — Явился... А мы тут с Мацеем за польско-советскую дружбу немного... Он классный мужик. Только дурак. Песню пел, про дивечку до лясечка... Так припев — у нас стырили... Где эта улица, где этот дом — это ж наша песня. Она ещё в фильме «Юность Максима»... её там поют. Я ему объясняю, а он не понимает... ни бельмеса не понимает человеческий язык... Скажи, почему он не понимает, когда я ему по-русски объясняю...

— Ладно, Лёшка, пойдём... — сказал я. — Нам пора...

— Ну, пора так пора, ты сержант — тебе виднее... — Лёшка встал с лавки. — Ты хороший человек, хоть и сволочь... Все вы, хохлы, — сволочи... Хорошие люди, но сволочи...

Пан Анджей медленно подошёл к решётке.

— Не нужно туда, — сказал охранник, поднимаясь из-за стола. — Опасно это... Они вчера Михала убили. Он подошёл, а они ему горло вырвали. Рукой... вот так, просто...

Охранник взял в левую руку фонарь со стола, в пра вую — автомат. Подошёл к клетке.

— Вы идите себе, пан, — охранник толкнул легонько плечом пана Анджея. — Я так понимаю, что наверху уже закончили?

— Да.

— Значит, и тут нужно... Чтобы каждый... — охранник поставил фонарь на пол, передёрнул затвор автомата.

— Вы что собираетесь делать? — спросил переводчик.

— А на что это похоже? Им ведь руки не связали, когда сюда втащили. Мы сразу не сообразили, а теперь — позд но. Думаете, они просто так выйдут? — охранник вздох нул. — Хочешь не хочешь, а придётся... Идите себе, зачем оно вам...

Пан Анджей повернулся и вышел из комнаты. Я вывел Лёшку следом.

Мы успели подняться по лестнице до половины, когда за спиной у нас прогремела автоматная очередь. Потом ещё одна. И несколько одиночных выстрелов.

Наверху у люка стояли все мои парни. И Люцина с Ежи. Стояли и смотрели на нас.

Пан Анджей закурил сигарету, Лёшка тут же попросил и для себя. Переводчик угостил всех.

— Их убили? — спросила Люцина.

— Да, — сказал я, — а что?

Люцина не ответила. Я хотел сказать что-то обидное, спросить, не хотела ли она сама это сделать, но посмотрел на её побледневшее лицо и промолчал.

— Это наша земля, — сказала Люцина. — И мы с нее не уйдем... Никогда...

— Это их земля, — сказал пан Анджей. — Они не из-за Ворот, они отсюда. И твари, которые живут там, — они тоже наши, просто здесь их уничтожили. А там они выжи ли... И монстры, и чудовища...

Он докурил сигарету, достал другую, прикурил от окурка.

— Они поначалу даже обрадовались, когда открылись Ворота. Думали, смогут там от людей спрятаться, выжить... — пан Анджей глубоко затянулся. — Они и выжили, только... Оказалось, что там их женщины рожать не могут. Ни забеременеть, ни рожать... Только здесь.

— Что? — тихо спросила Люцина.

— Они потому сюда и рвутся. Потому детей похищают... Они выжить хотят. Живут они долго, очень долго, а вот дети... Они и здесь-то редко рожали, а так... Они с прежними хозяевами договорились, что их молодым парам здесь разрешат некоторое время жить, пока ребёнок не родится. За это им служили. И поэтому воевали здесь даже тогда, когда немцы ушли... А потом... Они молчали об этом, понимая, что иначе их будут шантажировать. Вы нам — это, а мы вам — возможность иметь детей...

— Это неправда, — сказала Люцина.

— К сожалению, — сказал пан Анджей. — Я говорил этим... что переговоры — глупость. Переговоры — ловушка. Лесные хотят стравить русских и поляков, чтобы как минимум отомстить. Но мне никто не верил. Если мы договоримся с Лесными, то русские просто отойдут в сторону, ясное дело... Это так просто — отойти в сторону. Особенно если отойти должен не ты, а твой сосед.

— Все здесь... — Стефан подошёл к нам, вздохнул.

У него за спиной маячил автоматчик, так что — ничего ещё не кончилось. Может, они о чём-то договорились с товарищами из руководства? И нас выведут из дому и...

— Знаете, товарищ сержант, а вам повезло... — сказал Стефан. — Вас решили отпустить. Чтобы вы своим рассказали о том, что произошло. Дьявольский Край останется у них, у ваших. Наши власти к Воротам не полезут... Ну, пока советские будут тут, разумеется. А потом... Мы найдём, что с этим богатством делать. Может, себе оставим, может...

Напрасно Стефан пытался выглядеть весёлым и уверенным в себе. Руки у него тряслись, это точно. И губы. Он, конечно, за детей и жену мстил, свою землю родную

защищал, но ведь он не палач. Точно — не палач, я по глазам видел.

— Чаю на дорожку никто не хочет? — спросил Стефан.

Мы хотели поскорее убраться отсюда.

— Напрасно вы так торопитесь, всё равно ещё несколько часов придётся либо ждать, либо идти пешком вдоль дороги.

— Баррикада? — спросил я.

— Нет уже баррикады. Но дорога занята. Мне позвонили парни — советские товарищи, оказывается, чутко держали руку на пульсе у польских братьев.

Когда открылась дверь на двор, я услышал глухой низкий рёв. Я поначалу даже испугался, что это какой-нибудь дракон, которого пригнали Лесные, чтобы отомстить. Но потом сообразил, что это ревут двигатели. Много мощных двигателей.

Мы забрали свои лопаты и пошли на рёв. С нами пошёл Стефан. Шёл молча, держа руки в карманах куртки. Дождь закончился, только с веток капало. Тучи, правда, всё ещё висели над самыми верхушками деревьев.

По дороге шла советская военная техника.

Танки и боевые машины пехоты. «Шилки» настороженно пялились своими автоматическими пушками в небо, высматривая, наверное, драконов.

Один за другим над самыми головами пронеслись «крокодилы» — четыре штуки.

Интересно, подумал я, а что сказали ребятам, сидящим в машинах, куда они идут и с чем им там придётся иметь дело? Им всё так же будут читать политинформации, рассказывать о прогрессивной роли Советского Союза или скажут, что мир всё-таки гораздо сложнее, чем следует из учебников? Предупредят о «призраках» и о том, что оружие Лесных смазано медленной смертью?

— Извини, сержант, — прокричал Стефан, наклоняясь к самому моему уху. — Теперь вашим парням придётся умирать в Дьявольском Краю...

— Ага, — сказал я. — А потом — вашим. Мы ведь когда-нибудь уйдём, сами ведь говорили. Из Польши уйдём, из Афганистана — тоже уйдём. А вы — придёте после нас. Для вас тоже придумают что-то красивое и возвышенное.

Я говорил уверенно — на меня словно озарение нашло, словно я и в самом деле видел будущее. Такое со мной иногда бывает.

— А ты как объяснишь деду, что можно было ничего этого не затевать? — спросил я со злостью. — Нужно было просто подождать, и Лесные ненавидели бы только нас? Или мы вывозили бы их на курорт для размножения. А сын старика, Болеслав, да? Он бы остался жив. Сколько ему ещё дней мучиться?

— Отмучился, — тихо сказал Стефан, так тихо, что я прочитал это слово только по его губам.

Не прощаясь, мы ушли. Через несколько километров нас остановил патруль. Потом отвезли прямо в штаб Северной группы войск. Долго там расспрашивали. Мы ничего не скрывали.

Собственно, рассказывал я, ребята ничего толком не видели, а если видели, то не поняли.

Вот, в общем-то, и вся история. Я до сих пор не знаю, что потом произошло в замке Рубежа, как там всё обернулось у наших ребят, ушедших в Дьявольский Край. Мне не удалось найти никого, кто там служил. Что это значит?

Никто не вернулся? Или никто не хочет рассказывать, что именно там видел? Может быть. Я, в конце концов, тоже ведь не болтаю о том, что видел живого дракона и своей рукой убил «живую тень»? Даже с сослуживцами мы об этом не говорим.

Однажды я разговаривал с парнем, служившим в Афганистане. Он упомянул легенду о змее, которая спасла солдата, и сказал, что там ещё и не такое бывало. Я попытался его разговорить, но он словно спохватился и дальше говорил только о засадах, душманах и о своей ране. А я не настаивал.

Прошло уже тридцать лет.

Мне иногда становится страшно от мысли об этой глыбе времени. Я так и не решился съездить в те места, где служил. Была возможность, а я не поехал. Наверное, испугался.

Сейчас я твёрдо знаю, что человеческая жизнь состоит из знания, веры и надежды.

Вначале человек знает, что всё будет хорошо.

Потом — верит, что всё ещё наладится.

А потом — надеется, что его дети будут жить лучше и правильнее, чем он.

Вот и я надеюсь, что Мехтиеву не пришлось перестреливаться с Багдасаряном, когда рушился Союз и Армения делила с Азербайджаном земли. Я надеюсь, что Лёшка не умер от цирроза печени, и надеюсь, что его сын не воевал в Чечне. Я очень надеюсь, что моим внукам не придётся драться с внуками Галимова за Крым, а дети Люцины и Ежи не попали и не попадут в Афганистан.

Я не знаю, не верю.

Мне осталась только надежда.

Июль, 2012 г.

— Хоп! — сказал Арцышев, и стало так.

Володька, впрочем, качал в сомненье головою: мол, так-то и мы можем. Мол, учёны.

Володьке светил вскорости сим-чин мага, и от фокусов с цифрой он не торчал. Вот от фейерверка, пусть даже простенького, крышу ему сносило, как домик девочки Элли — прочь из Канзаса.

Володьку они получили по протекции Трояна: как боевую единицу широкого профиля. Вообще от Трояна им всем — каждому! — досталось столько, что впору было подозревать ловушку и заговор. А специалистом по заговорам, как ни крути, был тот же Арцышев, так что все его нынешние фокусы и финты вполне могли оказаться проверкой. Или передачей информации. Ну, или, с тем же успехом, банальным пробросом.

Впрочем, в сложившихся обстоятельствах никакой роли это не играло — если всё, о чём рассказал тот же Троян, было правдой.

— Слушайте! — сказал Слон. — Да слушайте же! Это как же: раз! — и нас четверо? Вот так просто, по щелчку, — он и вправду прищёлкнул пальцами

Арцышев чуть изменил последовательность каналов, развёл руки: из-под ладоней пыхнуло холодным светом. Его раздражение отчётливо дисгармонировало со щенячьим восторгом Слона.

— О! — сказал Стрый. — Не забыть бы теперь маме позвонить, порадовать.

Арцышев тихонечко заржал. Слон поглядел — на них обоих — с обидой.

Между тем по сторонам тянулись домики окраин: приплюснутые и серые. Козыч и вообще-то был городком — так себе, одно название. Такой... и слова не подберёшь сразу. Окаменелость прежних эпох в оправе стекла и металла. Копролит. Стрый помнил, как они неторопливо ехали через центр: Слон раз за разом гукал полурастерянно-полувосторженно, прилипая к окну, а пальцы подёргивались на сэлф-контактах — старина Слон всерьёз отрабатывал свой хлеб, отыгрывая грошовое их прикрытие: ну, словно хоть кто-то мог поверить в инфантерию от журналистики, стряпающую репортаж о симе на «тёплой точке», в границах местности. Он вообще очень серьёзно относился ко всему, что приходилось работать здесь и сейчас — нет, мол, ничего правдивей обмана. Фишка с репортажем была только частным случаем.

Его и прозвали-то именно за эту серьёзность и основательность.

Попадающиеся по дороге жители внимания на них не обращали: конечно, где-то среди них должен был сидеть визор «щита» — да не один! — но пытаться его отыскать казалось задачей никчемушной: план-то и состоял в нарочитой открытости входа. Бросить булыжник в пруд и глядеть, как станут расходиться волны.

Если, толкнулось от Володьки, здесь вообще было что искать — несмотря на все напутствия Трояна.

— Слушай, — гудел над ухом Слон, — а правда, что это они в такую глушь закопались? Типа реноме?

Учитывая расписанные наперёд роли, Стрыю его было даже жалко. Чуть-чуть.

— Слон, уймись, а? — попросил Арцышев, что-то прикидывая и вертя головою вправо-влево: довольно быстро, будто отслеживая шныряющую перед глазами мошкару.

Комм-фон в Козыче был никакой, под стать городу: пара-тройка толстых серых фоновых официал-линий да рос-

сыпь мусора — как местного, так и залётного. Особенно Стрыя впечатлила надпись, изгибавшаяся в нулёвке поперёк дороги: «Валяй за Черту!». Если фиксироваться на надписи, позади неё проступал силуэт лодочника в подоткнутой за пояс хламиде, с худыми голыми ногами и с веслом наперевес.

Харон этот казался настолько уместным ситуации, что Стрыя даже дёрнуло чуток.

Арцышев остановил «корону», вышел, огляделся. Остальные выгрузились следом. «Корона», покорная воле Арцышева, мигнула «стопами», покатилась неторопливо к трассе. Они стояли неподвижно, и только Слон переступал с ноги на ногу, присвистывая на выдохе.

В последних наставлениях смысла не было: слова выучены, роли назначены. Прикрытие официальное (журналистика), прикрытие неофициальное (активный поиск сим-депривированной личности; заявление родственников, данные трекинг-маршрутизации, виза «щитов»), цели первых приоритетов, цели вторых приоритетов, реальные и ложные. Задача-минимум: войти, пошуметь и, как сказано, взглянуть на расходящиеся круги. Задача вероятностная — поиск артефакта второго порядка.

Услышав это, ржал даже Слон. Однако Троян был настолько убедителен, что... Старик вообще умел добиваться своего и был, несомненно, в водах их мира даже не крупной рыбой — кашалотом. Старым, мудрым, злым кашалотом.

Ходили слухи, что он приложил руку к созданию ряда сим-миров — в том числе и этого, куда они теперь собирались.

— Туда вон, — сказал наконец Арцышев.

«Туда вон» — было в проулок с нависшими ветками: зреющая черешня блестела между листьями кровавым мясом. Володька остановился, протянул руку, но вдруг отдёрнулся, отёр пальцы о рубашку. Оглянулся растерянно:

— Ну ни фига ж себе! — сказал только.

Стрый поучающее воздел палец:

— Так отож, сынку, — произнёс — просто невозможно было удержаться.

Переулок между тем уводил от центра не прямо, а как-то изгибами, виляя вправо-влево, будто подранок. Потом, исчерпав остаток сил, упал и умер, последним броском воткнувшись в просёлок.

Становилось жарковато. Слон пыхтел так, что Стрый пожалел о «короне», усланной на автопилоте назад, к трассе. Климат-контроль Слону сейчас не помешал бы. Но две тонны холодного железа в их случае совершенно неуместны.

— Ну-ка, мальчики, — сказал Арцышев, и голос его был слегка напряжён, — ну-ка, быстренько взяли меня за руки.

Они послушались.

Пространство на миг поплыло, озарясь призрачными зеленоватыми сполохами — те были всегда за спиной, всегда на грани видимости. Потом всё снова стабилизировалось, но Стрый знал: что-то изменилось. Только не мог понять — что.

— Во-от, — сказал Арцышев, с натугой распрямляя спину. — Как бы вошли.

Стрый огляделся, понимая, что ничего особенно увидеть и не должен — тут не глазами нужно. Заученно повёл руками по воздуху, считывая золотистую вязь проступающих письмен авторизации.

Ну, значит, вошли.

— Так, — сказал. — Слон, будь добр, — в кильватер. Прикрытие — на тебе. Вольдемар, шагаешь первым. Мы на тебя надеемся.

Володька кивнул и оттёр Арцышева плечом, а вот Слон запыхтел чуть сильнее, фыркнул, затем фыркнул снова.

— Что? — Арцышев выглядел несколько измотанным, словно вход вытянул изрядную часть сил.

— Да фигня какая-то, — сказал Слон. — Канала не чувствую. И реал фонит.

Стрый мгновенно присел и, пробормотав стандартное заклинание, ткнул пальцем в пыль просёлка. Пыль вздрогнула и потекла хорошо видным концентрическим кольцом. Стрый не удержался на корточках и хлопнулся жопой в колею.

А Володька — Ангус эп Эрдилл, маг Красной Ветви — вдруг повернулся к ним, положив ладонь на перевитую красным шнуром рукоять короткого церемониального клинка. Голос его был сух, словно пустынный ветер:

— Могу ли я узнать, кого представляют милсдари в столь диком месте, как содденские пустоши?

— Курва мать, — прошипел Арцышев, и не согласиться было трудно.

* * *

Некогда, давным-давно, три жизни назад, они сидели с Трояном на открытой веранде бревенчатого домика, и стаканы были запотевшими, а стекляшки льдинок звенели о толстый хрусталь. Из близкого леса вышел единорог и прилёг в траву, а Стрый даже не поморщился на эдакую нарочито пошлую симуляцию.

Знаешь, говорил Троян, взбалтывая льдинками, а я прекрасно помню ещё те времена, когда нас пугали искусственным интеллектом и семью казнями египетскими, что станут подстерегать неосторожное человечество. Кровожадные роботы и свихнувшиеся компьютеры, представляешь? То-то для вас, «щитов», было бы занятие! Бесстрашные рыцари против кровожадных монстров, да?

Стрый неопределенно хмыкнул, не зная, что и сказать, поскольку «щитом» он и пробыл-то всего ничего. Но старику, кажется, и того не было нужно: тянул, вёл, сплетал нескончаемый разговор с самим собою, а Стрый ему был так... сопутствующий фактор. Фон.

И вот теперь, продолжал Троян, теперь мы сидим на веранде, где реал не отличить от симуляции, пьём виртуальный коктейль и глядим на настоящего единорога. Настоящего, настоящего, можешь пощупать после: у одного доброго человека передо мною серьёзный долг, вот он и не сумел отказать старику. И страшилками из прошлого нынче даже детей не напугаешь. А главную опасность мы просто не заметили. Этот ваш хвалёный социал-анархизм... Нынешнему миру крепко не хватает организованности и предсказуемости.

Закряхтел, мудрёным образом складывая поудобней свое тело в кресле.

Тебя никогда не посещала эта странная мысль: существуем мы по-настоящему или только крутим шаг за шагом скрипт в симуляции, а? Странная, старая, пошлая мысль... И, кстати, заметь, сказал, никакой уверенности, что я — не виртуальная наведёнка. И что твои воспоминания — твои. Подтверждений нет и быть не может. Как всегда — с некоторого момента технология становится неотличима от магии.

(Он вообще много говорил в тот раз, о себе, о мире, о временах, что становятся всё хуже и всё неузнаваемей, мысль его перепрыгивала с предмета на предмет, и так этот разговор и всплывал в памяти Стрыя — кусками и под случай. Но потом Троян сказал нечто, запомнившееся намертво, поскольку позже Стрый раз за разом натыкался на косвенные подтверждения.)

Помнишь, говорил Троян, историю об Иблисе? Ту самую, в которой этот чертяка отказывается поклоняться сотворённому из глины человеку? Порой мне думается, что мы теперь становимся сродни той истории — со всеми нашими сим-мирами. Осталось только понять, какая сторона — Иблис... Тут ведь даже больше: мы теперь — симбионты, создаём симуляции, чтобы те создавали нас, чтобы мы продолжали творить новые миры — и так до бесконечности... Вся эта ковка полисабов, все эти пляски вокруг

«психологии текучего субъекта»... И здесь вот что: как бы вскоре не появиться и совершенно внутренним артефактам — а уж их-то создавать будут отнюдь не люди. И тот, кто сумеет этим воспользоваться, — тот сможет всё. Разрушать и создавать, быть ловцом человеков и поворачивать время вспять. Лепить историю с нуля, заново. И не только в симах. Не только.

Стрый осторожно спросил, где же такое чудо, по расчётам Трояна, должно обнаружиться. Старик безмятежно ответствовал, что не имеет ни малейшего понятия. «Зато я знаю другое: кто мне такой артефакт добудет». — «И кто же?» — решил подыграть ему Стрый, понимая уже, к чему всё выворачивается.

И вот тогда Троян поглядел на него блёклыми своими глазками и проговорил негромко: «Ты».

Как гвоздь забил.

* * *

Потом разговоры возобновились — медленно, словно расходящаяся по киселю волна. Вот она достигла последнего стола (грубого, из кривых чёрных досок), вот отразилась от стены, пошла назад — всё громче, отчетливей.

— Кажется, они говорят обо мне, — произнёс Ангус эп Эрдилл с нарочитой скукой в голосе.

— Или обо всех нас, — кивнул Арцышев. — Поскольку в здешних краях, полагаю, принято не любить не только эльфов, но и тех, кто с ними водится.

— Всё же люди умеют показать себя теми ещё дикарями, — Ангус эп Эрдилл поддёрнул манжеты.

Как и вы, эльфы, себя — теми ещё снобами и засранцами, подумалось Слону во внезапном раздражении, и Арцышев со Стрыем глянули на него почти осуждающе. Ангус эп Эрдилл если что и почуял, то виду не подал.

Что удивительно, внутренняя пластика группы после первого переброса никуда не делась: Стрый всё так же чув-

ствовал (зрил? предощущал? найти слово было невероятно трудно, но главным оставалось не слово — суть) каждого из остальных, только и того, что место «володьки» теперь плотно занял «ангус-маг-красной-ветви»: с характерными чувствами и не менее характерными взглядами на жизнь. Например, ему активно не нравился Слон, и Стрый никак не мог понять, чем именно.

Слон на всякий случай держался от Володьки подальше.

Слон вообще сперва, как они провалились в сим, впал в прострацию: будто где-то внутри него маленький мальчик закрыл ладошками уши, зажмурился и спрятался под одеяло. Бормоча при том заклятие от темноты и стриг — куда ж без такого. Дело усложнялось тем, что Троян не уточнял заранее, во что перебросится Слон, но, зная старика, можно было ожидать чего угодно — в рамках и за рамками сеттинга.

Постоялый двор Густава Эббларда стоял чуть в стороне от идущего на Махакам тракта, но кто нужно — о нём слыхал, и недостатка в постояльцах у Эббларда Три Пятки не было даже под самыми скверными политическими ветрами.

(География сим-мира, сперва смутная и едва угадываемая, делалась всё отчётливей, насыщалась красками и смыслами; только вместо знания об актуальном политическом моменте зияла неприятная пустота, и пустоту эту надлежало заполнить как можно скорее; а постоялый двор для такого — место ничуть не хуже любого другого.)

Двое зажиточных селян покосились на их четвёрку, усевшуюся на свободные места за длинным столом, приставленным торцом к прокопчённой стене, потом встали и отошли вперевалку, унося по кружке пива и глубокую плошку остро пахнущего рыбного хлёбова.

Из-за дерюги, занавешивавшей проём в кухню, выскочил сам Густав Три Пятки, принеся кисло-острый запах мясной подливы — такой густой, что заломило скулы, рот

наполнился слюной, а Слон рыкнул в лучших традициях гуляющей ганзы:

— Тащи-ка, хозяин, чего пожрать — да поживее. Пива, капусты тащи, гуляш, что там ещё у тебя есть?

— Свинину на шпикачках с тмином, — добавил Ангус, упёршись в доски запястьями и держа ладони на весу. На хозяина он, сволочь высокомерная, даже не взглянул.

Как бы нам в пиво не наплевали, подумалось Стрыю с лёгким беспокойством.

(Это тоже был симптом погружения: знакомые вещи здесь, в симе, вещи повседневные и привычные делались предельно отчётливы, становились важными и правдивыми, в их нереальности не убеждали ни знание, ни многолетний опыт; они просто существовали — и ничего с этим было не поделать.)

Разговоры меж тем докатывались, сливаясь в ровный гул, расчерченный, как молниями, стаккато повышенных тонов:

— ...та брешешь!

— ...грю, милсдарь лекарь, жжёть, грю, — мочи нету. А он грит, а не надоть, грит, тыкать корешком в кого ни попадя.

— ...морда — во, в дверь не пролазит, руки — что окорока, да окорок теми окороками ещё и сжимает, и чавкает, и грызёт, что твой гуль на погосте.

— ...нет такого закона, чтобы честного трудягу с земли гнать батогами! А он — что мне закон, ежели-де я могу любого в бараний рог согнуть. Ну и натравил на нас своих гридней.

— ...и что вы, темерийцы, сделаете, коли Подменыш и за вас возьмётся?

Ну вот, с некоторым удовлетворением подумалось им, похоже, как раз то, что нужно. Арцышев повёл руками, и разговор о темерийцах и Подменыше сделался слышен каждому из их четвёрки (Ангус хмыкнул над своей свининой на шпикачках, но не сказал ничего).

Говорили трое: двое темерийцев и коротконогий, пузатый, широкоплечий местный, похожий на краснолюда-переростка. Бородища его воинственно торчала вперёд, а голос перекатывался так, что раз за разом заглушал кабацкую песню, гремевшую от стола гуртовщиков у самых дверей. Темерийцы были — постарше и помоложе, схожие друг с другом, словно орен, обрезанный одной и той же рукою, только рука эта, похоже, единожды дрогнула — через щёку младшего, оттягивая вниз веко и уголок рта, бугрился кривой шрам.

Одежда на этой двоице была с серебряным шитьём, но не новая. Мягкий проблеск кольчужных колец под кафтанами. Благородные, судя по всему.

— ...и мы могли бы обещать, что девочка получит всё необходимое.

— При дворе-то Фольтеста? Ха!

— Господин барон, — было заметно, что эти двое едва сдерживаются. — Мы пришли, потому что до нас дошёл слух о вас и о вашей... воспитаннице. Не мне вам рассказывать о том, что происходит в Темерии. Проблемы у купцов. Проблемы у ремесленников. Погоды становятся всё холоднее, а урожаи всё меньше. Чёрная смерть едва-едва ушла из наших стран, и неизвестно, не вернётся ли снова. Люди не желают заселять покинутые деревни — до сих пор. Приток дешёвых товаров из Нильфгаарда без малого уничтожил ремёсла, а потом нильфы и сами втянулись в гражданскую войну. А теперь ещё и эти замки...

— А хто ж виноватый? Может, Мэва с Демавендом?

— Может, и они, — голос старшего был преисполнен жара. Младший темериец выглядел куда сдержанней. — Может, и они. Потому что нечего было Демавенду привечать «белок».

— Ну, кому «белки», а кому — состоятельные подданные и кусок хлеба. Вы хоть знаете, сколько король получает мыта с торговли с Дол Блатанном? А вот мы здесь,

в Соддене, знаем. Потому что мыто это — с наших денег и с нашего пота и крови.

— Нечеловеческим отродьям не место в землях свободных людей. Сохранять эльфийское королевство было непростительной ошибкой.

Бородатый шумно высморкался под ноги темерийцам.

— Вот просто интересно, — сказал в пространство между теми двумя, — а коли б ваш Фольтест таки сумел удержать краснолюдский Махакам у себя под пятою, то что б вы пели нынче, ась? Эльфье королевство им, вишь, не по душе.

— Если бы тогда, двадцать лет назад, Север прислушался к голосу разума...

— Это как когда? Как тогда, когда Подменыш с новиградскими святошами решил поджарить чародеек и начал с той, хто стояла здесь, на Содденском Холме, на Холме Магов? С той, хто спасла Север от нильфов в Битве за Соддeн? Или чуть раньше, когда чародеек из Темерии гнал ваш Фольтест?

— Чародейки — проклятущие отродья, — набычившись, вёл старший темериец.

— А что ж вы ко мне пришли тогда с предложением своим, ась? И что ж просите меня о том, о чём просите? Да и не подданным Фольтеста говорить об отродьях: сам-то он, королёк ваш, бают, со сеструхой выблядка сострогал. Так может, стоило б начать с собственной семейки? Или он теперь и дочурку свою объезжает, как раньше мамашу ейную, его высокородное трахарьное величество?

Оба темерийца вскочили на ноги, хватаясь за мечи:

— Как ты назвал Его Величество?! — младший, наконец подавший голос, говорил, словно заржавленным ножом по камню царапал.

Толстопузый подвигал бородой:

— Это он у вас там, в Темерии, «величество», а мы кровью своей и отцов своих выстрадали право называть лю-

бую жопу — жопой! И ручки с цацек своих уберите, вы-то здесь сами-четвёртые, а со мной — десяток моих будет. Да и сам барон Кроах ас-Сотер, я сиречь, сумел бы, пожалуй, нашинковать обоих вас, милсдари, не вынимая пальца из ноздри. В общем, хрен вам, а не девчонку. Хорошо б вышвырнуть вас, да уж ладненько, так и быть, посидите здеся, погрызите каплунов в меду — за мой грошик.

Сказав так, пузан с самым оскорбительным видом бросил на стол золотую крону да и отошёл прочь.

Темерийцы так и остались стоять, вращая глазами: младший покраснел так, что, пожалуй, впору было звать лекаря — отворять кровь. А потом старший заметил Ангуса эп Эрдилла.

Заметил и шагнул в их сторону, выпятив челюсть.

— Что ж, милсдари, — сказал Ангус, не отрывая, казалось, взгляда от своей миски со свининой, — кажется, вам представится возможность показать, чего нынче стоят человечьи бойцы.

* * *

— Эй, хозяин, сколько мы должны за стол и посуду? — позвал Стрый Густава Эббларда, посасывая оцарапанную ладонь: младший оказался достаточно проворен, чтобы успеть выхватить кинжал — но недостаточно, чтобы воспользоваться им с толком.

— Позвольте, милсдари, заплатить мне. — Ангус говорил медленно, проталкивая слова сквозь всё ещё перехваченное горячим бешенством горло. Плащ его был в соломе и грязи, а на треснувшей столешнице, там, куда он ткнулся ладонью, когда Слон ударил его под колени, выбивая из заклинательного транса, остался выжженный отпечаток.

Густав Три Пятки осмотрелся взглядом столь философическим, что впору б в Королевском Совете заседать.

— Отчего-то думается мне, вашести, что после того, что вы здеся устроили, деньги ваши мне могут и не понадобиться. Вы хоть знаете, кого вы макнули в нужник?

Слон, едва вернувшись со двора и теперь брезгливо отряхивая ладони, пожал плечами.

— Говнюков темерийских, — сказал меланхолично.

В зале кто-то нервно гоготнул — и тут же снова затих. Народец и вообще среагировал на драку странно: ни криков, ни советов; словно выключили — мгновенно — звук и забыли после включить.

И это было странно, поскольку темерийцев — здесь, в Соддене, и сейчас, через двадцать лет после Большой Войны, — любить не мог никто.

(«Темерия», «Содден», «Дол Блатанн» — названия заняли отведённое им место, перестали быть просто набором знаков. За ними проявился смысл, трагедии и успехи. Проявились люди. И проявилась история — медленные ритмы климатических изменений, холода, приходящие слишком рано и слишком надолго, изгибы и вывихи отношений людей и Старших Народов, страны — воплощения своих государей, и самодержцы — воплощения глубинных инстинктов сим-игроков. Всё это соединялось в странных пропорциях в их головах, становилось из смеси сплавом, плавя одновременно и их самих, превращая из игроков в Игрока, верша ту высшую алхимию духа, ради которой и вылепляли сим-реальности.)

Стрый обводил взглядом их, сидящих здесь: лесорубы, гуртовщики, несколько наёмников, аэдирнский купец — из тех, что приторговывает мелочишкой и не лезет под ноги большим людям. Ни одного представителя Старшего Народа, понял он вдруг. Только люди.

Их четвёрка — купно с Ангусом — бросалась в глаза, как прыщ на лбу.

Что-то такое пришло в голову и Арцышеву. Смотрел он в сторону, но Стрый отчётливо услышал: уходим!

— Уходить бы вам нужно, вашести, — эхом откликнулся кабатчик.

Стрый кивнул. Ангус же положил на край стола две золотые кроны — хозяин как раз сметал тряпкой черепки и остатки пищи, — монеты исчезли как по волшебству.

Вечер оказался странно тёплым для стоявших даже в разгар лета холодов. Лес подступал к корчме вплотную, потому, хотя солнце ещё не закатилось, тьма повисала за плечами. И они шли, шагали, скользя между тьмою и светом, — вперёд, вперёд, по лесной дороге, по мокрому от вечерней росы подлеску, по мясистому папоротнику и хрусткому сухостою. Но от теней всё равно было не сбежать.

— А вот насчёт лошадей мы не подумали, — сказал, посапывая, Слон.

— Не подумали, — согласился Стрый.

Арцышев поиграл пальцами:

— До местечка Айн Адан, Танцующий Огонёк, с десяток миль. Ночь пути. А там, на рынке, полагаю, найдутся и лошади, и шорник с упряжью.

— А ещё плётки и кожаные костюмы, — проворчал Слон.

— У вашего друга очень странное чувство юмора, — сказал Ангус, а Слон произнёс внутри отчётливо: «Это не хвост» — и нервно потёр ладони на короткий хохоток Арцышева.

— И где же этот Айн Адан? — Стрый остался совершенно спокоен.

— К северу, держа на Ось Мира.

— Тогда двинули.

И они двинули. Слон всё такой же встопорщенный — Стрый попытался пригладить ему эмофон, но тот пыхнул жаром и яростью, пришлось отступить. А вот от Ангуса расходились волны ледяного спокойствия, почти безразличия, во что Стрый, конечно же, не верил, учитывая обстоятельства, ни на ноготь.

«Не сократить ли нам?» — спросил немо.

Арцышев кивнул и зашевелил пальцами, будто гонял на виртуальной такте. Определённая соматика визуализировалась уж очень чётко.

А потом Арцышев остановился, напрягся, быстро растёр ладонями лицо и напрягся снова.

— Вот же ж мать, — произнёс потерянно.

И добавил:

— Стрый, кажись, конячка сдохла, а мы — в самую масть вошли.

И сразу же вскинул голову Ангус.

— Милсдари, — произнёс все тем же холодным безразличным тоном. — Сдаётся мне, за нами погоня.

И тогда — на самом пределе восприятия — остальные тоже услышали топот копыт.

* * *

Случается так: ты открываешь глаза и понимаешь, что находишься неизвестно где и когда. Ты поднимаешься — ты лежишь в постели, или на куче соломе, или подле прогорающего костра, укрытый попоной, или кожухом, или звериным мехом, — ты осматриваешься и осматриваешь себя. Ты видишь старые шрамы, мозоли на руках, грязные, неровные, ороговевшие ногти или, напротив, ногти ухоженные и чистые. Всякая вещь, на которую ты глядишь, означает нечто с тобою произошедшее — намедни, недавно, когда-то, давным-давно, но, кроме вещей, в памяти твоей сперва нет ничего, словно ты и есть только эти вещи и ничего более. Вещи — это профессия, это положение в обществе, это то место, которое ты занимаешь, и то место, на которое ты можешь претендовать. Ты дотрагиваешься до грубой глиняной посуды, до вытертых ремешков на рукояти меча, до кольчуги с побуревшими кольцами или до бархата плаща. Ты чувствуешь тяжесть и грубость этого мира, его конкретность и угловатость. Его, как тебе

кажется, неизбежность. И постепенно контуры этого мира накладываются на тебя, из их пересечения проступает твоя собственная самость, из них являешься в мир ты. В лесу кричит сова, во дворе брешут собаки, кто-то ходит этажом ниже, поскрипывая досками пола, фыркает стреноженная лошадь — и твоё прошлое обрушивается на тебя, словно оно — хищник, а ты — жертва. Оно грубое, словно насильник, и оно же ластится, будто верный пёс. Оно знает тебя, как знала бы тебя старая любовница, оно изысканно и вычурно в своих претензиях на тебя, и оно же просто и конкретно, словно вытертые ремешки на рукояти меча, словно шероховатость глиняной посуды, словно бархат плаща. Оно входит в тебя, заполняет тебя, становится тобою. И только где-то глубоко-глубоко, под спудом этого заполонившего тебя грубого, конкретного прошлого, этих вещёй, этой реальности мира тлеет память о мире другом, под другими небесами. Он, этот мир, не лучше и не хуже, он просто — другой. И теперь, где бы ты ни был, куда бы ни отправлялся, в каких схватках и пирах ни участвовал бы, это чувство — отныне и навсегда — поселяется в тебе, живёт в тебе, движет тобою. Заставляет совершать подвиги и безумия, поскольку — раз за разом — всё кажется, будто она, эта другая жизнь и другие небеса, значат что-то большее, что-то важнейшее, чем конкретная, грубая реальность тебя, проснувшегося в постели, на куче соломы, подле прогорающего костра, укрытого попоной, или кожухом, или звериным мехом. Что там — лучший ты и там — лучший мир. Твой мир.

Потом — однажды, когда-нибудь, если повезёт — ты встречаешь и иных, таких же, идущих по жизни с памятью о другом мире и других небесах. И вас притягивает друг к другу: может — судьба, может — память, может — сны о том небе и о том мире. Ты вдруг начинаешь чувствовать, что чувствуют те люди, предугадывать их поступки и их слова. Ты сумеешь действовать — вы сумеете действовать — как один человек, как пальцы на одной руке. Двое,

трое, пятеро — редко когда больше. Порой это может изменить твою жизнь, порой — нет, но когда ты найдёшь их, других людей, ты уже никогда не сможешь оставаться прежним. Никто из вас не сможет оставаться прежним, потому что все вы — станете одним.

Потом — однажды, когда-нибудь — ты уйдёшь: погибнешь в бою, утонешь в море, рухнешь, оступившись, со скал. Или, как бывает, просто уйдёшь, когда тебе надоест просыпаться в постели или на куче соломы, подле прогорающего костра, укрытым попоной, или кожухом, или звериным мехом. Ты уйдёшь, потому что вспомнишь, где находятся другое небо и другой мир.

Ты уйдёшь, а тело твое — цифровая копия — продолжит жить: без цели, без смысла, на сформированном — пока ты был жив и был здесь — скрипте. Вот только оказавшись по ту сторону, вернувшись (уходя — как ты думал), выйдя в другой мир и под другое небо, ты снова начинаешь вспоминать небо и мир — отличные от тех, где ты оказался.

И тогда ты вдруг многое поймёшь о сути реальности.

* * *

Бежать по лесу в сим-реальности — зная, что не осталось различий между цифрой и телом, — оказалось делом непривычно изматывающим. Ноги заплетались, а воздух комом вставал в глотке. Всё вокруг сделалось настоящим. Истинным.

Значит, ловушка захлопнулась. Оставалось только дождаться охотника. И при этом — продолжая бежать, поскольку топот копыт за спиною становился всё отчётливей.

Конечно, никакого сюрприза: на том и строился весь замысел, неожиданным оказался разве что выбранный момент. То, что всё так совпало — если, конечно, считать совпадения в симе равными совпадениям в реале. Поскольку

с точки зрения сценографии получалось изрядно драматично.

Впрочем, давно замечено, что сценарность сим-реальности порядка на два выше, чем в мире-ноль, в реале.

Стрый споткнулся о корень и полетел головой вперёд, на вытянутые руки, обдирая ладони. И вдруг оказалось, что слева от них топь, справа — заросли терновника, а за спиною — такой бурелом, что и змея не проползёт.

И, как ни странно, это тоже вписывалось в обострённую сценарность сим-мира, где чудом считается, лишь когда подброшенная монета раз за разом будет становиться на ребро, а не когда орёл выпадет двадцать раз кряду.

И вот тут они посыпались. Заметались, словно зайцы в свете фар. Кроме Ангуса эп Эрдилла. Эльф остановился, сбросил под ноги заплечный мешок и опустил плечи, набычившись. Сжимал и разжимал пальцы. Щуплый и нескладный, он тем не менее казался в этот миг настолько угрожающим, что Стрый, Слон и Арцышев перестали дёргаться и бестолково тыкаться в колючие заросли.

Звякнули извлекаемые мечи.

Смешно может получиться, подумалось мельком Стрыю.

Что у нас вообще осталось? — спросилось внутрь. Совмещёние симов и субъектов, откликнулся Арцышев. Несколько тропок к информ-пакетам. Стоп-ключ. Ну и всякого по мелочи.

Топот копыт близился.

— Ар, влево, Слон — прикрываешь. Без пиротехники, — повернулся Стрый к Ангусу. — Сначала смотрим - кто. Остальное — потом.

Эльф, кажется, скривился, но не ответил ничего. Между пальцами его пульсировала краснота.

А топот стих. Заржал конь. Звякнул металл.

— Эй! — раздалось вдруг из темноты, и кто-то закашлялся — отчаянно, с хрипами и рычанием. — От твою ж мать... Эй, там, слышьте, давайте только легонько. Без

рук, огня и железа. Уж больно мне погутарить охота с теми, хто фольтестовых псов в нужник макнул.

Ангус даже не заворчал — зашкворчал нутряно. Тихо, сказал ему немо Стрый — и Ангус пригасил внутреннее пламя. Это оказалось неожиданно и нежданно, но отвлекаться было уже некогда.

Потому что из темноты к ним шагнул — толстопузый и бородатый — барон Кроах ас-Сотер: с руками на поясе, косолапо выворачивая ноги. За спиной его продолжали пофыркивать кони и звенеть железо. Прибыл барон явно не в одиночестве.

Увидел их, четверых, и остановился.

— Ага, — сказал. — Значится, угадал я, хто среди ночи да пешим ходом попёрся по северной дороге. Я тут вот что подумал, милсдари: а не завернуть ли вам ко мне в гости? Два бочонка ривийского вопиют о компании, а вы, ежели верить, что те двое говноедов кричали, компания куда как справная. Что скажете? Да и темерийской мерзоте кукиш под нос лишний раз ткнём!

Стрый даже не стал советоваться с остальными: сюжет завёртывал так, что сказать «нет» было невозможно. Даже и подумать про то, чтобы сказать «нет». Если в волшебной стране события вдруг сплетаются в такие совпадения — волей-неволей приходится заглатывать наживку и отыгрывать сценарий.

В конце концов, подумалось ему, чем мы рискуем? Разве что бессмертием цифровой души...

И, видимо, что-то такое отобразилось на его лице, поскольку барон Кроах ас-Сотер расплылся в самодовольной улыбке:

— Вот и добре, — сказал и, оглянувшись, сунув два пальца в чёрную свою бороду, коротко и оглушительно свистнул.

Потом повернулся к ним, сделал шаг, другой, остановившись рядом. Пахло от него кожей и лошадьми.

— Вот только не обессудьте, милсдари, за вашего дружка, — сказал, и даже Слон, со всей его хвалёной реакцией, поделать ничего не успел. Просто стоял и смотрел на легшего под ноги Ангуса эп Эрдилла, как и остальные трое. Просто стояли и смотрели. На лбу эльфа наливалась багровая шишка.

— Не люблю магов, — сказал барон. — А уж эльфьих магов — и того меньше. Просто чтоб спокойней было.

И махнул своим солдатам, чтобы связали Ангусу руки.

* * *

Сим-миры создают так: берут плотную основу и простёгивают её насквозь даже не сюжетом — его обещанием. Хорошие парни, плохие парни. Пророчества. Магия. Драконы и подземелья. Иногда хватает и намёка на интригу, иногда приходится выстраивать серьёзную предысторию. Порой, чтобы колёса фантазии завертелись, требуется Великий Тёмный Властелин. Чаще хватает и этической неоднозначности кровавой взвеси мира, шагающего за грань стабильности.

Единороги, кстати, отклика в сердцах игроков так и не нашли. Как и исторический хардкор.

Несколько раз, правда, пытались взять за основу реальную эпоху. Крестовые походы. Русь под игом Орды. Конкистадоры. Но окончательность и инерционность реальной истории пришлись по вкусу лишь самым отчаянным одержимцам. Остальные предпочитали хотя бы маленький, но шанс сделаться героями придуманного мира. Даже такого, где троим из четырёх приходится всю жизнь копаться в навозе. Или воевать — что, как оказалось, тоже занятие тяжёлое и неблагодарное.

Иной раз игроку предоставляли больше свободы, порой — жёстко ограничивали отсутствием социальных лифтов и такими барьерами для роста внутри сима, что

тяга к приключениям становилась сродни тяжёлым формам мазохизма.

И никогда, никогда ключевые для сим-мира роли не отдавали игрокам — насколько бы долго те ни играли и какие бы заслуги ни накопили. Это просто не зашивалось в сим-ткань. Случай «Бактрии» и полугодичная головная боль «щитов», пытавшихся вывести из суб-игровой «наведёнки» пару тысяч игроков, превращённых в рабов местного Тамерлана, в «шкурку» которого перебросился корейский подросток, сформировал предельно жёсткие стандарты сим-роста. Игрок может претендовать на средний уровень. Никаких монархов. Никаких революций. Никаких заговоров ради свержения власти. Чистые приключения тела — или духа, если так уж совпало. И отработка, тщательная отработка психопластики — как дополнительный бонус для игрока и, похоже, главный — для всех остальных заинтересованных лиц.

Психопластика — благословенье и проклятие симмиров. Единственной среды, где возможно ненасильственное (а значит, куда более действенное, чем при работе психопластов) создание полисабов, пространственно-разделённых многосубъектных личностей. А отсюда — полшага до новых утопических проектов: горизонтально-однородное общество, «третья природа» и «пятая волна». Всё что угодно — для всех, кому угодно.

Именно ради отработки стратегии и тактики создания «многочленов» сим-миры продолжают прорастать и меняться.

И никто не спрашивает, куда это изменение может привести.

* * *

Из-за серого обомшелого вяза шагах в тридцати впереди высунулось тупое рыльце в зеленоватой шерсти: дёрнулось вверх-вниз. Рванулась вверх по стволу размытая

тень, отчётливо хлестнул по коре хвост. Но уж на маников внимания можно было не обращать. Служебные клир-контроллеры, навредить активной «шкурке» они не могли, а форму принимали, исходя из сим-метафизики. Кажется, игроки их толком и не видели — если, конечно, не обладали подарками от старика Трояна.

— Вот никак не могу взять в толк, милсдари, хто вы да откуда. С эльфом — а значит, не Редания и не Каэдвен, там-то нынче и эльфам, и приятелям их не рады. По-нашему говорите чисто, а стало быть — не нильфы. Темерийцев, опять же, в говно макнули. А для ривийцев — больно рожи у вас честные и не вороватые. Цинтрийцы разве что, изгнанники? Ладно, ваше право, не желаете говорить — не говорите.

Верного ответа на такие вот закидоны Стрый не знал, однако решил слушаться не интуиции даже, а чувства восьмого, если не девятого.

— Да мы от тех, у кого сердце за Содден болит, скрываться не станем. Другое дело, для такого разговора предпочтительней четыре глаза и стены вокруг.

— Н-да? — барон глядел с прищуром. — И чего ж вы, милсдари, так боитесь?

— Подменыша, — только и сказал Стрый.

Но — хватило. Кроах ас-Сотер сгреб бороду в горсть, дёрнул пару раз, словно испытывая её на прочность.

— Вот, значится, как, — сказал. — Значится, вот так вот оно... Стало быть, сучонок всё же зашевелился... Ну ладно, чему быть — тому не миновать.

Какое-то время он ехал молча — на свой, конечно, манер: сморкался, кашлял, шумно чесался под кольчугой. Покряхтывал и бормотал что-то совершенно невнятное.

Потом всё же не выдержал, повернулся к Стрыю.

— Я-то когда ещё говорил, что добром это не кончится! Ещё Радовид сопляком оставался, года через три, что ли, после Великого Мира, едва Черная Смерть по первому разу откатилась. Ещё тогда я им: на ножи, говорю, надо

щенка, не может добрый человек такое вытворять, что пацан этот в Редании чудит. Мы здесь в войну всякого навидались, потому и готовы были Фольтеста просить двинуться на Реданию да купно с тамошними дворянами щенку голову скрутить. Теперь-то, небось, козлина старый, жалеет, что не внял голосу разума. Эх...

Ангус эп Эрдилл вдруг закашлялся и попытался ухватиться связанными руками за голову. Не получилось: запястья накоротко были привязаны к луке седла, потому эльфу, чтобы отереть лицо, пришлось наклоняться вниз и вперёд. Он покачнулся и застонал снова.

Кроах ас-Сотер эльфа освобождать не торопился, оставаясь глух к любым аргументам их, троих. Слон сгоряча даже порывался навалять господину барону, но, к счастью, дальше слов — и внутрь группы — дело не пошло. На объяснения же барон реагировал исключительно побаронски. «Откуда-откуда, говорите, он заявился? Тир-на-Фо? Это что ж за хрень такая? Зерриканская пустыня? Да иди ты!» — и реготал, откидываясь в седле всем телом.

А ещё никак не удавалось установить контакт с самим Ангусом — как тогда, перед прибытием Кроаха ас-Сотера. Они продолжали его чувствовать: эмоциональный фон, телесные неудобства, немеющие ноги и впивающуюся в запястье верёвку. Но слова и образы, направленные к нему, падали словно в бездну. Для группы, едва вот только обретшей целостность, это было как ослепнуть на один глаз.

— Я всё хотел спросить, милсдарь барон, отчего вы Радовида кличете Подменышем? — Арцышев оставался сосредоточен, пытаясь найти хоть какую-то слабину в бароне.

И, кажется, преуспел: Кроах ас-Сотер аж вскинулся, осмотрелся воинственно, выставил вперёд пузо:

— А его, сучонка, у нас в Соддене никто иначе-то и не называет. Потому что знают: не зря его сватали за Цириллу Чёрную. Про ту же теперь точно известно: кровь про-

клятой Фальки, хлад и зараза по её следам на Север пришли. А матерью Подменыша была вовсе не Хедвиг, а одна из северных княжон, ну, тех, что родились под Чёрным Солнцем. А королевича подменили на выблядка — тогда уже хотели соединить их с кровью Фальки. Правда, разное болтают: то ли нильфы за всем стояли, то ли новиградские святоши. То ли эльфы. Только в последнее я не верю: с чего бы им такое устраивать, да и не сумели б они. Верно говорю, мелкозубый? — ткнул черенком плети в бок Ангусу.

Красный дёрнулся, щерясь. И вдруг выпрямился, не обращая больше внимания на тычущую в бок плеть. Задёргал связанными руками.

— Он близится, — сказал вдруг, громко и отчётливо. — Он близится, и хорошо бы вам, мессиры, быть готовыми.

И они — все — почувствовали. Все трое. И это были не ощущения Ангуса эп Эрдилла, это пришло извне: мокрое и перехватывающее горло, будто зола после лесного пала. С тяжёлым сернистым духом.

Барон и присные завертели головами. Заржали кони, затрясли башками, мышастый жеребчик встал на дыбы, лошадка Ангуса пошла, фыркая, боком. Кто-то из бароновых людей кувыркнулся через круп. Остальные встали, пытаясь успокоить коней. Слон сошёл с седла и вдруг не удержался на ногах, рухнул кулаками в землю. Вскинулся, вцепляясь в стремя лошадки Ангуса.

Выкрашенные в багрянец кожаные накладки по груди эльфа повыцвели и запылились, а бронзовая бляха на поясе стала тусклой до зелени. Но рыжие нити, крестнакрест оплетавшие большие пальцы рук, сверкали, будто кровли новиградских храмов.

— Развяжите меня, — сказал Ангус эп Эрдилл. — Развяжите.

— Это... — сказал растерянно Слон. — У него ножик греется.

И как был, с кулаками в землю, отдёрнулся подальше от церемониального клинка мага Красной Ветви из Тир-

на-Фо: над ножнами отчётливо завились усики рыжего дымка.

— Развяжите меня! Быстро! — Ангус дёргался, словно рыба на крючке, пытаясь вскинуть руки. — Пока не поздно, прошу вас, мессиры!

Слон, не спрашивая, поддел остриём ножа верёвки, волокна затрещали, лопаясь, эльф растопырил пальцы над путами, перехватывавшими его бёдра, пыхнуло жаром, лошадь заржала, сшибив Слона.

Но, наверное, было поздно: потянуло душным холодом — будто ноги по колено воткнулись в талый снег. Стало тяжело дышать, и вокруг словно зашумели тысячи вороньих крыльев. Дохнуло смрадом тухлого мяса. Стрый такого скрипта не помнил, да и некогда было искать. Хотелось упасть и закрыть голову руками. И только Арцышев рычал, припадая к шее коня, и под ладонями его дрожали серебряные сполохи.

Потом отчётливо хлопнуло — с резким кожистым звуком наполняющегося ветром паруса: трёпаный плащ Ангуса эп Эрдилла развёртывался крыльями, парусом выгибался под волной холода, а Стрый с остальными оказались аккурат в его тени, учетверившегося в размере, обведённого по контуру слабой опалесценцией.

Волна холода ударила в этот парус и исчезла, докатившись до Стрыя только знобкой свежестью. А эльф тяжело рухнул на колено и воткнул костистую руку в траву. Плащ на миг словно вспыхнул, обведённый алым, потом потускнел, а трава там, куда ударила ладонь Ангуса, почернела, словно битая не то жаром, не то морозом.

— Во имя Предсущего... в три господа бога душу мать... слушай, Стрый, это же... это же... — Арцышева шатало, и он сполз с седла и опустился на корточки, чтобы не упасть. — Какая же хрень! — закончил без пафоса.

Ангус лежал навзничь, и кадык его дёргался, словно эльф крупными глотками пил воду. Кажется, «красного»

начинала колотить дрожь — и не от холода, надо полагать.

— Так близко от Тол Братанна, — отчётливо проговорил, не раскрывая глаз. — Так близко. Зло нынче ходит тёмными путями.

— А хто это был? — спросил барон Кроах ас-Сотер почти нормальным голосом. — Если мне, милсдари, будет, конечно, дозволено спросить...

А лёгкая паника, Слоном овладевшая, отразилась от паники Ангуса эп Эрдилла, и Стрыю пришлось перехватывать эмоции, чтобы группа не пошла вразнос.

— Зато теперь все знают обо мне, — печально (так показалось Стрыю) произнёс эльф, пытаясь подняться на ноги.

Он запахнул плащ и сделался похожим на высокого сутулого старика.

И тут на поляну повалили невысокие коротконогие копейщики, довольно зловещё потрясая оружием, а барон Кроах ас-Сотер, найдя в себе силы приподняться на локте, вглядывался в них с изрядным облегчением. Помахал им рукою.

— Уж не знаю, все ли вы в том своём Тир-на-Фо такие, но не дай Праматерь нам с вами воевать, — сказал барон в спину эльфу. — А вот руки-то я тебе, Ангус-как-там-тебя, не зря, получается, связывал.

* * *

— Ничто не подтверждает, будто ведьмаки существовали на самом деле.

— Уж куда уж! — взревел барон, и с ближайшего дерева с шумом снялись галки. — Да я лично говорил с людьми, которые знали тех, кто был знаком с Геральтом Проклятым. Да и о других ведьмаках рассказывают столько...

— Об этом-то я и говорю, — Арнольд ван Гаал, доктор гонориус кауза в изгнании, близоруко щурился на кружа-

щих по небу галок. — Именно об этом. Всегда только сведения из третьих и четвёртых рук. Всегда только сказки, которые... э-э... информантам рассказывали странствующие деды в годы их... э-э... информантов, детства. Ни одного портрета. Ни одного документированного свидетельства. Ни одного материального остатка — ни мечей, ни медальонов, ни рецептуры их хвалёных декоктов. Да и сюжеты с приключениями ведьмаков — вы же и сами знаете, что за это сюжеты! В них же без труда угадываются переделанные сказки селян. Хотя бы та, о заколдованном Чудовище и спасающей его Красавице!

— Ну, — пожал плечами Ангус эп Эрдилл, — я слышал, что не сохранилось ни одного портрета и Цириллы Чёрной, однако это не повод ставить под сомнение её существование.

Доктора гонорис кауза оксенфуртского университета они повстречали за полмили от замка, у торчащего двумя чёртовыми пальцами останца. «О! — сказал барон. — А это мой мозгляк! Несчастье Оксенфурта, гроза местных хозяек. Видали б вы, милсдари, сколь истов господин Арнольд до исследования крынок моих селян! Ни черепка не пропустит». Арцышев, почти не ухмыляясь, поинтересовался, откуда же подобная одержимость. Оказалось, что привеченный Кроахом ас-Сотером беглец из Редании (мол, из-за чисток в рядах учёных мужей, затеянных Подменышем) носился с идеей исконной древности человеческого рода, Двух Волн переселенцев. Люди-де и есть изначальные насельники здешних мест, эльфы же и краснолюды — случайные пришлецы и не более. Для подтвержденья своих идей Арнольд ван Гаал искал эти древнейшие поселения и частенько вспоминал наскальные рисунки под Горгоной, Горой Дьявола. Мол, это и есть следы первых поселенцев, и восходят они к временам даже более ранним, чем появление краснолюдских городов в Махакаме.

В Ангуса эп Эрдилла доктор вцепился словно клещ. Эльф, прямиком из поселений, почти не имевших контак-

та с людьми — мог ли кто представлять для учёного человека больший интерес?

— Вы, милсдарь эльф, зрите в самый корень проблемы, — радостно кивал Арнольд ван Гаал на слова Ангуса. — У меня есть теория, что большинство рассказов о Цирилле Чёрной — лишь пересказ древних сказаний, фальсификат. Попытка осознать события Великой Войны, используя устойчивые сюжеты. Ну, понимаете, в народном сознании — если, конечно, принять, что народ обладает сознанием, — всегда содержатся фантазии, скроенные по привычным образцам. Полагаю, это потому, что знакомые сюжеты легче запоминать и проще сохранять от поколения к поколению. Именно потому в памяти людей Вторая Волна полностью наложилась на Волну Первую, исконную и начальную.

Барон замотал головою.

— Вот однажды доведёшь ты меня, докторишка, своими рассказами, и устрою я тебе сюжет, знакомый всякому селянину в моих землях. Тот, что называют «ярость барона Кроаха ас-Сотера, обозлённого дуростью, которую пытаются ему скормить». Это ж надо, в Цириллу не верить! Может, ты ещё и Великую Войну станешь отрицать?

— Отчего же, — пожал плечами Арнольд ван Гаал. — Войну я отрицать не стану...

— Слава богам! — воздел барон руки.

— ...однако же, — не сумел остановиться доктор гонориус кауза, — однако же смешно было б предполагать, что вся военная машина Нильфгаардской империи была занята поиском и захватом одной-единственной несовершеннолетней девчонки сомнительного происхождения.

— Девочки девочкам рознь, — проворчал барон.

— Однако, — проговорил Стрый, включившись в беседу, — однако не менее логично полагать, что если есть чудовища, то есть и те, кто на чудовищ охотится. Профессионально. А ведь вы, мэтр, не ставите под сомнение реальность каких-нибудь стриг или василисков?

— Но в последние годы чудовищ всё больше, а ведьмаков всё так же не видать.

— А вам самому не хотелось побывать в развалинах Каэр-Морхена?

— А ещё — в Заокраинных Землях. Человек, милсдарь, стремится к недостижимому, но опирается-то он на возможное. К тому же я полагаю, что умножение чудовищ говорит о близости событий куда более важных, чем все Пророчества Итлинны.

— Вот же язык что помело, — проворчал барон и сплюнул себе под ноги.

Но Ангус внезапно заинтересовался словами доктора.

— И о чём вы, доктор ван Гаал, говорите? Что владыки Севера правы и чародеи не только пытались захватить власть, но и полностью презрели Великий Договор и снова, как встарь, плодят чудовищ?

Арнольд ван Гаал снисходительно усмехнулся:

— Право, я и подумать не мог, что и среди эльфов механизм производства памяти о прошлом настолько сходен с механизмом человеческим. Словно бы мы происходим от одного корня, — и замолчал, вдруг задумавшись.

Да уж, подумалось Стрыю. Сим-миры, если глядеть изнутри, всегда преисполнены глубоким смыслом и величайшими открытиями. Жаль, что логику и закономерности их формирует не какой-нибудь там исторический детерминизм, а всего лишь последовательность программных скриптов.

— И что же вы имеете в виду? — голос Ангуса сделался чопорен.

— Что? Ах да, — пришёл в себя беглый доктор. — Я о том, как обстояли дела с появлением чудовищ на самом деле.

— И как же? — спросил Арцышев. — Была другая причина? Эльфийский заговор?

— Нет, с чего бы? Я вовсе не это имею в виду. — Арнольд ван Гаал покосился на эльфа и остальных. — Вы

ведь, полагаю, знакомы с легендами о появлении чудовищ, милсдари?

— Маги-отступники, — кивнул Арцышев.

— Верно. Только вот всегда забывают, что монструозные результаты опытов первых магов были не причиной, но следствием. Появление первых мутаций вызвало уникальное событие: Сопряжение Сфер. То самое, которое якобы позволило первым родам прибыть в устье Яруги. Я уверен, что Волна Переселения была на самом деле Второй, но дело даже не в этом. Сопряжение Сфер ослабило скрепы природных законов — и стали возможны все те гибриды и мутации, благодаря которым магов проклинают.

— И значит, число чудовищ нынче увеличивается, потому что...

— Именно, — возликовал ван Гаал. — Именно! Новое Сопряжение! Полагаю, мы стоим на пороге небывалых свершений. Новые расы, невиданные создания, дверь в иные миры... Да что там: когда Сопряжение случится, я бы не стал исключать и возможность того, что на землю ступят новые — или пусть даже старые! — боги. Вот и у господина барона...

Тут господин барон трубно высморкался и отёр пальцы о голенище сапога.

— Вот за что и не любят вашего брата-учёного, — сказал, — так это как раз за то, что простые вещи вы, мозгляки, норовите сделать сложными. А я так скажу: всё куда проще. Сперва маги принялись лупить друг дружку на том своём острове, а потом изо всех щелей попёрла разнообразная мерзость. Вот и весь сказ, и вся, значится, вековая мудрость.

— Но то землетрясение на юге, в самом конце Великой Войны...

— Ты ещё скажи, что только из-за этого мы нильфов и победили — так я сам тебе головешку-то с плеч скручу. Пришёл Нильфгаард, мы ему наваляли — вот и весь сказ.

А придут снова — они ли, или какая другая сволота — наваляем и им.

И надо сказать, отметил про себя не без иронии Стрый, что версия господина барона отличается всё же немалым изяществом и простотой.

* * *

Мясо, как на вкус Стрыя, было пережаренным, суп излишне солоноват, но вот пиво — не подкачало. Не подкачало настолько, что и задумываться не хотелось, сим оно или основа всё же в реале.

— Слушай, — шепнул ему в ухо Арцышев, — я прогнал по протоколам — ну, в силу возможностей и моих мышиных норок, — так вот: зацепить их я не могу. И не смогу. То есть совершенно. А значит...

Продолжать не стал, но Стрый едва сохранил лицо: если уж Арцышев не может отличить сим от реала, значит, всё не просто так, как говорил Троян, — всё ещё хуже.

Кроах ас-Сотер между тем пил с Ангусом эп Эрдиллом братину: изрядного, надо сказать, размера. И — кажется, это была третья братина. Не потерять бы нам наше вундерваффе, подумалось с лёгким беспокойством.

Фон, впрочем, от Ангуса шёл устойчиво позитивный. От происходящего он получал непритворное удовольствие. Эльф и вообще любил простые вещи — и Стрый это знал, как знал и то, что Ангус эп Эрдилл не любит петрушку в мясе, что Слон — всё ещё не может успокоиться после приключений в лесу, а Арцышев — опасается поворачиваться спиною к зеркалам в тёмной комнате.

И знал, что каждый из их четвёрки тоже знает. В этом — суть группы. Быть целым, действовать как целое. Теперь почти не верилось, что бывали времена без психопластики, что всякий тогда оставался чужаком в чужой стране, не человеком даже, а функцией, винтиком больших социальных машин. Лихими, наверное, они

были, те времена богатырей и героев. Эти годы помнил Троян — и всё ещё любил власть и силу государственной машины, ими порождённой, — но Троян, по разумению Стрыя, был пережитком настолько древним, что принимать в расчёт его воспоминания и любови было бессмысленно. Мы ведь с памятниками не разговариваем, верно?

Но Стрый помнил, как Троян сказал ему, изложив, что желает получить от их группы: «А больше мне некого посылать, Лёша. Просто некого. Да и вообще «быть щитом», ты ведь помнишь, да?» Стрый помнил — и ценил, хотя от такого доверия раз за разом выпадала только дальняя дорога и крепкая головная боль.

Кроах ас-Сотер продолжал буйствовать: теперь требовал, чтобы братину с ним распил Слон. Медлительный и суровый, Слон глядел сумрачно и сверху вниз, а плотный Кроах ас-Сотер, барон замка Длинная Стена, напрыгивал на него, выпятив пузо и воинственно тряся бородою.

Арцышев прогнал образ через доступные базы сразу после встречи, но Стрый знал и без того: Кроаха ас-Сотера отживал в своё время один из пропавших, Милош Богушан, девятнадцать лет, корпоративный аналитик корейских «красных барабанщиков». Так сказать, цель третьих приоритетов. И — как для «шкурки» — Кроах ас-Сотер оставался невыносимо активен. Что просто обязано было запускать паранойю Арцышева. Но вот же не запускало.

А это было странностью. Возможно, не наибольшей, но — дёргающей. Мелким поводом к подозрениям.

Как, впрочем, и «шкурка», в которую перекинулся в симе Володька: особенно если принимать во внимание всё то вуду, вшитое им по настоянию того же Трояна. Ведь тот, в кого перекинулся Володька, оказался далеко не стандартом в сеттинге «Сапковии», а какой-то небывальщиной. Как бы не экспромтом. Хотя — какие могут быть экспромты в фиксированном сим-мире у группы, посланной человеком уровня Трояна? Даже не смешно.

И что ж теперь? Биться в припадках подозрительности? Хватать и тащить? Рвать стоп-ключ и сваливать? И того не смешнее.

На самом деле по-настоящему Стрыя пока беспокоило одно: проблемы с реалом. И Стрый хорошо помнил, как Троян, формируя версию прикрытия, метал перед ним — словно карты из колоды — оперативные ориентировки: «Трофим «Грымза» Липонов, соло, двадцать три года, дизайнер динамических систем, местонахождение неизвестно... Милош Богушан и Милена Арно, дуалы, девятнадцать лет средних, корпоративный аналитик, местонахождение неизвестно... Группа Алконост, пента, заглавный Валентин Хорошев, двадцать три средних, шестнадцать минимальных, местонахождение неизвестно... То есть — как в пропасть, бесследно совершенно. Тут много ещё всего такого, Лёша. Столько, что звоночки должны и у «щитов» звенеть. И здесь вопрос: почему я посылаю тебя, а от них не видно никого? И — не видно ли? Хороший вопрос, да?» — «С другой стороны, — ответил тогда он, Стрый, — не бывает бывших «щитов», верно»? И Троян хмыкнул, не прокомментировав никак.

Этих вот игроков, растворившихся в цифре и словно стёртых из реала, было полтора десятка полисабов из двадцати двух человек. Все, насколько можно судить, обживали именно сим-мир «Сапковия» — высшие места в чартах, миллион активных игроков, около четырёх — сим-шкурок. Если верить официальной статистике, конечно.

Их поиск был хорошим прикрытием.

Настолько хорошим, что отлично затемнял главную цель: контакт с новоделом — одним из тех, что, если верить игрокам, открывались в глухих местах «Сапковии». Открывались, никак при этом не отображаясь в трекинге ситуации: информация из вторых рук, ни одного прямого свидетеля, но рассказы всегда красочны и фантастичны.

По каким-то своим резонам Троян был уверен, что в треугольнике Козыч-Репнинка-Оскорицы стоит полёвка одного из модов — не то Цинтры, не то Новиграда. И что где-то поблизости недавно явил себя такой вот новодел.

Собственно, затем группа Стрыя и прибыла сюда: удостовериться. Или наоборот, но в таком деле отрицательный результат порой важнее результата положительного.

И вот они прибыли — и нос к носу столкнулись со «шкуркой» одного из пропавших. И стоило бы собраться и сосредоточиться, «подавить мозгом на четверых», как говаривал Слон. Оставалось только вырвать из лап Кроаха ас-Сотера их мага Красной Ветви, путешественника из Зерриканни, небывалого эльфа с юга, чтоб ему быть здоровым и трезвым.

Кроах ас-Сотер меж тем уже отплясывал, высоко вскидывая колени, и свирели вопили так пронзительно, что у Стрыя мурашки бежали по коже.

А потом он понял, что это не мурашки: Ангус эп Эрдилл что-то почувствовал, как умеют чувствовать эльфийские маги из-за зерриканских пустынь.

И Стрый ощутил азарт — уж и не понять чей. Да и какая разница, если рыбка, по всему, повела блесну?

* * *

В принципе, всё и всегда можно свести к сухим строкам, резюмирующим годы и десятилетия, к последовательностям нолей и единиц, где от человека остаётся лишь слабый след, а от мыслей и чувств его — и того меньше. И, наверное, в этом тоже будет высшая справедливость. Потому что и люди эти слишком часто — не более чем наборы нолей и единиц; по крайней мере, в их «здесь-и-сейчас», которое становится всё важнее мяса и крови. А возможно, кровь и мясо — тоже лишь сухие строки в записях иного порядка, доступа к которому у нас, в нашем «здесь-и-сейчас», нет. «Ещё» или «никогда». И разницы между

двумя этими залогами существования меньше, чем могло бы показаться на первый взгляд.

К сухим строкам можно свести всё.

Громоздкие аппараты времён, когда «железо» означало — железо. Первые робкие попытки не просто развлекаться в сетях, но — взаимодействовать. Тигры и буйволы, которые, как оказалось, скрыты в каждом из нас. Ловкачи, купцы и герои. Экономика и психология, через которые реал все сильнее переплетался с тогдашними подобиями симов. Первые легенды и первые мифы. Времена и обстоятельства Трояна со товарищи. Злых и могущественных стариков. Времена и обстоятельства титанов духа и соли земли. Как обычно — мифические и непредставимые. Тогда многим казалось, что это — бегство. Ретретизм. Нежелание жить в реальном мире с реальными проблемами. С исламской угрозой. С экономическими кризисами. С глобализмом. Теми угрозами, что оказались лишь пузырями земли. И пузырями другими, но лопнувшими столь же громко — едва только переменились обстоятельства. Едва только — незаметно для самого себя — мир сделался другим. Не лучше. Не хуже. Просто другим. И целый ряд — да что там ряд: род! — ограничителей исчезли. Как авторское право. Как привычная система денежных расчётов. Как нефтяная экономика. И на всё про всё — хватило пары гениев, скачка биотеха и нескольких хороших парней. По крайней мере, новый миф и новые легенды говорили именно об этом. Потому что именно такие рассказы сюда включили. Например — тот же Троян. Но Троян ещё и говорил: не важно, что истинная правда. Важно — что правдой считают.

А правдой стали импланты третьего поколения и открытые алгоритм-пространства сим-миров. Как сказал один человек в конце прошлой эры, мы не создаём миры, мы их творим. Вбрасываем сюжетные схемы в пространство коллективного бессознательного — и глядим, как прорастают кристаллы.

И тогда же вспомнили старый девиз, давший контурам нового мира определённость. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был господином?»

Господа, впрочем, раз за разом находились, являясь из ниоткуда и так же быстро исчезая в никуда. Не их время. «Пока» или «никогда» — оставалось неясным.

А ещё стало ясно: человек — никогда не конец и не начало этой цепочки. Никогда не был и никогда не будет. В этих водах плавают монстры куда большие и ужаснейшие. В эти воды может сойти бог. Или — бог может из них выйти.

Мы же, человеки, — всего лишь играем. То есть — живём.

* * *

Луна сияла бело и беспощадно: пятно на полу было словно врата в другой мир. Затем быстрая тень встала перед окошком, и врата захлопнулись: только рыжая ржавчина посыпалась с петель.

Трудней всего оказалось растолкать Ангуса эп Эрдилла, мага: «красный» был совсем зелёным с лица после вчерашних братин, и пришлось накладывать простенькое слово и чистить регистр — насколько Арцышеву удалось (а удавалось всё хуже и хуже; Арцышева это крепко напрягало). Наконец Ангус эп Эрдилл сел на постели, обвёл их мутными, но отчаянно трезвыми глазами.

— Но пинту вы мне теперь всяко должны, — сказал хрипло.

Именно эльф вчера, когда их гостеприимный хозяин наплясался, подошёл неслышно и вбросил:

— Кроах ас-Сотер недавно посещал замок Каэр Лок в Каэд Мюрквиде, в Тусанте. И кого-то оттуда привёз, какую-то девчонку, а сам — изменился, хотя я и не понял, как именно. Люди, отправившиеся с ним, не вернулись. Об этом не говорят, но укрыть свои мысли от мага Красной

Ветви могут немногие. И вот я говорю: он посетил замок Каэр Лок, а остальные теперь — боятся. И боятся, как ни странно, не его, не барона, не изменённого.

Стрый поглядел на Арцышева, тот сосредоточился, дёрнул плечом:

— След, ага, — сказал. — Тут вот что интересно: остальные фигуранты в том замке точно не бывали — я проверил, замок проявился в симе совсем недавно, просто б не успели. Но! Это же тот самый новодел, ребятки. Так что — придётся щупать.

И чувствовалось, что уж это-то совпадение Арцышеву совершенно не нравится. Попахивало оно серой, а не кровавым поносом, что было бы несколько привычней.

И вот теперь они вышли на разведку. Ткнуть палкой в осиное гнездо и поглядеть, что случится.

(«Знаешь, — спросил Арцышев позже, лёжа у форта Видорт, меж ломкими чёрными кустами, когда ничего уже было не изменить, — чем там занимаются, в таких новоделах?» — «Колдуют небось», — сказал Стрый. «А что значит — колдовать здесь?» — не унимался Арцышев и только бледно усмехнулся, когда Стрый хлопнул себя по лбу. «Осталось узнать, куда они денут такое количество агнцев и как поступят с козлищами», — сказал. Идея о чём-то подобном была старой, только Стрый не помнил, чтобы её хоть раз отыграли всерьёз. Точно так же раньше болтали, что в симах отрабатывают психотехники глубинной корректировки поведения. А ещё раньше — что здесь есть сим-тюрьмы для социопатов. Обычный трёп, вроде баек о «чёрном сервере» — так он всегда считал. А потом Троян предложил им то, что предложил.)

Ночью жилище Кроаха ас-Сотера выглядело мрачнее некуда. Отчаянно хотелось стряхнуть наваждение и оказаться в реале — вот только уверенности, что — реал, а что — сим, уже не было.

И снова выползали сомнения.

Для них, привычных, казалось, почти ко всему, это оказалось серьёзной проблемой. Сим-мир обостряет пики логичного и нелогичного; он всегда — как остриё меча, всё в нём «да-да — нет-нет», случайностей здесь куда меньше предопределенностей. В полусгнившем сундуке в пещёре, где ты случайно укрылся от непогоды, обнаруживается древняя карта сокровищ твоего рода, а группа искателей приключений всегда выходит к цели в тот единственный день, когда дрозд укажет вход в тайный лаз. Именно потому сим-личности — как, кстати, и «шкурки» — почти не ведают сомнений. И то, что их — всех четверых, вместе с Ангусом эп Эрдиллом, — так теперь корячило от неуверенности в себе и своих действиях, не могло не настораживать.

Учитывая же слабый информационный шлейф, на который наткнулся Арцышев, тот самый, по которому они и намеревались теперь пройти, задача не становилась проще. «Не бывает такого, — сказал Слон, когда Арцышев кинул внутрь, что наскрёб. — Просто не бывает».

Но след был: уводил к левому крылу замка, на подземные уровни. И туда-то они теперь и собирались прошмыгнуть.

За дверью, ведшей на галерею, вдруг заскрипело, затрещало: будто там крался чугунный, чёрный от окалины божок. У Слона, который стоял у окна, от таких звуков свело короткой судорогой плечи.

Однако в коридоре никого не оказалось — только плавал над ступенями лестницы лёгкий зеленоватый отсвет: будто гнилушки раскрошили в воздухе. Не было никого ни на лестницах, ни в переходах, словно замок не просто уснул, но вымер. (Арцышев, впрочем, обронил, что за дверьми, в цифре, чувствуются люди — но не то спящие, не то одуревшие после пира; эльф мрачно кивал, соглашаясь.)

Пока сходили вниз, казалось, что спину им сверлит недобрый взгляд, но крепость стояла в паре дней от пущи друидов, определявшей судьбу здешних земель вот уже несколько столетий, и потому ничего удивительного в та-

ких ощущениях не было. Позже они разве что удивлялись, что учуяли тогда вообще хоть что-то; и прикидывали, что не будь с ними Ангуса эп Эрдилла, всё, наверное, сложилось бы по-другому. Но Ангус эп Эрдилл — был, и Стрыю оставалось только снова и снова спрашивать, в чём здесь причина, а в чём — следствия.

Ангус эп Эрдилл, шедший впереди, остановился и поднял ладонь: кровью пахнет, произнёс он отчётливо внутрь группы. И тут же, не дав им удивиться, в тенях вздохнули, переступая с ноги на ногу. Двое. Кнехты. И — вовсе не кнехты Кроаха ас-Сотера.

— А ещё говорят, что на западных склонах видели короля-оленя, — сказал один, а второй шумно вздохнул. Почесался, погромыхивая оружием.

— Не нашего ума дело, — сказал наконец. И добавил: — А нашего ума — стоять и ждать. Только вот как-то боязно здесь.

Голос второго был — на слух — изрядно старше голоса первого.

Стрый оглянулся на эльфа, и тот сосредоточился, вытянулся в струнку и исчез. Тотчас внизу приглушённо лязгнуло, зазвенело о камень железо.

— Можно, — выглянул из ниши Ангус.

Оба воина теперь сидели, приваленные к стене. Арбалеты прислонены к камню, шлемы сбились. У того, что постарше, с уголка рта свисала ниточка слюны.

Темерийцы, присвистнул Стрый. Бля, отозвался Слон. Вздохнул. Работаем? — спросил ещё. Какой риторический в своей бессмысленности вопрос, ответил Арцышев — неожиданно зло. Потом, пожалуй, я расспрошу вас, милсдари, как такое у вас получается, хмуро проронил — тоже внутрь — Ангус эп Эрдилл. И тут же принялся набрасывать план: куда и как идти.

Коридор раздваивался: влево вёл короткий отнорок, и каменные плиты до самой приоткрытой двери измазаны были кровавыми пятнами. Оттуда тянуло смертью, и за-

глядывать внутрь совершенно не хотелось. Прямо же и чуть вниз уводили волглые стены с бородами седого мха — даже странно, сколько и откуда такое взялось. Когда к нему приближали пальцы, мох шёл медленными волнами, но не в стороны, а к центру, словно намереваясь прихватить неосторожную ладонь.

Коридор заканчивался кованой дверкой в три четверти человеческого роста, накрепко, как на глаз, впаянную в каменные глыбы стены. Три полосы светлого металла бежали в нижней её части, и угадывались на них руны Старшей Речи, причём даже не эльфийские, а краснолюдовы.

Ангус эп Эрдилл уже сидел у той двери: нагнувшись, вёл руками, не приближая их слишком близко.

— Там что-то есть, — сказал. — Что-то... Нет, не пойму. Незнакомое.

— Ну-ка, — Слон присел рядом, смело (слишком смело, подумалось Стрыю, но Слон только отмахнулся небрежно) положил ладони между светлыми полосами.

Дверь скрипнула и отворилась внутрь.

Было это так неожиданно, что Яггрен Фолли, прозванный друзьями и родичами-краснолюдами по когдатошнему дурному молодому делу Звоночком, не успел среагировать и, не поймай его эльф, кувыркнулся бы вперёд головою.

(Момента перехода Стрый опять не уловил, да и не старался, если честно; было странно, что Слон вообще продержался так долго — обычно кризис вызревал быстро, и он перекидывался в несколько первых часов.)

А из-за распахнувшихся дверей выкатилось: мохнатое, приземистое, раскоряченное. Лязгнули о нагрудник Звоночка когти — тот не успел даже отмахнуться, опрокинулся на спину. Но две тонкие, раскалённые до солнечной желтизны нити захлестнули тварь, та взвизгнула, пахнуло жжёной шерстью и горелой плотью. Топор Яггрена Фолли с хрупаньем врубился боболаку в спину, сразу за кудлатой головой.

Наверное, на дверь наложено было что-то ещё, какое-то скрадывающее звуки заклинание: впереди и внизу раздавались теперь крики и лязг стали.

Вперёд! — скомандовал Стрый. Сыгранность группы сделалась почти неимоверной, восьмируким и четырёхголовым существом скатились они ступенями в самый низ, где за лестницей коридор расширялся в круглый зальчик (ломаная мебель, пара чадящих факелов, трупы под стеной — человеческие, в цветах барона, и другие, с серебряными нитями по чёрно-зелёному шитью, и ещё боболачьи, вроде напавшей на них твари). Коридор тёк и дальше, в зал больший, где между сводчатыми арками метались тени и звенела сталь. Под дальней стеной роилось от боболаков, и из кучи их ударил вдруг рёв, который нельзя было спутать ни с чем иным. Нет, Кроах ас-Сотер не звал на подмогу — Кроах ас-Сотер, похоже, бросал вызов самой судьбе. И то, что они — четырёхголовое и восьмирукое — пришли на помощь, можно было считать актом её, судьбы, капитуляции.

Когда всё завершилось, а немногие уцелевшие воины господина барона закончили докалывать нашинкованных пластами боболаков и темерийцев, оставшихся прикрывать отход основного отряда, Кроах ас-Сотер, так и не стёрший ещё кровь с волосатых лапищ, коротко поклонился им и сказал:

— Милсдари, вам может показаться это смешным, но я прошу вашу ганзу помочь мне ещё разок.

И тогда Арцышев сказал за всех их, так и не утративших ещё боевой целостности и слитности:

— Почтём за честь, господин барон. Но и нам бы хотелось узнать чуть побольше о замке Каэр Лок и о том, что вы оттуда привезли.

Барон смерил их тяжёлым, нехорошим взглядом, потом закряхтел, сплюнул в сторону.

— Вернее было бы сказать не «что», а «кого».

* * *

Третий оказался крепче предыдущих: рычал, тряс головой, плевался, но Арцышев с эльфом насели с двух сторон, и что слабая цифровая плоть сумела бы противопоставить совместному напору программера и мага?

Потом пленник обвис, словно перчаточная кукла, оставленная манипулятором: стал лишь «шкуркой», голой плотью. А Ангус эп Эрдилл напрягся, чуть подавшись вперёд и цепляясь за колени. Лицо его сделалось багровым, словно под кожей пылало пламя.

— Спрашивайте, — сказал сквозь зубы и кивнул на Арцышева.

У того же в лице проявились несвойственные ему черты, мелкая мускулатура вокруг рта и глаз сложилась в непривычный узор, изменилось, кажется, даже дыхание, даже мелкая моторика.

Стрый этот фокус знал («линька», как называл такое Троян), но не любил. Всё чудилось потом, что на него глядит не совсем уже Арцышев — насколько бы это «совсем уже Арцышев» сохраняло смысл, имея в виду его, Ара, обстоятельства.

Кроах ас-Сотер присел, почти явственно скрипнув коленями, вгляделся в лицо новому, изменившемуся Арцышеву. Оглянулся на Стрыя. Хмыкнул.

— Зачем вы её похитили? — спросил.

Арцышев ухмыльнулся: коротко и страшно.

— Ты взял то, что тебе не принадлежит. Что не может принадлежать тебе.

Кроах ас-Сотер сжал кулачище. Хрустнули суставы.

— И никому другому, — проворчал.

— Но ты — взял.

Барон посидел, тяжело дыша. Сжимал и разжимал кулаки.

— Кто вас послал? — попробовал снова. — Фольтест?

— Фольтест нас не посылал. Мы вызвались сами.

— Куда её повезли?

— Думаю, на Видорт. Не знаю точно.

— Там же одни руины.

— Там устроен лагерь.

— Зачем вам в Видорт?

— Мы должны встретиться с остальными Братьями.

— А после?

— Междуречьем Хотлы и Травы на Марибор. Там, в эльфьих подземельях, вроде бы недавно нашли что-то важное. Что-то, куда мы и должны доставить...

— С-суки, — процедил барон. Тяжело повёл головой.

— Но ты не спросил ещё одного, — сказал вдруг Арцышев всё тем же чуть сдавленным голосом. Тем же, но каким-то другим, едва-едва, но изменённым.

Стрый встрепенулся и стал слушать внимательней.

— И чего же?

— Кто мы такие.

— И кто вы такие?

— Те, кто знает, что ты нашёл в замке Каэр Лок.

— Этого не знает никто, — тряхнул Кроах ас-Сотер головой.

— Потому что ты убил всех, кто был там с тобой?

— Потому что все они остались там.

— Они живы?

— Это не имеет никакого значения. Уже — не имеет.

— Они могут вернуться?

— Если он захочет. И если захотят они. Но они — не захотят.

— Почему?

— Потому что теперь они служат.

— А тебе они не служили?

— Этого не сравнить.

— Зачем же ты забрал оттуда ее?

— Она сама попросила меня.

— И зачем?

— Она мне не говорила.

— Но как ты думаешь?

— Думаю, она хотела увидеть, как живут другие люди.

— А он, тот, к кому ты ездил в замок Каэр Лок, он остался там?

— Да. Но ему нет нужды куда-то идти. Скоро он будет с нами везде.

— И как же его называют?

— Его называют по-разному. Едущий-в-Тумане. Зиждетель Вселенной. Питающий Истоки. Второй Сущий.

— Интересные имена.

— Это — всего лишь имена, ничего большего.

— А как бы назвал его ты?

— Бог.

— Я досчитаю до трёх, — сказал Арцышев, — и ты очнёшься. И не будешь помнить, как отвечал на мои вопросы — запомнишь лишь свои ко мне. Раз. Два. Три.

Слон задел ногой шлем, и тот загремел по каменному полу. Кроах ас-Сотер встрепенулся и заозирался, словно вот-вот только очнувшись ото сна. И где-то так оно и было: хитрец Арцышев, похоже, сумел выжать из ситуации максимум.

«Братство Белой Розы, темерийцы, полурелигиозный орден, — развёртывал между тем перед ними выцеженное — выдавленное — из поддавшегося налётчика Арцышев. — С Фольтестом не связаны — по крайней мере напрямую. Здесь был отряд братьев (в смысле родственников) Борлахов, Петера и Богарда по прозвищу Косоротый. Те самые, из корчмы. За чем они пришли — отцедить не могу. Барон зовёт это «ею» и считает живой. Остальное вы слышали».

Так они и узнали: в замке Каэр Лок барон повстречал бога. Оставалось решить, что с этим знанием делать.

Но сперва надо было догнать темерийцев. И теперь — не потому, что об этом попросил Кроах ас-Сотер. Вернее, не только потому.

* * *

Бог — это отсутствие выбора, говорит Арнольд ван Гаал. Он, Арнольд, бледен, рассеян в движениях, обведён по челюсти не щетиной даже — тенью щетины; в ночном налёте людей Братства Света у него погиб слуга, а второй — был сильно ранен. Стрый так и не понял, для чего доктор увязался за ними. Вернее, не поверил, хотя для логики сим-мира желание доктора гонорис кауза увидать развалины эльфийских подземелий в Мариборе — учитывая двигающие оным доктором идеи Двух Волн — звучало куда как естественно. Бог — это отсутствие выбора, говорит Арнольд ван Гаал и крепче вцепляется в луку седла. Это высшая предопределённость. Это конец свободной воли человека. Если есть он — создатель мира, давший тому закон и сообразность, то что в этой законности и сообразности остаётся человеку? В чём его воля и в чём его самость? Разве что в стремленье ко злу. И вот уж не хотел бы я стать свидетелем такого бога и такого выбора человека.

А если мир — не результат, а исток? — спрашивает Кроах ас-Сотер. Он хмур и сосредоточен, и даже борода его торчит вперёд без обычного задора. Если то, что мы называем «бог» — всего лишь финал запутанной драмы, а то и комедии? И все мы, что пляшем на этих подмостках, люди, эльфы, краснолюды — все мы лишь ступени к чему-то большему. Или просто — к чему-то идущему нам вослед. Что, если вся предопределённость именно в том и состоит, чтобы из переплетенья судеб нас, живущих, возникла сущность высшего порядка? Что, если бог — это будущее?

Будущее? — холодно усмехается Ангус эп Эрдилл. Значит, вся история упадка великих цивилизаций Старших Народов под напором новых пришлецов, многочисленных и жадных людишек, всё превосходство которых — в неограниченной временем и природой плодовитости их самок и в жадности и жестокости самцов, вся трагическая исто-

рия непонимания, гибели и смерти рас несказанно более мудрых — всё это лишь комедия положений, выводящая на сцену... кого? существо ещё более человеческое во всех сомнительных проявлениях этой человечности? существо, стало быть, сверхчеловеческое? Тогда я скорее предпочту поверить в упадок как в двигатель мира, и пусть бог тогда окажется лишь компенсацией всем слабостям человеческой натуры. Так сказать, победитель, который, увы, получает всё, пусть даже победа достаётся ему количеством, а не качеством.

Вы, эльфы, бурчит Звоночек, слишком привыкли кичиться своим превосходством в возрасте и своим превосходством в магии. То-то вас вставило, когда пришли люди и оказалось, что не одни Долгоживущие горазды на магические штучки! А мы, кто кропотливо подрывает корни гор, кто знаком с трудом ручным настолько же хорошо, как и с трудом умственным, мы сказали бы так: бог — это упорство, неизменность в изменчивости. Медленные ритмы, меняющие лицо земли, — уйдём мы, уйдут эльфы, даже время людей завершится холодом и Белым Мором, а земля не заметит этого, и руины городов порастут вереском, и на камнях фундаментов взойдут молодые деревца, и новые существа займут освободившееся место: может — боболаки, может — крысы. Мы все отчего-то помещаем в центр мира самих себя, но там всегда находится именно мир и ничего больше. Бог — равнодушен и холоден к нашим потугам.

Вы просто не видели — его — ее — их, почти стонет, не разжимая губ, Кроах ас-Сотер. Вы просто не видели. В мире просто нет такого совершенства, не с чем сравнить. Вся магия мира не способна на такое. Так что же, спрашивает Арнольд ван Гаал, что же, магия — шаг к божественному совершенству? Или, может, она — просто костыли, которые нужно отбросить, чтобы переступить порог? Порог, ворчит Ангус эп Эрдилл. Да нет никакого порога, что за глупости. Не бывает движения только вперёд или на-

зад. Жизнь — вечное кружение, зигзаги, возвращения и пляски на месте. Вы, живущие коротко и быстро, просто не успеваете этого заметить. Жизнь — повторение нескольких сюжетов, движение по кругу, вариации неизменного. Если это не доказательство сотворённости нашего здесь и сейчас, нашего мира — и любого другого возможного из миров, — то я даже не знаю... Повторяемость как признак сотворённости, тянет Стрый (потому что нельзя, невозможно, нереально удержаться и не сказать, промолчать). Даже не смешно. Просто нашему персональному сумасшествию необходима площадка договора с сумасшествиями других. А то, что повторяется, — легче становится привычкой. То, что становится привычкой, — стремится к воспроизводству. Мы просто так видим, такова особенность нашего восприятия. А бог — окажись он сущим — проявлялся бы, думаю, именно в разрыве привычного, в изменчивости, а не регулярности. Бог — это несовпадение. Тем более, если... — и замолкает, понимая вдруг, что значит это его «если».

А Арцышев молчит, потому что уж он-то — точно знает, что такое бог в сим-мире.

Бог — это хаотическая система с непредсказуемыми пиковыми флуктуациями: нечто, чья логика превосходит наше понимание.

* * *

— Нильфы, — проскрипел Яггрен Фолли.

— Этого только не хватало, — господин барон забрал бороду в горсть, подёргал задумчиво. Похоже было, что ожидал он увидать здесь кого угодно — но только не солдат в чёрных плащах.

И Стрый его понимал: в сим-логике «Сапковии» совместные действия отрядов из двух вражеских стран на территории, лежащей между вольными городами краснолюдов и лесом Брокилон, были не то что невозможны,

но — сомнительны. Слишком серьёзными могли бы оказаться последствия такого для раскладов в сим-политике. Хотя...

И в этом его «хотя...» была вся проблема.

Нильфгаардцев — человек пять. И до десятка северян. То есть два к трём, когда дойдёт до дела. Нормальный расклад. Если, конечно, позабыть о боболаках в подвалах замка. И если, конечно, позабыть, что с людьми барона им, четверым, по пути только до момента, пока не станет ясным, что именно Кроах ас-Сотер обрёл в замке Каэр Лок. И — зачем это «что именно» понадобилось темерийцам, а теперь ещё и Нильфгаарду.

Тогда-то Арнольд ван Гаал и предложил свой план, а барон посмотрел на него, прищурившись.

— Вот уж не думал, — сказал наконец, — что чернильные душонки такие вот крепкие ребята. Как ты верхом-то ездишь с такими яйцами? — и тихонько заржал, тряся бородою.

Но с планом согласился.

А доктор гонорис кауза дал им немного времени перед тем, как выехать — в одиночестве — на тропинку, ведущую к обомшелым развалинам старого форта Видорт, сожжённого поколение назад, в Великую Войну.

Он поехал тропкой, а пятеро баронских людей зашли низиной, со стороны старых вырубок. Барон же, сам-второй, со старым жилистым капитаном надомной стражи и вместе с ними четырьмя — пошёл поверху, где крепкие молодые деревца и сплетенья кустарника подбирались под самый пролом в прогнившем частоколе.

Дорога отсюда, сверху, просматривалась будто на ладони, но почти невидными оставались остатки строений форта в глубине подворья.

— Серебряный медведь, — пробормотал вдруг Кроах ас-Сотер. — Командир сотни, выходит. И что же, их всего пятеро? Слабо верится. Как бы не встрять нам носом в говно, милсдари.

И ткнул пальцем в высокого нильфгаардца, что переговаривался тихонько с другими чёрными в проёме ворот. На наплечнике его и вправду серебрился медведь.

Стрый вспомнил, как Троян, вводя его в обстоятельства дела, поинтересовался мельком, в курсе ли его подопечный, как география сим-мира накладывается на мирноль. «Симы ведь, Лёша, — говорил, глядя мечтательно куда-то за голову Стрыя, — симы — это такая штука, с которой легко стать Даниилом, Нострадамусом и фатимскими пророками в одном флаконе — главное, знать, куда смотреть. Ты заметил, как наши северные соседи снова вцепились в старое словечко «держава» — на уровне разговоров за жизнь, фенечек и детских своих секретиков? Забывая, кстати, обо всём этом нынешнем социал-анархизме. А симы — всегда чувствительны к тонким токам. Мне недавно мальчики делали выборочную статистику по нескольким параметрам... Есть там, в «Сапковии», такая страна: Нильфгаард. Проигравшая империя, рвущаяся на части после смерти гениального самодержца. Так вот: две трети воплощений её «шкурок» — на наших северных соседях. И вот и пойми: то ли очарование зла, то ли что-то такое бродит в головах и по земле... Представляешь, — сказал, — если докрутить к такому обратную связь?»

Говорил Троян с ухмылкой, как о чём-то необязательном и без малого смешном. И только теперь какие-то колёсики вдруг провернулись, куски мозаики соединились, сделались видны тонкие, почти незаметные струнки, общая картинка вдруг выплыла из туманного небытия не отдельными частями, а во всей своей сложной сопряжённости. Казалось, вот-вот — и он (они!) сумеет ухватить что-то важное настолько, что...

— А ещё не вижу нигде этих сучонков, Борлахов, — сказал вдруг Кроах ас-Сотер и сплюнул себе под ноги.

Сейчас, сказал Ангус эп Эрдилл, а Арцышев аккуратно шевельнул пальцами, фильтруя потоки.

Что ж, давайте сделаем тёмное — светлым.

— Кстати, барон, — произнёс Стрый тоном предельно легкомысленным. — А почему вы не согласись на цену, которую вам предлагали братья?

Удивление Кроаха ас-Сотера было настолько же чистым и незамутнённым, как и охватившая его — мигом позже — ярость.

— Это что ж, ты меня обвиняешь, словно я...

Капитан стражи подался вперёд, но Яггрен Фолли покачал головой и взвесил в ладони топор.

— Вот только не нужно ничего... — начал, глядя между капитаном и господином бароном, словно лесоруб на сосенку: в два ли удара сумеет срубить, или понадобится третий.

Но Ангус эп Эрдилл вдруг сказал (немо, внутрь): не он. Это не он. Это доктор.

Но было, конечно, уже поздно.

* * *

— Да ты... — задёргался Кроах ас-Сотер, и ниточка кровавой слюны повисла в бороде.

— И всё же я надеюсь, господин барон, что вы поймёте мои резоны. Знаю, что не простите, но — поймёте.

Темерийцы затащили на заросшее травой подворье последнего из пяти бароновых людей, посланных низом, под противоположную сторону частокола. Из горла солдата торчала, чуть покачиваясь, арбалетная стрела: влево-вправо, словно безумный метроном. Интересно, здесь есть метрономы? Не о том думаю, оборвал он себя (или кого другого? Арцышева? Наверное, Арцышева, ведь откуда о метрономе знать Яггрену Фолли по прозвищу Звоночек?).

Нильф-офицер стоял, заложив ладони за спину, и делал вид, что ему совершенно безразлично, о чём говорят предатель и преданный. И ещё — Стрый чувствовал это очень отчётливо — офицер был взбешён бегством Ангуса эп Эрдилла. Учитывая же, что двое из его «чёрных» были

эльфами, Стрый почти видел мороки подозрения, встающие в душе сотника.

Ну и шестеро мёртвых — двое нильфов и четверо кнехтов Белой Розы — нисколько не поднимали его настроения.

— ...просто, — продолжал Арнольд ван Галл, словно ничего и не произошло, — просто, и я в этом уверен, только в Нильфгаарде и возможно найти подтверждения моей теории. А если я сумею доказать, что человеческий род прибыл в мир раньше прочих Старших Народов, если теория Двух Волн верна... И мне пообещали: я помогаю с девочкой — они помогают мне.

— Да вертел я твои резоны, — рыкнул Кроах ас-Сотер. — И тебя самого вместе с твоей мамашей-потаскухой, чтоб её и в посмертии пользовали во все те дыры, что и при жизни!

Самым скверным было то, что эльфийского мага Стрый не ощущал. Может, и вправду шальная стрела?

Борлах Косоротый подошёл поближе к барону и отвесил ему пощёчину: тяжело мотнулась кудлатая голова.

— Я ведь говорил тебе, милсдарь барон: нужно соглашаться на предложенную цену.

Повернулся к нильфгаардцу.

— Кончаем?

— Вот же вы, северяне, дикий народец, — покачал тот головой (смешной у них акцент, подумалось Арцышеву сквозь звон в ушах). — К тому же, господин Борлах, вы, кажется, только сегодня жаловались на проблемы в общении с... сами знаете кем. На вашем месте я бы попытался использовать представившуюся возможность более... экономно. Кстати, где она? Полагаю, имело бы смысл привести девочку сюда.

Старший Борлах кивнул одному из своих кнехтов: тот нырнул за уцелевшую стену в глубине форта. «Чёрный» между тем всё смотрел, не отрываясь, на Кроаха ас-Сотера.

— Вы так ничего и не желаете мне сказать, милсдарь барон?

— С тобой, нильф, мне говорить неохота. Мало, что ли, мы вас били да резали?

Сотник склонился к барону.

— Уверяю вас, милсдарь Кроах, это ненадолго. Мы ведь тоже прекрасно понимаем, кто именно оказался в ваших руках. И чем она может стать — и для нас, и для ваших стран.

Интересно, подумалось Стрыю, а он-то что думает о сущности бога? Тьфу ты, откуда вообще эти мысли и эти разговоры в стране, где богов давно и плотно заменила магия? Что за сюжет, почему он завязывается исключительно на новоделы? Да ладно тебе, утешил его Арцышев, палец ведь — на кнопке, если нам повезёт, сдёрнем, хотя бы глазком глянув на то, за чем приходили. Или — если не повезёт, сумрачно проворчал Звоночек (ему досталось крепче прочих: конституция краснолюдов всегда склоняла людей применять чрезмерную силу).

Нильф же повернулся к ним — словно подслушав.

— А вы, милсдари, как оказались в такой компании?

— Да ветром придуло, — произнёс, ухмыляясь окровавленным ртом, Яггрен Фолли. Похоже, нильфгаардцев он не любил почти так же сильно, как и господин барон.

— Краснолюд, якшающийся с эльфом. Не часто такое встретишь. А ещё, знаешь, — произнёс сотник, доверительно склонившись к Звоночку, — братья Борлахи очень желали бы потолковать с тобой наедине.

— Да наедине со мной они и руку себе в ширинку запустить не смогут, поверь, уж я-то знаю. Я их в выгребной яме видывал разок — жалкое зрелище, — осклабился краснолюд снова, и Кроах ас-Сотер грохнул, не сдержавшись, смехом и тут же застонал от боли в сломанных рёбрах.

(Пластичность сим-мира, то, как плотно встраиваются в него переброшенные, интрузы в сменной шкурке сим-

атрибуции, поражало; но куда более поразительными были выстраиваемые — постфактум, задом наперед — объяснения поступков сим-субъектов: отчаянная жестокость Борлахов при нападении на баронов замок становилась теперь, когда макнувший их в говно Слон превратился в краснолюда с развесёлым прозвищем Звоночек, лишь актом мести тому, кто приветил оскорбителя-нелюдя; то, что было до некоторого предела извинительным для человека, теперь требовало немедленного — и преувеличено жестокого — наказания. Но по-настоящему дёргало то, что двое из них четверых в этом сим-мире со вплетённой в повседнев ноткой расизма оказались как раз расовым меньшинством: это-то никак не могло быть случайностью.)

— Вы очень смелы, милсдарь краснолюд, — в свою очередь растянул губы в улыбке нильфгаардский сотник. — Просто нечеловечески смелы.

— Таков уж, видать, удел нас, нелюдей, — быть нечеловечески смелыми.

Эльфы из отряда сотника смотрели на них, не мигая.

Звякнула уздечка лошади. Где-то за обомшелыми стенами закашлялся и смолк, словно поперхнувшись, кнехт Белой Розы — посланный за загадочной «нею». Подул ветерок — неожиданно припахивая гарью, хотя, казалось бы, через столько-то лет после войны...

Потом нильф, всё так же внимательно глядя на Звоночка, распрямил пальцы и повёл ими в воздухе, словно разминающий пальцы пианист. Всё же соматика впрессовывается намертво, что ты ни делай, мелькнуло в голове Стрыя. Вот только соматика эта была — из другого мира. А значит, и нильфы, и ночной налёт...

— Твою же мать! — произнёс с чувством Арцышев — и, кажется, вслух.

Сотник поднял на них растерянный взгляд.

Из-за горелой щелястой стены вышла девочка лет десяти... (нет, не девочка, «девочка» было лишь кажимостью, оболочкой, сим-шкуркой, как сим-шкуркой был каждый

из них); оттуда выплыло... Стрый растерялся, не зная, как назвать то, что видит. Звезда? Но свет её был живым, а сама она, казалось, медленно меняет форму, будто выворачиваясь всякий миг наизнанку: снова — и снова — и снова — и снова.

Нельзя было отвести взгляд.

— Хоп! — сказал Арцышев, широко разводя связанные миг назад руки.

Дальше всё случилось почти сразу.

Выстрелило огнём дерево справа от просевшего частокола. Один из двух эльфов в чёрном доспехе переломился, словно марионетка с обрезанными ниточками, свалился бесформенной чёрной кучей. Из загривка его торчала арбалетная стрела. Заржали кони — много, больше десятка. Звякало железо. Младший Борлах присел, рот, оттянутый вниз шрамом, перекосило ещё больше. Кроах ас-Сотер задёргался, пытаясь освободиться. Позади девочки — звезды — невозможного — нечто — встал Ангус эп Эрдилл, протянул вперёд руку, собираясь прикоснуться...

...над развалинами форта — сразу, вдруг, стеной — встал туман, мгла, пелена, но словно иссечённый свивающимися в косы и полосы, будто вывернутыми наизнанку солнечными лучами. Причём казалось, что солнц несколько. И, одновременно, что — ни одного, что мир не просто затянут пеленой, но что пелена эта теперь — весь их мир.

Уходим, обронил он в эту пелену, ощущая, как шевельнулся Арцышев, как выпрямляется во весь рост Яггрен Фолли, как Ангус...

Потом обрушилась тьма, и не стало ничего.

* * *

То, что на первый взгляд кажется лишь тьмой, имеет структуру: оно пронизано мириадами нитей, и каждая шепчет, поёт, шелестит, рассказывает истории, любую из которых стоит выслушать. Но останавливаться нельзя:

только вперёд, вниз, скользя между плоскостями тьмы и кружась в хороводе шепчущих нитей. Здесь нет памяти, однако есть всеведенье. Здесь нет слов, однако мир уступает силе твоей мысли; кажется, его можно лепить, словно горячий воск: вот волк, вот сосна, вот ворон. Здесь ничего не помнят, но и ничего не забывают. Здесь ты чувствуешь себя уместным именно потому, что ты — гость, странник, и стоишь, опираясь на посох. Здесь месса стоит царства, царства превращаются в танец пыли на свету, а слова утрачивают смысл, чтобы стать нитями, пронизывающими темноту. Здесь нельзя сказать: «я есть!», потому что некому такое услыхать. И здесь нельзя промолчать, потому что тот, кто молчит, — не существует (и не «пока», а «навсегда»).

И вот ты, утративший имя и суть, но обретший глубину и понимание, падаешь и возносишься всё ниже и глубже, паришь, обрушиваясь снизу вверх, и последняя преграда — всегда только ты сам.

Тебе не выйти за эту преграду, не одолеть её, не разрушить. Не стать выше. Но — как нашёптывают нити, память и всеведенье — можно сбежать. Любой может сбежать. Нужно только сделаться другим. Изменить: себя или мир. Не просто скатать в тугой горячий восковый шар, не просто сменить маску, одежду, лицо, но изменить и измениться. Сотворить заново — мир или себя. Обрести новую форму и обжечь её в печи, выжигая бывшее и переплавляя возможное. Но как назвать того, кто смог бы такое сделать? Бог? Демиург? Творец? И — нужно ли становиться богом и творцом тебе лично, или достаточно — падая и возносясь — подслушать, подсмотреть, ощутить: как гремит его пульс, как скользят под кожей и в костях слова, ещё не ставшие местом и временем? И так уж оно выходит, что здесь, в безвременье, в шепчущей свои истории тьме, между волком, вороном и сосной, ты сможешь повстречать бога.

Бог мерно дышит, бог хлопает в ладоши, бог говорит: голос его отчётлив, а от его песен кости рассыпаются пе-

ском и красное становится зелёным. Песни его не значат для тебя ничего, но ты прислушиваешься, стараясь запомнить: может — слово, может — знаки, может — мелодию; столько, сколько сумеешь. И от каждого услышанного слова перед тобой, внизу, в невообразимой дали, в точке, где солнце встречается с облаками, меняется мир: густеют вены рек, встают дыбом волосы лесов, хрустят, изламываясь, кости гор. И ещё там проявляются люди, много людей. Они стоят, будто куклы, но то один, то другой вдруг оживает, пускается в пляс и в путь, совершает поступки и прыжки, и когда люди оживают, с этим ничего уже не поделать, как не поделать со своею собственной пяткой, или локтем, или затылком.

А люди вдруг поворачивают свои лица к небу, к солнцу, к тебе, парящему в глубине божественного разума, и лица их словно пульсируют, меняясь, задавая некую мелодию, и нужно поймать ритм, поймать то движение, что делает мир — миром. И вот если это удастся, тогда многое займёт новое место, а многие со своих мест уйдут. И останется лишь понять — кто и зачем сказал то самое слово.

Но слово — звучит, оно ширится, оно охватывает всё бывшее и ставшее, всю явь и навь, все миры и всех насельников, всех людей и всю материю мысли, и движений, и поступков — и ты становишься, и осуществляешься, и делаешься сущим; и ты есть.

Теперь — есть.

* * *

Пелена рассеивалась.

Вот он разлепил глаза и понял, что лежит в траве: пыльной и высушенной летним солнцем. Солнце тоже было здесь — вернее, там, наверху, повиснув в небе золотой расплавленной монеткой. Солнце было настоящим.

Наверняка их выкинуло в реаль, и теперь они где-то неподалёку от Козыча: в игровой зоне, но целые и здоровые.

Интересно, подумалось вяло, Ангус успел прихватить артефакт? В том, что им попался именно артефакт, о котором когда-то — когда же? — давным-давно — говорил Троян, Стрый не сомневался. Сейчас вообще всё казалось таким ясным, таким отчётливым, таким... Вплоть до того, что именно этот артефакт и был ответственен за исчезновение всех тех, информацию на которых закачивал в него Троян накануне их инфильтрации. И за блэк-аут в Скандинавии. И за вымирание карликовых пингвинов. И за...

Надо же, подумал он, тяжело перекатываясь на спину и раскидывая руки крестом, надо же, мы нашли настоящий артефакт. Система, которая производит систему, причём далеко за рамками всего того, что мог бы придумать для неё человек. Пора, как видно, устанавливать контакты третьего рода: мол, хай, братья по разуму.

Стрый захихикал и хихикал ровно до того момента, как над ним склонилось лицо: заросшее, с запутавшимися в бороде завязками шлема и с кривым, плохо сросшимся шрамом через всю щеку и нос.

— Живой, — сказал человек. — Эй, сотник, этот тоже живой!

И, коротко замахнувшись, ударил Стрыя в голову кованым сапогом.

* * *

— А подвалы у них — дрянь.

И это тоже было правдой.

Удивительно не то, что их не выбросило в реал: они не чувствовали теперь и сима, оставшись при том самими собой. Это было невозможным — но было же.

По всему, проклятое место, чего уж там. Новодел. Куда шли — туда и попали.

И ещё: Стрый никак не мог восстановить в памяти события в Видорте, то, что случилось, прежде чем люди Подменыша ворвались в форт и повязали их всех, правых и

виноватых. Он помнил, как они крались к развалинам. Помнил цвет неба в просветах наверху. Помнил Арнольда ван Гаала, доктора гонорис кауза и херова иуду. Помнил сотника-нильфа с серебряным медведем на оплечье. Но потом был даже не провал: глухая гладкая стеклянная стена. Непрозрачная притом.

И что-то росло у него внутри, какая-то... искра? промельк? дыхание?

Нет, не понять. Не понять.

— О, — сказал Арцышев. — Крыска...

Красный маг, высокий эльф Ангус эп Эрдилл скривился с отвращением и швырнул во вставшую столбиком крысу пучком соломы. Крыс Ангус эп Эрдилл не любил.

Та, впрочем, проигнорировала человека, высокомерно потрусив к хлебному огрызку посредине камеры. Встала на задние лапы, подёргивая мордой. Посыпались крошки.

Ангус эп Эрдилл заскрипел зубами и отвернулся: эльфийская, да и любая другая, как подозревал Стрый, магия оставалась здесь недоступна — что-то там со стенами, какое-то старое заклятие. Оставалось надеяться лишь на Яггрена Фолли: в подземелье их было трое, без краснолюда, что давало маленький шанс, что взявшие их реданцы сплоховали. Это, конечно, если считать шансом возможность вырваться из виртуальной тюрьмы прямиком в виртуальный сим-мир. Впрочем, упование — основа симмиров. Чудо, которое случается здесь и сейчас. Потому уповать можно всегда. На Звоночка. На Трояна. На кавалерию из-за холмов и волшебный серебряный рожок.

Вот уж дурацкая размерность сим-сюжетов: всегда что-то должно в подземельях начинаться, а что-то — заканчиваться.

Хуже было другое: Стрый чувствовал, как плывёт сам контекст: ещё совсем недавно чёткие и прозрачные названия стран и имена, за которыми стояли люди, места и события, теперь мутнели, выцветали, слипались так, что и не разорвать, не разделить. Цинтродден — Темерания —

Новигаард — Радольтест... Содденпонтарадолблатанн... Вместо них — вдруг, кусками, словно вклеенные аппликации, — проступало странное: белые плащи с чёрными крестами под жарким солнцем и над раскалённым песком, змий о семи головах, двенадцати хоботах, бесконечная ледяная стена от горизонта до горизонта. Всё это теснилось где-то ниже уровня осознания, требовало, чтобы ему дали имя и жизнь. Но это имя и эту жизнь можно было дать, только взяв, вычерпав откуда-то. Вычерпав из самого себя. Самого себя — растратив.

Я — Алексей Строев, по прозвищу Стрый, бывший «щит», «кватра», единый-в-четырёх, хороший человек, повторял он, твердил по кругу, проговаривал, делая реальное явным, рядом — моя группа, мы в сим-реальности, мы можем, мы должны отсюда выйти, это лишь видимость, программа, последовательность единиц и нулей, сюжет, то, что придумывают, то, о чём говорят. Говорят...

Говорят, в графствах, в самой глуши Старых пущ, растёт чуй-дерево. На его ветвях гнездятся семь птиц, а у корней цветут девять трав. Если сесть под его ветвями и представить что-то, что желаешь больше всего, то, если древняя кровь поёт в тебе, все становится по твоему слову.

Он закрыл глаза, представив, что сидит под тёмным обомшелым стволом, птица-ясыть сидит слева на ветви, а птица-латырь сидит справа, а у ног тянется к зыбкому свету кропарь-трава, и нужно представить, что помощь в пути, и вот-вот ты окажешься дома, и солнце...

Стрый, сказали совсем рядом. Стрый, ты это чего? Милсдарь эльф, пните-ка его. И покрепче, будьте добреньки.

Мир провернулся и больно ударил Стрыя в спину и бок.

— Лёха, — сказал Арцышев. — Ты совсем было уплыл, Лёха. То есть и в реале, и в цифре.

— Это как? — спросил Стрый. В голове всё ещё двоилось, странная пригрезившаяся реальность (или — сим?) маячила где-то на периферии не то сознания, не то зрения.

— Да как-то так, — Арцышев для наглядности прищелкнул пальцами. — И ещё... — он поколебался, но всё же продолжил: — Ещё мне показалось, что изменился код. Даже нет, не изменился — стал. Превратился. Вывернулся наизнанку.

— То есть...

— Ну я ж говорю: как-то так.

— И подтверждений, что мы — это мы...

Арцышев только пренебрежительно фыркнул. Не помню, подумалось Стрыю, он всегда был таким, с ноткой издёвки, или это результат... результат...

Ангус снова толкнул его в бедро, приводя в сознание.

— Боюсь, милсдари, мы так долго не продержимся. Я слышал о таких местах, они выпивают не жизнь — они выпивают душу. И это очень старые места, милсдари.

— Или очень новые, — проворчал Арцышев. — И я в такие совпадения не верю.

Да, подумалось Стрыю (и он всё искал — и не мог нащупать ни одного из остальных трёх своих, при том, что двое сидели напротив). Да. Исчезновения игроков, Троян, все его дары и отмычки, все его одержимости и проговорки, то, во что перекинулись Слон и Володька, барон Кроах ас-Сотер, переставший быть Милошем Богушаном, но что-то обретший взамен в замке Каэр Лок, сплетенье темерийских, реданских и нильфгаардских интересов — и их отражение в географии и политике реала, сотник-нильф с жестами сим-оператора, загадочная девочка-недевочка, и теперь это подземелье, где ты перестаёшь быть собой...

— Кстати, милсдари, а вам не кажется... — начал Ангус эп Эрдилл, но не успел закончить.

Скрипнула дверь, и через порог, чуть нагнув голову, шагнул русобородый мужчина с реданским серебряным орлом на полупанцире.

— Приветствую вас, милсдари маги, — сказал — и повёл рукою, словно разминающий пальцы пианист.

* * *

— Темерийцы. Нильфы. Редания. Кто следующий? Зерриканцы?

— Зерриканцы никогда бы...

— Милсдарь эльф, я иронизировал.

— Погоди, Стрый, я всё равно никак не возьму в толк...

— А что неясного? Мы не одни — расклад прозрачен.

— Нет, это понятно. Идея стара. Большая Игра, «играй реально», обратная связь и всё такое. Но почему сейчас и здесь? Артефакт?

— В точку. А старикан всё волновался: отчего «щиты» сидят на жопе ровно, а не роют землю.

— Милсдари, я всё равно не...

— Боюсь, милсдарь Ангус, у меня не получится объяснить вам в подробностях.

— Мне бы хватило и в общих чертах...

— Девочка, которую похитили у господина барона. Мы думаем, что она может изменять мир.

— Хм. Вторая Цирилла Чёрная?

— Что?

— Ключ, милсдари. Пророчество Итлинны, Старшая Кровь. Верите ли, кое-что слышали и мы, в нашей глуши.

— Кстати, Стрый, в этом есть смысл. Ну, Арнольд ван Гаал. Второе Сопряжение Сфер. Стены — всё тоньше.

Стрый нахмурился.

— Всё равно не вижу картинки. Ну вот — пропадают люди...

— А они пропадают? Ты — старый ходок и «щит» со стажем. Тебе приходилось видеть такую активную «шкурку», как наш барон? И ещё: у исчезнувших был контакт с новоделами. Мы сидим в явном новоделе, и — что? Снова девочка?

— Да, снова девочка. И — смотри: с одной стороны нильфы, и общий расклад там не радует. Эти рушащиеся империи, вспомнившие о славе отцов... Отыгрывают их,

если верить Трояну, преимущественно северные соседи. С другой стороны — белый орёл, Редания с её Подменышем... Хрен редьки...

— А альтернатива? Старшие Народы, гонимые и презираемые? Я себе представляю. Но — Троян? Эти его заморочки... Повернуть время вспять и всё такое... То есть пусть так, но — механизм?

— А что — механизм? Ты ж в курсе: форма всегда зависит от сим-мифологии. И — вот же тебе: девочка.

— Да только у новой Цириллы не будет своего Геральта.

— Угу. И заметь: их, ведьмаков, исключили из «Сапковии» программно. Одни легенды и воспоминания.

— Слушай, — сказал Арцышев и хихикнул. — А ты ещё чувствуешь себя — собой?

Стрый заржал, представив, как срабатывает триггер, и он, Стрый, становится эдаким зомби из постапокалиптических симов.

Ангус эп Эрдилл тяжело мотнул головой:

— Хотелось бы мне понимать, милсдари, о чём вы...

— Хотелось бы и нам понимать, милсдарь Ангус. Ох, хотелось бы!

С потолка посыпалось мелкое крошево, а стены ощутимо качнулись. Лязгнула дверь, будто кто-то впечатался в неё со всего маху, затем лязгнула снова. Медленно отворилась. Спиной вперёд шагнул давешний псевдореданец. Ноги его заплетались, но он сумел спуститься на пять ступеней, прежде чем опрокинулся навзничь: вместо лица была кровавая каша.

Перепуганная крыска с писком рванулась под стену, нырнула в щель между каменными блоками.

А в дверь уже втекали люди в чёрных одеждах и с оружием, а где-то за спинами их маячил высокий силуэт сухого сгорбленного старика. Потом воины расступились, старик сделался виден отчётливо: он опирался на плечо девочки, та стояла — светлая и сияющая. По ступеням

спустился плотный, почти квадратный Яггрен Фолли, Звоночек. Рухнул на колено в грязную солому, вбив кулак в затоптанный пол.

Склонил голову перед Арцыше... перед молодым человеком в чёрном потрёпанном кафтане.

— С возвращением, ваше высочество, — сказал.

Внутри Стрыя будто взорвался холодный безжалостный огонь, выжигая старое и высвечивая новое: имя, воспоминания, самую жизнь. Он даже будто бы увидал его, этот огонь: странная живая звезда, сияющая приглушённым светом и всякий момент меняющая форму.

А принц Иоанн Кальвейт, противник Морврана Воориса, «узурпатора трона» и всё ещё императора, милостиво кивнул, будто стоял он не в заплёванном подземелье замка в пограничных землях, но в тронном зале Города Золотых Башен над Альбой.

— И хорошо бы расковать мне руки, — сказал негромко.

Эльфийский маг, попавший в плен вместе с принцем, тоже стоял со склонённой головой, а второй человек — невысокий полноватый блондин — глядел непонимающе, и принц никак не мог его вспомнить, хотя подозревал, знал, был уверен, что ему известно, кто он, этот человек. И вдруг — будто пали стены, и сделалось даже странным, как это он не различил в полутьме подземелья мастера Орлога, высокого, огненно-рыжего, не растерявшего своего шарма даже в плену. На груди его болтался медальон в виде головы грифона.

Принц повернулся к старику.

— Я так понимаю, что хотя бы теперь у вас всё получилось, Ватье, — даже не спросил — сказал.

Старик склонился в поклоне:

— Получилось, ваше высочество. И простите, что мы не успели там, в Видорте, с изменниками...

Иоанн Кальвейт тряхнул головой:

— Напомни мне об этом, когда я сяду на трон, Ватье. А теперь — не покажешь ли мне, ради чего мы всё это затевали? И выпить бы вина, — сказал ещё.

И улыбнулся счастливо.

* * *

— А я ведь тоже никогда не видел. Ни его, ни её. Не довелось. Потом столько всего наврали...

Девочка играла во дворе. Было в ней что-то... Орлогу всё казалось, что стоит девочке повернуться, присесть, взмахнуть рукою, кружась по выгоревшей траве, и что-то скрытое, невиданное, небывалое вдруг откроется — ему, старику Ватье, всем и каждому.

— Значит... — Он ощутил сухость в горле, откашлялся и начал снова: — Значит, всё это...

И снова не сумел закончить.

— Вероятно, нам снова понадобятся охотники на монстров. Тот доктор... ван Гаал, верно? Странные идеи, но насчёт Сопряжения Сфер, я уверен, он был совершенно прав. И если у нас получится...

— Вы его убили...

— Ван Гаала? Нет, не успели. Постарались реданцы. Откуда только взялись. Чувствую, с Подменышем ещё будут проблемы, слишком уж он горяч и твёрд...

— Я о бароне.

— О ком?

— О бароне Кроахе ас-Сотере. Он мёртв?

— С чего бы? — пожал плечами старик. — Скорее, пьян. Впрочем, не знаю.

— Он нам верил. И я обещал ему помочь.

Старик раздражённо пожал плечами.

— Знаешь, что меня всегда злило в вашем брате? Ваша непомерная гордыня. Жизнь на самом деле полна обстоятельств, которые всегда будут выше ваших дурацких принципов. Это необходимо принять — и смириться. Или

перестать жить. Умеешь убивать чудовищ — убивай, зачем раз за разом ломать свою и чужую судьбу, пытаясь играть на поле, которое тебе не предназначено. Всё и так сплелось слишком плотно: этот дурацкий мир и эти дурацкие представления о чести и честности. Я слишком стар, чтобы ждать, пока всё случится само собой. Я старый человек, и я мыслю старыми категориями. Я родился две страны назад, а люди не живут, не могут жить, не должны жить сами по себе, все эти ваши слюнявые утопии о государстве без государства, всё это ваше... «Когда Адам пахал...» — процедил ядовито. — И если уж открывается шанс — для меня, для страны, для всех...

Девочка повернулась к ним, стоящим у окна, и робко улыбнулась Орлогу. Чуть махнула рукою.

У неё были пронзительно зелёные глаза.

Старик раздражённо фыркнул:

— Да приходи же ты в себя, Лёша, что ты, в самом деле! Это ведь программа, последовательность нолей и единиц, пустая видимость. Простой инструмент, чтобы нечто улучшить и ещё что-то — создать с нуля, — повёл руками, перебрал пальцами в воздухе, словно разминающий руки пианист.

Стрый всё смотрел на девчонку во дворе заброшенной крепости сим-мира, на последовательность нолей и единиц, зелёные глаза, чёрные, неровно остриженные волосы. Интересно, она и вправду богиня, или то, что одно её присутствие меняет привычные правила игры, — простое совпадение? Впрочем, это-то как раз совершенно неважно. Просто есть чудовища и есть, кто защищает от них людей.

А у него, Стрыя, мастера Орлонга, шумного рыжего ведьмака школы Грифона, у него есть меч.

Стражник, стоявший справа, умер первым: Стрый достал его в шею серединой клинка. Крутанулся, потянув за собой меч, рубанул наискось, через грудь, второго из нильфов. Тот рухнул на колени, словно из него вынули все кости. Оставшийся успел выхватить широкий палаш и даже

парировал два удара — прежде чем Орлонг в широком замахе перерубил ему руку у локтя и рассёк обратным движением висок.

Повернулся к старику. Тот стоял, не в силах промолвить ни слова: только поводил перед собой пальцами вытянутой правой руки — будто пианист.

Вот только это ему теперь не помогло бы.

— Ты прав, — сказал Стрый, неторопливо шагая вперёд и поднимая меч. — Ты прав, Троян. Я умею убивать чудовищ.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Кудрявцев. БАЛЛАДА О ДРАКОНЕ 6
Владимир Васильев. ЦВЕТА ПЕРЕМИРИЯ. 45
Михаил Успенский. ОДНОГЛАЗЫЙ ОРФЕЙ 90
Мария Галина. ЛЮТНЯ И ВСЁ ТАКОЕ 113
Андрей Белянин. МЫ ВСЕГДА В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО... 185
Владимир Аренев. ВЕСЁЛЫЙ, ПРОСТОДУШНЫЙ, БЕССЕРДЕЧНЫЙ 192
Александр Золотько. ОККУПАНТЫ 350
Сергей Легеза. ИГРЫ ВСЕРЬЁЗ 413

Литературно-художественное издание

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

ВЕДЬМАЧЬИ ЛЕГЕНДЫ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Редактор *В. Аренев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *В. Шибаев*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу:
http://eksmo.ru/certificatiom/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.04.2014.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «SchoolBook».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2490.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-68657-5

